

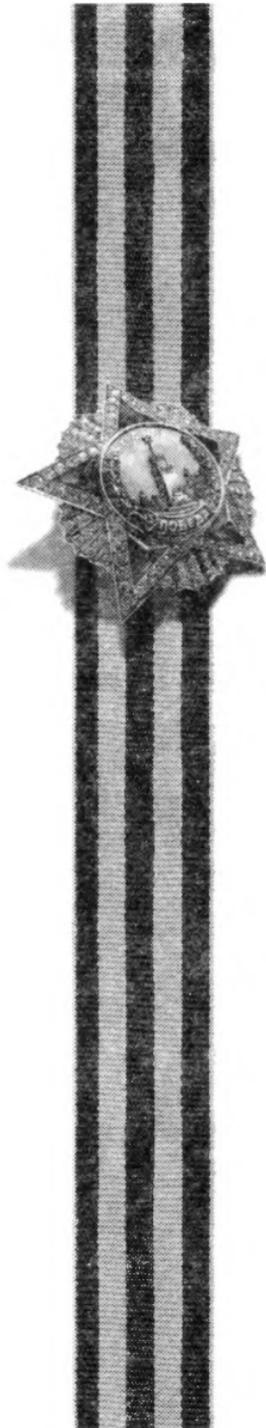
**70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ
ПОВЕДЫ
ПОСВЯЩАЕТОЯ!**

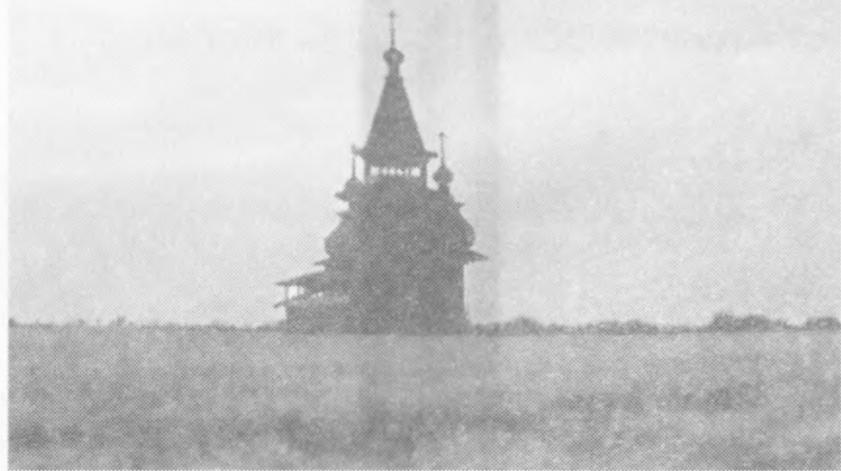

Бог и Победа

**Верующие
в великих
войнах
за Россию**

70-летию великой Победы посвящается

БОГ И ПОБЕДА

Верующие в великих войнах за Россию

Автор-составитель Владимир Зоберн

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 355/359
ББК 63.3(2Рос)
Б 73

*Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
Номер ИС Р14-413-1336*

Бог и Победа: верующие в великих войнах за Россию. –
Б 73 Москва : Эксмо, 2014. – 640 с. – (Религия. Рассказы о духов-
ной жизни).

ISBN 978-5-699-69986-5

Эта книга посвящена 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ее темы – три великие войны, пережитые Россией, и роль, которую сыграли в них Русская Православная Церковь, священнослужители и простые верующие; то, чем является для русских людей православная вера, хранящая в страшные годы гонений и помогающая побеждать даже тогда, когда поражение кажется неизбежным. Охватывая время от Отечественной войны 1812 года до Великой Отечественной 1941–1945 годов, книга напоминает читателю о мужестве и подвигах наших предков, отстоявших родную землю. Герои книги – полковые священники Отечественной войны 1812 года, Первой мировой войны 1914–1918 годов, батюшки, сменившие рясы на гимнастерки в годы Великой Отечественной 1941–1945 годов, простые верующие, а также «по рождению своему принадлежащие к Церкви православной», защищавшие Родину с оружием в руках и с Богом в сердце, прошедшие фронтовыми дорогами свой путь к храму.

Книга допущена к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви.

УДК 355/359
ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-699-69986-5

© Зоберн В.М., текст, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
Часть первая. Великая Отечественная	17
Пролог	19
<i>Глава 1. Накануне войны</i>	22
<i>Глава 2. День Всех святых, в земле Российской просиявших. 22 июня 1941 года</i>	54
<i>Глава 3. Власти и Церковь</i>	91
<i>Глава 4. Немцы показали себя жестокими безбожниками</i>	141
<i>Глава 5. Разве можно победить таких людей?</i>	186
<i>Глава 6. Для скорейшей победы над фашизмом</i>	211
<i>Глава 7. Священники и партизаны</i>	233
<i>Глава 8. Милосердие</i>	267
<i>Глава 9. Война оживает в воспоминаниях. От служения Отечеству к служению Богу</i>	291
<i>Глава 10. Москва православная в годы Великой Отечественной войны</i>	376
<i>Глава 11. Ленинград в кольце блокады</i>	403
<i>Глава 12. Война и вера</i>	464
<i>Глава 13. От Смоленска до Вены. Воин Михаил</i>	492

<i>Глава 14. Чудесные случаи.</i>	
Помощь по молитвам	500
<i>Глава 15. Благословенная Победа</i>	<i>517</i>
Часть вторая. Две войны.....	533
<i>К. А. Военский. С Крестом в сердце и с оружием в руках. Русское духовенство и Отечественная война 1812 года</i>	<i>535</i>
<i>Протопресвитер Георгий Шавельский. Деятельность военного духовенства в Великой войне. Воспоминания последнего Протопресвитера Русской армии и флота</i>	<i>579</i>
Заключение. Не в силе Бог, а в правде	601
Литература.....	611
Список иллюстраций	623

Предисловие

*Посвящается моему отцу
Михаилу Альфонсовичу Зоберн,
участнику Великой Отечественной войны.*

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

«Священная война».

*Музыка А. Александрова,
слова В. Лебедева-Кумача.*

1941 г.

Нередко люди задаются вопросом: христианство и война, убийства на полях сражений и евангельские истины — разве это сочетается? Церковь всегда отвечала, что она благословляет не убийцу, а защитника, не силу победителей, но их подвиг, ибо «нет больше той любви, как если

кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Так в России Церковь всегда благословляла воинов.

За всю свою историю Россия много воевала. Как великая держава, она не могла оставаться в стороне от мировых конфликтов, приходилось вести и оборонительные войны. Но только две войны, пережитые Россией, называют Отечественными: войны 1812 и 1941–1945 годов. Отечественной и Великой современники называли и Первую Мировую войну 1914–1918 годов. Это были войны, в которых страна рисковала не просто потерять территории — под вопросом было само ее существование. «Это были не войны маркграфа Саксонского с герцогом Бранденбургским, это были войны на выживание, и главный вопрос заключался в том, будет ли существовать страна или нет», — пишет историк В. Багдасарян.

Сопоставимой по угрозе была и русско-польская война 1609–1618 годов, когда русские сумели дать отпор польско-литовским интервентам. Спустя 200 лет — наполеоновское нашествие несло угрозу свободе и государственности России. События 1812 года стали осмысляться как грандиозная Отечественная война уже во время царствования Николая Первого. Но в начале советского периода значение войны 1812 года принижалось. Ее, как и все войны дореволюционной России, называли буржуазной и империалистической. Однако в 1932 году возобновилось празднование победы над Наполеоном. И слова «Отечественная война» появились, в частности, в речах Сталина, обращавшегося к теме 1812 года.

*Это было великое противостояние православия и «темной силы»,
новой религии фюрера*

В 1945 году Светлая Пасха пришла на 6 мая — день памяти святого великомученика Георгия Победоносца, покровителя русских воинов

Близко было начало Великой Отечественной войны. Самой страшной, самой кровопролитной за всю русскую историю. Именно Отечественной она и была объявлена сразу же после нападения фашистской Германии на СССР.

Это было великое противостояние православия, для которого в СССР наступили тогда нелегкие времена, и «темной силы», новой религии фюрера.

* * *

Много горьких слов сказано о Великой Отечественной войне. Слов правдивых — о миллионных жертвах, о невиданных зверствах, о том, что в России почти не было семьи, которую горе обошло бы стороной. После распада СССР многие бросились переосмыслять историю, наряду с обнаружением исторических фактов перечеркивали то, чем искренне гордились поколения советских людей.

Кто-то доходил и до абсурда, предполагая, что победа фашистов могла бы принести России пользу.

Было у Великой Отечественной войны существенное отличие от всех войн, которые вела Россия со времен принятия христианства: первые за много веков войны шли на врага не под святыми образами и без молитвенных напутствий священников. История русских войн полна свидетельств о том, как солдаты молились перед боем, как привозили войскам чудотворные иконы, как благословляли военачальников на победу великие святые. И только в описании событий Великой Отечественной войны мы не находим ничего подобного.

Но значит ли это, что самая тяжелая в истории России война шла без креста и молитвы? Нет, и об этом говорят многочисленные свидетельства тех лет. Со времени октябрьского переворота 1917 года до начала Великой Отечественной прошло всего двадцать четыре года. Атеистическая пропаганда не успела вытравить

С. Родионов. Иди за Родину. 1944

Родные молились за русских воинов - в немногих храмах, остававшихся открытыми во время гонений...

веру, которая веками духовно питала людей в России.

На полях Великой Отечественной не было полковых священников, не было молебнов перед боем, но родные и близкие молились за русских воинов, за их победу, молились и в немногочисленных храмах, остававшихся открытыми во время гонений на Церковь. Русская Православная Церковь в те страшные годы была, как и всегда, со своим народом.

Об этом и рассказывает наша книга, охватывая время от Отечественной войны 1812 года до Великой Отечественной 1941–1945 годов. Рассказывает и напоминает. Ведь сокровищница народной памяти, которую бережно пополняли отцы и деды, не позволяя детям и внукам забывать о прошлом, постепенно оскудевает. Страшно подумать, что уже через несколько поколений слова «Никто не забыт, ничто не забыто!» могут ничего не сказать потомкам славных воинов, потомкам, которые все-таки забыли. Да не будет этого!

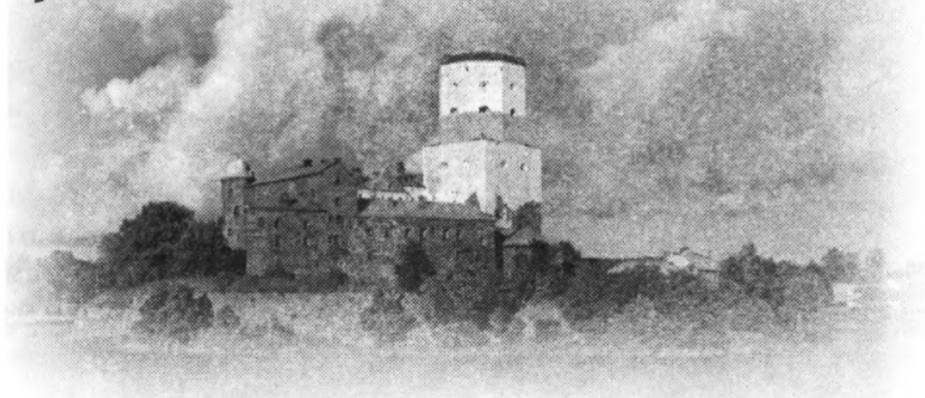

Часть первая

Великая Отечественная

Пролог

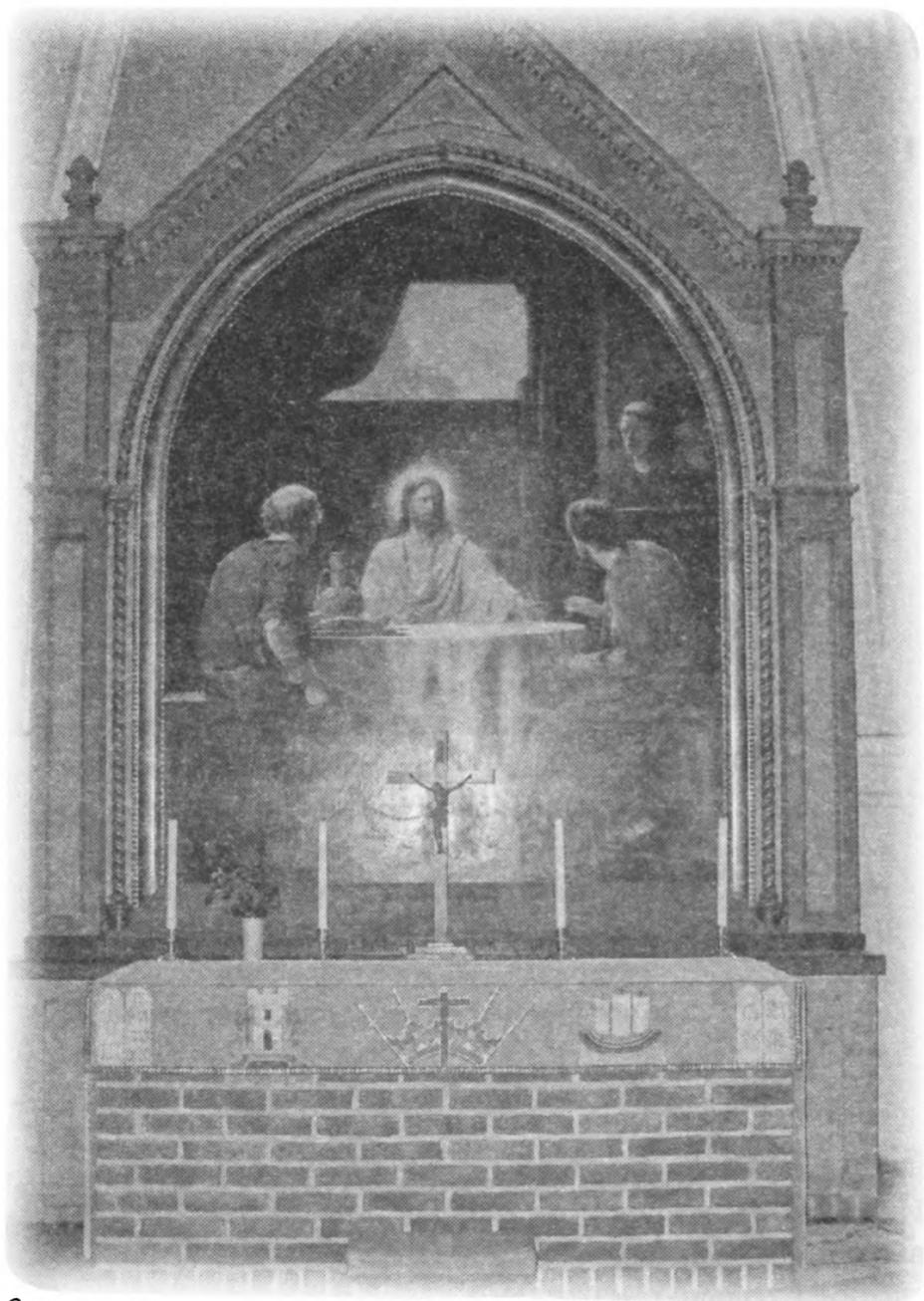
«И, несомненно, силой Божией, как и героизмом наших людей — героизмом ни с чем не сравнимым, — враг был отброшен от стен Москвы, а затем, словно во свидетельство заступничества святого великомученика и Победоносца Георгия, последний залп раздался уже далеко за пределами нашего Отечества, там, в логове врага, в день, когда Церковь чествовала имя святого великомученика, Победоносца и воина Георгия».

*Святейший Патриарх
Московский и Всея Руси Кирилл*

«Каждое новолетие я встречаю с тревогой. Идет что-то грозное на нашу землю. В чем оно выразится — не может вообразить душа моя, она скорбит только смертельно!

Я примечаю, что временами темнеют иконы. Запрестольный образ Христа неведомо отчего стал черным и гневным. Старики сказывали, что

Я замечаю, что время от времени темнеют иконы. Запрестольный образ Христа неведомо отчего стал черным и зловещим... А может быть, все это беспокойство — моя болезненная живительность?

перед большими народными бедствиями темнеют иконы. Тоже вот и в природе беспокойно... Когда выйдешь в поле или в лес, то слышишь кругом тревожный, никогда раньше не замечаемый шум. Сны стали тяжелыми. Все пожары да разорения вижу. Не раз себя видел в полном священническом облачении, в страхе бегущим по диким ночным полям со Святыми дарами в руках, а за мною гнались с длинным степным свистом косматые мужики в древних языческих рубахах.

За последнее время до горькой тоски стал людей жалеть! Так вот и чудится, что все мы на рости-пути стоим и скоро не увидим друг друга.

А может быть, все это беспокойство — моя болезненная мнительность?

Дал бы, Господи!

Хотя... сказывала мне матушка, у меня в детстве некие прозрения грядущего были. Слышал я голоса неведомые, опасность чувствовал и даже смерть близких моих предугадывал» (*Никифоров-Волгин В. А. Дорожный посох*).

Глава 1. Накануне войны

Гонения на Русскую Православную Церковь. Жертвы репрессий в первые годы советской власти

Старшее поколение хорошо знает песню «Довоенный вальс», молодые хотя бы раз да слышали ее, особенно в дни празднования победы в Великой Отечественной войне. Прекрасные стихи уносят нас в призрачно-счастливую атмосферу предвоенных дней — когда люди строили новую жизнь, мечтали, влюблялись. Но грянуло 22 июня 1941 года.

А за окном, за окном красота новолунья,

Шепчутся с Бугом плакучие ивы.

Год сорок первый, начало июня,

Все еще живы, все еще живы,

Все еще живы, все, все, все.

В этом знаменитом «Довоенном вальсе» — и правда, и неправда.

Живы были уже не все — многие сгнули в лагерях, пали жертвами репрессий. Страшный удар обрушился на верующих, жестокому преследованию подверглась Русская Православная Церковь, основа дореволюционной России.

Конечно, между Церковью и светской властью, монархами, нередко возникали конфликты, их взаимодействие не было идеальным. И тем не менее: «Вся история России была неразрывно связана с Церковью. За всю историю России от принятия христианства до 1917 года Православная Церковь не знала антирелигиозных гонений со стороны государства. События, происшедшие в 1917 году, поставили Русскую Православную Церковь в условия, ранее ей неведомые. В этих новых политических условиях Церковь не могла не быть гонимой» (Акимов В. В. Причины гонения на Русскую Православную Церковь в XX веке).

Царская Россия была главным врагом пришедших к власти большевиков. Они старались разрушить Русскую Православную Церковь, которая в сознании большевистских лидеров неразрывно была связана с монархией, со «старым режимом», с «контрреволюцией». В начале Великой Отечественной войны на долю уже исстрадавшейся тогда Церкви выпало доказать всем, что Родина — это не партия, не какой-то конкретный государственный строй и «режим», что никакие гонения со стороны властей не помешают верующим молиться и сражаться за землю своих отцов. Именно тогда впервые Церковь и власть сделали пусть и небольшой, но все-таки шаг навстречу друг другу.

Но предшествовало этому два с лишним десятилетия, в течение которых большевистская власть

старалась полностью уничтожить Церковь — в уверенности, что религия существует лишь в головах и не имеет корней в сердцах, чувствах и образе жизни людей. Коммунистические лидеры были уверены, что смена идеологии, новое социально-экономическое развитие покончат с «заблуждениями» народа. Материализм не рассматривал религию как нечто идущее от души

*Люди строили новую жизнь, мечтали, влюблялись. Но грянуло
22 июня 1941 года*

и личного глубинного опыта человека. Большевикам казалось, что «с глаз долой — из сердца вон», стоит лишь убрать с глаз храмы, «попов» и «предметы культа» — и о Христовой вере забудут, послушно впитывая новую идеологию.

Неразрывно связывая духовенство с Белым движением, с «врагами революции», красноармейцы во время Гражданской войны с пытками и глумлением уничтожали священников (их погибло с октября 1917 по конец 1921 года около 10 000), издевались над чтимыми святынями.

Святейший Патриарх Тихон в своем «Послании к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской» от 19 января 1918 года охарактеризовал происходившие в стране события как гонение на Церковь. Он предавал анафеме тех христиан, или же «по рождению своему принадлежавших к Церкви православной», что творили насилие над невинными людьми либо принимали участие в делах, направленных против Церкви. «Кровавые беспорядки в пылу Гражданской войны творили и красные, и белые, — писал протоиерей Глеб Каледа в «Очерках жизни православного народа в годы гонений». — Святитель Тихон как предстоятель Русской Церкви анафематствовал участников кровавых расправ, не определяя их политической принадлежности. Большевики приняли анафему только на свой счет, — справедлива пословица “на воре шапка горит”».

20 января 1918 года Советом народных комиссаров был принят «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных организациях», позже получивший название «Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви».

Государство полностью порывало с Церковью, лишая ее имущества и запрещая «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях».

Первая волна гонений только в 1918–1919 годах унесла более 15 000 жизней. Почти все столкновения, все аресты заканчивались расстрелами. (см.: *Емельянов Н.Е.* Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь).

И, конечно же, новой власти не давало покоя имущество Церкви, что ярко отражено в известном ленинском письме («Членам Политбюро. Строго секретно») от 19 марта 1922 года: «...изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». (*Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.*). В 1922 году был издан Декрет об изъятии церковных ценностей. Ленин в секретном послании обращался к членам Политбюро: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в тече-

ние нескольких десятилетий».

Слова вождя большевиков не расходились с делом, ограбления монастырей и храмов сопровождалась арестами и расстрелами. Когда в марте 1922 года в Петрограде началось изъятие церковных ценностей, Петроградский митрополит Вениамин сам благословил передачу тех из них, что не имели богослужебного употребления, на нужды бедствующих. Он считал это своим пастырским долгом и говорил: «Мы все отдадим сами».

Но власти не пожелали ничего об этом знать и объявили, что ценности будут изъяты в формальном порядке как имущество, «принадлежащее государству». Кроме того, в письме 12 организаторов обновленческого раскола, опубликованном в «Петроградской правде», все верное Святейшему Патриарху Тихону духовенство обвинялось в сопротивлении изъятию церковных ценностей и в участии в контрреволюционном заговоре против советской власти.

Вслед за этим последовал арест митрополита Вениамина, и началось слушание дела, к которому привлекли еще 86 человек.

На процессе святитель, обращаясь к трибуналу, сказал: «Я не знаю, что вы мне объявите в вашем

Святейший Патриарх Тихон анафематствовал участников кровавых расправ, не определяя их политической принадлежности

Петроградский митрополит Вениамин сам благословил передачу ценностей Церкви на нужды бедствующих. Он считал это своим пастырским долгом...

Великая Отечественная

приговоре, жизнь или смерть, но что бы вы в нем ни провозгласили, я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение (свяtitель при этом перекрестился) и скажу: «Слава Тебе, Господи Боже, за все»». В ночь с 12 на 13 августа 1922 года того же года митрополит Вениамин и вместе с ним архимандрит Сергей (Шейн), миряне Юрий Новицкий и Иван Ковшаров были расстреляны на окраине Петрограда.

Репрессии не прекращались, но в отличие от самосудов 1918 года большевики теперь устраивали показательные суды, изображая справедливость. Позже академик Д. С. Лихачев, вспоминая те страшные годы, писал, что гонения на Церковь были настолько невыносимы для любого русского, что многие неверующие становились верующими, психологически отделяясь от гонителей.

Разгул безбожия и кощунства

В 1922 году при ЦК РКП(б) была сформирована Комиссия по проведению отделения Церкви от государства (в 1928–1929 годах – Антирелигиозная комиссия), которая жестко контролирова-

ла религиозные организации. Отмежевываясь от Церкви, власти, тем не менее, бесцеремонно вторгались во все ее дела. Если мы вчитаемся в договор церковной общины храма с новой властью — на примере Никольского храма в Оболдине (Щелковский район Московской области), 1924 год, — то увидим, что «прихожане обязались не допускать» не только действий, враждебных советской власти, но и, например, «политических собраний враждебного советской власти направления», «раздачи или продажи книг, брошюр, листов, посланий и т. п., направленных против советской власти», «произнесения проповедей и речей, враждебных советской власти» и т. д. Запрещено было и «перенесение каких бы то ни было «предметов культа» для каких бы то ни было целей — без особого, всякий раз на то письменного, разрешения отдела управления», и, разумеется, «преподавание религиозных вероучений лицам, не достигшим совершеннолетия». При храме необходимо было иметь опись всего «культового» имущества. Для проверки и осмотра имущества прихожане обязались беспрепятственно, во всякое время допускать уполномоченных лиц, а за пронажу или порчу имущества несли материальную ответственность солидарно и безраздельно. «За неприятие мер к выполнению обязанностей, вытекающих из договора, члены приходского совета подвергались уголовной ответственности». Один этот пример показывает, в какие унижительные и жесткие условия были поставлены верующие.

Решение записаться в члены приходского совета было нелегким шагом. На Поместном Соборе

1917–1918 годов отмечалось, что запись в члены приходских советов во времена атеистической власти является фактом гражданского мужества. (см.: *Ровенский Г. В.* Храм святителя Николая Чудотворца и селения его прихода).

Непрекращающиеся издевательства над чувствами верующих носили откровенно бесстыдный и отвратительный характер. «Сатирические спектакли», «разоблачения православных чудес», кощунства, виданные дотоле только от врагов России, вторгавшихся на ее территорию, конечно же, вызывали отторжение у верующих.

«Году в 23-м–25-м, демонстрация в Октябрьские дни, седьмого. Я думаю: пойду посмотрю. Выхожу на Суворовской улице, Преображенская площадь, там наш дом близко, — пойду посмотрю, что там делается.

И вот я прихожу на край этой Суворовской улицы — вся площадь в грузовых машинах. И все машины заняты людьми, кощунниками. Все одеты кто в монашеских мантиях, кто в архиерейских облачениях, митрах (в настоящих) — кто что, кто с крестом, кто с кадилом, все стоят и ждут сигнала, по всем площадям, — ждут сигнала, когда им отправляться. И они в это время зевак «благословляют». Машина стоит близко к тротуару, на ней эти кощунники стоят, да такие животы набьют себе... И кривляются...

Потом по сигналу они все трогаются. По улице Электрозаводской (раньше она называлась Генеральная), мимо Богоявленского собора — на Красную площадь. Это страшная картина.

А потом везде плакаты: «За монастырской стеной». «За монастырской стеной» — это спектакль бесплатный. Там тоже всякое кощунство.

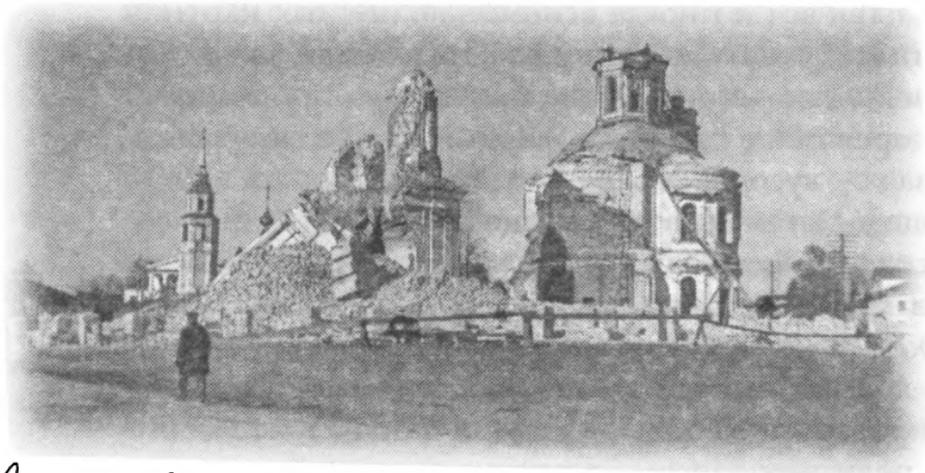

Так вот я иногда вспоминаю все это, картину эту, и думаю: воистину в недрах земли у нас праведников много, иначе бы Москва провалилась через такое кощунство. Ведь я только вам рассказывала — кусочек Москвы-то, Преображенская площадь. А там ведь рядом еще площади. И Семеновская площадь, и другая, и другая, и все улицы такие... Страшно» (*Протоиерей Александр Шаргунов. Воспоминания матушки Анны*).

Подобные «разоблачительные» мероприятия проводились повсеместно, и центральное место среди них занимало вскрытие мощей в храмах и монастырях, когда тела усопших православных святых изымались из мест их захоронений и передавались в музеи, причем сопровождалось все это глумлением и издевательскими публикациями в газетах. Постановление Наркомата юстиции о вскрытии мощей последовало 14 февраля 1919 года, и продлилась эта вакханалия несколько лет. В 1920 году в различных губерниях было вскрыто более 60 мощей — надругательству подверглись чтимые останки святых Алексия, Гермогена, Ионы, Филиппа, Александра Невского, Тихона Задонского. Естественное и законное негодование верующих порой выливалось в противостояние, которое власти подавляли силой оружия.

Академик Лихачев писал в своих воспоминаниях: «Молодость всегда вспоминаешь добром. Но есть у меня, да и у других моих товарищей по школе, университету и кружкам нечто, что вспоминать больно, что жалит мою память и что было самым тяжелым в мои молодые годы. Это разрушение России и русской Церкви, происходившее на наших глазах с убийственной

Академик Лихачев писал: «Есть у меня нетто, что вспоминать больно... разрушение России и русской Церкви, не оставлявшее никаких надежд на возрождение...»

жестокостью и не оставлявшее никаких надежд на возрождение...

Действия правительства в отношении Церкви были у всех на виду: церкви закрывались и осквернялись, богослужения прерывались подъезжавшими к церквам грузовиками с игравшими на них духовыми оркестрами или самодеятельными хорами комсомольцев, певшими на удалой цыганский мотив «популярную» песню, сочиненную, кажется, Демьяном Бедным: «Гони, гони монахов, гони, гони попов, бей спекулянтов, дави кулаков...»

Комсомольцы вваливались в церкви толпами в шапках, громко говорили, смеялись. Не буду перечислять всего того, что тогда делалось в духовной жизни народа...

Богослужения в оставшихся православными церквях шли с особой истовостью. Церковные хоры пели особенно хорошо, ибо к ним при-

мыкало много профессиональных певцов (в частности, из оперы Мариинского театра). Священники и весь причт служили с особым чувством. Мой педагог Пантелеймон Юрьевич Германович особенно часто ходил в церковь... Тогда же крестилась Мария Вениаминовна Юдина, мой школьный товарищ Володя Раков стал прислуживать в церкви на Петровском острове у отца Викторина Добронравова... Чем шире развивались гонения на церкви и чем многочисленнее становились расстрелы на Гороховой, 2, в Петропавловке на Крестовском острове, в Стрельне и других местах, тем острее и острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России. Наша любовь к Родине меньше всего походила на гордость Родиной, ее победами и завоеваниями.

И с этим чувством жалости и печали я стал заниматься в университете с 1923 года древнерусской литературой и древнерусским искусством. Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети, собрать ее изображения, показать их друзьям, рассказать о величии мученической жизни» (Д. С. Лихачев. Беседы прежних лет. Из воспоминаний об интеллигенции 1920–1930-х годов).

С 1922 по 1941 год (с перерывом в 1935–1938 годах) издавалась газета «Безбожник» — печатный орган Центрального Совета Союза воинствующих безбожников, закрытая, что знаменательно, в начале Великой Отечественной войны — 20 июля. Причиной создания газеты послужило то, что печально известному Емельяну Ярославскому (Губельману) захотелось организовать

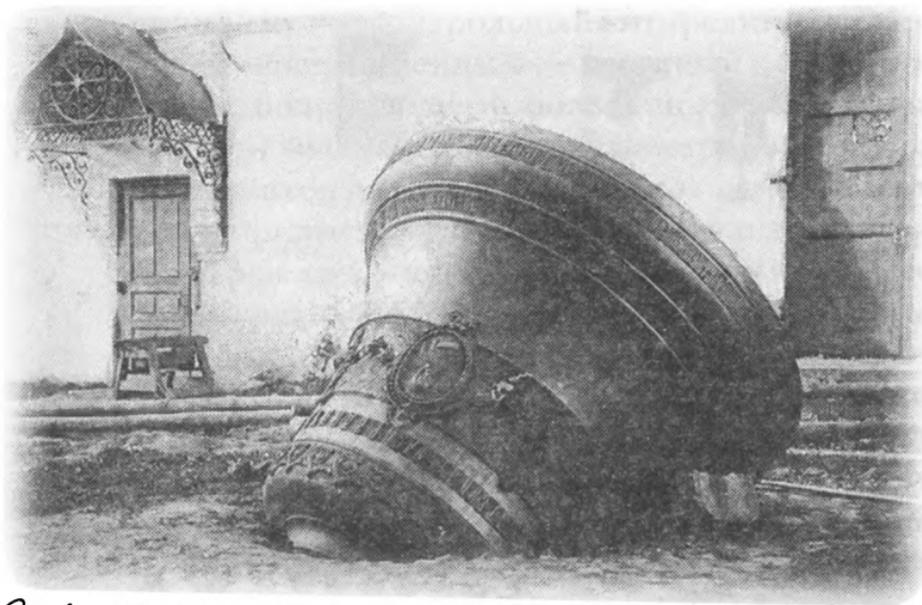
лично ему подконтрольный антирелигиозный — читай «кощунственный» — печатный орган. В то время подавляющему большинству советских граждан были непонятны иностранные слова вроде «атеизм» и «атеист», поэтому название было придумано не сразу. «Начать с того, что, когда решался вопрос о названии этой газеты, то были среди нас такие, которые говорили, что надо как-нибудь сделать это заглавие помягче, что «безбожник» — это чуть ли не ругательное слово, стоит ли газете давать такое название. И по сию пору приходится слышать, что «он врет безбожно» и т. д. Товарищ Ярославский, присутствовавший на совещании Московского комитета партии, где решался этот вопрос, напомнил нам: «Коммунисты никогда не скрывают своих убеждений. Зачем? Нужно, чтобы нас знали. Пусть будет название — “Безбожник”» (Логинов М. О. «Как родилось название «Безбожник»). Газета озвучивала лозунги советской власти: «Через безбожие — к коммунизму» и «Борьба с религией — это борьба за социализм».

***В тюрьмах, ссылках, лагерях.
Священнослужители и миряне — жертвы
сталинских репрессий***

В 1929 году началась новая волна гонений на русский народ и его Церковь. Был отменен НЭП, начались раскулачивание и коллективизация, в результате чего миллионы крестьянских семей были высланы в Сибирь и на Север. Новые репрессии обрушились и на Церковь. В начале 1929 года Л. Каганович в своей директиве объявил Церковь «единственной легальной

Там Иверское сердце червонное горит... Часовня Иверской Божией Матери. Разрушена в 1929 году

По всей стране с колоколен снимались колокола...

контрреволюционной силой», что, естественно, спровоцировало новую волну репрессий. Последовало новое, ужесточенное постановление ВЦИК о религиозных объединениях и началось массовое закрытие церквей, здания которых уничтожались или отбирались государством. Сколько по всей стране церквей, в строительство которых русские люди от души вкладывали посильную лепту, стояли разоренными или переделанными под цех, клуб, склад... Уничтожались до основания даже памятники, имеющие не только религиозную и культурную, но и историческую ценность, как, например, Иверская часовня, про которую писала в стихах М. Цветаева («...там Иверское сердце червонное горит»), или Храм Христа Спасителя, построенный в память о воинах, отстоявших Россию в Отечественной войне 1812 года.

«По всей стране с колоколен снимались колокола под предлогом того, что они мешают слушать радио. Колокольный звон запрещен был в Москве, Ярославле, Пскове, Тамбове, Чернигове.

Иконы сжигали тысячами; в газетах появлялись сообщения о том, как то в одной, то в другой деревне их сжигали целыми телегами; уничтожались иконы древнего письма. Сжигали богослужебные книги; при разгроме монастырей гибли и рукописные книги, археографические памятники, представляющие исключительную культурную ценность, драгоценная церковная утварь переплавлялась на лом» (*Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви. 1917–1997*).

И все это бесчинное глумление сопровождалось массовыми арестами священников, клириков, верующих мирян, не скрывавших свои убеждения.

«Насколько массовыми были гонения? Вероятно, лучше, чем пересказывать общие исторические данные, приводимые в разных книгах и самиздате, дать несколько бытовых зарисовок, сохранившихся в памяти от тех лет, — писал Глеб Каледа. — В 1929 году я (отцу Глебу было тогда семь лет) задал вопрос маме: “Мама, а почему всех арестовывают, а нас не арестовывают?” Вот впечатление ребенка — почему всех арестовывают, а нас не арестовывают?! Мать ответила: “А мы недостойны пострадать за Христа”.

Все мои пять первых духовников скончались там, в тюрьмах и лагерях: кто расстрелян, кто погиб от пыток и болезней.

В 1931 году, помню, шел разговор между матерью и одной из девушек из общины отца Василия

Надеждина (настоятеля храма Св. Николая у Со-
ломенной сторожки). Она говорила:

— Как я завидую тем, которые там находятся,
в тюрьме. Они за Христа страдают.

Мать сказала:

— А ты знаешь, что ведь те, которые мечтают
быть арестованными за веру и попадают туда,
они чаще отрицаются от Христа и переживают
арест тяжелее, чем те, которые пытались всеми
правдами и неправдами избежать ареста. Так
было и в первые века.

В начале 20-х годов по делу Христианского
студенческого кружка арестовали девушку по
имени Зоя. Оказавшись в камере, она решила,
что как христианка не должна врать и обязана
честно и прямо отвечать на все вопросы следо-
вателя. Ночью не то во сне, не то наяву она
слышит отчетливый голос: «Не бо врагом Тво-
им тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда».
Во время первого допроса эти слова снова
прошли в ее сознании. Они определили ее по-
ведение со следователем: она вела себя муже-
ственно и никого не предала» (*Протоиерей Глеб
Каледа. Очерки жизни православного народа
в годы гонений*).

Еще воспоминания — одного из самых заслу-
женных и любимых священников Пермской
епархии, протоиерея Бориса Бартова, записан-
ные М. Дегтяревой (*М. Дегтярева. С их слов надо
успевать писать*).

«Предвоенное время запомнилось ему техни-
ческими «прорывами»: первые автомобили,
авиация, полеты Чкалова... И где-то на перифе-
рии, не главным сюжетом, прошла судьба деда —
Андрея Николаевича Водопьянова, который

Запомнился ему страшный голод 1932-33 годов, когда люди падали прямо на улицах...

был когда-то регентом церковного хора, разно-
сторонним и глубоко верующим человеком, пре-
красным знатоком церковного устава. “Не ко
времени” пришелся этот человек. В 30-е, после
убийства Кирова, Андрей Николаевич попал
под “волну” за “антисоветскую агитацию”: в 31-м
его “раскулачили”, а в 35-м дали несколько лет
исправительно-трудовых лагерей. Был человек
и “выбыл”.

До войны, рассказывает отец Борис, семья жила
трудно. Запомнился страшный голод 1932-33 го-
дов, когда хлеба было не купить. Случалось, что
люди падали прямо на улицах. Многие покида-
ли колхоз, не выдерживая голода, рабочей
“нормы” и дополнительного пресса – в то время
деревенскую молодежь часто отправляли на ле-
созаготовки. Последнее “новшество” касалось

и духовенства. С детства в памяти осталась картина: зимой священников на санях вывозят на общественные работы, а народ молча толпится вокруг — провожает».

Курс на полное уничтожение Церкви

В 1932 году Союз воинствующих безбожников принял план по «безбожной пятилетке», целью которой было уничтожение всех храмов и верующих. В конце 1935 года прекратил существование Временный Патриарший Священный Синод, на кафедрах после арестов 1934—1935 годов из всего российского епископата осталось только четыре архипастыря: заместитель местоблюстителя патриаршего престола митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский), митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Дмитровский и управляющий делами Патриархии Сергей (Воскресенский) и архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), управляющий Новгородской и Псковской епархиями. Все они также находились под постоянной угрозой расправы.

В Пасхальную ночь с 11 на 12 апреля 1936 года только в Князь-Владимирском соборе Ленинграда собрались 17 000 человек, там же на Рождественских службах 1937 года присутствовало более 15 000 человек. В целом же по городу уцелевшие от поругания храмы не могли вместить всех желающих быть на богослужениях в дни двенадцатых праздников! А ведь за одно присутствие в храме за богослужением в то время человек мог легко лишиться служебного положения или даже угодить в ссылку! В одном из специальных бюллетеней НКВД по этому пово-

ду с удивлением отмечалось: «...наши наблюдения фиксируют заметный рост фактической преданности Церкви, выражающийся в увеличении количества исповедующихся и причащающихся...»

Летом 1937 года распоряжением Политбюро во главе со Сталиным начались массовые репрессии советских властей против вымышленных врагов. За короткие сроки были арестованы десятки тысяч священнослужителей и мирян по всей стране. Арестованным предъявляли самые вздорные, фантастические обвинения: в заговорах, шпионаже, саботаже, терроре. Срочно для них сочинялись критические высказывания в адрес власти, они обвинялись в контрреволюционной пропаганде и им назначался расстрел. Гордые рапорты о разоблачении заговорщиков шли на самый верх вертикали власти.

В лагерях погибли выдающийся богослов и философ, священник Павел Флоренский; крупнейший русский патролог, профессор Московской духовной академии И. В. Попов; широко известный издатель «Религиозно-нравственной библиотеки» профессор М. А. Новоселов, тысячи священнослужителей и церковных деятелей. Подавляющее большинство из тех священнослужителей, которые остались в живых, находились в тюрьмах, лагерях и ссылках.

К концу 1938 года Церковь находилась в критическом состоянии. О точных цифрах пострадавших спорят историки. Принято ссылаться на данные правительственной Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, которая установила, что в 1937 году были арестованы 136 900 православных священно-

и церковнослужителей, из них расстреляны 85 300; в 1938 году арестованы 28 300, расстреляны 21 500.

Но несмотря на новый чудовищный удар, нанесенный по Русской Православной Церкви, вера продолжала жить в народе. Архимандрит Варлаам (Сацердотский) писал из заключения своей духовной дочери: «Вера-то у нас есть, а для борьбы и страданий у нас еще мало опыта. Ведь одно дело — читать книги, а другое — встретиться с этим же самым лицом к лицу... В моих воззрениях нет никаких изменений или колебаний. Для меня все ясно и непререкаемо, также твердо и непоколебимо. Быть может, поэтому и хотелось бы мне теперь же умереть, но да будет во всем не наша слепая и страстная, потому всегда ошибочная воля, а воля Всевышнего, святая, непорочная, непогрешимая».

Люди, которых уничтожала безжалостная машина советской власти, претерпевали множество страданий. У потомков священника Петра Екатеринославского долгое время хранилась его записочка, чудом переданная из заключения. Хотя она сгорела потом при пожаре, ее слова запомнили навсегда обе внучки отца Петра: «Оленька, условия ужасные, стоим спина к спине, ни сесть, ни лечь и день, и ночь; так, наверное, и умрем».

И все же даже в самых тяжелых условиях, в тюрьмах и на каторге, в голоде и холоде, истинно верующие люди не сдавались, являли образцы мужества и примеры того, что сильный дух, укрепленный верой, действительно может возобладать над слабым телом, подвергающимся мучениям. Пример тому — архиепископ Ила-

рион (Троицкий), который незадолго до своей кончины ободрял других заключенных Соловецкого концлагеря: «Надо верить, что Церковь устоит. Без этой веры и жить нельзя. Без Христа люди пожрут друг друга».

Так было во все годы гонений.

Про тюрьмы и ссылки вспоминает монахиня Анна (Теплякова): «Работали мы кто в артели какой, кто на дом работу брал. Но мы, семь человек, так держали дружбу, и каждая из нас знала в такой-то день, куда мы должны идти и что делать».

Вечером, кто свободный, шли на вокзал. Узнавали расписание — с Северного вокзала, с Октябрьского, с Казанского. Все расписание мы изучали до точности и распределяли: ты, пожалуйста, иди с Ниной туда, ты с Олей туда, ты туда...

Зачем мы шли? За час подадут поезд, и если поезд с решеткой, значит, придет «черный ворон». «Черный ворон» мы встречаем. А как встречаем?

У одной варежки, а у другой валенки — кому-то что-то передадим. Мы все кого-нибудь да увидим из своих, ведь многих знали из монастырей. Отца Серафима Голубцова провожали — ему валенки сумели передать. Помню отца Георгия Горева из общины Покрова. Я столько проповедей его слышала... Увидела — заплакала. Он увидел, что я плачу, и погрозил пальцем, показал на небо: значит, Бог так велел...

Однажды приезжаем мы часов в десять вечера на Октябрьский вокзал. Видим: есть вагон с решеткой. Уже состав полон, ждут только этих, с «черного ворона». А мы опоздали. Бегаем мимо вагона — может, в окно-то кого-нибудь увидим,

они обязательно смотрят, им тоже хочется увидеть, нет ли тут своих. Смотрим — батюшка выглядывает в окно. Такой: черные волосы, молодой еще, лет, может, под сорок. Какая-то с нами монахиня была (потом мы узнали: она была алтарницей в Тихвинском храме около Бутырской тюрьмы).

Она говорит:

— Батюшка, батюшка! Ой!

Мы говорим:

— Матушка, здесь кто-нибудь есть знакомый?

— Так как же, вон батюшка. А ведь это отец Василий из Соломенной сторожки. (Где-то под Москвой была Соломенная сторожка, церковь там была.) А матушка не знает. А ведь у них четверо деток.

— Скорее берите такси! (Тогда было очень легко такси взять.) Скорее, вот вам деньги на такси, скорее, скорее поезжайте, привозите матушку!

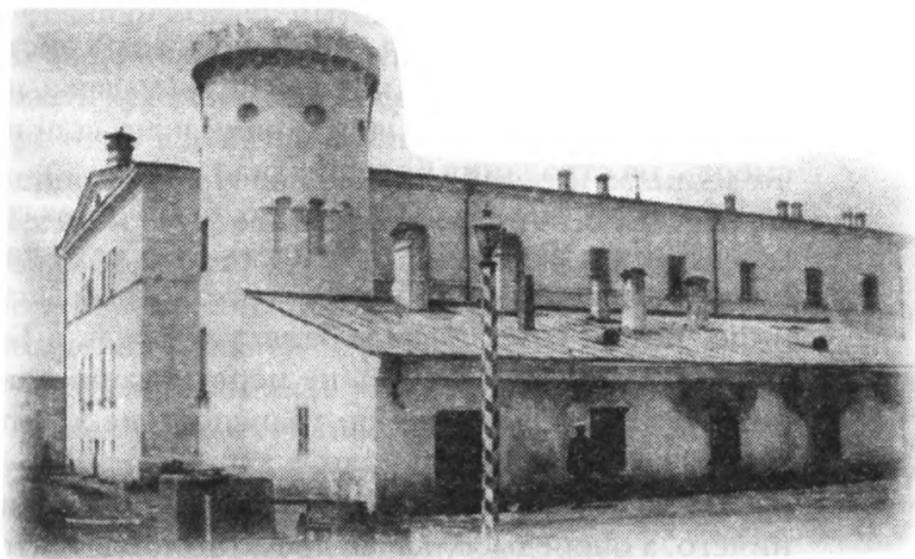
А поезд пойдет где-то через час. Значит, она должна за час туда и сюда быстро вернуться. И она успела. Матушка была наготове, дома была.

Я хорошо помню — зима, мороз, батюшка выглядывает в окошко, а нас конвоиры-то гоняют эти, со штыками-то. Мы тоже так не очень навязываемся, а то прогонят и не подойдешь больше. Поезд должен был скоро уже тронуться. И наконец видим — эта монахиня бежит с той матушкой. И батюшка увидел ее, и она увидела своего батюшку. И просит конвоиров — попрощаться.

— Отойдите, сейчас же отойдите отсюда!

Я хорошо помню, мне ее было очень жаль: мороз был, а она даже не успела перчаточки взять, — она хватается за ручку вагона, кольцо венчальное помню... Жалко было и холодно,

*В тюрьму мы ходили... Очередь туть ли не первые занимали,
потом уступали кому-нибудь...*

и всё... И как ни умоляла — нет, всё, не дали по-
прощаться.

А потом позже я увидела эту матушку и говорю
(уж не один год прошел):

— А я вас, матушка, помню...

— Да, да, да. А ведь отец Василий-то умер...
Только в окно попрощались.

Вот я рассказала... Конечно, это крохи,
и очень маленькие крохи. Если всю-то картину
обрисовать... А скольких мы оплакали!

Кого-нибудь обязательно видим.

Один батюшка, отец Павел, был очень малень-
кого роста и очень смешной. У него церковь
большая, амвон обширный такой, и нас, моло-
деньких, очень смешило: он от престола, когда
«мир всем», чуть не бегом бежит, а потом оста-
навливается: «мир всем» — вот так. И нас это
очень смешило, мы «хи-хи, ха-ха»...

И что же вы думаете? Такой казался смешной батюшка, а он тоже умер мученически за Христа в ссылке. И вот никаких мыслей не было даже, не знали в то время. А вот шли, прямо шли, шли на смерть, на страдания большие шли.

В тюрьму мы ходили... Надо было поехать к часу ночи, всю ночь просидеть... То есть как ночь? Часов до трех просидеть на холодной лестнице, потом спуститься и занять очередь в Бутырскую тюрьму. Мы чуть не первые занимали, потому что в три часа еще транспорт не ходит. Потом кому-нибудь уступали.

Например, вы пришли, у вас нету ни очереди, ничего, а очередь большая, до вас не дойдет, чтобы передать. И занимали, приходилось, просто неизвестно для кого и для чего. И нас благодарят: "Только благодаря вам мы передачу... Ведь они его высылают, а мы ему бельишко там, то и другое..." Страшные годы-то были» (*Протоиерей Александр Шаргунов. Воспоминания матушки Анны*).

Эти годы оказались жестокой школой страданий и воспитания в себе мужества и стойкости перед надвигающейся Великой Отечественной войной. Не зря же многие священники в годы войны, возвращенные из ссылок, пошли на фронт защищать Родину с оружием в руках.

В эти суровые годы молитвенником за верующих, их духовным помощником и заступником перед Господом был чудесный старец — преподобный Серафим Вырицкий. «Господь воздвиг в Вырице храм нерукотворный, живой — чистое сердце отца Серафима. Внешне неприметным, но действенным и обширным было его влияние на современников. Молитвы же старца служили поистине золотой нитью, низводящей благодать

и помощь Божию в души человеческие. Как важно было знать людям, что во всей этой неразберихе и кровавой круговерти существует островок прочной веры, спокойной надежды и нелицемерной Христовой любви! И каким великим мужеством и упованием на милость Божию нужно было обладать, чтобы написать в ту кровавую пору строки, предрекающие Русской Церкви возрождение и славу:

*Пройдет гроза над Русскою землею,
Народу русскому Господь грехи простит.
И крест святой Божественной красою
На храмах Божиих вновь ярко заблестит.
И звон колоколов всю нашу Русь Святую
От сна греховного к спасенью пробудит.
Открыты будут вновь обители святые,
И вера в Бога всех соединит.*

Иеросхимонах Серафим Вырицкий.
Около 1939 года.

Эти стихи передавались из уст в уста, распространялись в списках, достигали мест заточения и ссылки. Среди Гефсиманской ночи, поглотившей тогда всю Россию, сиял в Вырице светильник живой веры, не угасала надежда в людских сердцах...

Явным чудом Божиим было само сохранение старца от ареста и расправы. В это трудно поверить, ведь репрессии прокатились повсюду, добравшись до самых глухих деревень. В безжалостной сталинской карательной машине оказалось перемолото бессчетное число человеческих жизней и судеб, но никто не дерзнул поднять руку на кроткого старца» (Филимонов В. П. Святой Преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа).

Провал безбожной политики. Ослабление гонений накануне Великой Отечественной войны

Уже из этих примеров видно, что политика воинствующего атеизма не принесла ожидаемых результатов. Пятилетний план Союза воинствующих безбожников, поставившего целью искоренение религий в СССР, провалился. В 1937 году состоялась перепись населения, где пятым пунктом значился вопрос: «Являетесь ли вы верующим? Если да, то какой религии?» По данным этой Всесоюзной переписи «в СССР верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 55,3 млн против 42,2 млн, или 56,7% против 43,3% от всех выразивших свое отношение к религии».

«Перепись населения, назначенная Сталиным на 7 января 1937 года, в день праздника Рождества Христова, должна была показать, что советский народ освободился от “религиозного дурмана”. Сталин лично вписал в проект анкеты переписи вопрос об отношении к религии. Многие из опрошенных признали себя верующими. Некоторые из работников переписи считали, что таковых было процентов пятьдесят, если не больше. В статистических цифрах идеологическая победа оказалась не выраженной. Данные этой переписи не были опубликованы, результаты ее были признаны вредительскими, а руководители ее были объявлены “врагами народа”. В повторной переписи 1939 года вопрос об отношении к религии не ставился.

В одном из районов Поволжья множество комсомольцев признало себя верующими. Мест-

ные власти потребовали представить им для просмотра все анкеты. Но уполномоченный по проведению переписи в данном регионе¹ срочно отправил все анкеты в Центр, на счетную фабрику, откуда их извлечь было практически невозможно. Так значительное количество исповедовавших свою веру было спасено от проработки партийными и государственными органами и от репрессий» (*Протоиерей Глеб Каледа. Очерки жизни православного народа в годы гонений*).

К 1939 году во всей России осталось лишь около 100 соборных и приходских храмов. На Украине сохранилось три процента из числа дореволюционных приходов.

В сентябре нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. После разгрома Польши потенциальный противник вышел на границы нашего государства. Над страной нависла грозная опасность, которая побуждала к единению, к преодолению вражды и ненависти. В последние предвоенные месяцы давление на Русскую Православную Церковь ослабло, волна репрессий утихла» (*Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви. 1917–1997*).

К 1940-м годам сталинское окружение, в основном под влиянием внешнеполитических обстоятельств, уже начало отказываться от плана полного уничтожения Православной Церкви в стране. В 1939 году в состав государства вошли Западная Украина и Белоруссия с миллионами верующих, множеством приходов, монастырей, закрыть

¹ Автор имеет в виду своего отца — А.В. Каледу, который руководил переписью в одном из районов Поволжья. (Здесь и далее прим. сост.)

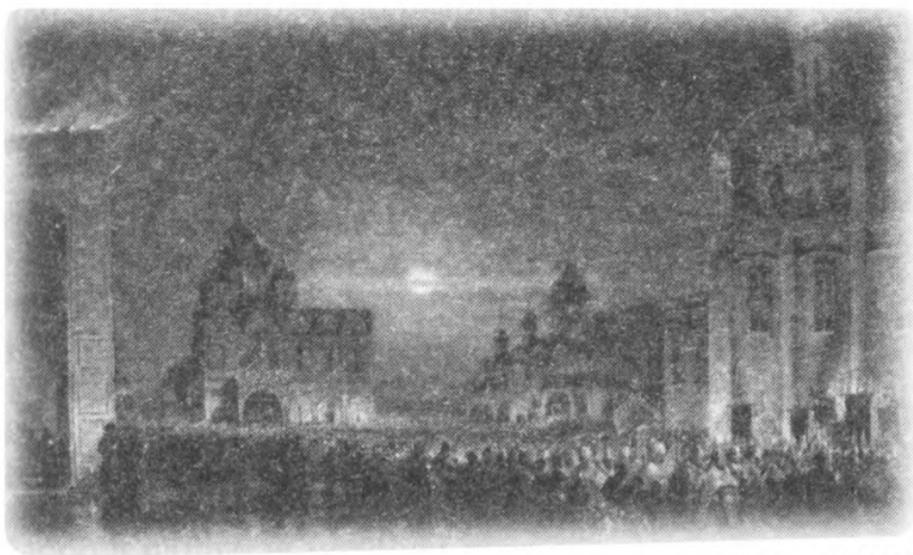

которые в обозримые сроки было невозможно. Кроме того, перспектива надвигавшейся войны заставляла по-новому оценивать роль Церкви внутри страны и на международной арене. Однако ее положение оставалось трагичным: множество запретов опутывало со всех сторон, сотни священников томились в тюрьмах и лагерях.

Советское руководство вскоре вынуждено было признать, что курс на уничтожение Московской Патриархии был ошибочным. Высокая религиозность населения СССР сохранялась, несмотря на отчаянную антирелигиозную пропаганду и репрессии верующих. Религиозная жизнь, не находя легального выражения, уходила в подполье. Накал атеистической пропаганды снизился, Союз воинствующих безбожников переживал кризис, падали тиражи его изданий. Была восстановлена регулярная неделя с воскресеньем как выходным днем — вместо введенной в 1929 году «пятидневки» с шестым днем в виде выходного. К началу Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь имела уже 3732 храма и молитвенных здания. В ее штате состояли 28 архиереев и 5665 священников и диаконов.

В марте 1941 года на встрече с работниками антирелигиозных музеев глава Союза воинствующих безбожников Губельман-Ярославский с гордостью докладывал, что люди перестали обращаться с ходатайствами об открытии храмов. Тем временем, однако, в ЦК ВКП(б) поступала иная информация с мест, свидетельствовавшая «о возрастании активности церковников». В Пасхальные дни множество колхозников не выходили на работу, крестили детей даже «видные коммунисты».

В Пасхальную ночь 1941 года тысячные толпы народа стояли плечо к плечу вокруг храмов, с горящими свечами в руках...

Одна верующая ленинградка вспоминала: «В Пасхальную ночь 1941 года тысячные толпы народа стояли плечо к плечу вокруг храмов, с горящими свечами в руках, и единодушно пели Пасхальные песнопения, не обращая внимания на беснование конной милиции, тщетно пытающейся их разогнать, так как все уличное движение вокруг храмов было нарушено...» «Никому из участников того крестного хода и в голову бы не пришло, что на Пасху 1942 года крестные ходы вокруг церквей с зажженными свечами, несмотря на угрозу немецких самолетов, будут официально разрешены, что в ту Пасхальную ночь отменяют даже комендантский час» (Фомин С. В. Православная вера на фронтах Великой Отечественной).

Казалось бы, от верующих, так много претерпевших от новой власти, следовало ожидать, что

они воспримут вторгшуюся в 1941 году в страну вражескую силу как избавление от мучителей и гонителей, но этого не произошло. Родную землю, за которую проливали кровь предки, ни за что нельзя было отдавать захватчикам.

Веками христианская вера воспитывала в русском народе стойкость и способность пожертвовать собой ради высшего, святого. Вера, исповедание которой в последние годы требовало немалого мужества, не позволила настоящим христианам предать свою Родину. Забыв тяжелые обиды, унижения и надругательства, забыв самую опасность уничтожения от властей, верующие вместе со всем народом вступили в борьбу с чудовищной разрушительной силой фашизма.

Гонения не озлобили христиан. Примеры мучеников и исповедников воодушевляли тех, кто остался в живых, учили тому, что есть святыни, за которые не страшно пойти на смерть. Про обновление, совершившееся в духовной жизни Православной Церкви, писал еще в 1933 году из арзамасской ссылки епископ Герман (Ряшенцев), проведенный в заключении и ссылках почти все 20-е и 30-е годы вплоть до «исчезновения» в 1937 году: «Мне кажется, происходит не только одно разрушение твердыни и того, что для многих святое святых, но происходит очищение этих святынь, их освящение через огонь жестоких испытаний и поверок, разрушение форм, подавляющих своей своеобразной, но часто во многом земной красотой, действительность закованного в них смысла и содержания, образуются новые формы, облегчающие проникновение в них и заполнение именно таким духом и жизнью, какие отрицаются часто их творцами и часто во имя

осознанной и преднамеренной борьбы с Ним принципиально отрицаются, чтобы как бы через голгофу уничтожения воскреснуть в силе. Посмотрите, как жизнь фактически стала аскетична, как самоотреченна, небывалое самоотречение становится не исключением, а правилом всякого человека...»

К этому самоотречению ради защиты Родины православные христиане в начале Великой Отечественной войны были готовы. До дна испившая чашу страданий Русская Православная Церковь устами своих иерархов четко высказала свою позицию в первые же дни войны и благословила русский народ на Победу.

Глава 2. День Всех святых, в земле Российской просиявших. 22 июня 1941 года

Анна Ахматова. Клятва

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

*Июль 1941 года
Ленинград*

Первый день войны

Был воскресный летний день — 22 июня 1941 года.

«Солнечное утро. Мы с мамой шли по улице Пристени. Лето: все вокруг зеленое, в воздухе аромат цветов, настроение замечательное. Вдруг видим толпу: люди стоят, опустив головы. В центре поселка находился единственный радиоузел, односельчане что-то внимательно слушали. По-

дойдя ближе, услышали одно проклятое слово: «Война»... И весь мир перевернулся» (Из воспоминаний В. Барышева, кавалера ордена Александра Невского).

Митрополит Питирим (Нечаев) вспоминал об этом роковом дне: «Очень хорошо помню тот воскресный день, когда я вышел со службы около двенадцати часов. Накануне мы с Толей Алешиным договорились, что поедем к нам на дачу, я позвонил ему из автомата, чтобы уточнить, где и когда встречаемся, а в ответ услышал:

— Куда? Когда? Война началась!

— Да что ты! — удивился я. — Не сходи с ума. Какая война?

Тем не менее это действительно была война. С ее началом в какие-нибудь полтора-два часа лицо Москвы изменилось. В лицах прохожих появилось какое-то новое, трагичное выражение, — но это был трагизм не страха, а удивления. Я тогда, еще только выйдя из церкви, заметил это, но ничего не понял» (Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В. Русь уходящая: Рассказы митрополита Питирима).

В тот день в немногих уцелевших в России храмах шли торжественные богослужения. Русская Православная Церковь чествовала праздник — день Всех святых, в земле Российской просиявших. Возносились молитвы святым русским инокам, заступникам перед Богом за родную землю, великим русским воинам — Александру Невскому, Димитрию Донскому, Андрею Боголюбскому, Пересвету и Ослябе...

«Это знаменательное совпадение, несомненно, не случайно!.. Мы верим, что это есть знак милости русских святых к общей нашей Родине,

и дает нам великую надежду, что начатая борьба кончится благим для нас концом». Так говорил экзарх Московской Патриархии в Америке — митрополит Вениамин (Федченков) на народном собрании в Мэдисон-сквер-гарден (Нью-Йорк) вечером 2 июля 1941 года. По сути это был день русской славы, праздник чествования лучших людей, духовной опоры страны, творивших историю или же скромно, затаенно выполнявших свой молитвенный подвиг. По Божиему промыслу именно этот день и стал началом жесточайших испытаний для нашего Отечества.

«Войну ждали, к войне готовились. Еще в 1931 году И. В. Сталин в одном из своих выступлений так определил дилемму, которая с неотвратимой жестокостью встала перед советской страной: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». К 1941 году, ровно через 10 лет, СССР стал одной из трех-четырёх стран в мире, способных производить любой вид промышленной, в том числе и военной, продукции. Но скачок в развитии тяжелой индустрии был куплен дорогой ценой: тотальной административной коллективизацией деревни, низким уровнем жизни большей части населения, ограничением прав и свобод граждан, всевластием карательно-осведомительной системы.

Однако война все равно началась неожиданно, перечеркнув советскую историю на то, что было «до войны» и то, что случилось со страной в годы войны» (*Одинцов М. И.* Патриотическое служение Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны).

Война неожиданно вторглась в человеческие жизни, жестоко ударила по ним, разбивая вдребезги мечты и надежды. И чьи-то сердца впервые, может быть, обратились к Богу перед лицом страшной беды.

«Мне исполнилось 18 лет... — вспоминала С. Панасенко, младший лейтенант, фельдшер мотострелкового батальона. — Я такая радостная, у меня — праздник. А все вокруг кричат: “Война!” Помню, как люди плакали. Сколько встречала людей на улице, все плакали. Некоторые даже молились. Было непривычно... Люди на улице молятся и крестятся. В школе нас учили, что Бога нет. Но где наши танки и наши красивые самолеты? Мы их всегда видели на парадах. Гордились! Где наши полководцы? Буденный... Был, конечно, момент растерянности. Короткий момент... А потом стали думать о другом: как победить?» (Алексиевич С. А. У войны не женское лицо).

«Мир сразу переменялся... — вспоминала Е. Бреус, капитан, военврач. — Я помню первые дни... Мама стояла вечером у окна и молилась. Я не знала, что моя мама верит в Бога. Она смотрела и смотрела на небо...» (Алексиевич С. А. У войны не женское лицо).

22 июня, в день Всех святых, в земле Российской просиявших, Патриарший Местоблюститель, Митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) служил праздничную литургию в кафедральном Богоявленском соборе. После богослужения он узнал, что фашистская Германия без объявления войны напала на СССР. Архимандрит (впоследствии митрополит) Иоанн (Разумов), бывший келейником митрополита Сергея с 1936 года, впоследствии вспоминал

об этом дне: «Как гром грянула над Русской землей ужасная весть о нападении на нас гитлеровских полчищ. Святейший узнал об этом в воскресенье 22 июня 1941 года, когда после службы

22 июня, в день Всех святых, в земле Российской просиявших, Патриарший Местоблюститель, Митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) служил праздничную литургию в кафедральном Богоявленском соборе

вернулся из кафедрального собора. Это известие так глубоко его взволновало, что после некоторого размышления, ободренный молитвой и уверенный в небесной помощи, он заявил присутствующим: «Господь милостив, и Покров Пресвятой Девы Богородицы, всегдашней Заступницы Русской земли, поможет нашему народу пережить годину тяжелых испытаний и победоносно завершить войну нашей победой»» (*Архимандрит Иоанн (Разумов)*). Христианский уклад домашней жизни Святейшего Патриарха Сергия).

Первым объявил советскому народу о начале войны нарком иностранных дел СССР В. Молотов. Его знаменитые слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» потом прозвучали изумительным голосом Ю. Левитана.

Глава Русской Церкви митрополит Сергей в тот же день ярко, искренно и взволнованно откликнулся на это известие своим «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви».

«Невзирая на свои физические недостатки — глухоту и малоподвижность, — вспоминал позднее архиепископ Димитрий (Градусов), — митрополит Сергей оказался на редкость чутким и энергичным: свое послание он не только сумел написать, но и разослать по всем уголкам необъятной Родины». (*Русская Православная Церковь. 988–1988 годы. Очерки истории*).

Вот с какими словами обратился к своей пастве Патриарший Местоблюститель:

«В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую

силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред Родиной и верой и выходили победителями.

Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере».

Хотя митрополит Сергей и адресовал свое послание верующим христианам, но его мысль охватывала больше чем паству немногочисленных, увы, приходов. Глава Церкви явно обращался ко всему народу, призывая его к единению и сплочению:

«Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и стари-

кам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства».

Буквально с первого дня начавшейся войны стало ясно, что это жестокое испытание не только не обострило противоречий между Церковью и государством, как можно было ожидать, но сплотила верующих и неверующих, которые были и оставались одним народом и сражались за одну и ту же землю. И об этом говорил митрополит Сергей, когда призывал всех вспомнить о русских вождях и простых ратниках — предках тех солдат, которым предстояло сейчас взять в руки оружие.

«Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания неслала, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг».

Духовенство и верующие горячо откликнулись на широко распространившееся послание своего архипастыря. Как, например, священник часовни в поселке Пожва Чермозского района Молотовской области Константин Кунахович. Приговоренный в 1943 году Особым совещанием

*Патриарх Московский и всея
Руси Сергий (Страгородский)*

при НКВД СССР к пяти годам исправительно-трудовых лагерей как «социально опасный элемент», он говорил во время следствия, что послание митрополита Сергия огласил в часовне сразу по получении и отслужил после «молебен о даровании победы нашему воинству».

«В первые дни войны перед нами, верующими города Свердловска, возник вопрос: как Цер-

ковь должна помогать Родине? Какие она должна принимать меры, чтобы помочь армии разгромить ненавистного фашистского врага? Все мы очень хорошо знаем историю, а она нас учит, что немцы неоднократно посягали на Русь, посягали на нашу независимость и свободу, но каждый раз встречали упорное сопротивление русского народа и терпели поражения. Русская Православная Церковь во дни нашествия врагов играла немалую роль. Она благословляла русских людей на подвиги для защиты своего Отечества, своей веры и этим способствовала поражению врагов.

Верующие патриоты-свердловцы с большим облегчением вздохнули, получив от Вашего Блаженства воззвание «К пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» и молитву о даровании победы русскому воинству. Воззвание повело за собой Русскую Церковь и, в частности,

свердловскую, так как в нем ясно определяются обязанности как пастыря, так и пасомых в деле общего участия в разгроме фашистской нечисти.

Выполняя волю Вашего Блаженства, я, как пастырь объединенной общины Свердловска, прочитал воззвание в церкви. Простые, для всех понятные слова, от которых веет мудростью и искренностью большого русского патриота, произвели на верующих громадное впечатление. Верующие поняли, что их долг — быть непосредственными участниками в защите Родины, ее независимости и веры...

Я, недостойный, призываю всех пастырей Русской Церкви в своей деятельности руководствоваться, как настольной книгой, воззванием Вашего Блаженства от 22 июня 1941 года, в котором ясно начертаны обязанности пастыря и пасомых перед Родиной. Мы должны работать, не успокаиваясь на достигнутых результатах, а если будет угодно Богу, умереть за паству или вместе с паствой. Не будем ждать какой-либо земной славы, умрем, но не дадим своей святыни на поправление псам, не дадим уничтожать храмы, убивать невинных людей. И на этот раз Господь поможет одолеть и ниспровергнуть врага.

6 апреля 1942 года. Понедельник Св. Пасхи.

Вашего Блаженства смиренный послушник протоиерей Николай Адриановский».

«В первый же день Великой Отечественной войны глава Православной Церкви в России, Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей, маститый 74-летний старец, опубликовал свое воззвание ко всем верующим нашей страны, — говорил митрополит Николай (Ярушевич). — В этом воззвании митрополит Сергей

обращается со всею силою убедительности к патриотическим чувствам верующих людей, призывает к исполнению священного долга перед Родиной, освящая этот патриотический порыв первосвятительским благословением...

Это воззвание было прочитано в Московском кафедральном соборе 26 июня за торжественным молебном о даровании победы и сопровождалось еще особой речью митрополита Сергия. С огромным воодушевлением молился верующий народ о победе над врагом, переполнив обширный храм, и с жадностью внимал словам воззвания и речи Первосвятителя. У многих блестели слезы на глазах: ведь сам Господь через Свою земную Церковь звал и благословлял верующих людей на священную войну, на защиту Родины. Верующие, молясь, со всей глубиной переживали тяжесть грядущих испытаний, зная, что Гитлер несет с собою одни ужасы насилия, смерти, разрушения, что Гитлер идет с целью истребить русский народ и то, что составляет святое святых для верующей души, — святое православие.

Воззвание митрополита Сергия было распространено по всем православным храмам нашей страны. С таким же воодушевлением, слезами, религиозно-патриотическим подъемом встретили верующие люди это обращение митрополита Сергия в ленинградских храмах, в Киеве и других городах и селах. Слова этого воззвания идут навстречу самым святым чувствам и убеждениям православно-верующего человека, который знает, что защищать Родину, умереть за Родину — это высший христианский подвиг» (*Слово митрополита Киевского Николая за литургией в кафедральном Богоявленском соборе в Москве 3 августа*

1941 года. Цит. по книге «Правда о религии в России»).

Не продадим совесть и Родину!

В том же послании Владыка Сергей обращался к священству, четко обозначая то, что в сложившейся обстановке могло быть названо только предательством, что не оставляло возможности двойной трактовки:

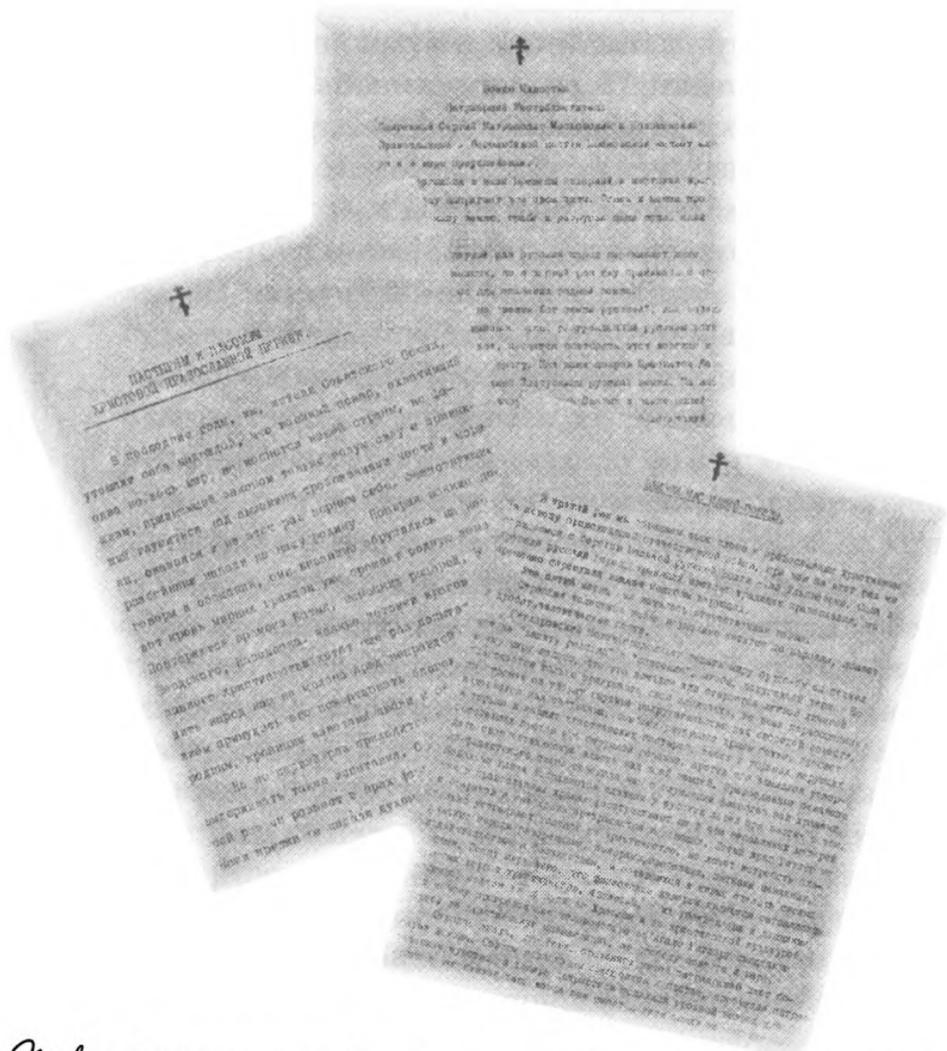
«Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: “Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя”. Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради Родины. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно “ради Иисуса, а не ради хлеба куса”, как выразался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнью свою за Родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу Родину. Они умирали,

не думая о славе, они думали только о том, что Родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины.

Господь нам дарует победу».

Первые страницы трех обращений митрополита Сергея в дни войны

За несколько дней до начала Великой Отечественной войны журнал «Безбожник» писал: «Религия является злейшим врагом советского патриотизма... История не подтверждает заслуг Церкви в деле развития подлинного патриотизма». Послание Патриаршего Местоблюстителя доказывало людям обратное — и это были не просто слова, как показали последующие годы. Церковь не принимала сторону врага, она оставалась с народом.

На молебне о даровании победы русскому воинству, совершенном вечером 26 июня 1941 года в Богоявленском соборе, митрополит Сергей еще раз подчеркнул: «Позор всякому, кто бы он ни был, кто... предоставит другим жертвовать собой за общее народное дело, а сам будет выжидать, к какой стороне лучше и выгоднее ему пристать. В особенности позорно и прямо грешно среди таких якобы сынов, а на деле предателей Родины, оказаться нам, чадам Святой Православной Церкви...»

О том же говорил в далекой Америке и митрополит Вениамин (Федченков):

«И не соблазнилась ни на момент наша Церковь соблазняющими обещаниями врагов. Уже проникли в печать известия, что поход называется «крестовой» борьбой против безбожия, что покоренным обещается свобода религии, а может быть и возвращение имущества и прочие выгоды... И, конечно, слухи не случайны. Недаром же в самом Берлине выстроена на государственные средства церковь для карловацкой группы эмигрантов и предоставлены им юридические права на имущество...»

Не соблазнится она и иными подачками. Не примем, не желаем принять фальшивых даров!

Не продадим совесть и Родину!» (Из выступления митрополита Вениамина на народном собрании в Мэдисон-сквер-гарден (Нью-Йорк) 2 июля 1941 года).

Позднее, в 1943 году, митрополит Сергей говорил на Соборе епископов Православной Церкви, вспоминая о первых месяцах войны: «Какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться, потому что прежде, чем мы успели определить как-нибудь свое положение, оно уже определилось, — фашисты напали на нашу страну, ее опустошали, вводили в плен наших соотечественников, всячески их там мучили, грабили... Так что уже простое приличие не позволило бы нам занять какую-нибудь другую позицию, кроме той, какую мы заняли, то есть безусловно отрицательную ко всему, что носит на себе печать фашизма, печать, враждебную к нашей стране».

Братья и сестры...

То, что глава государства Сталин не сразу обратился к народу в связи с началом войны, вызывает недоумение и истолковывается сейчас по-разному. Неоднократно высказывались мнения о том, что в первые дни войны Сталин «растерялся». Тем не менее, в своих воспоминаниях Молотов иначе объяснял его позицию: «Почему я, а не Сталин? Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек — это не совсем точно. Он и человек, и политик. Как политик, он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него

манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах».

Сталин обратился к народу 3 июля 1941 года с посланием действительно взвешенным, продуманным и призванным многое объяснить советским людям. «Товарищи! Граждане! — начал он свою речь. И вдруг прозвучало совсем неофициальное, христианское обращение: “Братья и сестры”. — Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!»

«...И только 3 июля Сталин заговорил и заговорил так, как он никогда не говорил до тех пор, заговорил словами: «Братья и сестры...» В этой речи я лично чувствовал присутствие глубокого человеческого потрясения у человека, произносившего ее», — вспоминал И. Исаков, Адмирал флота Советского Союза. (Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине).

В своем обращении Сталин подчеркивал, что войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной, что это война всего советского народа против немецко-фашистских войск. «Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игмом германского фашизма». Впервые война СССР с фашистскими захватчиками была названа Отечественной. И не только верующие, церковные люди, пострадавшие от

репрессий, смогли в эти дни — в первые дни войны — возвыситься над своим личным горем и справедливыми обидами.

«В первые дни... В городе неразбериха. Хаос. Ледяной страх. Каких-то шпионов все ловили. Убеждали друг друга: “Не надо поддаваться на провокацию”. Никто даже в мыслях не соглашался, что наша армия потерпела катастрофу, ее разгромили за несколько недель. Нас учили, что воевать мы будем на чужой территории. “Ни пяди своей земли не отдадим...” А тут отступаем...

До войны ходили слухи, что Гитлер готовится напасть на Советский Союз, но эти разговоры строго пресекались. Пресекались соответствующими органами... Вам ясно, какие это органы? НКВД... Чекисты... Если люди шептались, то дома, на кухне, а в коммуналках — только в своей комнате, за закрытыми дверями или в ванной, открыв перед этим кран с водой. Но когда Сталин заговорил... Он обратился к нам: “Братья и сестры...” Тут все забыли свои обиды... У нас дядя сидел в лагере, мамин брат, он был железнодорожник, старый коммунист. Его арестовали на работе... Вам ясно — кто? НКВД... Нашего любимого дядю, а мы знали, что он ни в чем не виноват. Верили. Он имел награды еще с гражданской войны... Но после речи Сталина мама сказала: “Защитим Родину, а потом разберемся”. Родину любили все.

Я побежала сразу в военкомат. С ангиной побежала, у меня еще не спала окончательно температура. Но я не могла ждать...» — вспоминала Е. Кудина, рядовая, шофер. (Алексиевич С. А. У войны не женское лицо).

Священная война

Удивительное дело, но не только Сталину оказалось недостаточно выхолощенной советской лексики. Нельзя было не только победить, но и выжить, не опираясь на бесценное наследие, доставшееся народу от той, царской России. Оттуда пришло не только именование войны как Отечественной, но и как священной — в новой песне, ставшей гимном народа во время Великой Отечественной войны. Хотя еще ни одну войну в России не называли Священной, но это отношение к защите Родины как к чему-то сакральному явно было родом из тех времен, когда в бой за родную землю шли с молитвой и с именем Господа на устах.

Митрополит Питирим (Нечаев) вспоминал: «Сразу появился замечательный гимн: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой» — мы до сих пор его поем. Как у Гоголя, последние строки повести «Тарас Бульба»: «Нет такой силы, которая одолела бы русскую силу». Или у Толстого, при всем моем критическом отношении к нему, верно сказано: «Побеждает дух армии». Именно такой настрой был тогда (Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В. Русь уходящая: рассказы митрополита Питирима).

Музыку к знаменитой песне написал А. Александров, автором слов был поэт В. Лебедев-Кумач. Впервые песню «Священная война» исполнила одна из групп ансамбля красноармейской песни и пляски СССР под руководством дирижера и композитора А. Александрова.

Интересно, что замечательный советский композитор Александров еще до революции пел в хоре Казанского собора Санкт-Петербурга, потом был

учеником Придворной певческой капеллы. Всю свою насыщенную творческую жизнь музыкант много учился и сам преподавал, организовал музыкальную школу, был хормейстером, дирижером... И в то же время значится в биографии Александрова и то, что он был последним регентом в Храме Христа Спасителя — с 1918 по 1922 год, написал поэму для хора, оркестра, органа и солистов «Христос воскрес», гимн «Хвалите имя Господне».

«Александров — человек, который соединил два времени. Он был регентом при царском режиме и выдающимся дирижером при советском. Из обычной семьи — его родители были церковными служителями в селе Плахино под Рязанью, — рассказывал журналисту праправнук композитора, О. Александров, тенор знаменитого Ансамбля песни и пляски имени Александрова. — Александр Васильевич был очень верующим человеком. Он вообще, можно сказать, всю жизнь служил при церкви. В 1905 году в Твери по конкурсу стал регентом архиерейского хора, потом служил в Казанском храме. Им написано столько церковной музыки! Наш ансамбль сейчас исполняет отдельной программой духовную музыку, написанную Александровым, — ту, которая, слава Богу, дошла до нас: ведь после революции большая часть партитур его духовных произведений сгорела» (А. Дубкова. Гимн СССР написал верующий).

Сам композитор в своей неопубликованной статье «Как вошла в мою жизнь композитора Отечественная война» так рассказывал о создании песни «Священная война»: «Внезапное нападение вероломного врага на нашу Советскую

Родину вызвало во мне, как и во всех советских людях, чувство возмущения, гнева и мести. Я никогда не был военным человеком, но у меня все-таки оказалось могучее оружие в руках, это — песня. Песня, которая так же может разить врага, как и любое оружие... И потому с первых же дней я принялся со святым, искренним чувством за создание собственного оружия, которым я лучше всего владею, — песни. К первому июля 1941 года я сочинил свои первые песни “Священная война” на слова Лебедева-Кумача, “В поход! В поход!” на слова Прокофьева. А затем, через несколько дней — “Вставай, разгневанный народ!” и “За великую землю Советскую”. Из них “Священная война” вошла в быт армии и всего народа как гимн мести и проклятия гитлеризму. Не могу обойти молчанием такие факты: когда пластинку с этой песней принимал художественный совет на студии грамзаписи, то профессор А.Б. Гольденвейзер, я сам и другие заплакали. Когда я с группой Краснознаменного ансамбля выступал на вокзалах и в других местах перед бойцами, идущими непосредственно на фронт, то эту песню всегда слушали стоя, с каким-то особым порывом, святым настроением. И не только бойцы, но и мы — исполнители — нередко плакали. Таково было тогда воздействие этой песни на сердца людей, и она доносилась нашим радио во все концы Советского Союза и фронта...»

Благословение на победу

Все русские, советские люди, верующие и неверующие, в одном порыве поднялись на защиту Отечества. И, конечно же, как и было это из века

в век, Церковь молилась за свою страну, за победу ее оружия, молилась Господу, чтобы Он «победу на сопротивных даровал».

Хотя священники и не благословляли уходящих на фронт солдат прилюдно, они с самого начала войны молились об их победе в своих храмах, поминали павших.

«С первых дней объявления войны, по призыву Блаженнейшего митрополита Сергия, прихожане нашего храма возносят горячие молитвы о даровании победы над врагами нашей Родины, о здравии наших православных воинов, грудью своей отстаивающих пределы дорогой Родины. Возносятся горячие молитвы и об упокоении всех тех, кому суждено было положить душу свою за други своя, да пошлет Господь им, в день праведного воздаяния, венцы нетления», — писал председатель церковного совета московского храма Илии Пророка Обыденного А. Ларионов.

Первый молебен о даровании победы русскому оружию патриарший местоблюститель митрополит Сергей отслужил в московском Богоявленском соборе 26 июня. Затем в московских храмах повсеместно возносили за богослужением (с незначительными изменениями) молитву, написанную архиепископом Августином (Виноградовским) в Отечественную войну 1812 года: «Господи Боже сил, Боже спасения нашего, восстани в помощь нашу и подаждь воинству нашему о имени Твоем победити...»

Затем и по всей стране начали служить особые молебны, было составлено специальное чинопоследование «Молебен в нашествии супостатов, певаемый в Русской Православной Церкви

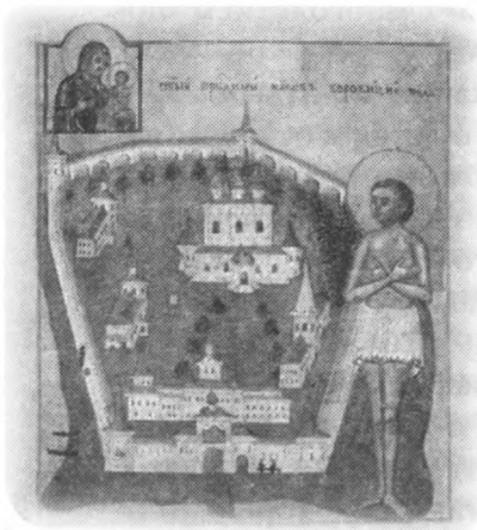
в дни Отечественной войны» с многолетием «победоносному воинству нашему».

«Что же касается содержания молитвы о даровании победы, то сообщаю от себя и от своих пасомых: эту молитву мы не можем читать и слушать без слез умиления. Каждая фраза, каждое слово входят в сердце верующего», — писал Владыке Сергию протоиерей Николай Адриановский.

Поскольку действующих храмов было очень мало, многие молились дома, вера и молитва давали силы противостоять обрушившейся беде. Молитва для верующих — это не признак бессилия и инертности, как считают некоторые атеисты. Возвышение души к Богу укрепляет человека, придает ему сил, не позволяет унывать даже в самых отчаянных ситуациях. Рассказывали о бывшем монахе Троице-Сергиевой Лавры, игумене Серафиме (Шинкареве), служившем в Свято-Ильинском кафедральном соборе Архангельска. Он поддерживал людей в самое тяжелое военное время, когда наши войска отступали, не давал впасть в уныние. Отец Серафим призывал: «Молитесь, молитесь. Скоро прогонят эту нечисть».

Сохранились воспоминания и о том, как в начале Великой Отечественной войны одному глубоко верующему старцу во сне явился святой отрок Иаков — покровитель Боровичского края и сказал: «Пусть верующие с моим образом трижды обойдут город, и я спасу град сей». Взяв икону святого Иакова и частицу его мощей, верующие три ночи подряд обходили Боровичи крестным ходом. Вскоре фронт подошел к Боровичам на расстояние 100 километров, но город не пострадал.

*Справедный Иаков Боровитский.
Новгородская икона. XIX в.*

Самоотверженный молитвенный подвиг взял на себя во время войны глубоко почитаемый народом старец преподобный Серафим Вырицкий. Он жил тогда под Ленинградом в поселке Вырица. Первые свидетельства о его молении на камне — особом, изнуряющем тело, но возвышающем душу подвиге — относятся к 1935 году, когда Церковь в СССР пре-

терпевала страшные гонения. С началом войны старец стал совершать моления на камне ежедневно.

Тогда, в 1941 году, Дедушке — как любовно звали старца окружающие — шел уже 76 год. К тому времени болезнь его очень ослабила, он не мог передвигаться без посторонней помощи, и к месту молитвы его вели под руки, а иногда и несли. В саду, за домом, метрах в пятидесяти, выступал из земли гранитный валун, перед которым росла небольшая яблонька. На яблоньке укреплялась иконка с изображением преподобного Серафима Саровского, коленопреклоненно стоящего перед образом Пресвятой Богородицы «Умиление». Вырицкий старец вставал своими больными коленями на камень и простирал руки к небу...

Такой молитвенный подвиг совершал человек, который страдал хроническими заболеваниями ног, сердца, сосудов и легких. Очевидцы

вспоминали, что невозможно было смотреть на это без слез, что они просили старца оставить этот подвиг. Но отец Серафим продолжал молиться, насколько хватало сил, иногда час, а иногда и несколько часов подряд. Отдавал себя всецело, без остатка — это был воистину вопль к Богу.

Молились святые старцы, молились матери, отправившие на фронт сыновей и дочерей, молились, судя по множеству воспоминаний, и сами воины на фронтах. В храмах в годы войны служились благодарственные молебны в честь побед и заупокойные молитвы. И владыки, и простые священники не уставали обращаться к людям с патриотической проповедью.

Позиция Церкви была оценена властями. В предвоенные годы воинствующие безбожники проявляли враждебность к верующим, празднующим Светлое Христово Воскресение, старались осквернить торжество. Но в апреле 1942 года впервые с разрешения властей в крупных городах прошли Пасхальные крестные ходы вокруг храмов. Люди несли зажженные свечи, и людей этих было немало. Это была первая «военная» Пасха.

В 1942 году митрополит Сергей сказал в Пасхальном послании: «Праздник Пасхи празднуем мы, а небо над нами все еще покрыто тучами, страна наша терпит лютое нашествие фашистов, но тьма не победит света, хотя бы на время и заслоняла его... Воскрес Христос — и радуются ангелы. Да возрадуемся и мы с ними, празднуя победу Христа над адом и смертью вовеки и во временной жизни здесь на земле — победу Креста Христова над свастикой!»

На Пасхальной неделе во время войны...

«Серпухов — город, в котором немцы не побывали. Им в этот город войти не удалось. Но они были совсем близко, в нескольких километрах.

В городе всюду видны следы недавней битвы — разрушенные и сожженные дома, воронки глубиной в несколько метров. Особенно пострадала главная улица, ведущая от вокзала через центр города на противоположный его конец. Здесь проходили войска, и улица эта была постоянным объектом вражеских обстрелов.

Но Серпухов — город столь давний, и столько он повидал на своем веку, что ему не в диковину нашествие полчищ, рвавших к Москве. Были и ордынцы, были и поляки.

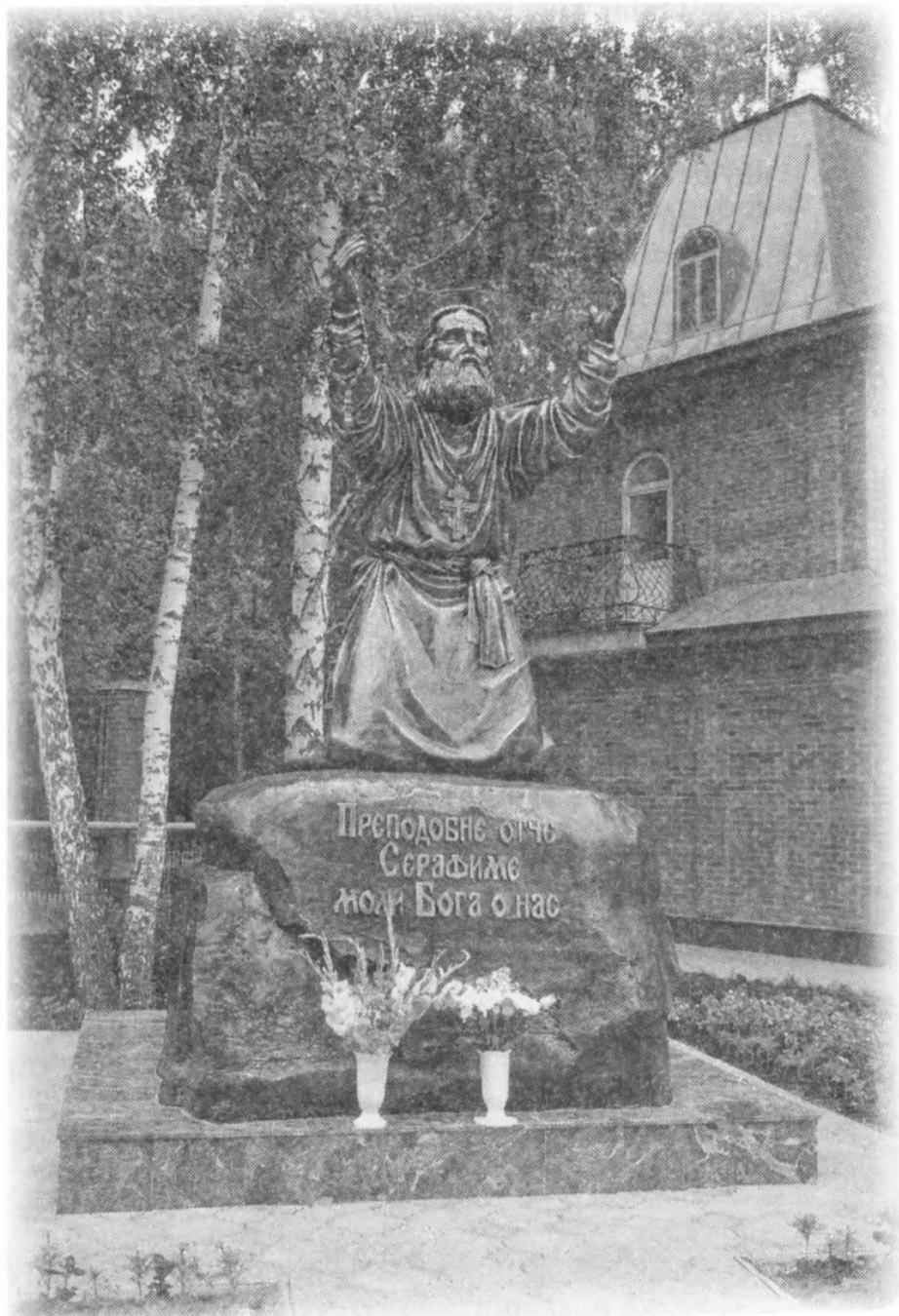
Они приходили, жгли и грабили и вынуждены были откатываться назад.

Велика жизненная сила русского народа. Город восстанавливался и становился краше прежнего. Строились дома, фабрики, храмы...

Вот и сейчас. Еще не разобраны баррикады, не убраны груды кирпичей, а улицы полны народа. Конечно, это все женщины. Они старательно расчищают талый снег, освобождают русла ручьев от мусора, и веселая весенняя вода уносит с собой грязь и кровь прошлой — теперь, слава Богу, прошлой — тяжелой зимы.

Утреннее солнце светит приветливо. На склоне Соборной горы, где виднеются остатки старинного кремля, сквозь прошлогоднюю сухую траву пробиваются ростки свежей зелени. Рядом с Соборной горой, чуть пониже, высятся две церкви — во имя Троицы и во имя Ильи Пророка. В обеих идет воскресная литургия.

*Вырицкий старец, вставал своими больными коленями на камень
и простирал руки к небу...*

У Ильи Пророка народу набилось столько, что войти в храм уже невозможно.

У Троицы посвободнее. Какая-то старушка, выходя из церкви, объясняет своей знакомой, идущей в церковь:

— Здесь свечей нет...

Свечи есть, но остались только дорогие — в три и пять рублей. Их ставят коллективно. Но старушку, видно, своя маленькая дешевая свечка удовлетворяет больше, чем те же деньги, внесенные в пай на покупку большой свечи.

В общем, это их, старушечьи, дела. Они свободны и вольны молиться, где им нравится и как им нравится. В этом-то, вероятно, и кроется сила

Рядом с Соборной горой, чуть пониже, высятся две церкви — во имя Троицы и во имя Ильи Пророка...

и привлекательность нашего православного вероисповедания.

У Троицы отец Димитрий служит в левом приделе. С правой стороны совсем пусто. В уголке на столике, перед иконою Всех Святых, стоят мисочки с кутьей. Желтый воск каплями стекает с горящих свечей и падает на белый рис... Спрятавшись в уголок, тихо плачет какая-то молодая женщина.

Постепенно церковь заполняется; становится теснее. Много женщин с детьми всех возрастов. Это причастники.

Богослужение протекает торжественно, как всегда на Пасхальной неделе.

Солнце заглядывает в окна. Но уцелели лишь немногие стекла; сквозь фанеру и бумагу лучи пробиться не могут — в церкви пасмурно. Иконы убраны пестрыми цветами из стружки, шелковыми тканями и полотенцами. Полотенца везде, их много. Вышитые крестиками по канве птицы и цветы свидетельствуют о трудолюбии женщин, собравшихся здесь. Редко-редко среди сплошной толпы женщин мелькает седая непокрытая голова мужчины...

Из алтаря доносится голос отца Димитрия, поминающего о здравии:

— Воина Михаила, воина Василия, воина Николая...

Женщины с грудными ребятишками присаживаются отдохнуть. Священник читает долго, лишь изредка прерывая монотонное чтение имен краткой молитвой.

Женщины занялись своими разговорами — о мужьях на фронте, о ребятишках, о хлебе...

Детям становится скучно от этого монотонного чтения имен. Девочка, повязанная по-бабьи

платком, все оглядывается назад. Мать сердито одергивает ее. Пятилетний малыш подходит к подсвечнику и просит дать ему свечку. Мать объясняет, что ему очень понравилось в вербное воскресенье стоять с зажженной свечкой...

Ребятишки поменьше начинают хныкать. Один заплакал громче, другие подхватили, как это бывает всегда, где собираются малыши, и детский требовательный крик заглушает одинокий голос священника, поминающего погибших на поле брани.

— Новопреставленного убиенного отрока Бориса... — пробивается сквозь младенческий крик голос отца Димитрия.

Почему убиенного отрока? Кто мог убить отрока?

Перед глазами встают развалины большого рабочего общежития, разбитого совсем недавно немецкой 1000-килограммовой бомбой.

Вражеский бомбовоз подкрался тайком, поворовски, скрывшись в облаках, и люди, сидевшие спокойно у себя дома, не успели ни спрятаться, ни спастись...

В этот же день разбило и дом, в котором жил отец Димитрий.

Сейчас священник ютится в сторожке.

Вот он выходит из царских врат со Святыми дарами — высокий, прямой, строгий старик.

Красивое лицо обрамлено длинной седой бородой. Ясные, умные глаза пронизательно смотрят на приближающихся людей.

Подходит девочка с белокурыми косами, завязанными ярким зеленым бантом, потом прошли женщины с грудными детьми, подростки, взрослые, пожилые люди.

В этом храме при богослужении священнослужителю отцу Димитрию помогают прихожане, — кто, когда и как может. Они служат за псаломщика, они убирают церковь, они подают кадило, они читают часы.

Кончится обедня, отец Димитрий будет служить молебен с освящением воды, потом панихида, потом начнется отпевание — в церковь уже вносят гроб, в котором покоится старая простая женщина: вероятнее всего, ткачиха с местной текстильной фабрики.

Пока люди подходят к кресту, к уху священника наклоняется старичок и что-то шепчет. Отец Димитрий отдает распоряжение относительно светомаскировки.

Начинается молебен. Каждая из оставшихся женщин заказывает молитву какому-нибудь святому, тому, чье имя носит ушедший на фронт муж или сын.

— Иоанну Воину, Николаю Угоднику, святому Кириллу Иерусалимскому...

Перед священником на аналое лежит грудa записок.

Каждая женщина верит, что ее теплая молитва спасет на поле брани родного и любимого ею воина, защищающего Отчизну.

И все вместе со священником хором поют:

— Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое...»

(А. Соколова. У обедни. Цит. по книге «Правда о религии в России»).

За Россию молились за границей

Молились за победу русского оружия не только русские люди.

В начале войны Патриарх Антиохийский Александр III обратился с посланием к христианам всего мира о молитвенной и материальной помощи России. В Америке некоторые приходы Русской Православной Церкви за рубежом ввели у себя официально молитву о победе русского оружия, русского воинства, участвовали в сборе средств для Красной армии. В Париже священники – сторонники Московской Патриархии – были участниками движения европейского Сопротивления. Для них нападение Германии на Советский Союз было нападением на их Родину (См.: *Дятлова Е.* Война миров: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. Интервью с профессором Московской духовной академии Алексеем Светозарским).

20–21 июня 1942 года – в канун первой годовщины нападения фашистской Германии на Советский Союз – 15 000 религиозных общин США устроили особые моления за русских христиан, чтобы поддержать их в справедливой борьбе с агрессором и чтобы укрепить ширящееся в Америке движение в поддержку Советского Союза. По данным опроса института Гэллага в Англии, например, уже в июле 1942 года 62% опрошенных считали, что Россия более популярна, чем США, а в 1943 году «Святая Русь» стала в стране темой года (*Одинцов М. И.* Патриотическое служение Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны).

Интересно, что когда началась война, премьер-министр Великобритании У. Черчилль говорил: «Прошлое, с его преступлениями, безумствами и трагедиями, отступает. Я вижу русских

солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома; их матери и жены молятся — о да, потому что в такое время все молятся о сохранении своих любимых, о возвращении кормильца, покровителя и защитника». (Выступление У. Черчилля по радио 22 июня 1941 года. Частично цит. по *Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржевский О. А. Война 1941–1945*).

Симпатии к России усилились после победы Красной армии под Сталинградом зимой 1942–1943 годов. В годы войны авторитет СССР, несшего основную тяжесть в мировой войне, неизмеримо вырос. Сочувствие к сражающемуся народу изменило в глазах мировой общественности и образ советского государства в целом. Так сочетание внутренних и внешних

Симпатии к России усилились после победы Красной армии под Сталинградом...

факторов предопределило политику советского правительства в государственно-церковных отношениях.

Когда весь народ поднялся – он непобедим...

Голос Русской Православной Церкви ясно звучал в Великую Отечественную войну. Всего за годы войны патриарший местоблюститель, митрополит Сергей (Страгородский) обратился к верующим с патриотическими посланиями двадцать четыре раза. Не раз обращались к православному народу и другие церковные иерархи. 10 августа 1941 года будущий Патриарх, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский), впоследствии перенесший вместе со своей паствой все тяготы блокады, произнес слово за литургией в Богоявленском кафедральном соборе.

Даже через годы эта речь, быть может, даже несколько поэтическая, отдается в сердце взволнованной искренностью, неподдельной любовью к Родине: «Русский человек бесконечно привязан к своему Отечеству, которое для него дороже всех стран мира. Ему особенно свойственна тоска по Родине, о которой у него постоянная дума, постоянная мечта. Когда Родина в опасности, тогда особенно разгорается в сердце русского человека эта любовь. Он готов отдать все свои силы на защиту ее; он рвется в бой за ее честь, неприкосновенность и целостность и проявляет беззаветную храбрость, полное презрение к смерти. Не только как на долг, священный долг, смотрит он на дело ее защиты, но это есть непреодолимое веление сердца, порыв любви, который он не в силах

остановить, который он должен до конца исчерпать».

Как и Патриарший Местоблюститель, митрополит Алексей (Симанский) подчеркивал единство русского народа перед лицом опасности: «Теперь русский народ в беспрецедентном единстве и с исключительным порывом патриотизма борется против сильного врага, мечтающего раздавить весь мир и варварски сметающего на своем пути все то ценное, что создал мир за века прогрессивной работы всего человечества...

Но победа куется не только на фронте, она зарождается в тылу, среди мирных граждан. И здесь мы видим необыкновенный подъем и волю к победе, непоколебимую уверенность в торжестве

Русский человек бесконечно привязан к своему Отечеству, которое для него дороже всех стран мира. Это есть непреодолимое веление сердца, порыв любви, который он не в силах остановить, который он должен до конца исчерпать...

правды, в том, что «не в силе Бог, а в правде», как вдохновенно говорил грозный для врагов — позорных предков нынешних позорнейших фашистских варваров — святой Александр Невский.

В тылу, который по нынешним условиям войны является почти тем же фронтом, и старики, и женщины, и даже дети-подростки — все активно участвуют в защите родной страны.

Можно указать на бесчисленные случаи, когда люди, совершенно, казалось бы, непричастные к войне и военным действиям, показывают себя самыми горячими пособниками воюющих».

Затем Владыка Алексей привел примеры, рассказывая о том, чему сам был свидетелем. И сегодняшнего читателя особенно волнуют эти случаи из жизни, отголоски тех страшных лет: «Вот объявлена воздушная тревога в городе. Пренебрегая опасностью, не только мужчины, но и женщины и подростки спешат принять участие в защите от бомб своих жилищ. Их не удержать в доме, их не загнать в убежище. При мне один 12-летний мальчик-школьник на просьбу матери — не идти на

Когда старушка-ницца принимает милостыню со словами: «Спасибо, батюшка, я буду молиться за тебя и за то, чтобы Бог помог одолеть кровавого врага — Титлера» — разве это не есть тоже воля к победе?

крышу во время воздушной тревоги — с убеждением говорил ей, что он лучше взрослого может тушить бомбы, что отец его защищает Родину, а он должен защищать дом и свою мать. И на самом деле этот юный патриот оказался впереди многих взрослых и за несколько дней потушил четыре бомбы. Как много примеров, когда юные и, наоборот, пожилые люди стараются скрыть свои годы, чтобы их записали добровольцами в Красную армию. Один старый человек при мне плакал горькими слезами, потому что ему отказали в записи добровольцем и таким образом он лишен возможности внести свою долю в защиту Отечества. Это и есть воля к победе, которая является залогом самой победы. И вот еще случай из самой жизни. Выходит человек из храма и подает милостыню старушке-нищей. Она говорит ему: “Спасибо, батюшка, я буду молиться за тебя и за то, чтобы Бог помог одолеть кровавого врага — Гитлера”. Разве это не есть тоже воля к победе?

А вот мать, проводившая своего сына-летчика на Южный фронт и затем узнавшая, что именно на этом фронте были жаркие сражения. Она уверена, что сын ее погиб, но чувство материнской скорби она подчиняет чувству любви к Родине и, выплакав свое горе в храме Божиим, говорит почти с радостью: “Бог помог и мне внести свою долю помощи Родине”. Я знаю не один случай, когда люди с самыми незначительными средствами откладывают по рублю, чтобы внести свою лепту на нужды обороны. Один глубокий старец продал единственную свою ценную вещь — часы, чтобы внести от себя жертву на оборону.

Все это — факты, случайно взятые из жизни, но как много говорят они о чувстве любви к Родине, о воле к победе! И таких случаев можно привести множество, у каждого из нас они на глазах, и громче всяких слов говорят они о непобедимой силе патриотизма, охватившего весь русский народ в эти дни испытаний. Они говорят о том, что подлинно весь народ и действительно, и духовно поднялся на врага. А когда весь народ поднялся — он непобедим».

Глава 3.

Власти и Церковь

Ваш агитационный листок – как Божье письмо

Горячо откликнувшись в начале войны патриотическими посланиями, церковные иерархи в течение всех ее лет поддерживали людей, отзывались на все значимые события. Произносились не только речи с амвона, но печатались отдельными листками обращения, распространялись по приходам, в том числе и на оккупированных территориях. Так, например, Рождественское обращение Патриарха Сергия (Страгородского) 1944 года к духовенству и верующим Русской Православной Церкви было размножено в количестве двух тысяч экземпляров, из которых одна тысяча распространялась Патриархией по церковным приходам, а вторая – на временно оккупированной территории.

Тиражом две тысячи экземпляров было напечатано и обращение митрополита Алексия (Симанского) к верующим временно оккупированных

районов Ленинградской области. Все это были не просто слова на бумаге, сохранилось множество свидетельств, что послания иерархов к народу действительно поддерживали людей, воодушевляли их на борьбу, не давали впасть в отчаяние. Так, например, отклик верующих жителей Горького на патриотическое обращение митрополита Сергия был опубликован в книге «Правда о религии в России». Книгу эту издали в СССР в 1942 году, причем напечатана она была в типографии, ранее принадлежавшей Союзу воинствующих безбожников. «В это тяжелое время наших испытаний, — писали горьковчане, — когда дерзкий враг вторгается в наши границы, неся с собой смерть и разрушение, когда умирают наши близкие, отцы и братья, за правое дело и Родина несет всевозможные раны и потери, — призыв Блаженнейшего митрополита Сергия особенно глубоко запал в наши сердца. Да, мы всемерно будем бороться с врагом, и мы победим. Мы верим, что Господь с нами, а где Господь, там и сила, и победа. Враг будет побежден, и вся наша кровь и слезы взысканы на нем...»

Много горя выпало на долю русского человека. Нет сейчас в нашей стране семьи, где бы сердце не тревожилось за близкого. Но мы должны быть тверды и сильны и не падать духом. И мы сильны и не падаем духом. Особенно яркими в этом отношении были пасхальные дни. В Москве, в Куйбышеве, в осажденном Ленинграде, где немцы устроили бомбежку именно в Великую святую ночь, в Горьком, в Ярославле и во всех других городах и селах храмы были переполнены. С огромным вниманием верующие слушали

послание главы Православной Церкви митрополита Сергия, его слова, полные презрения к безбожным фашистам, его призыв объединиться для борьбы с ненавистным врагом. И люди выходили из храма с новыми, окрепшими силами, с глубокой уверенностью в победе над врагами и с надеждой на возвращение своих близких живыми и невредимыми.

Из той же книги: «В городе Туле в церкви Двенадцати Апостолов, при переполненном молящимися храме, 30 марта 1942 года отец протоиерей Понятский молился Богу о даровании

Церковь Двенадцати Апостолов. Тула

победы русскому воинству... Он от лица верующих поведал, что когда они мирно молились в этом храме, враг непрерывно обстреливал их: пули и осколки бомб летели в храм.

— Они изуродовали наш храм, — говорил он, — но службы мы не прерывали. Передайте наше заверение Блаженнейшему Сергию, что его призыв к защите нашей Родины мы восприняли как напутствие Божие на подвиг за Отечество и готовы отдать все в жертву за спасение Родины от ненавистного нам врага.

Батюшка произносит здравицу за воинов и вечную память тем из них, кому судил Господь Бог положить души свои на поле брани».

Казалось бы, при малочисленности приходов и воцерковленных христиан в СССР эти послания, призванные воодушевить людей на борьбу, должны были вдохновлять только узкий круг людей. Но на деле оказалось не так. В пример можно привести слова бойца 2-й партизанской бригады А. Голицына, который, поздравляя в 1944 году митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) с 1 Мая, писал ему с благодарностью: «Ваш агитационный листок сыграл немалую роль среди оккупированного населения в деле оказания помощи партизанам, а вместе с этим и в борьбе против фашизма. Этот листок — среди населения — как Божье письмо, и за него немецкие коменданты в своих приказах грозили смертной казнью, у кого он будет обнаружен».

Так же ненавистны были оккупантам послания и самого Патриаршего Местоблюстителя, а с 1943 года — Патриарха Сергия. Распространение его посланий жестоко каралось.

«Распространенное по всем православным приходам воззвание митрополита Сергия встретило ответную реакцию верующих. На оккупированной территории это обращение переходило из рук в руки, несмотря на то, что фашисты расстреливали всех, у кого находили его текст... Сначала из Москвы, а потом из Ульяновска митрополит Сергей внимательно следил за развитием событий. Он написал свыше 20 воззваний за два первых военных года. О том, что фашисты уделяли внимание патриотическим воззваниям митрополита Сергия, свидетельствует приказ группенфюрера СС Гейдриха от 16 августа 1941 года, согласно которому при захвате Москвы его следовало немедленно арестовать» (Якунин В. Н. Дело стояния за Родину).

В Симферополе, во время оккупации, особенно уважаемый верующими протоиерей Николай Швец зачитал в своем кладбищенском храме патриотическое воззвание Владыки Сергия, которое получил и распространил среди верующих диакон этого же храма отец Александр Бондаренко. Их поддерживал старец Викентий, бывший обновленческий епископ, давно мечтавший о молитвенном общении с Православной Церковью. Все они попали в немилость к заведующему церковным подотделом А. Семенову и были расстреляны Гестапо.

В посланиях к пастве патриарший местоблюститель обличал оккупантов за их злодеяния и выражал позицию Русской Православной Церкви, осуждающей тех священнослужителей, что осознанно перешли на сторону врага, стали орудием идеологической пропаганды противника.

Владыка говорил: «Ходят слухи, которым не хотелось бы верить, будто есть и среди наших православных пастырей лица, готовые идти в услужение ко врагам нашей Родины и Церкви, — вместо святого креста осеняться языческой свастикой. Не хочется этому верить, но если бы, вопреки всему, нашлись такие пастыри, я им напомню, что Святой нашей Церкви, кроме слова увещания, вручен Господом и духовный меч, карающий нарушителей присяги. Во имя этой от Бога данной мне власти, я как архиерей, имеющий силу вязать и решать, призываю к покаянию всех поколебавшихся из-за страха ли, или по другим причинам, а тех, кто покаяться не хочет, объявляю запрещенными в священнослужении и предаю церковному суду для еще более строгого вразумления. Бог поруган да не будет.

На тех же, кто, не щадя своей жизни, подвизается за защиту Святой Церкви и Родины, и на всех, кто своими молитвами, сочувствием, трудами и пожертвованиями содействует нашим доблестным защитникам, да пребудет благословение Господне, Того благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

1/14 октября 1941 года.

День Покрова Пресвятой Богородицы».

Почти все называли его «Дедушка»...

Когда осенью 1941 года фронт приблизился к Москве, Московский горисполком по указанию центральных властей принял решение об эвакуации из столицы руководителей основных религиозных организаций СССР. Первоначально — в Оренбург, который потом был заменен на Ульяновск по просьбе митрополита Сергия. Эту

по сути принудительную эвакуацию провели 14 октября, несмотря на то, что у Владыки Сергия была высокая температура. В Ульяновске Патриарший Местоблюститель пробыл с октября 1941 года до конца лета 1943-го.

Киевский митрополит Николай (Ярушевич), также эвакуированный из Москвы, уже в ноябре 1941 года по разрешению властей вернулся в столицу и вскоре был включен в качестве представителя Патриархии в различные государственные и международные организации. Он действовал как заместитель митрополита Сергия. В ноябре 1942 года митрополит Николай (Ярушевич) был назначен членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Сам Патриарший Местоблюститель, а затем и Патриарх, Сергей, будучи уже старым, немощным человеком, не ограничивался только патристическими посланиями, в которые вкладывал всю душу. Сохранились воспоминания его келейника, архимандрита (впоследствии митрополита) Иоанна (Разумова), который пишет о Владыке с большой любовью. Он рассказывал о том, что, когда нависла вражеская опасность над Москвой, тяжело больной Владыка Сергей, поставленный перед необходимостью эвакуации, долгое время не соглашался в самое трудное время оставить своих пасомых, но все же вынужден был переехать в Ульяновск. Но и там он придерживался своего распорядка жизни — рано вставал, вычитывал молитвенное правило, и, кроме того, по советам врачей, каждый день совершал часовую прогулку.

«Сердце Владыки было настолько добрым, — вспоминал архимандрит Иоанн, — что он никогда

не проходил мимо чужого горя. Однажды, когда он возвращался домой с прогулки, его встретила бедная вдова, потерявшая мужа и детей на фронте, она просила помочь ей. Святейший советовал почаще посещать церковь и причащаться Святых Тайн и хотел было дать ей денег, но их не оказалось, и тогда он достал дорогие часы с золотой цепочкой и отдал их неизвестной женщине.

Или другой случай. К Святейшему обратилась одна бедная старушка, которая сказала, что она замерзает в нетопленной комнате. Владыка сейчас же дал ей довольно крупную сумму и помогал ей в период всего своего пребывания в Ульяновске.

Проживая в Ульяновске, Святейший по-прежнему имел тесную связь через переписку со всей своей паствой. Особенно сильно беспокоился он за ленинградскую паству во главе с Ленинградским митрополитом Алексием. Получая письма из города-героя, он со скорбью говорил: "Вот нам-то хорошо здесь и покойно, а вот им-то там какво, находясь в руках у смерти".

Всякое событие, связанное с народным горем, глубоко затрагивало душу любвеобильного Патриарха. Я вспоминаю такой случай. Это было летом 1942 года, когда Святейшему стало известно, что из Ленинграда по Волге в глубокий тыл эвакуировались изнуренные голодом дети. Эти пароходы останавливались в Ульяновске. Святейший с церковного амвона обратился с призывом к пастве отрешиться от своих личных корыстей и отдать все свои силы на служение Родине и помощь детям-сиротам».

В Ульяновске, в эвакуации, Патриарший Местоблюститель не переставал молиться о победе

над врагом — а вместе с ним молилась и вся Русская Церковь. Архимандрит Иоанн вспоминал, что в ночь на 2 февраля 1943 года болевший в то время старец-митрополит попросил помочь ему подняться с постели. Встав с трудом, он положил три поклона, благодаря Бога, и затем сказал: «Господь воинств, сильных в брани, низложил восстающих против нас. Да благословит Господь людей своих миром!» Утром радио передало сообщение о полном разгроме немецких войск под Сталинградом.

«8 сентября, — продолжает архимандрит Иоанн, — Поместный Собор епископов избрал на пост Патриарха Московского и всея Руси Патриаршего Местоблюстителя Блаженнейшего Сергия, в течение 17 лет неотступно стоявшего у кормила церковного корабля. Всю ночь накануне интронизации Святейший в своей келии на коленях со слезами молил Господа о помощи ему и достойном принятии сего высокого звания».

«Дорогой Владыка, когда я думаю о Вас, стоящем на ночных молитвах, — я думаю о Вас, как о святом праведнике; когда же я размышляю о Вашей повседневной

*Епископ Алексей (Ситанковский),
будущий Патриарх Московский
и всея Руси. С 1933
по 1945 годы — Митрополит
Ленинградский и Новгородский*

деятельности, то я думаю о Вас, как о святом мученике...» — такие слова были в письме, которое оставил в Москве для митрополита Сергия архиепископ Филипп (Гумилевский), бывший в столице проездом из северных лагерей во Владимирскую ссылку.

«На патриаршем посту Святейший с еще большим рвением отдавал все свои силы на служение Святой Матери-Церкви. Особенно напряженная работа ложилась на Патриарха в период заседаний Синода. Вместе с приезжими архиереями на этих заседаниях решались важнейшие вопросы по устройению церковного порядка.

Высокопоставленным людям свойственна величавость и сознание своей власти, но у Патриарха и тени не было этих чувств. Почти все близкие и далекие называли его Дедушка. Как много говорит это слово! В нем сознание близости, отсутствие всякой сановности, да и кто может быть мудрее, чем дедушка! Такие светлые и благие свойства духа приобретаются великим подвигом служения Богу и неустанной молитвой» (*Архимандрит Иоанн (Разумов)*). Христианский уклад домашней жизни Святейшего Патриарха Сергия).

Русский народ оказал безграничное доверие нашему правительству...

Когда бедствия и тяготы войны были уже позади, 24 мая 1945 года Сталин произнес на кремлевском приеме тост «За русский народ!»:

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я, как представитель нашего советского правительства, хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, рус-

ского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура».)

Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне и раньше заслужил звание, если хотите, руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Какой-нибудь другой народ мог сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду.

Но русский народ на это не пошел, русский народ не пошел на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему правительству. Повторяю, у нас были ошибки, первые два года наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением. Однако русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все-таки с событиями справимся.

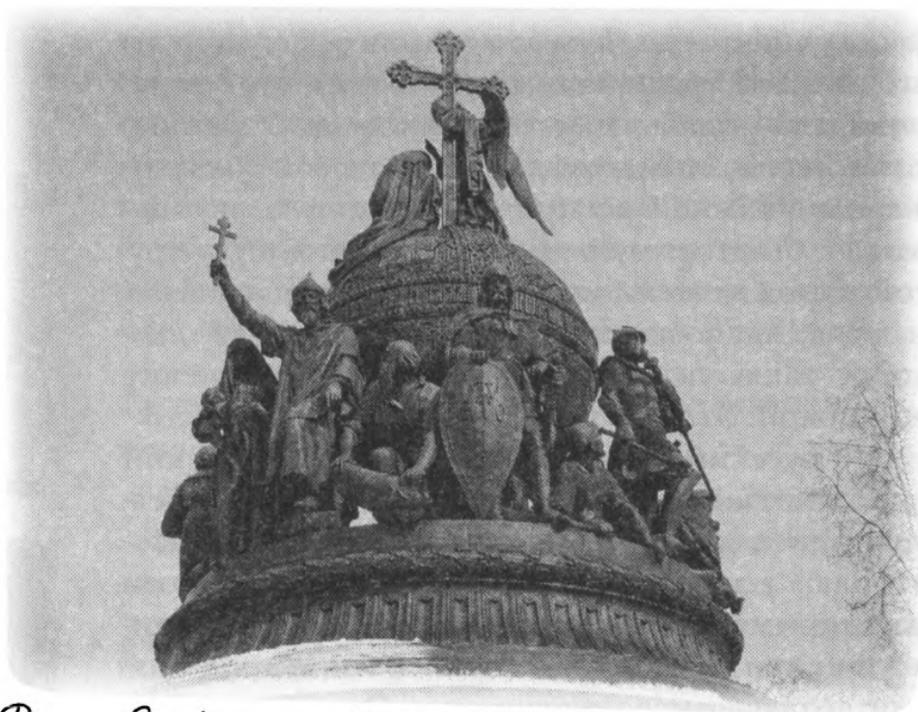
Вот за это доверие нашему правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое!

За здоровье русского народа!

(Бурные, долго несмолкаемые аплодисменты.)»

(Из текста стенограммы.)

Итак, сам вождь признавал, что народ мог «пойти на компромисс», разуверившись в правительстве, и даже подчеркнул: «Это могло случиться, имейте в виду», — эти слова отсутствуют в газетной публикации речи Сталина. Конечно же, в таких условиях Русская Православная Церковь — от которой «компромисса» ожидали очень

Русская Православная Церковь — от которой «компромисса» ожидали очень даже многие, — не пошла на предательство

даже многие, но которая не пошла на предательство — приобрела некоторый авторитет в глазах как советского руководства, так и вчерашних убежденных безбожников.

«Патриотическая деятельность Церкви завоевывала признание и уважение не только среди верующих, но и у атеистов. Об этом писали в адрес правительства СССР бойцы и командиры действующей армии, работники тыла, общественные, религиозные деятели и граждане союзных, дружественных и нейтральных государств. Да и сама патриотическая, благотворительная деятельность Церкви в годы войны, вероятно, послужила одним из факторов, побудивших государство задуматься об изменении своего отношения к Церкви. Имеются документы, которые показывают, что государственные органы весьма серьезно относились к этой стороне деятельности Церкви, поскольку государство от этого получало определенную пользу».

(Белкин А. И. Русская Православная Церковь в Мордовии в годы Великой Отечественной войны).

Во время Великой Отечественной войны положение Церкви в СССР действительно изменилось. Собственно, религиозные гонения начали стихать еще в 1939 году, в военные же годы верующим были сделаны некоторые послабления — открытие храмов, возвращение из ссылки и лагерей священников, восстановление архиепископских кафедр. Хотя в самом начале войны, в июле-августе 1941 года, еще нередко были аресты священнослужителей, но с осени они почти прекратились. Более того, были освобождены десятки клириков Московской Патриархии,

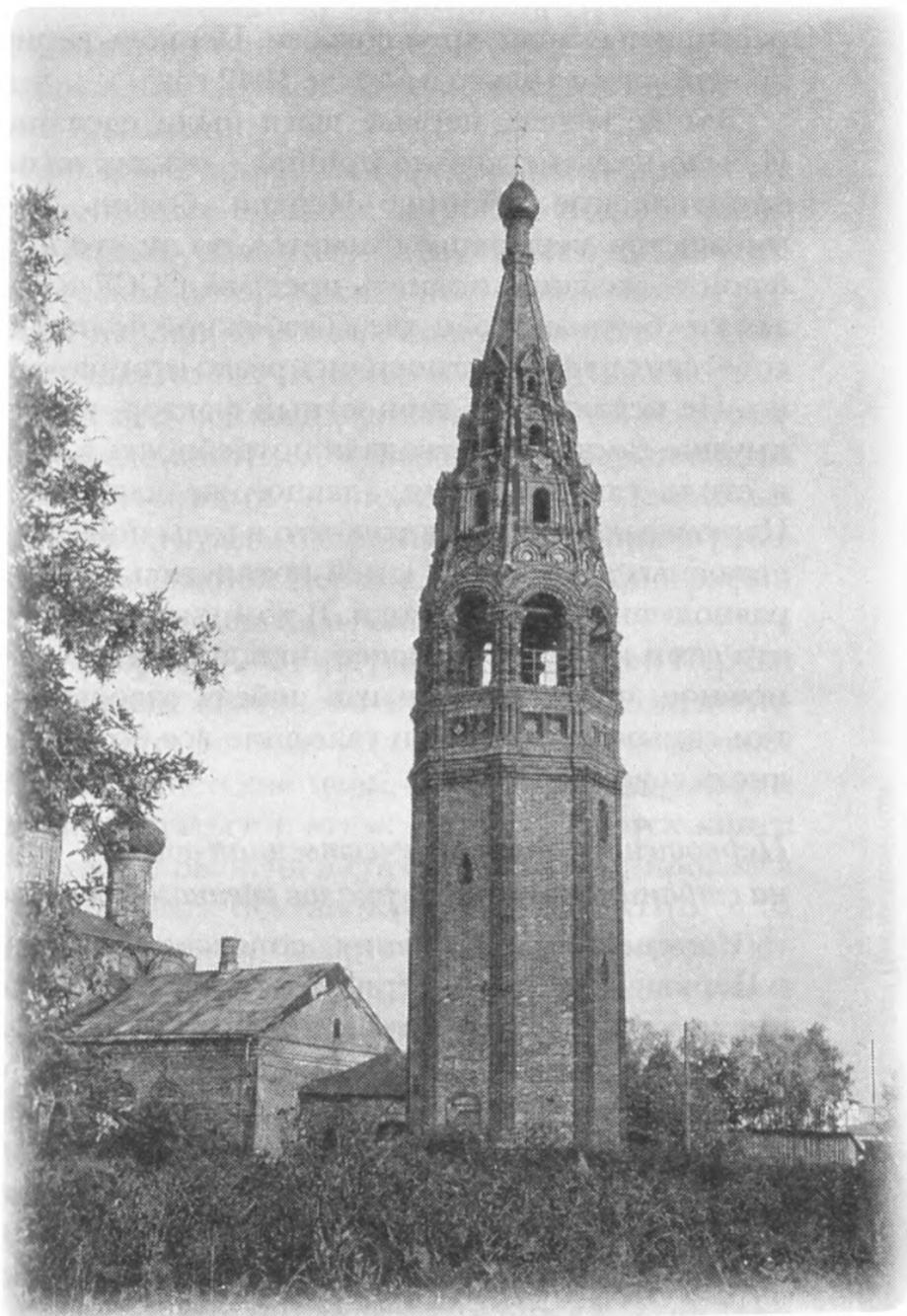

в том числе, к сентябрю 1943 года, шесть архиепископов и пять епископов. В марте 1942 года власти разрешили провести Собор епископов в Ульяновске. Возобновились архиерейские хиротонии, появилась возможность открыть несколько новых приходов.

В начале войны возобновление богослужений в закрытых храмах было еще делом редким и непривычным, но постепенно открываться их стало больше. Так, например, в 1942–1943 годах в 14 районах Ярославской области беспрепятственно, хотя и не официально, без юридического оформления возродилась церковная жизнь в 51 храме. Иногда церкви открывались даже при содействии руководящих деятелей государства. Например, в документах Совета по делам РПЦ отмечалось, что в 1943 году М. И. Калинин «указывал Ярославскому облисполкому на неправильное отклонение ходатайств жителей Сусанинского района об открытии церкви. При этом он указал, что не следует возбуждать недовольство верующих теперь, когда требуется единство всего народа для победы над фашизмом, и разрешил открыть церковь в Сусанинском районе».

Не везде местные власти шли навстречу желаниям верующих, нередко еще были случаи грубо-административных, насильственных акций по отношению к приходам православных храмов. Так, например, в январе 1942 года здание Серафимовской церкви оказалось самовольно «взято райсоветом Приморского района под склад-распределитель для приема покойников... церковь была вскрыта, причем все имущество, утварь и проч. свалено к алтарю», — писал председатель двадцатки храма К. Андреев. Деньги

*В 1942-1943 годах в 14 районах Ярославской области
возродилась церковная жизнь...*

и продукты, хранившиеся в церкви, оказались расхищены, запас дров сожжен. Церковь вернули верующим только в апреле 1942 года.

Тем не менее, первые шаги были сделаны. И было на то несколько причин – отклик на патриотическую позицию Церкви, боязнь, что множество верующих окажется по ту сторону фронта, желание поднять престиж СССР в глазах зарубежных стран, где к безбожной политике советских властей относились резко отрицательно. Не исключен и личностный фактор, власть имущие сами почувствовали потребность в вере в столь тяжкое время. Главное же для самой Церкви заключалось в том, что в годы поистине страшных испытаний к ней потянулись прежде равнодушные к вере люди. В том числе потому, что сами иерархи и священники делали все возможное, чтобы приблизить победу, завоевывая тем самым признание и уважение все большего числа советских людей.

Церковь и Великая Отечественная война – на страницах книг и журналов военного времени

Изменение отношения советской власти к Церкви ярко демонстрирует судьба Союза воинствующих безбожников, который, по сути, разогнали, а в его типографии была затем напечатана книга «Правда о религии в России». Сам же глава Союза воинствующих безбожников Емельян Ярославский по поручению Сталина вынужден был написать статью «Почему религиозные люди против Гитлера», призванную одобрить патриотическую позицию Церкви в первую очередь в глазах зарубежного читателя. Естественно, что эта статья, которая, види-

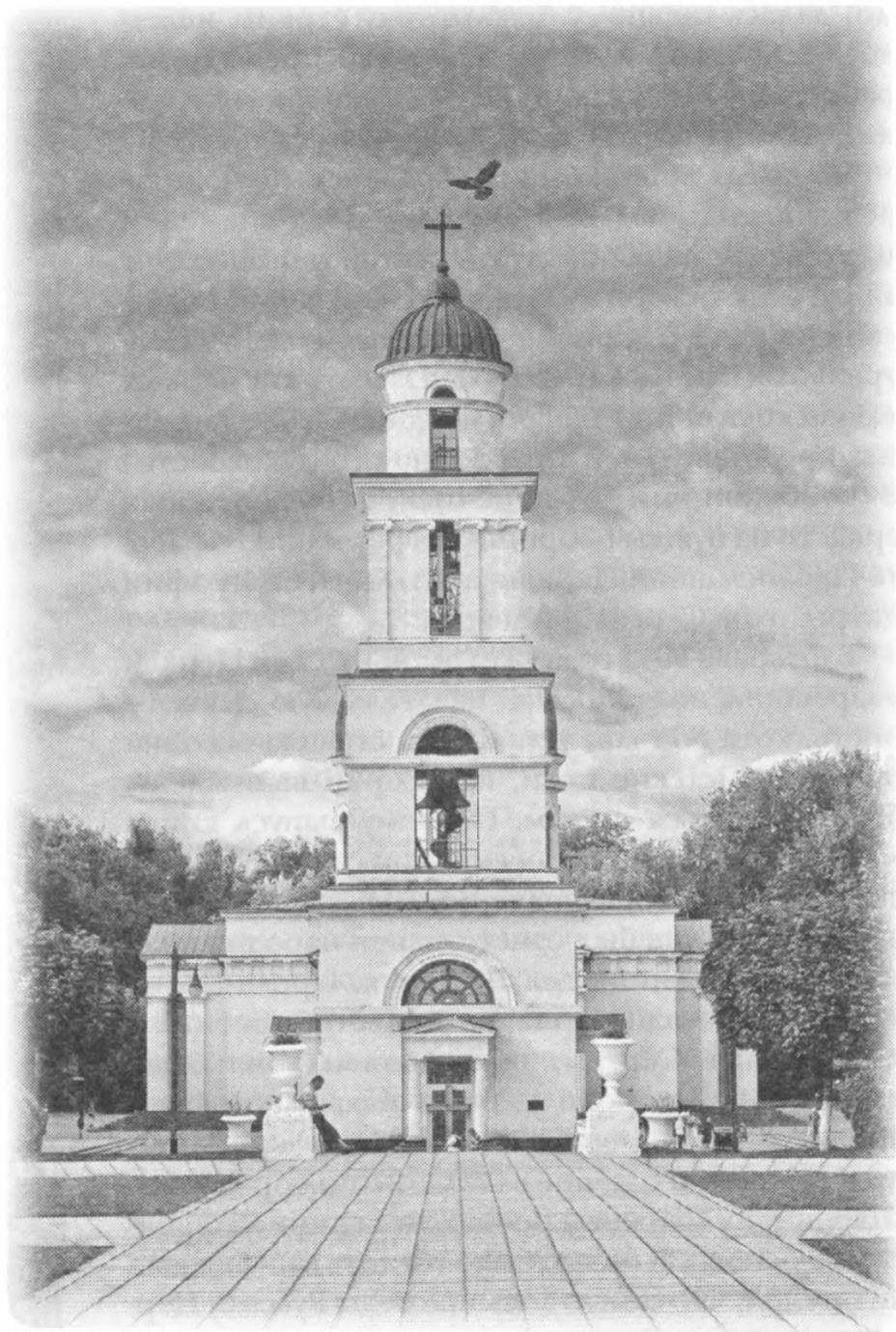

мо, далась главному безбожнику страны нелегко, была в корне отлична от его предыдущих работ. Опубликовал он ее под псевдонимом Каций Адамиани.

Во время войны был прекращен выпуск антирелигиозных изданий, журнал «Под знаменем марксизма» начал печатать статьи о выдающихся русских исторических деятелях, великом русском народе, героизме советских солдат. Центральные газеты «Правда» и «Известия» с первых же месяцев войны начали публиковать телеграммы представителей православного духовенства с сообщениями о перечислении денежных средств на нужды обороны, информацию о работе Православной Церкви, а затем — и биографии патриархов Сергия и Алексия.

В феврале 1942 года уже самой Русской Церкви разрешили возобновить издательскую деятельность, хотя во главу угла власть ставила все-таки пропагандистские цели, и иерархи вынуждены были считаться с этим. Поэтому выпуск книги «Правда о религии в России» санкционировался специальным постановлением ЦК ВКП(б) и за его выполнение был ответственен народный комиссар внутренних дел Л. Берия. Предисловие к книге написал Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей, подготовлена она была в кратчайшие сроки и была издана тиражом 50 000 экземпляров на нескольких языках. Распространялось издание в США, Великобритании, Швеции, на Ближнем Востоке и за линией фронта, его основной целью было убедить зарубежных читателей, что самые большие беды Русская Церковь пережила не от советской власти, а от германской агрессии. Несмотря на некоторые явно

Колокольня кафедрального собора Рождества Христова. Кишинев

пропагандистские моменты, книга наполнена подлинными, горькими и страшными свидетельствами людей, переживших кошмар фашистских издевательств, в ней перед всем миром срывалась маска с оккупантов, якобы несших спасение народам от большевизма.

Вот фрагменты из книги «Правда о религии в России».

«Еще утром 22 июня в Кишиневе прозвучал первый сигнал воздушной тревоги. Немецкие самолеты сбросили бомбы на мирное население Кишинева. Воскресная служба в кафедральном соборе, в которой я принимал участие, происходила в необычайных условиях: здание сотрясало от разрывов немецких бомб, которыми варвары целили в собор. И они попали в него и частично разрушили святой храм.

Немцы с первого же дня разоблачили себя перед всем миром как варвары и кровавые агрессоры. Яркими свидетельствами этого были слышанные мною крики раненых взрослых и детей и виденные мною трупы убитых при этой бомбежке кафедрального собора. Там, где еще вчера люди собирались у мирных домашних очагов, — теперь дымящиеся развалины, воронки, плачущие дети, потерявшие своих родителей; обезумевшие матери, ищущие спасения от черных асов; выбитые стекла в соборе и обвалившаяся штукатурка.

Речь Молотова объяснила все. В 12 часов дня весь мир узнал о вероломном нападении гитлеровской Германии. Народ сразу убедился в действительных чувствах немцев». (Протоиерей Петр Филонов, настоятель церкви Нечаянной Радости г. Москвы).

«Моя Воловниковская церковь разбита и сгорела почти до основания. Немцы (новые «крестовики») предварительно ее ограбили, а потом устроили из нее склад боевых припасов и около нее расстреливали наших пленных красноармейцев.

Бой был ожесточенный и для нашей церкви окончился печально. Когда я узнал, что сделали немцы из церкви, поспешил туда, чтобы взять антиминс и Святые дары. Но когда я туда приехал, уже шел бой и в церковь проникнуть, конечно, я уже не смог (да немцы, вероятно, и не пустили бы).

Пока я ездил, рабочий поселок был подожжен немцами, дом, в котором я жил, сгорел. Сгорели все мои книги, заметки и записки, мое маленькое имущество немцы украли.

Протоиерей Сергей Городцов.

Село Воловники Клинского района Московской области». (Из опубликованного в книге письма к митрополиту Сергию).

«Нам памятен тихий осенний вечер в одном юго-западном нашем городе. Лучи заходящего солнца еще не успели скрыться с крестов одиноко стоявшей кладбищенской церкви, расположенной неподалеку от густо населенного мирными жителями квартала города. Казалось, что ничто не может и не посмеет нарушить — так даже хотелось многим верить — торжественную тишину вечера накануне праздника Воздвижения Креста Господня, празднуемого всем христианским миром... Но так только казалось.

Еще не успели умолкнуть звуки торжественных молитв кануна праздника в сердцах у верующих. А русский человек не может, придя из храма

домой, не сказать: «Бог милости прислал» и так немного, без слов, посидеть в кругу семьи, как бы еще сильнее стараясь запечатлеть в своей религиозной душе молитвенное настроение только что покинутого храма. И вдруг эта торжественная тишина была нарушена. Налетевшие самолеты врага с черными фашистскими крестами, будто намеренно выбирая себе цели, обрушили свои смертоносные бомбы на мирные жилища. Раздались взрывы, пламя охватило дома; крики раненых женщин, детей, стариков, треск горящего дерева и падающих построек — все смешалось в один стонущий гул.

Но и среди этого разгрома, пожаров и смертей не дрогнули души верующего населения.

Ктитор церкви, 70-летний Иосиф Михайлович Пчелкин, мужественно, невзирая на опасность для своей жизни, успокаивал население:

— Да что вы, право, детки мои! Или испугались антихриста этого? Да ведь мы же с вами православные. Сам Господь защитник нам. Не страшны нам его бомбы!

И потом, на призыв архипастыря сохранить в душе спокойствие и в мирной христианской молитве предать суду Божию обидчиков и разорителей земли Русской, верующие, не сдержав праведного гнева, в едином порыве восклицали:

— Антихрист идет на нашу землю! Все, все как один будем защищать свою Родину!

Одна из присутствовавших женщин, держа высоко над головой гробик своего младенца, убитого накануне осколком фашистской бомбы, призывала верующих отомстить фашистам.

Никогда не забудешь того чувства сплоченности и единодушия, с которым молились жители

Орла в те тяжелые для них дни. Да, так у нас, русских людей, искони ведется: хоть горе у одного, а чувствуют его все.

У нас и молитва всенародная, общая, и когда мы молимся, то молимся за весь народ, потому что мы, весь народ, составляем одно.

Нельзя было слушать без умиления беседы русского патриота, ктитора орловской церкви Пчелкина, с его сыном — машинистом Орловской железной дороги.

— Ишь тебя как разукрасили антихристы, — обнимая и целуя израненное лицо сына, произносит отец. — А ты их не бойся. Силы-то у них настоящей нет. Это он запугивает нас.

— Да нет, папаша, как-то о себе и не думаешь. Вот в прошлую ночь немец поджег мой поезд. Но не удалось — вовремя расцепили вагоны. Ни одной жертвы не было. Всех в сохранности доставил до места.

— Вот так-то, сынок, хорошо, не посрамил старика! Помни только: спасай чужих, если желаешь счастья родным своим. Тогда и Бог тебе помощником будет!

А сколько таких незаметных, неизвестных героев на земле русской, не щадящих своей жизни ради блага других, ради своего Отечества! Имена их Ты веши, Господи. Их нам и не перечесть.

Со слезами оставлял русский православный народ город Орел.

Расставаясь с глубокими старцами или тяжелобольными, которые не могли сами выйти из города, верующие и здесь нашли в себе твердость и мужество, свойственные только, как нам кажется, одним русским: не впадая в панику, вселить в оставшихся надежду и уверенность, что недале-

ко то время, когда они вновь соединятся, когда ненавистный враг со стыдом изгнан будет из пределов орловской земли, уверить их в том, что Бог не допустит, чтобы грязный сапог чужеземных врагов топтал святую русскую землю.

И мы глубоко верим, что Господь услышит их молитвы. Земля русская будет принадлежать только русским. Залогом нашей уверенности в этом служит неподкупная преданность русского народа Православной Русской Церкви, ее святителям Божиим, твердая, негибкая любовь к воспитавшей и взрастившей его русской земле.

Всем жертвует, кто чем может, русский народ для защиты своей Родины!

Все проникнуто и освящено в русском народе святой молитвой и верой во Христа, и эта вера сожжет дерзнувших вступить на нашу священную землю.

Алексий, Архиепископ Уфимский, 27 марта 1942 года, пятница 6-й седмицы Великого поста».

В 1943 году была подготовлена и напечатана еще одна книга — «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война», посвященная патриотической деятельности Московской Патриархии. Подобную же книгу о Ленинградской епархии хотел издать и митрополит Алексий (Симанский), но власти ответили отказом на его ходатайство.

В 1943 году с разрешения властей было возобновлено издание «Журнала Московской Патриархии», закрытого в 1935-м, на страницах каждого его номера можно было прочесть отклики на военные события. Журнал печатал рассказы очевидцев о зверствах фашистов, о разорении ими храмов, монастырей и уничтожении бесценных

памятников культуры, статьи о подвигах священников, материалы историко-патриотического характера. За все время войны журнал выходил ежемесячно тиражом в шесть тысяч экземпляров, и каждый выпуск содержал патриотические послания главы Церкви и ее иерархов к русскому народу.

А жаль, что ты так и не стал священником...

Изменения в судьбе Русской Православной Церкви в 1943 году были связаны с именем одного человека, о личности которого много спорят уже немало лет. Конечно, к сближению с Церковью Иосифа Сталина подвели внешние обстоятельства. Церковь проявила себя надежным союзником в войне, вера помогала сплочению людей, и следовало считаться с мнением народа, в трудные военные годы уже без страха выразившего свою религиозность. А также – произвести благоприятное впечатление на зарубежных союзников, показать всему миру, что гонений на религию в России якобы нет. Возможно, были и другие объективные причины. Но что касается личных мотивов главы СССР, это остается загадкой.

Конечно, у Сталина были неоднозначные отношения с Церковью, учитывая, что в юности он собирался стать священником.

Иосиф Джугашвили родился в 1879 году. В 1888 году Иосиф поступил в Горийское духовное училище, которое закончил с отличием в 1894 году. В том же году он был зачислен в Тифлисскую духовную семинарию. Там он первые два года был в числе примерных учеников, потом

его поведение и успеваемость становились все хуже, и наконец, в 1899 году, Иосиф Джугашвили был исключен из семинарии, не пройдя полный курс, «за неявку на экзамены по неизвестной причине». Тогда ему было двадцать лет.

Его одноклассник по духовному училищу свидетельствовал: «В первые годы учения Сосо был очень верующим, посещал все богослужения, пел в церковном хоре. Хорошо помню, что он не только выполнял религиозные обряды, но всегда и нам напоминал об их соблюдении». А его близкий товарищ по Тифлисской духовной семинарии А. Сипягин (позднее депутат от социалистов в Государственной думе первого созыва), ставший католическим священником восточного обряда, вспоминал, «как в те далекие годы они исповедовались старцу и каждый месяц приступали

Тифлисская духовная семинария. Снимок 70-х годов XIX века

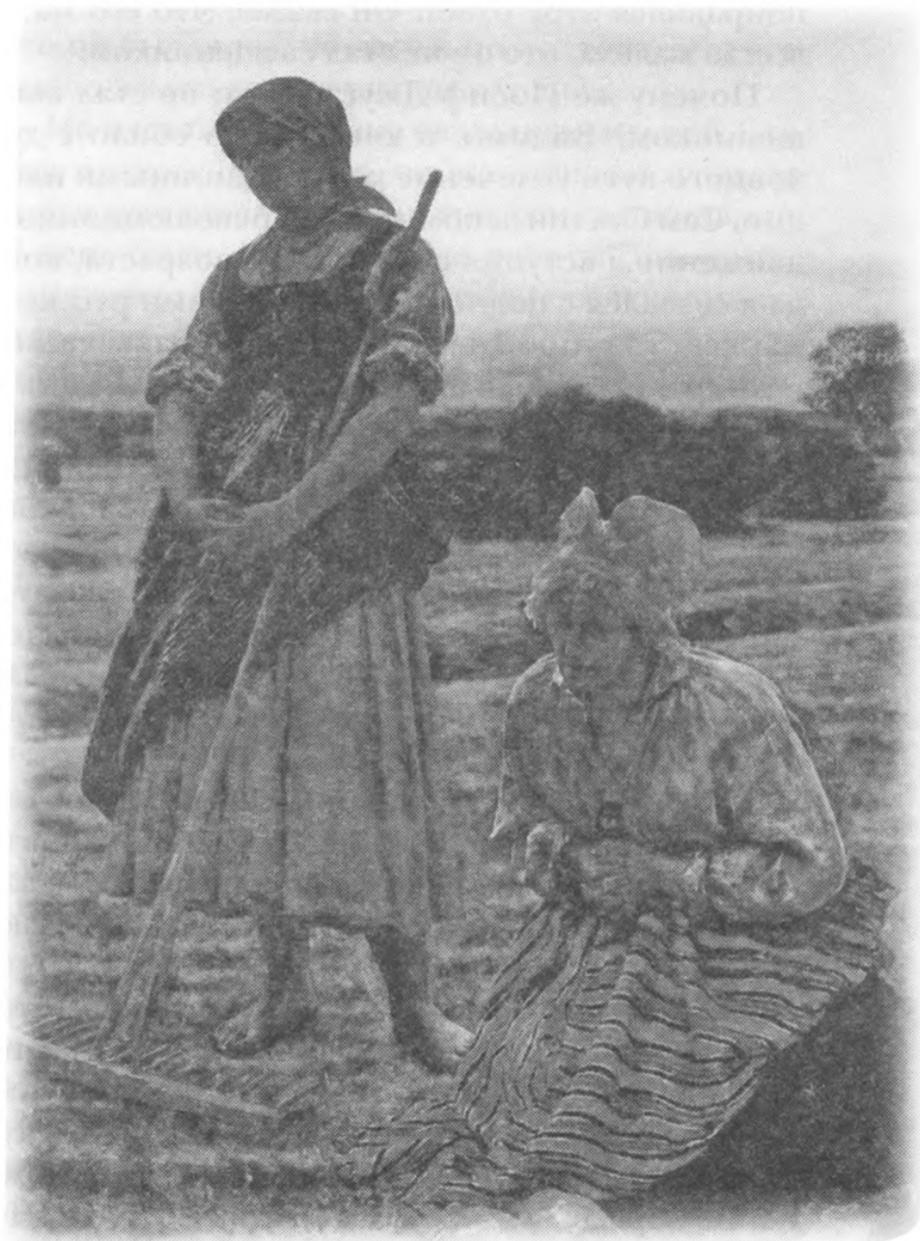
к причастию, что было тогда не очень распространено среди православных».

По воспоминаниям дочери Сталина, Светланы Аллилуевой, мать будущего вождя была верующим человеком. О своей бабушке С. И. Аллилуева писала: «...Характер у нее был, очевидно, строгий и решительный, и это восхищало отца. Она рано овдовела и стала еще суровее. У нее было много детей, но все умерли в раннем детстве, — только отец мой выжил. [...] Она так и не захотела покинуть Грузию и приехать жить в Москву, хотя отец звал ее, и мама тоже. Ей был не нужен столичный уклад жизни, она продолжала свою тихую, скромную жизнь простой набожной старухи. [...] У бабушки были свои принципы, — принципы религиозного человека, прожившего строгую, тяжелую, честную и достойную жизнь. Ее твердость, упрямство, ее строгость к себе, ее пуританская мораль, ее суровый мужественный характер, — все это перешло к отцу...

Она была очень набожна и мечтала о том, чтобы ее сын стал священником. Она осталась религиозной до последних своих дней и, когда отец навестил ее незадолго до ее смерти, сказала ему: «А жаль, что ты так и не стал священником»... Он повторял эти ее слова с восхищением; ему нравилось ее пренебрежение к тому, чего он достиг — к земной славе, к суете...»

Когда на исторической встрече с тремя иерархами Сталин задал митрополиту Сергию вопрос, почему у Церкви нет кадров, Владыка ответил: «Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится Маршалом Советского Союза». Сталину

Ей был не нужен столичный уклад жизни, она продолжала свою тихую, скромную жизнь простой набожной старухи. Ее твердость, упрямство, ее строгость к себе, ее пуританская мораль, ее суровый мужественный характер, — все это перешло к отцу...

понравился этот ответ. Он сказал, что его мать всегда жалела, что он не стал священником.

Почему же Иосиф Джугашвили не стал священником? Видимо, в юности его сбило с духовного пути увлечение революционными идеями. Сам Сталин вспоминал: «В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе» (Сталин И. В. Сочинения). О том, сохранил ли он в душе веру, став главой государства, вспомнил ли он о Боге, когда разразилась беда над страной, нельзя сказать определенно. Рассказы о том, что Сталин посещал старицу Матронушку, о явлении ему святых — это всего лишь ничем не подтвержденные легенды.

«Ходил слух, будто Сталин во время войны ездил к Матронушке — спросить у нее, когда кончится война. Что вы скажете по этому поводу? — задали вопрос фронтовику, протодиакону Николаю Поповичу.

— Да не мог он ездить к Матронушке! — ответил отец Николай. — А вот насчет его визитов в домовую церковь в Кремле, вполне возможно. Но чтобы он поехал к святому человеку, к старцу, и тем более к старице, это невозможно. Во-первых, все бы тотчас об этом узнали. Ну а во-вторых, не такой он был человек. Я убежден: Сталин — трагическая личность. Он до конца был верен марксизму-ленинизму.

— А домовый храм, куда он, возможно, ходил, был пустой?

— Ну, разумеется! Сейчас охранники пишут, что он бывал там по часу и по полтора. Это все-таки о чем-то да говорит, не так ли?

Но идеалы марксизма оказались сильнее. Сталин прекрасно учился, он закончил на одни пятерки духовное училище и три класса семинарии. У него были великолепные работы, он мечтал о монашестве. А потом начался революционный угар. Это — беда и болезнь. Кстати, в своей курсовой работе он в 18 лет написал: причина гибели Юлия Цезаря состояла в том, что он не создал аппарата личной власти. Какая мысль для молодого человека... Он и воплотил ее в жизнь» (*Протоиерей Михаил Ходанов*. Протодиакон Николай Попович. Путь фронтовика).

Был ли резкий поворот в отношениях Церкви и государства результатом изменения отношения к Церкви лично Сталина? Профессор церковной истории Московской Духовной Академии Алексей Светозарский так ответил на этот вопрос:

«Сталина называют недоучившимся семинаристом, а он недоучился всего один год; он прошел курс церковной истории, довольно хорошо в ней разбирался. Может быть, именно этого ему и не хватало в тех государственных институтах, которые он создавал. Он счел нужным включить в них и некую нишу для Православной Церкви. Что касается покаяния, то как мы можем об этом знать? Есть целый ряд легенд, преданий, но судить трудно...»

Его же комментарий по поводу того, что «Сталин испугался, вспомнил всех святых и дал свободу Церкви»:

«Уж больно большая получается инерция. Испугаться он мог в 1941 году, а в 1943 году он был уверен, что Советский Союз войну выиграет.

Историческая встреча произошла уже после Курской битвы, так что вопросов уже никаких быть не могло. Я думаю, что если это и играет какую-то роль, то очень-очень второстепенную...

Еще один фактор, который называют редко: Сталин был очень хорошим психологом и прекрасно понимал, что во время войны многие люди остались вдовыми и сиротами. Лишить матерей последнего утешения было бы со стороны государственного деятеля совсем неразумно.

Кроме того, руководство страны не могло вести активную работу по воспитанию патриотического духа, использовались все люди, которые имели какой-то авторитет, звонкое имя — артист, художник, писатель, и подобное участие давно забытых официальной прессой представителей высшей церковной иерархии приветствовалось, особенно в начальный период войны». (Дятлова Е. Война миров: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. Интервью с профессором Московской Духовной Академии Алексеем Светозарским).

Участник Великой Отечественной войны протодиакон Николай Попович говорит о роли Сталина:

«...В 1945 году в конце банкета Сталин поднял тост за русский народ, но уже в 1948... По-моему, я не ошибаюсь — в 1948 проходили выборы в Верховный Совет, Сталина избрали депутатом от Бауманского района, и он, выступая перед избирателями, сказал, что в войне победил новый общественный строй во главе с коммунистической партией. Эта речь была опубликована, мы ее в институте проходили. Ни слова там нет о русском народе (...)

...Опора на национальную основу — возвращение погон, традиций, старых песен, — то есть на патриотизм, была чисто стратегической уступкой Сталина. Часто теперешние сталинисты умиляются речью Патриарха Сергия, тогда митрополита. Он напечатал ее на машинке 22 июня, а в газетах ее опубликовали в августе. Почему? Да потому что в июне и июле думали, что коммунистическая идеология победит фашистскую, а христианство — вчерашний день. 3 июля Сталин выступил со своей речью, но ничего не сказал об обращении митрополита Сергия. Потому что христианство и марксизм-ленинизм — вещи непримиримые, никакой компромисс между ними невозможен. Если коммунисты примут христианство, они предадут Ленина, Сталина, Маркса и Энгельса (...)

...Но в 1941 году он понял, что проиграет войну, если будет вести ее под знаменами Маркса-Ленина и мировой революции, и надо поднимать знамя патриотизма. Отсюда погонны, новый гимн вместо «Интернационала», историко-патриотические фильмы...

— И даже пошел на уступки Церкви?

— Да, но в 1951 году он приказал вернуть Церкви все храмы, которые использовались для

*Епископ Афанасий (Сахаров)
в первые годы святительского
служения*

хозяйственных нужд, и священнослужителей обложили колоссальным налогом — за квартиру священник платил в десять раз больше, чем обычные граждане.

Церкви было сделано послабление в 1943-м, но «тихоновцев» среди освобожденных в 1943 году не было. Их держали в лагерях вплоть до смерти Сталина. Среди них великий исповедник и мученик XX века епископ Ковровский Афанасий (Сахаров)» (*Виноградов Л.* Протоиерей Николай Попович об атеистах в окопах, несвятом Сталине и красоте христианства).

Знаменательная встреча

В июле 1943 года работники НКГБ, курировавшие церковные вопросы, вступили в переговоры с митрополитом Николаем (Ярушевичем) и управляющим делами Московской Патриархии протоиереем Николаем Колчицким.

Личная встреча главы государства с местоблюстителем Патриаршего Престола — митрополитом Сергием (Страгородским), митрополитом Алексием (Симанским) и митрополитом Николаем (Ярушевичем) состоялась вечером 4 сентября 1943 года в Кремле. Владыка Сергей был срочно возвращен из Ульяновска (где он был в эвакуации) в Москву, а Владыка Алексий доставлен из блокадного Ленинграда. Также в беседе принимали участие В. М. Молотов и полковник НКГБ Г. Г. Карпов — будущий председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР.

«Во время беседы митрополит Сергей довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Православной Церкви имеет-

8 сентября в Москве состоялся Собор епископов Православной Церкви...

ся намерение в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода, — писала газета «Известия» от 5 сентября 1943 года. — Глава правительства товарищ И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предположениям и заявил, что со стороны правительства не будет к этому препятствий».

В той же газете 9 сентября 1943 года было опубликовано известие о состоявшемся Соборе: «8 сентября в Москве состоялся Собор епископов Православной Церкви, созванный для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода.

Собор епископов единодушно избрал митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси.

*Московская паства с особою любовью и торжественностью
встретала своего Архиепископа — Владыку Сергия — в кафедраль-
ном Богоявленском соборе*

Далее Собор единогласно принял оглашенное митрополитом Сергием обращение к Правительству СССР о выражении благодарности за внимание к нуждам Русской Православной Церкви. Архиепископ Саратовский Григорий прочел обращение к христианам всего мира. Этот документ, содержащий призыв к объединению всех усилий в борьбе против гитлеризма, также единогласно принят Собором».

Обе эти информационные заметки были перепечатаны «Журналом Московской Патриархии» в сентябре 1943 года. А в следующем номере журнала, октябрьском, были опубликованы «Впечатления участника собора епископов Православной Церкви в Москве 8 сентября 1943 года», где говорилось о том, что московская паства с особою любовью и торжественностью встречала после двухлетнего отсутствия своего Архипастыря — Владыку Сергия — в кафедральном Богоявленском соборе в воскресенье 5 сентября. «Литургия в этот день в соборе отличалась особою торжественностью. К этому дню уже собрались в Москве преосвященные, приехавшие на Собор из многих епархий, как близких, так и далеких. Все они участвовали во встрече своего Первосвященителя».

Это были первые номера журнала Московской Патриархии, возобновленного после закрытия. Ответственным редактором его стал сам Патриарх. К концу войны тираж журнала составил 6000 экземпляров.

В результате кремлевской встречи были приняты решения о создании духовных академий в Москве, Киеве и Ленинграде, об образовании Совета по делам Русской Православной Церкви.

11 октября 1943 года — впервые за все годы советской власти — двенадцати ленинградским священнослужителям были вручены правительственные награды: медали «За оборону Ленинграда»

митрополит Сергей сразу же представил Сталину список репрессированного духовенства с просьбой об их освобождении, и тот обещал разобраться в каждом отдельном случае. Были удовлетворены просьбы об организации свечных заводов и других производств, а также внесены соответствующие изменения в законодательные акты.

Патриархии был выделен транспорт и отведен особняк в Чистом переулке, д. 5, в котором до войны располагался немецкий посол Шуленбург. Что же касается Ленинградского митрополита, то 14 декабря 1943 года созданный в этом же году Совет по делам Русской Православной Церкви разрешил Владыке Алексию иметь тех-

нический аппарат, и 15 апреля 1944 года в здании Никольского собора открылась епархиальная канцелярия. А еще раньше, 11 октября 1943 года — впервые за все годы советской власти — двенадцати ленинградским священнослужителям были вручены правительственные награды: медали «За оборону Ленинграда».

Вот текст записки полковника НКГБ Г. Г. Карпова целиком:

ЗАПИСКА Г. Г. КАРПОВА О ПРИЕМЕ И. В. СТАЛИНЫМ ИЕРАРХОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

4.09.43 г. я был вызван к товарищу Сталину, где мне были заданы следующие вопросы:

а) что из себя представляет митрополит Сергей (возраст, физическое состояние, его авторитет в церкви, его отношение к властям),

б) краткая характеристика митрополитов Алексия и Николая,

в) когда и как был избран в патриархи Тихон,

г) какие связи Русская Православная Церковь имеет с границей,

д) кто являются патриархами Вселенским, Иерусалимским и другими,

е) что я знаю о руководстве православных церквей Болгарии, Югославии, Румынии,

ж) в каких материальных условиях находятся сейчас митрополиты Сергей, Алексей и Николай,

з) количество приходов православной церкви в СССР и количество епископата.

После того, когда мною были даны ответы на вышеуказанные вопросы, мне было задано три вопроса личного порядка:

а) русский ли я,

- б) с какого года в партии,
- в) какое образование имею и почему знаком с церковными вопросами.

После этого т. Сталин сказал:

— Нужно создать специальный орган, который бы осуществлял связь с руководством церкви. Какие у вас есть предложения?

Оговорившись, что к этому вопросу не совсем готов, я внес предложение организовать при Верховном Совете СССР отдел по делам культов и исходил при этом из факта существования при ВЦИКе постоянно действующей Комиссии по делам культов.

Тов. Сталин, поправив меня, сказал, что организовывать комиссию или отдел по делам культов при Верховном Совете Союза ССР не следует, что речь идет об организации специального органа при Правительстве Союза и речь может идти об образовании или комитета, или совета. Спросил мое мнение.

Когда я сказал, что затрудняюсь ответить на этот вопрос, т. Сталин, несколько подумав, сказал:

1) надо организовать при Правительстве Союза, т. е. при Совнаркоме, Совет, который назовем Советом по делам Русской православной церкви;

2) на Совет будет возложено осуществление связей между Правительством Союза и патриархом;

3) Совет самостоятельных решений не принимает, докладывает и получает указания от Правительства.

После этого т. Сталин обменялся мнениями с тт. Маленковым, Берия по вопросу, следует ли принимать ему митрополитов Сергия, Алексия,

Николая, а также спросил меня, как я смотрю на то, что Правительство примет их.

Все трое сказали, что они считают это положительным фактом.

После этого тут же, на даче т. Сталина, я получил указание позвонить митрополиту Сергию и от имени Правительства передать следующее: «Говорит с Вами представитель Совнаркома Союза. Правительство имеет желание принять Вас, а также митрополитов Алексия и Николая, выслушать Ваши нужды и разрешить имеющиеся у Вас вопросы. Правительство может Вас принять или сегодня же, через час-полтора, или если это время Вам не подходит, то прием может быть организован завтра (в воскресенье) или в любой день последующей недели».

Тут же, в присутствии т. Сталина, созвонившись с Сергием и отрекомендовавшись представителем Совнаркома, я передал вышеуказанное и попросил обменяться мнениями с митрополитами Алексием и Николаем, если они находятся в данное время у митрополита Сергия.

После этого доложил т. Сталину, что митрополиты Сергей, Алексей и Николай благодарят за такое внимание со стороны Правительства и хотели бы, чтобы их приняли сегодня.

Двумя часами позднее митрополиты Сергей, Алексей и Николай прибыли в Кремль, где были приняты т. Сталиным в кабинете Председателя Совнаркома Союза ССР. На приеме присутствовали т. Молотов и я.

Беседа т. Сталина с митрополитами продолжалась 1 час 55 минут.

Тов. Сталин сказал, что Правительство Союза знает о проводимой ими патриотической работе

в церквах с первого дня войны, что Правительство получило очень много писем с фронта и из тыла, одобряющих позицию, занятую церковью по отношению к государству.

Тов. Сталин, коротко отметив положительное значение патриотической деятельности церкви за время войны, просил митрополитов Сергия, Алексия и Николая высказаться об имеющихся у патриархии и у них лично назревших, но неразрешенных вопросах.

Митрополит Сергей сказал т. Сталину, что самым главным и наиболее назревшим вопросом является вопрос о центральном руководстве церкви, т. к. почти 18 лет [он] является Патриаршим Местоблюстителем и лично думает, что вряд ли где есть столь продолжительные вреды [трудности], что Синода в Советском Союзе нет с 1935 г., а потому он считает желательным, что [бы] Правительство разрешило собрать архиерейский Собор, который и изберет патриарха, а также образует орган в составе 5–6 архиереев.

Митрополиты Алексий и Николай также высказались за образование Синода и обосновали это предложение об образовании как наиболее желаемую и приемлемую форму, сказав также, что избрание патриарха на архиерейском Соборе они считают вполне каноничным, т. к. фактически церковь возглавляет бесменно в течение 18 лет Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей.

Одобрив предложения митрополита Сергия, т. Сталин спросил:

- а) как будет называться патриарх,
- б) когда может быть собран архиерейский Собор,

в) нужна ли какая помощь со стороны Правительства для успешного проведения Собора (имеется ли помещение, нужен ли транспорт, нужны ли деньги и т. д.).

Сергий ответил, что эти вопросы предварительно ими между собой обсуждались и они считали бы желательным и правильным, если бы Правительство разрешило принять для патриарха титул Патриарха Московского и всея Руси, хотя патриарх Тихон, избранный в 1917 г., при Временном правительстве, назывался «Патриархом Московским и всея России».

Тов. Сталин согласился, сказав, что это правильно.

На второй вопрос митрополит Сергей ответил, что архиерейский Собор можно будет собрать через месяц, и тогда т. Сталин, улыбнувшись, сказал: «А нельзя ли проявить большевистские темпы?» Обратившись ко мне, спросил мое мнение, я высказался, что если мы поможем митрополиту Сергию соответствующим транспортом для быстрой доставки епископата в Москву (самолетами), то Собор мог бы быть собран и через 3–4 дня.

После короткого обмена мнениями договорились, что архиерейский Собор соберется в Москве 8 сентября.

На третий вопрос митрополит Сергей ответил, что для проведения Собора никаких субсидий от государства они не просят.

Вторым вопросом митрополит Сергей поднял, а митрополит Алексей развил вопрос о подготовке кадров духовенства, причем оба просили т. Сталина, чтобы им было разрешено организовать богословские курсы при некоторых епархиях.

Тов. Сталин, согласившись с этим, в то же время спросил, почему они ставят вопрос о богословских курсах, тогда как Правительство может разрешить организацию духовной академии и открытие духовных семинарий во всех епархиях, где это нужно.

Митрополит Сергей, а затем еще больше митрополит Алексей сказали, что для открытия духовной академии у них еще очень мало сил и нужна соответствующая подготовка, а в отношении семинарий — принимать в них лиц не моложе 18 лет они считают неподходящим по времени и прошлому опыту, зная, что, пока у человека не сложилось определенное мировоззрение, готовить их в качестве пастырей весьма опасно, т. к. получается большой отсев, и, может быть, в последующем, когда церковь будет иметь соответствующий опыт работы с богословскими курсами, встанет этот вопрос, но и то организационная и программная сторона семинарий и академий должна быть резко видоизменена.

Тов. Сталин сказал: «Ну, как хотите, это дело ваше, а если хотите богословские курсы, начинайте с них, но Правительство не будет иметь возражений и против открытия семинарий и академий».

Третьим вопросом Сергей поднял вопрос об организации издания журнала Московской Патриархии, который бы выходил один раз в месяц и в котором освещались бы как хроника церкви, так и статьи и речи богословского и патриотического характера.

Тов. Сталин ответил: «Журнал можно и следует выпускать». Затем митрополит Сергей затронул вопрос об открытии церквей в ряде епархий, ска-

зав, что об этом перед ним ставят [вопросы] почти все епархиальные архиереи, что церковей мало и что уж очень много лет церкви не открываются. При этом митрополит Сергей сказал, что он считает необходимым предоставить право епархиальному архиерею входить в переговоры с гражданской властью по вопросу открытия церковей.

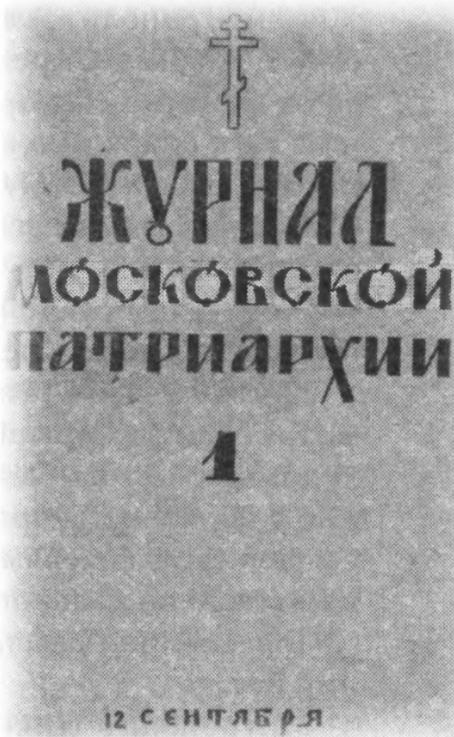
Митрополиты Алексей и Николай поддержали Сергея, отметив при этом неравномерность распределения церковей в Советском Союзе и высказав пожелание в первую очередь открывать церкви в областях и краях, где нет совсем церковей или где их мало.

Тов. Сталин ответил, что этому вопросу никаких препятствий со стороны Правительства не будет.

Затем митрополит Алексей поднял вопрос перед т. Сталиным об освобождении некоторых архиереев, находящихся в ссылке, в лагерях, в тюрьмах и т. д.

Тов. Сталин сказал им: «Представьте такой список, его рассмотрим».

Сергей поднял тут же вопрос о предоставлении права свободного проживания и передвижения внутри Союза

Третьим вопросом Сергей поднял вопрос об организации издания журнала Московской Патриархии. Товарищ Сталин ответил: «Журнал можно и следует выпускать»

и права исполнять церковные службы бывшим священнослужителям, отбывшим по суду срок своего заключения, т. е. вопрос был поднят о снятии запретов, вернее, ограничений, связанных с паспортным режимом.

Тов. Сталин предложил мне этот вопрос изучить.

Митрополит Алексей, попросив разрешения у т. Сталина, специально остановился на вопросах, имеющих отношение к церковной кассе, а именно:

а) митрополит Алексей сказал, что он считает необходимым предоставление епархиям права отчислять некоторые суммы из касс церквей и из касс епархий в кассу центрального церковного аппарата для его содержания (патриархия, Синод), и в связи с этим же митрополит Алексей привел пример, что инспектор по административному надзору Ленсовета Татаринцева такие отчисления делать не разрешила;

б) что в связи с этим же вопросом он, а также митрополиты Сергей и Николай считают необходимым, чтобы было видоизменено Положение о церковном управлении, а именно — чтобы священнослужителям было дано право быть членами исполнительного органа церкви.

Тов. Сталин сказал, что против этого возражений нет.

Митрополит Николай в беседе затронул вопрос о свечных заводах, заявив, что в данное время церковные свечи изготавливаются кустарями, продажная цена свечей в церквях весьма высокая и что он, митрополит Николай, считает лучшим предоставить право иметь свечные заводы при епархиях.

Тов. Сталин сказал, что церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку Правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР, и что, как он говорил об организации духовных учебных заведений, не возражая против открытия семинарий в епархиях, так не может быть препятствий и к открытию при епархиальных управлениях свечных заводов и других производств.

Затем, обращаясь ко мне, т. Сталин сказал: «Надо обеспечить право архиерея распоряжаться церковными суммами. Не надо делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т. д.»

Затем т. Сталин, обращаясь к трем митрополитам, сказал: «Если нужно сейчас или если нужно будет в дальнейшем, государство может отпустить соответствующие субсидии церковному центру».

После этого т. Сталин, обращаясь к митрополитам Сергию, Алексию и Николаю, сказал им: «Вот мне доложил т. Карпов, что вы очень плохо живете: тесная квартирка, покупаете продукты на рынке, нет у вас никакого транспорта. Поэтому Правительство хотело бы знать, какие у вас есть нужды и что вы хотели бы получить от Правительства».

В ответ на вопрос т. Сталина митрополит Сергей сказал, что в качестве помещений для патриархии и для патриарха он просил бы принять внесенные митрополитом Алексием предложения о предоставлении в распоряжение патриархии бывшего игуменского корпуса в Новодевичьем монастыре, а что касается обеспечения

продуктами, то эти продукты они покупают на рынке, но в части транспорта просил бы помочь, если можно, выделением машины.

Тов. Сталин сказал митрополиту Сергию: «Помещения в Новодевичьем монастыре т. Карпов посмотрел: они совершенно неблагоустроенны, требуют капитального ремонта, и, чтобы занять их, надо еще много времени. Там сыро и холодно. Ведь надо учесть, что эти здания построены в XVI в. Правительство вам может предоставить завтра же вполне благоустроенное и подготовленное помещение, предоставив вам 3-этажный особняк в Чистом переулке, который занимался ранее бывшим немецким послом Шуленбургом. Но это здание советское, не немецкое, так что вы можете совершенно спокойно в нем жить. При этом особняк мы вам предоставляем со всем имуществом, мебелью, которая имеется в этом особняке, а для того, чтобы лучше иметь представление об этом здании, мы сейчас вам покажем план его».

Через несколько минут представленный т. Сталину т. Поскребышевым план особняка по Чистому переулку, дом 5, с его подворными постройками и садом был показан для ознакомления митрополитам, причем было условлено, что на другой день, 4 сентября, т. Карпов предоставит возможность митрополитам лично осмотреть указанное выше помещение.

Вновь затронув вопрос о продовольственном снабжении, т. Сталин сказал митрополитам: «На рынке продукты покупать вам неудобно и дорого, и сейчас продуктов на рынок колхозник выбрасывает мало. Поэтому государство может обеспечить продуктами вас по государственным

Новодевичий монастырь. Рисунок. XIX в.

ценам. Кроме того, мы завтра-послезавтра предоставим в ваше распоряжение 2–3 легковые автомашины с горючим».

Тов. Сталин спросил митрополита Сергия и других митрополитов, нет ли у них еще каких-либо вопросов к нему, нет ли других нужд у церкви, причем об этом т. Сталин спросил несколько раз.

Все трое заявили, что особых просьб больше они не имеют, но иногда на местах бывает переобложение духовенства подходящим налогом, на что т. Сталин обратил внимание и предложил мне в каждом отдельном случае принимать соответствующие меры проверки и исправления.

После этого т. Сталин сказал митрополитам: «Ну, если у вас больше нет к Правительству вопросов, то, может быть, будут потом. Правительство предполагает образовать специальный государственный аппарат, который будет называться “Совет по делам Русской православной церкви”, и председателем Совета предполагается назначить т. Карпова. Как вы смотрите на это?»

Все трое заявили, что они весьма благожелательно принимают назначение на этот пост т. Карпова.

Тов. Сталин сказал, что Совет будет представлять собою место связи между Правительством и церковью, и председатель его должен [докладывать] Правительству о жизни церкви и возникающих у нее вопросах.

Затем, обращаясь ко мне, т. Сталин сказал: «Подберите себе 2–3 помощников, которые будут членами вашего Совета, образуйте аппарат, но только помните, во-первых, что вы не обер-прокурор; во-вторых, своей деятельностью больше подчеркивайте самостоятельность церкви».

После этого т. Сталин, обращаясь к т. Молотову, сказал: «Надо довести об этом до сведения населения, так же как потом надо будет сообщить населению и об избрании патриарха».

В связи с этим Вячеслав Михайлович Молотов тут же стал составлять проект коммюнике для радио и газет, при составлении которого вносились соответствующие замечания, поправки и дополнения как со стороны т. Сталина, так и отдельные со стороны митрополитов Сергия и Алексия.

Текст извещения был принят в следующей редакции:

«4 сентября с. г. у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР т. И. В. Сталина состоялся прием, во время которого имела место беседа с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и экзархом Украины, Киевским и Галицким митрополитом Николаем.

Во время беседы митрополит Сергей довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах православной церкви имеется намерение созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при патриархе Священного Синода.

Глава Правительства т. И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны Правительства не будет к этому препятствий.

При беседе присутствовал Заместитель Председателя Совнаркома СССР т. В. М. Молотов».

Это извещение было опубликовано в газете «Известия» от 5 сентября 1943 г.

Коммюнике было передано т. Поскребышеву для передачи в этот же день по радио и в ТАСС для напечатания в газетах.

После этого т. Молотов обратился к Сергию с вопросом: когда лучше принять делегацию Англиканской церкви, желающую приехать в Москву во главе с архиепископом Йоркским?

Сергий ответил, что, поскольку Собор епископов будет собран через 4 дня, значит, и будут проведены выборы Патриарха, англиканская делегация может быть принята в любое время.

Тов. Молотов сказал, что, по его мнению, лучше будет принять эту делегацию месяцем позднее.

В заключение этого приема у т. Сталина выступил митрополит Сергий с кратким благодарственным словом к Правительству и лично к т. Сталину.

Тов. Молотов спросил т. Сталина: «Может, следует вызвать фотографа?»

Тов. Сталин сказал: «Нет, сейчас уже поздно, второй час ночи, поэтому мы сделаем это в другой раз».

Тов. Сталин, попрощавшись с митрополитами, проводил их до дверей своего кабинета.

Данный прием был историческим событием для церкви и оставил у митрополитов Сергия, Алексия и Николая большие впечатления, которые были очевидны для всех, кто знал и видел в те дни Сергия и других.

Символично, что эти изменения произошли в 1943 году, когда, по замыслу безбожников, торжество атеизма должно было увенчаться полным истреблением священников и храмов. Самая страшная война в истории страны все расставила по своим местам.

Глава 4. Немцы показали себя жестокими безбожниками...

Разделяй и властвуй...

Очевидно, что надежды на союз захватчиков с Русской Православной Церковью, питаемые фашистскими властями и теми немногими, кто видел в них спасителей России от большевистского режима, были бесплодными. Действительно, гитлеровцы пытались использовать бедственное положение верующих в СССР в собственных целях. Как известно, они не препятствовали открытию храмов на занятых ими территориях — в то же время подвергая действия священства жесткому контролю, заставляя превозносить Гитлера и молиться о победе Германии.

Гитлер не раз излагал свое видение церковной политики на оккупированных территориях. Он говорил о том, что необходимо запретить «устройство единых церквей для сколько-нибудь значительных русских территорий». «Нашим интересам, — утверждал он, — соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы». Он был уверен в том, что церковные организации необходимо использовать для управления «покоренными народами».

«Целью войны для Гитлера и руководства нацистской партии было расчленение нашей страны и порабощение славянских народов. Поэтому в случае победы Германии Православной Церкви, высшей национальной святыни русского народа, грозило жестокое гонение. Но фашистские идеологи прикрывали свою разбойничью войну именем Бога, называли ее крестовым походом», — пишет протоиерей Владислав Цыпин в работе «Православная Церковь на Украине в годы немецкой оккупации (1941–1944).

В пропагандистских целях оккупационные власти выдавали разрешения на открытие церквей. При этом в проведении религиозной политики они исполняли коварное указание Гитлера: «Мы должны избегать, чтобы одна Церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту. Если некоторые деревни в результате захотят практиковать черную магию, как это делают негры или индейцы, мы не должны ничего делать, чтобы воспрепятствовать им. Коротко говоря, наша политика на широких просторах должна заключаться в поощрении любой и каждой формы разъединения и раскола».

Исполняя это указание, министр оккупированных восточных территорий А. Розенберг

в письме к рейхскомиссарам Остланда и Украины наметил основные принципы религиозной политики Германии на занятых землях:

1. Религиозным группам категорически воспрещается заниматься политикой.

2. Религиозные группы должны быть разделены по признакам национальным и территориальным. При этом национальный признак должен особенно строго соблюдаться при подборе возглавления религиозных групп. Территориально же религиозные объединения не должны выходить за границы Генералбецирка², то есть приблизительно, в применении к Православной Церкви, за границы одной епархии.

3. Религиозные общества не должны мешать деятельности оккупационных властей.

Эти планы разбились, натолкнувшись на патриотизм верующих людей в СССР, их нежелание подчиняться врагу в обмен на «религиозные свободы».

Позиция, с которой выступила во время Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь, вызвала удивление у идеологов Рейха, разбивая все их расчеты. Была попытка объяснить это тем, что «советская пропаганда сумела ловко использовать религиозные чувства населения в своих целях», — как говорилось в бюллетене Полиции безопасности от 7 мая 1943 года «Донесения из оккупированных восточных областей». Там же отмечалось, что «Церкви и массы все в большей степени получают поощрения. Как стало известно из Москвы, наплыв жителей в церкви в Пасхальные дни был значительным.

² Генерального округа.

Позиция, о которой выступила во время Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь, вызвала удивление у идеологов Рейха, разбивая все их расчеты

Великая Отечественная

Этот факт пропагандистски весьма сильно используется и находит распространение, прежде всего у союзников».

Естественно, что отношение оккупантов к Церкви полностью изменилось, уже не было и речи о ее поддержке, и в донесениях с захваченных территорий 1943 года Церковь уже упоминается как «противник».

«Германские власти достаточно быстро поняли, какой эмоционально патриотический заряд несет в себе восстановление церковной православной жизни на оккупированных территориях, и потому пытались жестко регламентировать формы отправления культа. Ограничивалось время проведения богослужений — только ран-

ним утром в выходные дни — и их длительность. Колокольный звон был запрещен. В Минске, к примеру, ни на одном из открывшихся здесь храмов немцы не разрешили воздвигнуть кресты. Вся церковная недвижимость, которая оказалась на занятых землях, объявлялась ими собственностью рейха. Когда оккупанты считали это необходимым, они использовали храмы в качестве тюрем, концлагерей, казарм, конюшен, сторожевых постов, огневых точек. Так, под концентрационный лагерь для военнопленных была отведена значительная часть территории древнейшего в Западной Руси Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря, основанного еще в XII веке» (В. Полонский. Церковь в годы войны: служение и борьба на оккупированных территориях).

Могла ли Русская Православная Церковь действительно стать пятой колонной? Профессор Московской Духовной Академии А. Светозарский так ответил на этот вопрос: «Я думаю, что это больше было опасение со стороны власти, ведь патриотизм — естественное чувство русского православного христианина. Хотя единичные представители особенно оппозиционных Московскому Патриархату течений, те же «непоминающие», вели себя несколько иначе. Советскую власть они считали властью антихриста — прямо, не в переносном смысле, — и надо сказать, что среди них наиболее часто встречаются случаи коллаборационизма, сотрудничества с оккупационными властями, взять хотя бы так называемые бригады Каминского. Что касается общецерковной позиции, то, конечно, само Тело Церковное — народ православный — воспринимал Россию как

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

свою Родину при всех разных настроениях начального периода войны.

...Если мы посмотрим трофейные немецкие кадры, которые любят показывать наши демократы, обратите внимание, там есть замечательные кадры, когда колонны военнопленных проходят мимо окопа, в котором лежит целый пулеметный расчет: три убитых красноармейца, пулемет, пустые ленты и окопчик заполнен гильзами, то есть отстреливались до последнего! Возьмите Брестскую крепость. Всякие были настроения, но вот здесь-то момент истины и наступает. Каким принуждением, фанатизмом это можно объяснить? Это самый настоящий патриотизм, потому что люди были самые разные. Целые дивизии ополчения выходили и гибли в условиях того времени: плохо вооруженные, необученные, но если армия не может, то значит, воюет уже весь народ» (Е. Дятлова. Война миров: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. Интервью с профессором Московской Духовной Академии А. Светозарским).

Конечно же, народ и был той самой Церковью — множество верующих наряду с атеистами воевали на фронтах, оказывали сопротивление на захваченных территориях, делали все возможное для фронта в тылу.

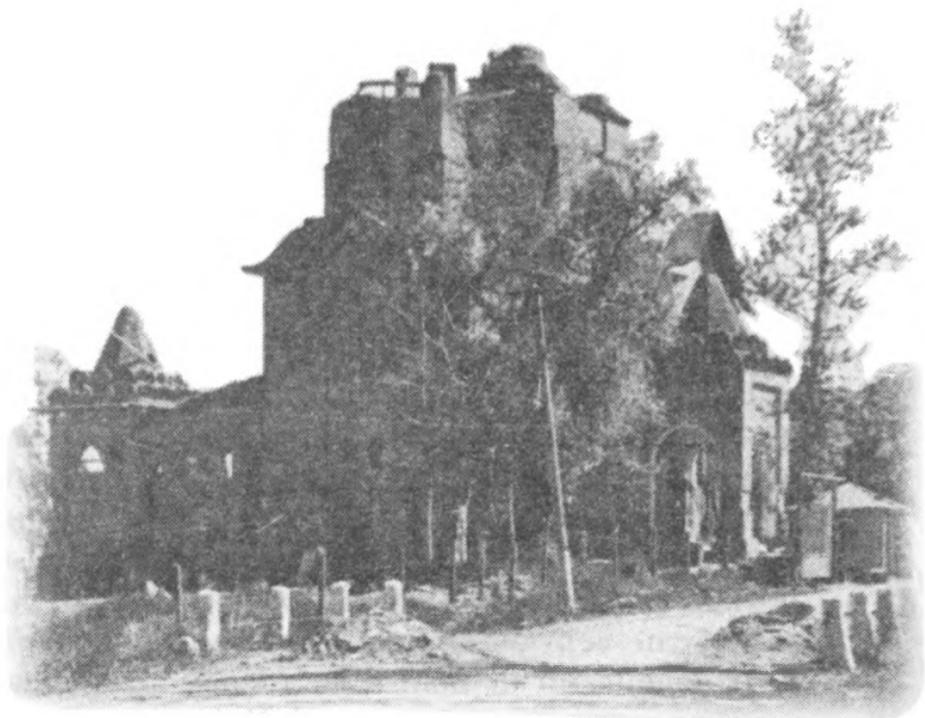
Всюду — смерть и разрушение...

Столкнувшись с героическим сопротивлением, с проявлением патриотизма, в том числе со стороны церковных людей, священников, прихожан православных храмов, гитлеровцы вынуждены были сбросить маску «освободителей». Те,

кто рассматривал вторжение фашистских войск в СССР как избавление от гонений властей, смогли убедиться в том, что свои тщетные надежды они возлагали на врагов православия. Общеизвестно, что, оставляя оккупированные территории, фашисты несказанно зверствовали, при этом не щадили они и храмы — не просто разграбляли и сжигали их, но и уничтожали вместе с людьми.

«Протоиерей солнечногорской приходской Николаевской церкви Н. Успенский сообщает, что немцы, войдя в город, подошли к церкви и бросили в имеющееся под ней убежище гранату.

*Немецкие войска в несколько дней уничтожили
все старо-нижегородские церкви...*

В убежище в это время было много людей и среди них порядочно детей.

Совершая варварские и кощунственные действия в отношении церкви, немцы и их пасторы на словах фарисейски рядились в крестоносных рыцарей, агитирующих против советской власти, якобы уничтожающей Православную Церковь» (Цит. по книге «Правда о религии в России»).

«21 сентября 1941 года г. Новый Петергоф был оккупирован немецкими захватчиками, и положение храмов г. Старого Петергофа и его мирного верующего населения резко изменилось. Немецкие войска в несколько дней систематическими артобстрелами и бомбежками лишили верующих их святынь — уничтожили все старо-петергофские церкви. При этом свои обстрелы и разрушения храмов фашисты обставили так, что вместе с храмами погибли молившиеся в них (преимущественно старики, женщины и дети), искавшие под сводами храмов убежища и спасения от обстрелов и бомбежек.

Под сводами Троицкой церкви и в самой церкви собралось свыше 2000 человек, из коих не менее 100 детей. В подвале Лазаревской церкви и на кладбище (в склепах) укрывалось до 2000 человек. В убежище Серафимовской церкви было до 1000 человек.

Эти цифры примерно определяют число жертв, погибших под развалинами храмов.

Гибель верующих под сводами Троицкой кладбищенской церкви и в склепах кладбища, а также в подвалах-убежищах других названных храмов, уничтожение артобстрелом самого кладбища с его могилами — потрясают ужасом.

Не представилось возможным определить число снарядов и мин, брошенных немцами на здание Троицкой церкви, а равно и на другие храмы г. Старого Петергофа. Однако с несомненностью известно, что интенсивный обстрел Троицкого храма продолжался в течение недели до полного разрушения здания и гибели находящихся в нем людей. То же было и в отношении прочих храмов.

Установлено также, что фашисты не давали возможности выйти на улицу находившимся под сводами Троицкой церкви и других храмов гражданам — старикам, женщинам и детям, открывая по ним минометный и пулеметный огонь. Отсюда среди находившихся в подвалах храмов и в убежищах (под каменными зданиями) появились массовые эпидемические заболевания и поголовная вшивость. Легко представить санитарное состояние и удобства тысяч голодных людей, с вещами скопившихся в темных, тесных, низких, сырых, не приспособленных для убежищ церковных подвалах. Спертый, одуряющий воздух и от дыхания, и от испражнений несчастных, насмерть испуганных людей вызывал среди них массовые случаи головокружений и обмороков. А малейшая попытка выйти на свежий воздух каралась бесчеловечными фашистами расстрелом больных.

Отмеченные преступления немецких захватчиков заактированы и подтверждаются исчерпывающими документальными доказательствами и письменными заявлениями очевидцев, хранящимися в делах Комиссии³.

³ Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

Петербург. Церковь Святой Троицы. Снимок последней трети XIX века

Вашего Высокопреосвященства покорный слуга благочинный протоиерей Николай Ломакин, 1 сентября 1943 г.» (Статья «Немецкие зверства в г. Старом Петергофе близ Ленинграда». Журнал Московской Патриархии. № 1 за 1943 год).

Еще в первый год войны, в послании от 24 ноября 1941 года, митрополит Сергей давал справедливую оценку заигрываниям фашистов с Церковью. Он утверждал: «Гитлеровский молох продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч за «защиту религии» и «спасение» якобы поруганной веры. Но всему миру ведомо, что это исчадие ада старается лживой личиной благочестия только прикрыть свои злодеяния. Во всех поработанных им странах он творит гнусные надругательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божии, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, гноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить его сатанинскую власть над всей землей. Православные, бежавшие из фашистского плена, поведали нам о глумлении фашистов над храмами. Невольно глаза заполняются слезами у русских людей при вестях о том, как в православных храмах расстреливают ни в чем не повинных матерей и стариков и как храмы превращаются в конюшни. Лютый враг Гитлер не только устраивает гонение на христианство, но и хочет истребить славянские народы... Вот почему прогрессивное человечество объявило Гитлеру священную войну за христианскую цивилизацию, за свободу совести и веру».

Как и в книге «Правда о Церкви в России», на страницах «Журнала Московской Патриархии»,

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

«Всему миру ведомо, — говорил Патриарх Сергей, — что гитлеровский толчок, это историческая афера, старается лживой личиной благочестия только прикрыть свои злодеяния...»

выпуск которого власти разрешили в 1943 году, печатались свидетельства очевидцев о фашистских зверствах и надругательствах над тем, что было свято для верующих людей.

«Мы, нижеподписавшиеся, граждане села Емельяново Калининской области, заявляем, что в нашем селе был благоустроенный храм в честь Св. Николая. Немцы при отступлении из Калининской области спалили наш прекрасный храм. За время пребывания своего в нашем селе немцы безжалостно грабили нас, забирали коров, кур, мясо, белье, обувь, мануфактуру, рожь, муку и разный хозяйственный инвентарь.

Немцы показали себя жестокими безбожниками.

Граждане Емельяновского села, члены церковного совета: Пелагея Игнатьевна Карасева, Мария Емельяновна Егорова, Капитолина Николаевна Матриничева. 23 марта 1942 года».

«...Немцы показали, что они злейшие враги христианства, не только жестоким отношением к живым людям, а и варварскими разрушениями православных храмов, осквернением их, кощунством над церковными святынями и обрядами Православной Церкви. Пред нами многочисленные заявления верующих, подтверждающие вышеуказанное.

В селе Емельяново Калининской области из 400 домов немцы спалили 365. Сожгли благолепный, благоустроенный храм, сперва расстреляв святые иконы и священные картины.

При отступлении из города Калинин они сожгли церкви Покровскую за Тьмакой и Великомученицы Екатерины против Речного вокзала.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы в заволжской части Калинина разрушена немцами. Сейчас она спешно ремонтируется верующими.

В городе Старица Калининской области немцы заняли действующую Ильинскую церковь сначала под общежитие, а потом превратили ее в тюрьму для пленных красноармейцев. Из шкафов они украли сосуды, кресты, Евангелия, крестильный ящик, венчальные венцы, митры, дарохранительницу и т. п., сделав храм негодным для богослужения. При отступлении из города Старица немцы пытались храм поджечь, но благодаря мерам, принятым приходским священником, этого им сделать не удалось.

В 35 километрах от Старицы по Волоколамскому шоссе находится село Первитино. В нем благоустроенная, благолепная действующая церковь была превращена немцами в конюшню. По рассказам духовенства Старицы и верующих, в селах Мичково, Степурино, Гурьево, Первитино,

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

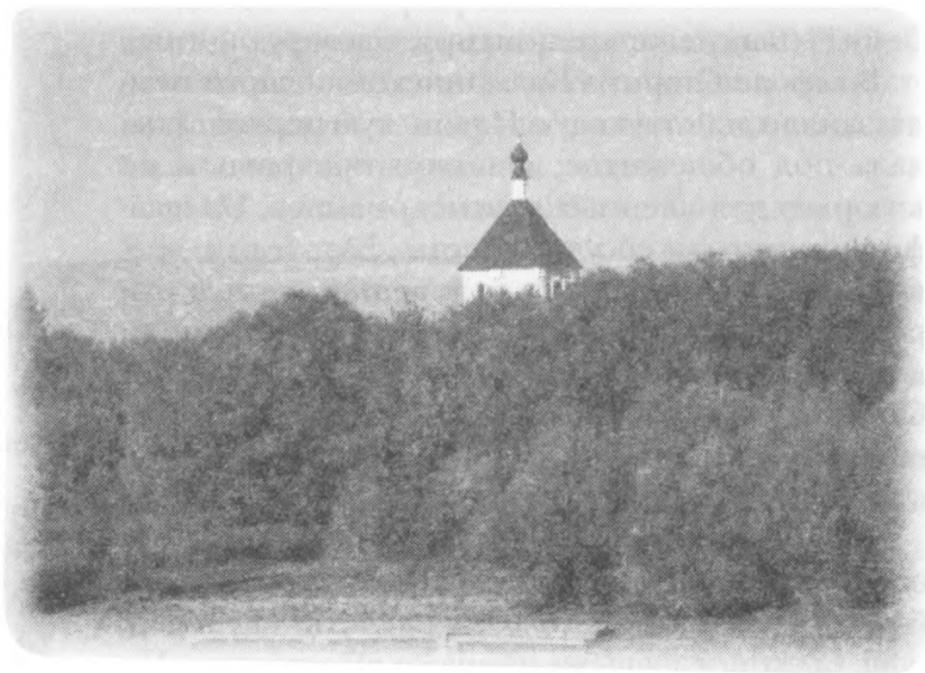

Ульяновское, Калицыно и Латошино немцы вели себя исключительно безобразно...

...Никакие хитроумные подходы врага к религиозной психологии верующих русских людей не могли склонить их к германофильству. Никогда не шли на это ни священники, ни миряне.

Прихожане церковей укрывали иногда в стенах храма ушедших из окружения русских бойцов, выдавая их за местных рабочих.

Верующие матери-христианки в наших городах и селах сознательно благословляли своих детей на защиту Родины. При посещении исторического Новоиерусалимского Воскресенского собора, взорванного немцами, я нашел на должности сторожа при руинах этого храма

Церковь Спокрова Богородицы за Тьмакой. Тверь. Восстановлена в 1987 году

гражданку села Никулина Истринского района Елизавету Корчагину — вдову, благословившую своих трех сыновей на защиту Родины. Младшему из них, Вите, говорила мать, было еще только 17 лет. Он ушел добровольно в партизаны и был убит немцами в родном селе 26 ноября 1941 года.

«Я подобрала его труп и унесла в убежище, но немцы, обнаружив его, отняли у меня и бросили неизвестно где. Я глубоко скорблю, что у меня, матери, немцы отняли даже труп моего сына и лишили меня, верующую христианку, последнего утешения — похоронить сынка, поплакать и помолиться на его могилке». Да воздаст Праведный Судия нашим злым обидчикам своим грозным воздаянием!

Протоиерей города Москвы Александр Смирнов, 9 апреля 1942 года. Светлый Четверг».

«...В соседнем с городом селе Александрове Можайского района верующие граждане были чрезвычайно рады, что у них есть священник и идет служба. Но эта радость вскоре же была отнята: церковь немцы взорвали, а все дома верующих сожгли. Такая же участь постигла деревни Ченцово, Игуменово, в которых не осталось ни одного дома. Немцы поступали жестоко: выгоняли жителей из домов на мороз, а дома один за другим сжигали. В окрестностях города много таких сожженных деревень.

Под нашим храмом Святых Иоакима и Анны, в нижнем помещении, было убежище, вмещавшее до 1000 человек. И вот, когда там был народ, немецкий солдат начал стрелять в людей...»

Протоиерей села Трубино Угодско-Заводского района Владимир Виноградов с болью в душе

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

*Да воздаст Праведный Судья нашим злым обидчикам своим
грозным воздаянием!*

Великая Отечественная

рассказывает, как храм Знамения Божией Матери в селе, где он родился и рос, — где все напоминало ему и радость детства, и потом первые шаги его пастырской деятельности, — как его родной храм был превращен немцами в кирху. Со стен были сорваны иконы, уничтожен престол, выброшены и сожжены ризы, в которых служил некогда его отец — тоже священник. И как потом на святом амвоне появился немецкий священник, по внешнему виду скорее похожий на солдата, при револьвере и гранатах на поясе... «Нам, православным, — рассказывает отец протоиерей Виноградов, — был отведен для службы маленький придел в нижнем этаже храма. Но и в нем недолго мы находились; срывая на нас свою злобу, немцы выгнали верующих из храма и устрои-

ли в нем конюшни. При мне и не стесняясь меня, они в храме отправляли свои естественные потребности. Глумясь над святыней нашего храма, немцы все это старались проделывать при верующих».

В православные церкви немцы входили в шапках, с оружием, шли в алтарь через царские врата, стаскивали со святыни храма — престола — священные вещи, стреляли в случайно залетевших в храм голубей, курили табак, крали иконы и кресты. Они избивали и грабили священников и верующих, как это было в селе Холм Можайского района. Избивали представителей церковных советов православных церквей только за то, что они не давали пьяным немецким солдатам взламывать православные храмы. Фашисты грабили верующее население, не щадя и младенцев. Так, верующие города Вереи Максимова, Тарасова и Синодская свидетельствуют, что немцы раздели новорожденного младенца, сняли с него ватное одеяльце, в котором его несли в церковь крестить, а ребенка оставили в сорокаградусный мороз в одной пеленке.

История не знала еще таких случаев, чтобы храмы и церкви были превращены в места казни и расстрелов верующих.

Священник города Вереи Алексей Соболев рассказывает: «Я был ошеломлен гнусностью преступления немецких фашистов в нашем городе. Придя в Верейский собор, сразу после изгнания немцев из города, для богослужения, я застал в нем более 30 верующих, расстрелянных немцами, по-видимому, перед самым своим уходом из города. Некоторые тела находились в молитвенном положении. Весь пол соборного храма был

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

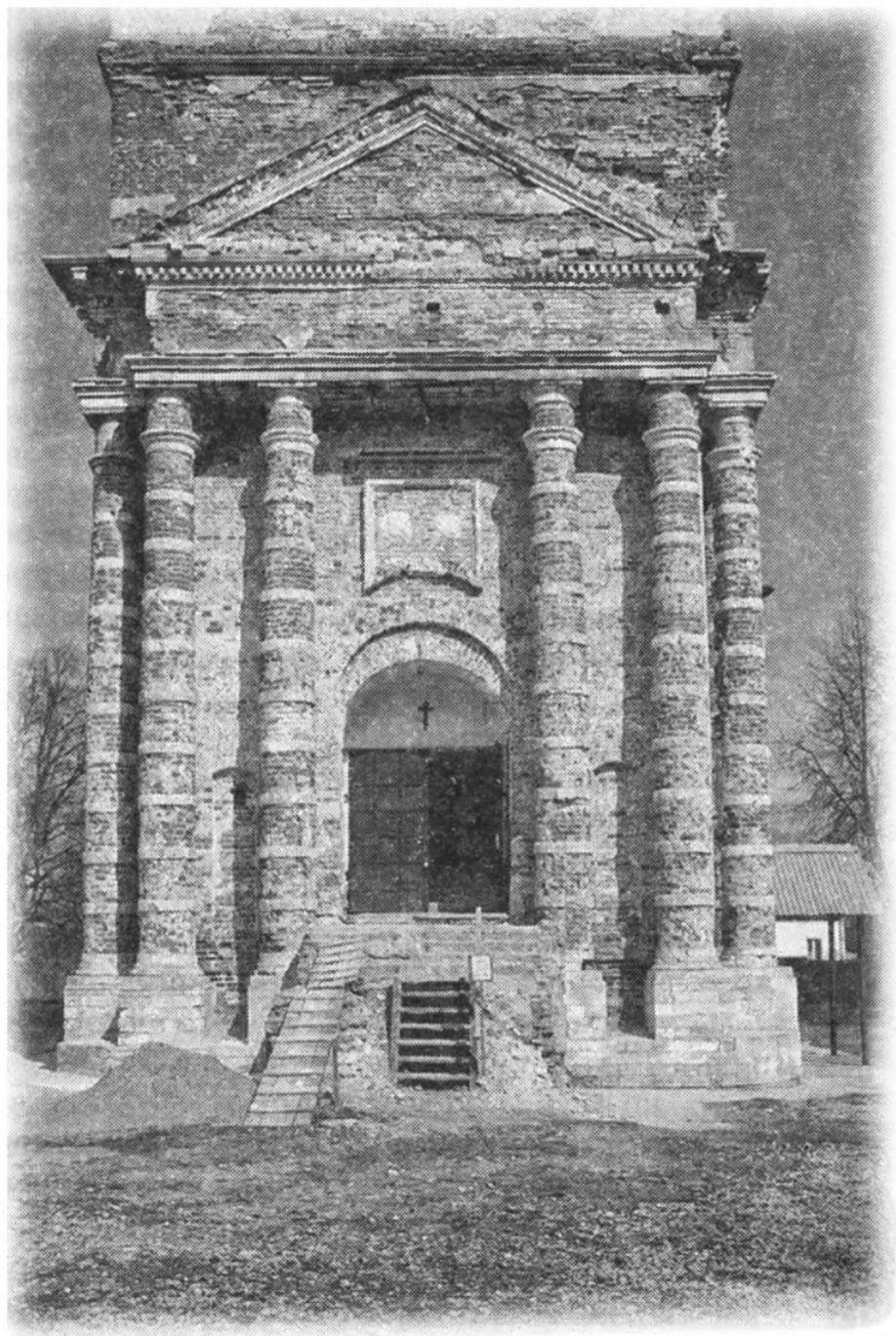

залит кровью этих невинных страдальцев за свою Русскую Православную Церковь. И в алтаре я нашел еще расстрелянных. Ничто не могло спасти их: ни святость места, ни святыня алтаря. За короткое время моего пребывания в этом обесчещенном злодеями-фашистами храме я поседел. Одно время мне казалось, что я схожу с ума, — таким невероятным мне показалось это преступление немцев. Позже я получил сведения, что немцы в этом же Верейском соборе в верхнем этаже, собрав около двухсот пленных и раненых воинов русской армии, облив их керосином, сожгли живыми. Я не нахожу слов, чтобы описать все те пытки и истязания, которым подвергали немцы русских только за то, что они русские» (Цит. по книге «Правда о религии в России»).

Епископ Калужский Питирим (Свиридов) 8 апреля 1942 года свидетельствовал со скорбью: «Паства вверенной моему духовному руководству Калужской епархии около двух с половиной месяцев находилась под игом немецко-фашистской оккупации. Трудно и невозможно словами описать те нечеловеческие страдания, которые перенесли жители за это время от руки фашистов. В человеческой истории не было другой армии, которая опозорила бы себя такими зверствами над мирными жителями...

Предо мной убеленный сединами игумен Мартирий Гришин из села Ровки Плавского района Тульской области. Голос его надорван, сам сгорблен; со слезами на глазах он передает: «Прожил я на веку 68 лет, из них полсотни лет своей жизни отдал на служение Святой Церкви. На веку своем видел всякие ужасы, но то, что я видел и пережил

*Ничто не могло спасти их: ни святость места, ни святость
алтаря...*

при немцах, поистине является неопишуемой мерзостью и запустением святыни.

Меня ужасало не то, что немцы ограбили меня дочиста и что они меня, старика, заставили раболепствовать пред ними и служить им, как раба, но мне было обидно за свой священный сан, который подвергся такому унижению со стороны фашистов, и тяжело было переживать осквернение нашего храма и его святынь. Во время службы они входили в храм в шапках, заходили в алтарь и своими погаными руками прикасались к престолу, святому Евангелию, Кресту. На ночь вводили в храм лошадей и тут же в храме испражнялись. А когда стали отступать, то взламывали замки, грабили наш храм и пушечными выстрелами привели его в негодность. Горит мое сердце глубокой ненавистью к этому проклятому врагу христианства, и свои старческие силы я рад отдать на защиту Родины».

С сердечной скорбью рассказывал священник села Ярлыкова Смоленской области Василий Лоскутов, как фашисты разграбили их храм, глумились над святынями — антимином, крестом и Евангелием, жгли святые иконы и превратили храм в уборную. «Наглее и циничнее надругательства над нашими храмами и его святынями нельзя было придумать. Меня искали, чтобы убить, но я сумел скрыться».

Такие вопли и стонания несутся от живых свидетелей этих поистине чудовищных издевательств фашистов над православными святынями...

В Калуге немецкими фашистами был расстрелян престарелый священник Василий Гречанинов. Он был убит на кладбище, где совершал панихиду на могиле. Были убиты регент Георгиевского

храма Николай Гайчеров и монахиня Наталия Оболенская. Об этих страшных злодеяниях немецких извергов сообщают протоиереи города Калуги Иоанн Соловьев, Григорий Лысяк и Александр Анохин.

«В мрачные дни немецкой оккупации города Калуги мне пришлось быть все время в городе, — рассказывал отец Иоанн Соловьев. — Тревожные дни и ночи переживали все граждане, не успевшие эвакуироваться из города. Каких только зверств и насилий не испытали они! И на долю православного духовенства выпало немало бед и несчастий. Так, от руки гнусных убийц нашел смерть глубокий старец протоиерей Василий Гречанинов. В то время, когда он совершал на могилах городского кладбища панихиды по усопшим, его настигла вражеская пуля. Монахиня Наталия Оболенская была сражена также пулей в семь часов утра, при выходе за ворота своего дома. Почтенный регент церковного хора Георгиевской-за-Верхом церкви Николай Николаевич, идя после всенощной в пять часов вечера домой, за несколько шагов от своей квартиры пал от руки кровавых захватчиков».

Священник Лоскутов спасся от расстрела только потому, что успел вовремя скрыться. «Псаломщика моего Александра Рогожина с сыном Николаем увели в плен», — пишет мне священник Лоскутов.

Дикие немецкие насильники подвергли разрушению наши великие святыни.

Безо всякой нужды преднамеренно были обстреляны храмы Тулы. Некоторые храмы приведены в полную негодность. Так, разрушен храм в поселке Рогожине, обстреляны артиллерийским

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

огнем храм Двенадцати Апостолов, кладбищенский Всесвятский храм.

С нарочитой целью были разрушены немцами храмы в селе Масловка, в Алексине, Успенский храм в Калуге, Мироносицкий в Серпухове, храм в селе Башмаковка Московской области и другие.

«Тяжесть фашистского ига и издевательства немцев над святынями нашими и над верующими вызвали высокий подъем патриотического чувства в сердцах верующих. Все с нетерпением ожидали часа освобождения от чужеземного ига и от религиозно-национального порабощения. Эта напряженность сказалась при богослужениях в усилившихся молитвах о воинах, а с приходом Красной армии — в торжественных молениях о даровании победы русскому оружию. Верующие молят об этом Господа коленопреклоненно и со слезами на глазах», — рассказывал мне протоиерей Григорий Лысяк.

Мое близкое общение с верующими Тульской области, совместное мое моление с ними в дни страстей Господних и торжественного праздника Пасхи Христовой дают мне право заявить, что могуч и непоколебим дух верующих, устремленный к победе над общим врагом человечества — немецким фашизмом. Не сокрушить и не поколебать решимости православных русских людей бороться до полного уничтожения врага, какими бы приманками и лестью последний ни обольщал их. Лицо зверя опознано. Православные русские люди верят, что гнев Божий истребит фашистскую свору, ибо пролитая ею кровь невинных жен и детей вопиет к небу об отмщении.

Православные люди Тульской области горят одним желанием, воодушевлены одной мыслью:

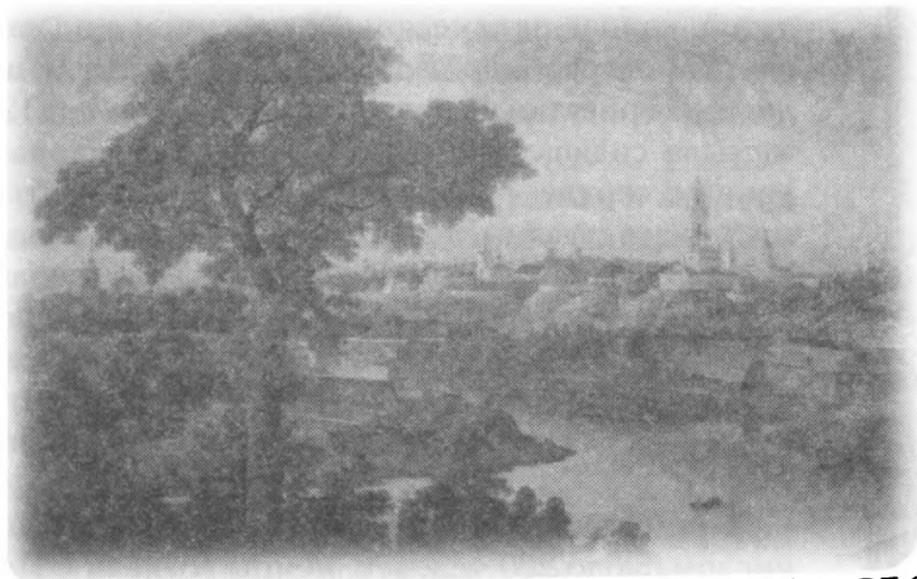

как можно скорее победить ненавистного врага, об этом они горячо молятся вместе со мною за каждым богослужением».

Митрополит Николай (Ярушевич) писал в очерке «Разрушение и смерть», опубликованном в «Журнале Московской Патриархии» № 2 за октябрь 1943 года: «В марте этого года, в качестве члена Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию немецких злодеяний, я совершал поездку по только что тогда освобожденным древним русским городам: Ржеву — Калининской области, Сычевке, Гжатску, Вязме — Смоленской области.

Эта поездка была самой тяжелой, какую когда-либо приходилось нам предпринимать: страшные картины виденного заполняют потрясенную до глубины души.

Нет слов для описания злодеяний немцев во Ржеве. Страшное впечатление произвел мертвый

А. Я. Волосков. Вид Ржева. 1856

город. На левом берегу, где торговая и жилая часть города, копошатся еще какие-то люди. А на правом берегу, на так называемой Советской стороне, где была деловая часть, не встретишь почти ни души. А в городе было 55 000 жителей.

...Мы прошли по улице Воровского, заминированной немцами при уходе из города, и в каждом уцелевшем деревянном доме находили трупы расстрелянных, задушенных, растоптанных насмерть немецкими каблуками жителей этих домов из мирного городского населения — и стариков, и женщин, и детей. Вот дом № 49. В нижнем этаже дома, в средней комнате и коридоре, лежат в разнообразных позах тела всей семьи владельца дома, служащего Садова: его самого с проломленной каблуками головой и обезображенным лицом, его застреленной жены, изнасилованной и задушенной старшей дочери Зинаиды 18 лет, сына Валентина 15 лет, убитого из револьвера в упор в правый глаз, и остальных детей, кончая пятимесячным ребенком в пеленках, с простреленной головой, выброшенным из детской кровати на пол. Одна из девочек, лет 12, застыла сидящей на подоконнике с штыковой раной в сердце, с поднятыми руками, открытыми в ужасе глазами, с выражением во всей своей позе мольбы о пощаде. В доме № 47 мы нашли шесть трупов — трех женщин, девочки и двух малолетних детей. И так — в целом ряде домиков, по обеим сторонам этой улицы. Такие же картины и на Гражданской, Приволжской и других улицах.

Всех оставшихся в живых жителей города, числом около 200 человек, немцы согнали в Покровскую церковь; двери ее были плотно закры-

ты засовами, церковь заминирована, чтобы взорвать ее вместе с этими последними остатками мирного населения Ржева. Красная армия ворвалась в город раньше, чем это злодеяние было доведено до конца. Мы посетили этот храм. Диакон Ф. Тихомиров, один из ожидавших своей смерти в храме, с волнением рассказывал о том, как томилась несчастные люди в церкви двое суток без пищи и воды, ожидая своей участи; в нестерпимой жажде слизывали грязный снег, запавший в храм через разбитые стекла; не могли успокоить непрекращавшегося плача и крика детей. Красноармейцев, открывших храм, долго не выпускали из своих объятий счастливые люди.

Когда я спросил диакона: «Как вы жили при немцах?» — он ответил: «Как? Сначала я вел счет побоям плеткой и каблуками, которым я подвергался за то, что не мог по старости выполнять назначаемой мне тяжелой работы, насчитал 30 избиений, а потом и счет потерям».

Священник этой церкви Андрей Попов был расстрелян немцами еще 13 сентября 1942 года на глазах этого диакона у паперти своего храма, без всякого повода.

В г. Сычевка, в числе сожженных и взорванных немцами зданий, погиб музей с пятью тысячами картин, среди которых были картины кисти Репина, Левитана и других корифеев русского искусства.

Здесь погибли взорванные здания всех школ и всех коммунальных предприятий и городских учреждений.

В этом городе, при отступлении немцы разрушили путем взрыва все семь православных и старообрядческих церквей города, в том числе два

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

собора. Говорили нам, что для взрыва одного из этих соборов, так называемого Синягинского, было заложено более 20 бомб по тонне, и силою взрыва было убито 40 немецких минеров.

Склонив головы, останавливались мы перед всеми проявлениями неслыханного варварства фашистских разбойников, и в сердце бушевали волны священного гнева.

Издевательства над верующими со стороны немецких захватчиков принимали самые разнообразные формы. В этом нет предела для изобретательности фашистских извергов.

Верующие г. Сычевка рассказали нам, как после захвата города немецкий комендант и представитель вновь созданной городской управы, собрав верующих около храма, произносили напыщенные речи перед верующими: «Вы только при нас можете свободно молиться в своих храмах». Через короткое время фашисты наглядно подтвердили свое торжественное заверение: в ближайший праздничный день, когда верующие собрались в храме, одевшись, по русской традиции, в лучшую праздничную одежду, комендант приказал солдатам оцепить храм, и все до одного выходившие из храма богомольцы на морозном воздухе подвергались организованному ограблению в целях издевательства; бандиты стаскивали со всех пальто, шубы, шерстяные платки, шапки, валенки, рукавицы и полураздетыми среди зимы гнали верующих по домам...

В Гжатске мы побывали на месте, где стояла взорванная немцами в день ухода церковь, в которой до последних дней при немецкой оккупации совершалось богослужение. Куски искром-

санной взрывом церковной утвари разбросаны по всей ограде, застряли в ветвях берез, окружавших храм, и верующие с благоговением собирают их, складывая на земле, и извлекают их из-под груды обломков, оставшихся от прекрасного и благоустроенного храма. Здесь, на развалинах этой церкви, сразу после прихода Красной армии, верующие, как они рассказали нам, со слезами молились за благодарственным молебном, радуясь своему освобождению.

Местный священник Иоанн Алексеев рассказывал нам о бесчисленных случаях голодной смерти жителей города в месяцы немецкой оккупации...

В Вязьме немцы разрушили при своем уходе и несколько самых лучших церквей: Духовскую, Троицкую и другие. На кладбище нам показали огромный ров, в который сброшены тела трех с половиной тысяч мирных людей, расстрелянных и замученных фашистами. И здесь лишь небольшой слой земли прикрыл тела несчастных жертв, среди которых мы видели много детей, женщин и стариков.

Сам город подобен огромному мертвому кладбищу взорванных, разрушенных, сожженных домов, вырубленных парков и садов: из 5500 зданий уцелел лишь 51 маленький домик на окраине города. Все взорвано и сожжено немцами при отступлении, хотя боев в самой Вязьме не было, и никакими стратегическими соображениями немцы объяснить своего варварства не могут.

Вязьма расположена на холмах. Я взошел на один из них, посмотрел вокруг на панораму города, открывшуюся передо мной. Всюду, куда достигает взгляд, — горы кирпича или коробки

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

Сам город подобен огромному мертвому кладбищу... Мой разум не мог найти объяснения этому бессмысленному, жесточайшему разрушению

Великая Отечественная

выжженных домов. Мой разум не мог найти объяснения этому бессмысленному, жесточайшему разрушению. Разве только злоба отчаяния могла породить это безумие. Немцы не хотели думать, что им придется отсюда уйти...

Всюду — смерть и разрушение.

Все эти жуткие картины, неизгладимо запечатлеваясь в сердце и памяти, могут будить только одно чувство: священной ненависти к врагу, который в своей душе не имеет ни искры человеческих чувств, который заполнен только сатанинской злобой, толкающей его на разрушение наших культурных ценностей, наших святынь, на мучения и истребление мирных людей. Священная ненависть, в свою очередь, повелительно зовет к такой же священной мести».

Священная ненависть

В «Журнале Московской Патриархии» публиковались статьи, объясняющие право христиан на священную ненависть, как назвал это общее чувство русского народа к фашистам митрополит Николай (Ярушевич).

«У многих вдумчивых религиозных людей часто возникает вопрос: как сочетать присущую всякому патриоту потребность с мечом в руках защищать свою Родину, когда на нее нападает враг, с требованиями Церкви, проповедующей любовь и всепрощение? Многие спрашивают, благословляет ли Бог войну?» — так писал митрополит Алексей в книге «Христианство и война с гитлеризмом». Приводя примеры из Священного Писания, рассказывая о библейском Аврааме, который, будучи образцом «кротости и благочестия, воевал за своих единоплеменников и союзников», о победившем Голиафа Давиде, о равноапостольном царе Константине, Владыка Алексей отвечает на вопрос: «Итак, Бог благословляет справедливую войну во имя победы добра над злом.

Сколько зла принес в мир гитлеризм! Как ядовитый зловонный поток, разлился он по лицу земли, уничтожая многовековую культуру, не оставляя на своем пути ничего, кроме разрушения и всеобщего горя.

Ужас, негодование, ненависть к насильнику — вот какие чувства вызывают немецко-фашистские варвары у каждого честного человека.

Долг народов — остановить этот поток беззакония и насилия, освободить угнетенные страны от ужасов порабощения фашизмом и вернуть мир народам...

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

Верующие люди не могут смотреть на события иначе как очами веры. И они видят в этом нарастании успехов нашей Красной армии осязательную помощь Божию русскому оружию, помощь Божию правому делу. Они видят и чувствуют, что Бог благословляет справедливую народную войну против гитлеровских захватчиков. Ведь в победе над ними заключается залог прекращения фашистского зла, залог процветания жизни и культуры человечества».

Статья протоиерея Николая Хавьюзова, название которой также содержала в себе вопрос «Можно ли простить фашистов?» была опубликована в «Журнале Московской Патриархии» в мае 1945 года, с подзаголовком «Мысли православного священника».

«Папа Римский в своих последних выступлениях призывает правительства объединенных наций простить руководителям фашистского режима все их чудовищные преступления, — писал отец Николай. — К тому же приглашают и некоторые католические издания. Эта проповедь мотивируется не только “гуманистическими” построениями, но и христианской моралью. В свое время учением Христа обосновывалась и необходимость инквизиции.

Мы не будем вдаваться в то, какими расчетами — политическими или христианскими — руководствуется католическая печать в своей защите фашистов. Для нас это вполне ясно.

Мы хотим показать, что с точки зрения правильно понятого христианского учения фашисты, безусловно, должны понести заслуженное наказание за все свои жестокости, что возмездие для них неотвратимо. Слова Спасителя о любви

к личным врагам, о прощении личных обид нельзя распространять на фашизм, его идеологов и последователей.

Нам важна не буква, а дух христианского учения (2 Кор. 3, 6). И, рассуждая по духу Христа учения, мы соглашаемся с тем, что «немецко-фашистские варвары у каждого честного человека вызывают ужас, негодование, ненависть к насильнику» и, следовательно, мы обязаны заботиться «о даровании окончательной победы над врагом, победы полной и совершенной, чтобы навсегда истребилось само воспоминание о человеконенавистническом учении фашизма».

И этот взгляд Православной Церкви вполне отвечает учению Христа и Его апостолов.

Если мы признаем провиденциализм, признаем возмездие за совершенные проступки и здесь, на земле, то говорить о прощении тех, кто залил кровью все человечество, кто уничтожает все лучшие достижения человеческого гения, кто в своей дьявольской жестокости убивает и истязает стариков, женщин, детей — говорить о прощении их, значит, «подвергать себя тому же осуждению, что и фашисты, утопающие в крови своих жертв».

По отношению к фашистам нельзя говорить о мести. Мечь не всегда справедлива; она подвержена страсти и ослеплению. Фашистов ожидает возмездие, то есть справедливое, беспристрастное воздаяние за то, что ими сделано.

Они первые нарушили мир всего мира, они первые подняли оружие, они начали хладнокровно обдуманное истребление людей, они стояли и стоят на страже зла. Они «взяли меч», они «от

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

меча и погибнут» (Мф. 26, 53), «что посеяли, то и пожнут» (Гал. 6, 7), ибо сказано еще в древности: «Мне отмщение, и Аз воздам». (Втор. 32, 35). Как воздаст? Через людей, которые будут исполнителями Его воли, как это часто было в Ветхом Завете.

Справедливое возмездие для фашистов оправдывается всем ходом исторической жизни человечества. Раньше это возмездие принимало большую частью стихийные формы, теперь же, с ростом космополитической солидарности, цивилизации и культуры, оно примет форму общечеловеческого закона. Фашисты предстанут перед судом всего человечества, и этот суд будет подлинным «гласом Божиим», «трубным гласом», карающим сурово и справедливо.

Да, Христос молился о прощении Своих мучителей — но ведь те не знали, что делали (Лк. 23, 34). О Иуде Он не молился, а сказал, что ему «лучше было бы не родиться» (Мк. 14, 21). Фашисты, как и Иуда, знали, что делали, зачем делали и как делали. Крым, Киев, Люблин, Майданек и другие места фашистских зверств невозможно забыть.

Христом сказано: «Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф. 7, 2), или: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Мф. 7, 12). Эти слова говорят сами за себя. В них нет древнееврейского «око за око», в них заключено христианское понятие возмездия. Фашисты уничтожали женщин и детей. Значит ли это, что и мы должны поступать так же? Конечно, нет, это значит лишь то, что фашисты должны быть наказаны соответственно своей вине...

Святые отцы не говорили «о всепрощении» явных преступников; они соглашались с тем, что преступник должен быть наказан и сами обращались к гражданской власти с просьбой наказать нарушителей и церковного и общественного благочиния. Убийство же врагов на войне они считали делом «законным и похвалы достойным».

Итак, с христианской точки зрения нет абсолютно никаких оснований для прощения нацистам их кровавых преступлений. Никакие софистические измышления нацистских адвокатов не помогут им избежать заслуженной кары. Ссылки на христианское милосердие просто неуместны, так как «суд без милости не сотворшему милости».

Вот, что писал по этому поводу архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) в статье «Праведный суд народа», опубликованной «Журналом Московской Патриархии» в № 2 за 1944 год.

«Неслыханные злодеяния захватчиков-фашистов не могут ни в коем случае оставаться безнаказанными. Абсолютно необходимое наказание их решено. В Харьковском процессе о немецких злодеяниях участь палачей решена высшим судьей — коллективной волей всего народа. А на Тегеранской конференции глав трех великих держав такое решение получило еще высшую санкцию — в волеизъявлении всех демократических государств о суде над виновниками мировой войны и над всеми исполнителями их бесчеловечных приказов.

Совесть народа не терпит и в своей среде нарушений нравственных требований, имеющих всеобщее значение, и настоятельно требует смерти злодеев. Всеобщность тягчайших преступлений

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

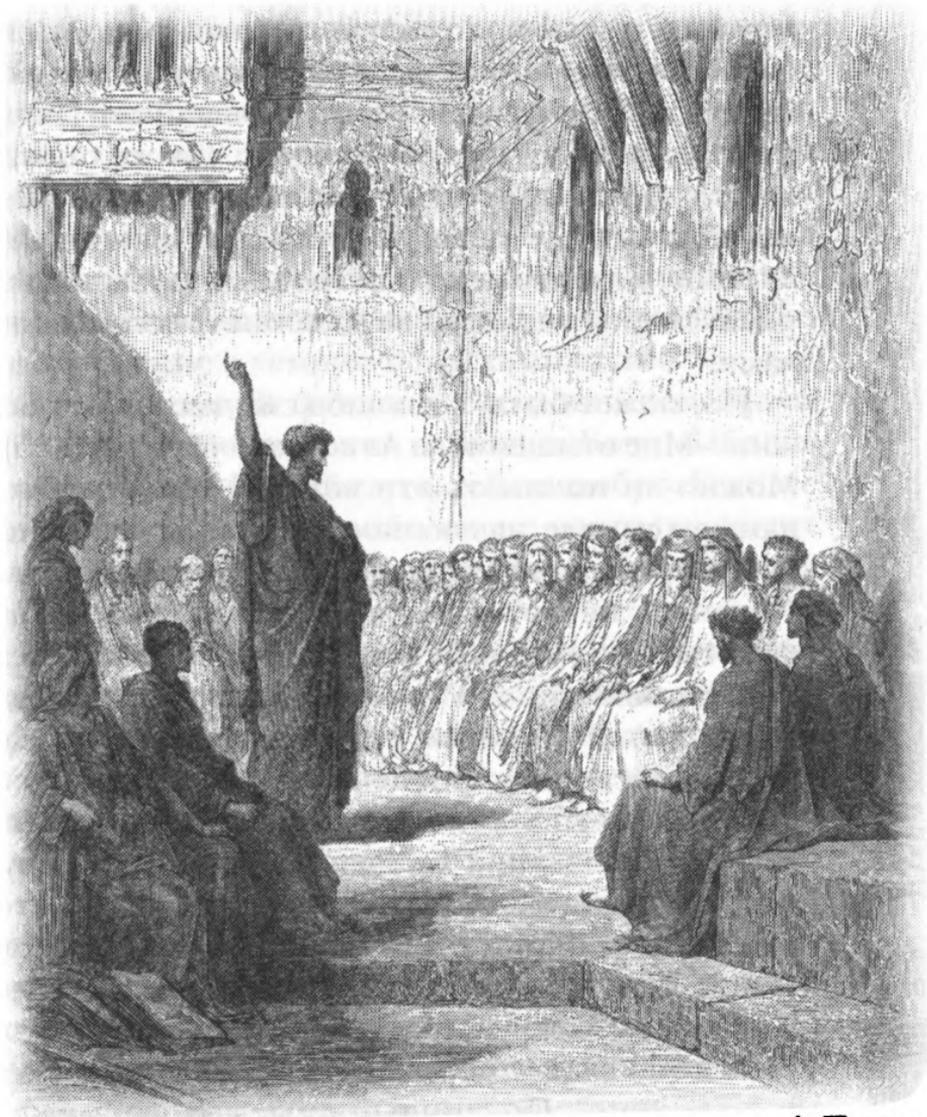

против безусловных норм человеческого общежития, не говоря уже о высшей норме христианской любви, ставших законом в фашистских армиях, не только не уменьшает их значения, но, напротив, в самой крайней степени увеличивает его. Ибо если отдельные исключительные злодеяния в мирное время грозят разрушением правовых и этических основ общества и государства и настоятельно требуют смертной казни преступников, то те же злодеяния, умноженные в миллионы раз немцами и их союзниками во время войны, неизбежно приведут ко всеобщему одичанию человечества и перманентной войне всех против всех, если останутся безнаказанными. Это инстинктивно понимают народы СССР и всех оккупированных немцами стран, и потому так велик и страшен их гнев против извергов-фашистов, потому так единодушно аплодировали тысячи зрителей повешения краснодарских и харьковских палачей.

А казнь обер-фюрера орды палачей и его ближайших сообщников-нацистов будет великим праздником для поправленного нравственного чувства всей той части человечества, в которой живет закон правды, а не закон насилия.

И Церковь Христова, высшая носительница закона правды, не останется в стороне от этого праздника, ибо это будет победа над силами зла, возмутившими все человечество, наказание антихристов, поправших закон братства и любви; и вместе с тем это будет праздник освобождения немецкого народа от власти правительства, поставившего своей целью уничтожение совести в своем народе. Это ли не великий праздник для Церкви!

Смертная казнь узаконена в боговдохновенном законе Моисеевом и широко применялась над всеми преступниками, деяния которых грозили духовной и религиозной целостности израильского народа, его нравственной чистоте,

*Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию.
Ибо написано: «Мне отмщение, и Аз воздам»*

обязательной для избранного народа Божия. Весь народ побивал камнями хулителей закона и отступников от него, нарушителей чистоты брака, распущенных и развращенных сыновей, оскорбителей своих родителей. Поступок Финеса, казнившего блудодействовавших еврея и моавитянку и тем положившего конец растлению еврейского народа в смешении с язычниками-моавитянами, превозносится в Священном Писании как великий и святой подвиг. Так же оценивается казнь пророком Илией 400 языческих жрецов. Сам Бог посылал страшные казни на ассирийцев, угнетавших и истреблявших народ израильский, и на Дафана и Авирона с их сообщниками.

Но, может быть, кого-либо смущают слова Божии: «Мне отмщение, и Аз воздам» (Втор. 32–35). Можно ли понимать эти великие слова в абсолютном смысле, как полное отрицание человеческого права судить и наказывать преступников? Конечно, нет. Уже самым фактом узаконения смертной казни, в Ветхом завете исключается такое понимание. Моисей был судьей народа израильского, сперва единоличным, а позже при содействии поставленных им начальников, которых он уполномочил производить суд. После Иисуса Навина во главе народа стояли судьи, самое название которых показывает, что судебные функции были основной их прерогативой. Эти факты показывают, что судебные и карательные функции не считались противоречащими слову пророческому «Мне отмщение, и Аз воздам». Подлинный смысл этого заявления о высших правах Божиих объясняют нам слова Павловы. «Не мстите за себя, возлюблен-

ные, но дайте место гневу Божию, ибо написано: «Мне отмщение, и Аз воздам, говорит Господь» (Рим. 12, 19). Жаждающий мести человек часто несправедлив в оценке действий и чувств своего врага, и месть должен предоставить всеведущему Богу. Но личная месть совсем не то, что казнь преступника по приговору суда, свободного от страсти и личных побуждений. Не за себя мстит суд, а охраняет общество и государство от потрясений важнейшей основы единства и силы государства права и законов. Без этой, чрезвычайно важной, функции суда не может обходиться никакая государственная и общественная власть, ибо иначе неизбежно погружение в темную область анархии.

Карательной функции судьи апостол Павел придает даже значение служения Богу: «Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13, 4).

Господь Иисус Христос отклонил от себя санкцию смертной казни в известной истории с приведенной к нему женщиной, уличенной в прелюбодеянии (1 Ин. 8). Да, он не подтвердил обязательности побиения ее камнями по закону Моисееву, а ответил глубочайшими и святейшими словами: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Над суровостью ветхозаветного закона восторжествовал свет нового закона милости, превозносящейся над судом. Мог ли сердцеведец Христос признать правду казни слабой женщины за грех, в котором были повинны и ее судьи — законники? Но сопоставьте столь обыкновенную вину этой несчастной женщины

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

с сатанинскими преступлениями немцев, закапывающих живыми и бросающими в огонь крошечных детей, и станет очевидным, что нельзя святой ответ Сына Божия о женщине, взятой в прелюбодеянии, приводить как аргумент против казни палачей, истребляющих тысячи невинных людей в своих дьявольских «душегубках».

Можно ли, говоря об извергах-немцах, вспоминать о святой заповеди Христовой «любите врагов ваших»? Нет, нет, ни в коем случае нельзя! Нельзя потому, что любить их совершенно и абсолютно невозможно не только для людей, но и для ангелов, и для самого Бога Любви. Ибо и Бог ненавидит зло и истребляет злодеев. Изверги-немцы не только наши, но Божии враги, и кто же может, кто смеет говорить о любви к врагам Божиим!

Я назвал немецких оккупантов антихристами. По праву ли, по справедливости? Это право дал мне святой Апостол Иоанн Богослов, вот что сказавший: «Дети Божии и дети диавола узнаются так: всякий не делающий правды не есть от Бога, равно и не любящий брата своего» (1 Ин. 3, 10)».

Церковь на оккупированных территориях

Оккупационные власти рассматривали духовенство и верующих как союзников нового порядка, рассчитывая, что репрессии против Церкви, священников и верующих не поддерживались в народе и вызывали сопротивление населения СССР.

В Главном управления имперской безопасности был создан специальный отдел по делам Церкви, который контролировал деятельность

религиозных организаций и вербовал агентов из числа священнослужителей. Он также развивал и поддерживал религиозное движение как враждебное большевизму.

И верующие стали возвращать в храмы спрятанные от безбожной власти иконы, предметы церковного обихода. Люди видели в немцах избавителей от атеистов-большевиков.

Немецкие власти искали священников для открытых церквей. Многие священники к этому времени были уничтожены, остальные томились в лагерях. Но находились священники, сложившие с себя сан в годы репрессий и начавшие служить в советских учреждениях. Таких и привлекали во вновь открытые храмы.

Религия у оккупантов была плановая, соответственно директивам.

Директива

*Главного управления имперской безопасности
от 31 октября 1941 года*

Разрешение вопроса о церкви в оккупированных восточных областях

«Среди части населения бывшего Советского Союза, освобожденного от большевистского ига, замечается сильное стремление к возврату под власть церкви или церквей, что особенно относится к старшему поколению, в то время как более молодое поколение смотрит на это безразлично (также результат коммунистическо-атеистического школьного воспитания).

Возникает вопрос, надо ли говорить о возвращении попов всех вероисповеданий (что уже произошло в определенных местах), или надлежит разрешить иным способом, или направить

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

на иной путь разрешение вопроса о несомненно наблюдающемся среди населения восточных областей желании вернуться к какой-либо религиозной деятельности.

Христианско-церковное миропонимание всех вероисповеданий, которые, несомненно, в ближайшее время будут драться за завоевание новой земли на Востоке, достигает своей высшей степени в определении еврейского народа как «народа, избранного Богом», который также выдвинул из своих рядов богоподобных проповедников такого взгляда на религию.

Германо-немецкие правители и правящие круги, призванные осуществлять руководство оккупированными восточными областями, запутались бы в противоречиях (особенно в вопросах, касающихся молодого поколения восточных областей), если бы они, с одной стороны, попытались совершенно искоренить большевизм как чистейшее воплощение еврейства в его духовной основе и, с другой стороны, молчаливо и терпеливо переносили то, как тот самый еврейский народ, который в течение 25 лет держал великий народ под ужасающим большевистским террором, теперь вдруг сразу был бы выставлен попами всех вероисповеданий как «народ, избранный Богом».

Учитывая чуткость русского народа к вопросам религии, нам надлежит охранить себя от таких противоречий. В противном случае в массах этого народа произошло бы духовное замешательство, которое, если только оно появилось, не так легко устранить.

Поэтому я вижу большую политическую опасность, равно как и опасность в области мировоз-

зрения в том, что в настоящее время в восточные области необдуманно допускают священнослужителей всех вероисповеданий. Несомненно то, что стремящимся к религии массам оккупированных бывших советских областей надлежит дать какую-то форму религии. Возникает вопрос: какую?

Следовало бы установить, что ни при каких обстоятельствах не надлежит преподносить народным массам такое учение о Боге, которое глубоко пустило свои корни в еврейство, и духовная основа которого заимствована из такого понимания религии, как понимают ее евреи. Таким образом, надо проповедовать во всех отношениях свободное от еврейского влияния учение о Боге, для чего надлежало бы найти проповедников и прежде, чем выпускать их в массы русского народа, дать им соответствующее направление и образование. То, что теперь уже во многих местах церкви с попами, связанными вероисповеданием, не открываются вновь и что этому даже способствуют германские органы власти, вызовет лишь религиозную реакцию, которая когда-нибудь (поскольку аполитических церквей не существует) может оказаться таковой в политическом отношении и будет противостоят необходимым освобождению восточных областей.

Поэтому крайне необходимо воспретить всем попам вносить в свою проповедь оттенок вероисповедания и одновременно позаботиться о том, чтобы возможно скорее создать новый класс проповедников, который будет в состоянии после соответствующего, хотя и короткого обучения толковать народу свободную от еврейского влияния религию.

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

Ясно, что заключение «избранного Богом народа» в гетто и искоренение этого народа, главного виновника политического преступления Европы, являются принудительными мероприятиями, особенно в зараженных евреями областях, ни в коем случае не должны нарушаться духовенством, которое, исходя из установки Православной Церкви, проповедует, будто исцеление мира ведет свое начало от еврейства.

Из вышесказанного явствует, что разрешение церковного вопроса в оккупированных восточных областях является чрезвычайно важной в интересах освобождения этих областей задачей, которая при некотором умении может быть великолепно разрешена в пользу религии, свободной от еврейского влияния. Эта задача имеет, однако, своей предпосылкой закрытие находящихся в восточных областях церквей, зараженных еврейскими догматами».

(Текст директивы приводится по изданию: «Российский государственный архив социально-политической истории»).

Эта директива раскрывает планы немецкого командования в отношении Церкви.

Расистская теория определила бы участь православия в случае победы немецкого фашизма. Православия попросту бы не стало. И вместо священников были бы созданы новые проповедники новой религии фюрера, лишенной христианских догматов.

Таким образом, коллаборационизм, сотрудничество русских священников с немецкими властями на оккупированных территориях, было обречено на провал.

В 1943 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял определение, которое гласило:

Осуждение изменников вере и Отечеству

«Рядом с отрадными явлениями патриотической деятельности православного духовенства и мирян тем печальнее видеть явления противоположного характера. Среди духовенства и мирян находятся такие, которые, позабыв страх Божий, дерзают на общей беде строить свое благополучие. Встречают немцев как желанных гостей, устраиваются к ним на службу и иногда доходят до прямого предательства, выдавая врагу своих собратьев, например, партизан и других, жертвующих собою за Родину. Услужливая совесть, конечно, всегда готова подсказать оправдание и для такого поведения. Но Иудино предательство никогда не перестанет быть Иудиным предательством.

*И эти предатели, уготовляя себе гибель вечную, не тинуют
и Каиновой участи на земле*

Как Иуда, погубив свою душу, и телом понес исключительное наказание еще здесь на земле, так и эти предатели, уготовляя себе гибель вечную, не минуют и Каиновой участи на земле. Фашисты понесут справедливую кару за свои грабежи, убийства и прочие злодеяния. Не могут ожидать себе пощады и эти приспешники фашистов, думавшие поживиться за их спиной, на счет своих братьев.

Святая Православная Церковь, как русская, так и восточная, уже вынесла свое осуждение изменникам христианскому делу и предателям Церкви. И мы сегодня, собравшиеся во имя Отца, Сына и Святого Духа, подтверждаем это осуждение и постановляем: всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма как против Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик лишенным сана. Аминь.

СЕРГИЙ, Митрополит Московский
и Коломенский
АЛЕКСИЙ, Митрополит Ленинградский
НИКОЛАЙ, Митрополит Киевский
и Галицкий
ЛУКА, Архиепископ Красноярский
ИОАНН, Архиепископ Сарапульский
АНДРЕЙ, Архиепископ Казанский
АЛЕКСИЙ, Архиепископ Куйбышевский
СТЕФАН, Архиепископ Уфимский
СЕРГИЙ, Архиепископ Горьковский
и Арзамасский
ИОАНН, Архиепископ Ярославский
и Ростовский
АЛЕКСИЙ, Архиепископ Рязанский
ВАСИЛИЙ, Архиепископ Калининский
и Смоленский

ВАРФОЛОМЕЙ, Архиепископ Новосибирский и Барнаульский
ГРИГОРИЙ, Архиепископ Саратовский и Сталинградский
АЛЕКСАНДР, Епископ Молотовский
ПИТИРИМ, Епископ Курский
ВЕНИАМИН, Епископ Кировский
ДИМИТРИЙ, Епископ Ульяновский
ЕЛЕВФЕРИЙ, Епископ Ростовский

г. Москва, 8 сентября 1943 г.»

(Текст приводится по изданию: «Журнал Московской Патриархии». — 1943. — № 1).

Немцы показали себя жестокими безбожниками...

Глава 5. Разве можно победить таких людей?

Все для Родины, все для нее...

Как и все, верующие шли сражаться на фронт, рыли окопы, все силы отдавали работе на военных заводах... И погибали за Родину — на фронтах войны или в оккупации от рук озверевших захватчиков.

Так, прихожанин Успенской церкви села Завидово Калининской области Григорий Горячев, 45 лет, побывавший в 1915–1917 годах в плену у немцев и знавший немецкий язык, был мобилизован оккупантами как переводчик. Он не согласился и за отказ был убит около соседней деревни Ширново.

Церковный староста церкви в честь Иоакима и Анны города Можайска, Илья Цвелев, свидетельствует о расстреле немцами прихожанки Евдокии Тютиной только за то, что она осмелилась сказать: «Русские партизаны действуют правильно, они защищают свою Родину».

Прихожане уцелевших или вновь открытых храмов — это и был тот самый русский, совет-

ский народ, который одержал победу в самой страшной войне за всю свою историю.

Митрополит Алеутский и Северо-Американский Вениамин (Федченков), вновь побывавший в родной его сердцу России в военное время, на страницах «Журнала Московской Патриархии» в № 3, за март 1945 года, в очерке «Мои впечатления о России» писал о русском народе: «За месяц общения с ним — на Соборе, в храмах, в вагонах, в метро, в трамваях, в частных посещениях, в беседах, в случайных встречах — я достаточно мог наблюдать родной народ и понять его. И скажу прямо: впечатления от народа — самое сильное, самое важное, что я увожу с собою с Родины за границу. И прежде всего, скажу о верующих. Боже, какая горячая вера в них! И эта вера передается и к нам, служащим.

Я давно, давно не молился так усердно, с такой «зрячей верой», как здесь, среди этого духоносного «дома Божия», Церкви Христовой, «Тела» Его. Иногда слезы набегали на очи, а дыхание сжималось от приступавших рыданий радости и веры. Всякое слово богослужения оживало, точно огонь, в сердце и уме.

А когда читалась молитва о победе армии нашей, то просьба была дерзновенна пред Господом. Слова же о том, чтобы Он призрел в милосердии и щедротах на смиренные рабы Своя, на этих исстрадавшихся в войне чад Своих, — то слезы снова катились по щекам, и снова было трудно воздержаться от подступавших рыданий...

...Горяча вера у русского православного народа. А благословение после литургий! Ведь по часу, чуть не по два, приходилось благословлять

Разве можно победить таких людей?

и благословлять этих чад Божиих. В давке, в тесноте, мокрые от поту, шли за благословением эти благочестивые люди Божии. Да, и теперь не только можно, но и должно сказать:

«Русь и теперь Святая. Да и теперь я могу без всяких сомнений утверждать: жива православная вера в русском народе».

И не только в «простом» народе. Я десятки и десятки интеллигентных людей встречал за этот короткий четырехнедельный срок, сознательно и глубоко верующих христиан. Я почти повсюду видел их. И вообще пришел к несомненному убеждению, что не только в отдельных личностях, но и в широчайших толщах народа — вера жива и растет...

За границей мы ничего подобного давно не видали... Разве лишь в Патриаршей церкви в Париже, в подвальном нашем храме.

Какая жертвенность в русском народе! Только он мог отдать на фронт своих мужей, сыновей, братьев, отцов за дорогое Отечество. Вместо же них везде женщины и женщины: в поездах, в трамваях, метро, в гостиницах, в чистке снега, в разборке дров, в плотницких работах, на проводке электричества, телефонов, на фабриках и заводах... Везде, везде. Как нигде в мире».

Священники и прихожане храмов вторили словам уважаемого, мудрого митрополита, их отзывы о русском народе, об общем патриотическом подъеме и молитвенном единении людей прямо перекликаются с впечатлениями Владыки Вениамина.

«Русский народ горячо любит свою Родину, и эта любовь с особенной силой проявляется в тяжелые для нашей страны дни. Сейчас, в суро-

вое время войны, среди тяжелых испытаний, любовь к России, Родине, разгорелась ярким светочем. Только тот народ, в сердце которого горит этот пламень, может так защищать родную землю, может с таким самоотвержением переносить все трудности. И Церковь Божия благословляет эту великую любовь, благословляет и молится за всех, кто душу свою и жизнь свою положил за благо Родины.

Тысячи людей потянулись в храмы — кто за утешением, кто за укреплением веры, и Церковь укрепляет веру в силу нашей страны, веру в то, что непобедим народ, который так умеет любить Отчизну. В момент молебна о победе тысячи сердец объединяются в одной молитве, в одном желании — победить, победить врага. Церковь молится о даровании победы нашему славному воинству, о твердости всего народа.

Русь и теперь Святая. Да и теперь я могу без всяких сомнений утверждать: жива православная вера в русском народе

Наши московские храмы стараются оказать и материальную помощь стране. Так, наш храм святителя и чудотворца Николая в Вишняковском переулке внес на оборону страны ко дню юбилея нашей армии из своих сбережений 50 000 рублей. Все для Родины, все для нее.

У всех одно желание — разгромить и победить врага, посягающего на наши русские святыни, оскверняющего наши православные храмы.

Да укрепит Господь силу и мужество русского народа! Да дарует ему желанную победу над врагом!»

(Член церковного совета московской Николо-Курнецкой церкви М. Воронкова. 21 марта 1942 года. Цит. по книге «Правда о религии в России».)

Во всех церквах забился пульс военной жизни...

«В пароксизме дьявольской злобы на весь культурный мир и, в частности, на славянство, германо-гитлеровский нацизм напал на нашу мирную страну, — писал в 1942 году протоиерей ярославской Феодоровской церкви Владимир Градусов. — Но первые же июньские выстрелы, которые пронесли по всему необъятному простору дорогой Родины, задели наши сердца и души всех; всех — от глубоких стариков до детей. Все встрепенулись, все насторожились, все мобилизовались. Грохот орудий разбудил и до толе инертных людей, огонь выстрелов разогрел и самые холодные сердца: в благородном гневе и в грозной решимости ошетижилась до толе мирная, могучая страна.

Не осталась в стороне и многовековая толща величавых стен церковных: Церковь приобщи-

лась к общепатриотическому подъему, с материнской любовью и заботливостью понеся вместе со всей страной тяготы, печали и радости вынужденной к войне Родины. Во всех церквах забился пульс военной жизни.

Моления о дорогих «воинах, на поле брани сущих», о победе родной армии заняли первенствующее положение. И сколько благодарной признательности приходится видеть в глазах, в лицах обращающихся, кои находят в моих слабых словах и поддержку, и утешение!..

Помню, одна местная богомолка, В. И. Барщевская, как-то передала мне в храме полученную ею по дороге записочку неизвестной ей старушки, которая просила молиться о всех, равно дорогих ей, воинах...

Великие исторические дни, когда «гремит гроза военной непогоды», с особой ясностью выявили и подтвердили, что Церковь верна своей Родине.

Теперешняя война жестоко, решительно и справедливо покарает исторический мировой грех фашизма. В этом освободительном подвиге Русская Православная Церковь нашла свое место, и она с честью выполнит великую святую миссию перед любимой Родиной».

Дела милосердия — то, чего всегда ждали от Церкви люди, даже далекие от веры. Всегда во времена войн и других бедствий Церковь брала на себя миссию утешительницы, кормилицы, целительницы. И Великая Отечественная война не стала исключением. Хотя, конечно, в церковном служении именно в этой войне были свои особенности, ведь к середине 1941 года Русская Православная Церковь подошла разоренной и униженной.

Разве можно победить таких людей?

Во всех церквях забилась пульс военной жизни...

Но по мере сил клирики немногих вновь открывающихся в военные годы храмов делали все, что было в их силах, чтобы приблизить победу.

Священники, возвращенные из ссылок и лагерей, нередко отправлялись на фронт, а не на свои приходы. Батюшки же, которые служили в храмах во время войны, помимо своего основного служения и молитв о победе вместе со всеми рыли окопы, участвовали в организации противовоздушной обороны, воодушевляли людей и утешали их в скорби. И, конечно же, зачитывали в храмах патриотические послания иерархов Церкви, призывали верующих оказывать поддержку семьям воинов, ушедших на фронт, детям погибших красноармейцев.

«Воззвание и молитвы мною читаются в каждый праздничный день, но я считаю, что этого недостаточно», — писал в 1942 году митрополиту

Сергию протоиерей Николай Адриановский. И, продолжая свою мысль, утверждал, что пастырям, на которых возлагается громадная ответственность перед Богом и перед Родиной за своих пасомых, необходимо разъяснять им содержание воззвания иерарха, проводить с ними беседы, объяснять обязанности, «возложенные святой Церковью на каждого христианина в происходящих мировых событиях». Что каждый пастырь обязан вести в своем приходе работу, «полезную для Родины», имея две цели: «первое — создать спокойствие тыла и второе — помочь фронту для скорейшего уничтожения фашистских извергов». «Все мои поучения среди верующих дают благоприятные результаты, — писал отец Николай, — но считаю себя обязанным перед Богом и Родиной не ослаблять своей работы, а, наоборот, усиливать ее, ибо враг еще не добит, он в зверином разъярении скрежещет волчьими челюстями».

«Верующие Свердловска не остались безучастными к делу обороны страны, — продолжал протоиерей Николай Адриановский, — они помогают каждый чем может, — кто работой на помощь фронту, кто жертвует для доблестной Красной армии разные вещи, в церквах производятся сборы и отчисления в Фонд обороны».

Мне как пастырю приходилось иметь разговор с верующими, и в том числе с матерями.

Что такое русская мать? Сердце русской матери благородно, оно полно теплой любви к сородичам, но вместе с тем оно клокочет вулканом ненависти к врагам Родины, задумавшим ее покорить.

При выполнении своих пастырских обязанностей мне пришлось быть свидетелем, как одна

Разве можно победить таких людей?

мать провожала своего единственного сына в армию на защиту Отечества. Другая обращалась ко мне с просьбой совершить панихиду по героически погибшему на поле битвы ее единственному сыну. На лице матери я не видел ни ропота, ни недовольства, я видел только печальные глаза, покорные воле Божией. Такова русская мать. Она для блага Родины не щадит сына, вскормленного ее молоком. Разве можно победить таких людей?»

В период отступления наших войск в 1941–1942 годах многие приходы взяли на себя попечение о раненых, оставленных на произвол судьбы. В прифронтовой полосе при храмах действовали убежища для престарелых и детей, перевязочные пункты. В Орле работало возглавляемое Н. Локшиным объединенное попечительство церковей, его члены оказывали бесплатную помощь больным и престарелым, ежемесячно отчисляя нуждающимся деньги из заработка священнослужителей. Широкой известностью и уважением среди прихожан Богоявленской церкви пользовался член попечительства доктор И. Варушкин, бесплатно лечивший их. В монастырях устраивались госпитали, находившиеся на полном содержании и обслуживании монашествующих. Женщины-монахини работали в больницах, в прачечных, пекарнях.

«Во многих регионах страны православные епархии, монастыри и приходы брали шефство и помогали в организации госпиталей, детских домов и садов. Верующие покупали больным красноармейцам подарки, нанимали парикмахеров, баянистов. Силами церковных хоров в госпиталях устраивались концерты с программой

Я видел только печальные глаза, покорные воле Божией. Такова русская мать. Она для блага Родины не щадит сына, вскормленного ее молоком. Разве можно победить таких людей?

русских народных песен и песен советских композиторов. Новая форма сбора денежных средств на нужды фронта появилась в Ростове. Там духовенство и верующие в церквях стали устраивать духовные концерты, сборы от которых шли в пользу Красной армии» (Якунин. В. Н. Дело стояния за Родину).

В тылу, в сельских местностях, бывали случаи, когда священники после воскресной литургии призывали верующих вместе с ними выйти на колхозные поля для выполнения срочных хозяйственных работ. Можно привести в пример протоиерея Георгия Никитина, сражавшегося на войне с 1942 года вплоть до своего ранения в феврале 1943 года, а в марте 1945 назначенного настоятелем Богоявленской церкви села Подвалье. В том же году отец Георгий организовал группу верующих на уборку урожая, и, несмотря на полученную во время войны инвалидность, сам шел впереди колхозников с косой четыре дня подряд. Во время подготовки к посевной он неоднократно выручал свой колхоз, давая взаимы церковные деньги на покупку горючего для тракторов и семян для посева.

«Лучшие представители православного духовенства оставались верными основным принципам и заповедям христианства», — пишет В. Якунин в работе «Патриотическая деятельность духовенства и верующих на оккупированных фашистами территориях СССР». — Они оказывали помощь, а нередко и спасали от гибели людей независимо от их веры и национальности. Так, украинский священник Иоанн Карбованец и насельницы Домбокского монастыря близ города Мукачево, рискуя жизнью, спасли обреченных

на неминуемую голодную смерть 180 детей, вывезенных немецкими захватчиками в августе 1943 года из орловского детского дома».

Великая Отечественная война застала на Волыни бывшего военного священника, прошедшего первые годы своего служения на Черном и Балтийском морях — протоиерея Иоанна Крашановского. С 1943 года он служил в Севастополе. Не скомпрометировавший себя изменой пастырь пользовался любовью и уважением верующих. «Всегда бодрый и полный энергии», — как писали о нем уже после войны в «Журнале Московской Патриархии», в военное время отец Иоанн принимал активное участие в сборе средств на нужды Советской армии, а также — вдов и сирот павших бойцов. Когда Красная армия выдворила немецких захватчиков из Крыма, отец Иоанн с разрешения генерала Ветрова созвал всех верующих Симферополя в полуразрушенный немцами собор, совершил благодарственный молебен и произнес замечательную речь, навсегда оставившую след в сердцах слушателей. За молебном о даровании победы присутствовали воинские части. Деятельность отца Иоанна была отмечена благодарностью правительства и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Архиепископ Куйбышевский и Сызранский Алексей (Палицын) возглавлял патриотическую работу в своей епархии, неоднократно выступал с проповедями в Покровском кафедральном соборе, призывая в патриотических обращениях к верующим помогать Красной армии в борьбе с фашистскими захватчиками, молиться за победу над фашизмом и всеми силами поддерживать

Разве можно победить таких людей?

фронт. Став в 1943 году членом Священного Синода, Владыка Алексей проводил подобную деятельность в других регионах, в республиках Средней Азии. За самоотверженную деятельность во время войны архиепископ Алексей и группа священнослужителей были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Также активную деятельность среди верующих Куйбышевской области проводили настоятель Покровского собора протоиерей Димитрий Утехин и настоятель Петропавловской церкви протоиерей Сергей Валовский.

В Курской области священник села Глебово Павел Андреевич Говоров скрывал у себя бежавших из фашистского

плена летчиков и помог им перейти к своим, а протоиерей Семькин не только помогал пленным красноармейцам, но и после прихода советских войск мобилизовал местное население для дежурства и ухода за ранеными в полевом госпитале.

Красноярский священник Н. Попов, бывший репрессированный, за 1943–1945 годы собрал на нужды фронта 620 000 рублей. Он стал настоятелем Покровского храма, который

*Алексей, архиепископ Куйбышевский
и Сызранский*

вновь открылся благодаря его усилиям. Причем свое прошение об открытии церкви священник мотивировал тем, что множество людей, пришедших в храм, смогут услышать проповеди о том, «чтобы сплоченно, дружно и единомысленно встать на защиту нашей дорогой Родины от общего врага».

Очевидец событий военного времени Р. Жукова вспоминает, что в Покровской церкви всегда, особенно на праздники, собиралось много верующих. В 1945 году церковный совет Покровской церкви включился в Фонд помощи детям и семьям фронтовиков, и за один только этот год для детей погибших воинов и инвалидов войны было собрано 247 000 рублей. Священник Н. Попов был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Игуменя Феофания когда-то в миру звалась Елизаветой Васильевной Зон, ее предками были немцы-переселенцы. Потом она стала писать свою фамилию – Зонова. После окончания женской гимназии она работала там учительницей математики, очень любила свою работу, была хорошим педагогом и воспитателем. Но революция 1917 года изменила ее судьбу, девушка избрала служение Богу и приняла постриг в Козельщинском Рождества Богородицы женском монастыре. Этот монастырь, закрытый во время гонений, был снова открыт во время оккупации. Возродился он благодаря усилиям монахини Феофании.

Пораженная жестокостью фашистов, она понимала, что необходимо духовно поддержать и помочь всем, кто потерял близких, родных.

Разве можно победить таких людей?

Тем более что в отчаянии даже неверующие потянулись к храмам. Монахиня Феофания решила воспользоваться тем, что гитлеровцы разрешают открывать храмы и святые обители, и с несколькими бывшими сестрами-монахинями приступила к возрождению Рождества Богородицы женского монастыря. Став его игуменьей, она — приветливая, интеллигентная, с педагогическим тактом — по-матерински терпеливо и душевно относилась к сестрам, мудро руководила общиной в то тяжелое время. В монастыре в период оккупации насчитывалось до 100 и более послушниц и монахинь. Много девушек приходили в обитель, чтобы избежать насильственного вывоза на работу в Германию, большинство из послушниц потом принимали монашеский постриг. Здесь находили приют и одинокие пожилые верующие женщины, не имевшие семей, которым некуда было деться, не от кого было ожидать поддержки. Игуменья Феофания всем помогала. Сестры обители со всеми нуждающимися делились последним куском хлеба и миской постного борща.

25 сентября 1943 года для жителей Козельщины наступил счастливый день освобождения от оккупации — вместе со всеми послушницы монастыря приветствовали освободителей.

Говоря о монашествующих, с лучшей стороны проявивших себя во время Великой Отечественной войны, в числе прочих называют архимандрита Исидора (Скачкова). После закрытия Зосимовой пустыни он служил в храмах Московской области, по благословению Владыки Варфоломея начал подвиг старчества, а 1933–1936 годы провел в ссылке в Сыктывкарской области. С 1939 года

отец Исидор служил в церкви села Ивановское под Волоколамском. Осенью и зимой 1941 года, когда немцы рвались к Москве и линия фронта проходила буквально по деревне, где служил отец Исидор, он не покинул своих прихожан. Несколько недель, пока шли бои, он вместе со стариками, женщинами и детьми укрывался от обстрела в воронках, вытаскивал из завалов и перевязывал раненых, отпевал и хоронил убитых, поддерживал живых, причащая их запасными Дарами. 6 декабря 1941 года, в день святителя Николая, во время отступления немецких войск, отец Исидор под обстрелом отслужил праздничную литургию в одном из храмов Волоколамска. С приходом советских войск он был арестован и только чудо спасло его от скорого расстрела. И таких священников были тысячи по обеим сторонам фронта. (См.: *Беглов А. Л. Церковный патриотизм: позиция иерархов или верующих?*).

Священники на фронтах Великой Отечественной

Многие священнослужители, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 году на свободу, отбыв срок в лагерях, тюрьмах и ссылках, были призваны в ряды действующей Красной армии, стали танкистами, пехотинцами, артиллеристами, многие из них впоследствии были награждены боевыми орденами и медалями, отмечены благодарностями командования.

Патриарха Пимена, бывшего тогда иеромонахом, война застала в ссылке, в Средней Азии. Он отправился на фронт.

«Во время войны полк, где воевал будущий Патриарх, попал в окружение и в такое кольцо

Разве можно победить таких людей?

огня, что люди были обречены. В полку знали, что среди солдат есть иеромонах, и, не боясь уже ничего, кроме смерти, бухнулись в ноги: «Батя, молись. Куда нам идти?»

У иеромонаха была потаенно запрятанная икона Божией Матери, и теперь под огнем он слезно молился пред Ней. И сжалилась Пречистая над гибнущим воинством — все увидели, как ожила вдруг икона, и Божия Матерь протянула руку, указав путь на прорыв. Полк спасся.

Начав свой боевой путь заместителем командира роты, будущий Патриарх дослужился до звания майора, пока, наконец, не обнаружили, кто он такой на самом деле. За этим последовали скандал, изгнание из армии и последующее заключение.

После войны отец Пимен вернулся к пастырской деятельности, он был назначен настоятелем Благовещенского собора в Муроме» (*Иерей Александр Шестак. Подвиги русских пастырей в Великой Отечественной войне*).

Клирик ленинградского храма во имя святого князя Александра Невского Стефан Козлов принял боевое крещение в июле 1944 года. Ратный путь пулеметчика озаменован орденом Славы III степени и медалью «За победу над Германией». Отец Стефан отслужил в рядах Военно-воздушных сил и четыре послевоенных года.

Личным мужеством в боях за Родину отличился и священнослужитель Тихвинской церкви села Романишино Лужского района Георгий Степанов, награжденный медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

Диакон Роман Чух был награжден орденом Славы III степени и двумя боевыми медалями.

Священник Василий Троицкий получил две медали — «За доблестный труд» и «За оборону Кавказа» — в бытность начальником метеорологической станции в Грузии, где он во время войны обслуживал Военно-воздушные силы.

Священник Петр Ранцев за боевые заслуги на фронтах Отечественной войны был награжден орденом Красной Звезды, тремя боевыми медалями и несколькими благодарностями от Сталина.

Диакон Константин Глаголевский был награжден орденом Красной Звезды и тремя медалями, протодиакон Зверев и диакон Хитков — четырьмя медалями каждый.

Священствовавший в Уфимской епархии с 1924 года отец Димитрий Логачевский в годы Великой Отечественной войны был призван в ряды Красной армии, где в рабочем батальоне помогал громить врага. После ранения в 1943 году он вернулся к пастырскому служению, впоследствии стал настоятелем Покровского кафедрального собора Куйбышева. Был награжден медалями «За победу над Германией» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Семеро православных священников Удмуртской АССР послевоенного периода гордо писали в своих анкетах: «Участник Великой Отечественной войны». При этом трое из них стали фронтовиками, уже будучи священниками.

И. Баландин, отслужив в 1920-е годы псаломщиком, а затем и священником в храмах Воткинска, воевал в действующей армии с июля 1941 года. Он стал лейтенантом, был удостоен ордена Красного Знамени, четырех медалей и грамоты от командующего Первым Украинским

Разве можно победить таких людей?

фронтом. Вскоре после демобилизации опытный иерей вернулся в храмы Воткинска, чтобы нести исстрадавшимся за годы войны людям слова утешения.

Принявший духовный сан в 1924 году и дважды репрессированный за веру (в 1934 и 1937 годах) Ф. Красильников сражался пулеметчиком на Первом Белорусском фронте, а в 1945 году стал настоятелем храма села Короленко (Старый Мултан).

Можгинский священник П. Коновалов воевал еще в Первой мировой, а в Великой Отечественной участвовал с марта 1942 по август 1945 года. Он старший сержант, удостоен боевой медали. С сентября 1945 года фронтовик — уже настоятель храма села Новогорское Граховского района (Шумилов Е. Ф. Православная Удмуртия).

Судьба фронтовика-архимандрита

Игорь Реморов, будущий архимандрит, 1907 года рождения, уроженец села Сядемка Земеченского уезда Тамбовской губернии, вырос в церковной среде, среди верующих, воцерковленных людей. Его отец — иерей Николай Реморов — происходил из древнего священнического рода. Игорь начал учиться в Тамбовском духовном училище, а после революции продолжил обучение в светской школе, окончил девятилетку. Женился он на Валентине Мстиславской, отец которой был благочинным, служил в одном из мордовских сел и за активную миссионерскую деятельность был награжден медалью. Будучи одним из тех, кого не испугала угроза начавшихся в 20-е годы гонений, отец Игорь ответил согласием на предложение крестьян, просивших его

стать священником в его родном селе. Но прослужить ему удалось только два года. Начавшаяся коллективизация вызвала новую волну репрессий против духовенства. Священник Игорь Реморов был арестован и приговорен к высшей мере наказания. Но при пересмотре дела расстрел заменили ссылкой.

В 1930 году отец Игорь прибыл в Бийск, где в первый же день встретился со старостой Казанской церкви села Грязнухинское (ныне село Советское Советского района). Тот, поняв, что перед ним священник, стал просить отца Игоря поехать к ним и служить в их сельском храме. Ведь к тому времени многие священники были арестованы. Отец Игорь согласился, и они тотчас они отправились к местному архиерею, который,

В июле 1941 года священник Игорь Реморов был мобилизован и отправлен на фронт. До 1944 года его часть обеспечивала «дорогу жизни» через Ладогу

удостоверившись, что молодой священник не обманулен, направил его в Грязнухинское.

Прихожане полюбили батюшку, но послужить здесь ему пришлось недолго: из-за угрозы ареста пришлось уехать из села. Отец Игорь перебрался в Бийск, где окончил курсы бухгалтеров и устроился работать по этой специальности. Вскоре он был мобилизован в трудовое ополчение и стал работать на стройках Кузбасса, а в середине 30-х годов вернулся в Бийск к семье. Устроиться служить в какой-либо храм в это время было уже очень трудно. Большая часть церквей была закрыта, и отец Игорь до самой войны работал бухгалтером.

В июле 1941 года священник Игорь Реморов был мобилизован и отправлен на фронт. Первоначально воевал под Москвой, а затем инженерно-саперный батальон, где служил отец Игорь, перебросили в Ленинград. До 1944 года его часть обеспечивала «дорогу жизни» через Ладогу. Войну он закончил в Восточной Пруссии, в Кенигсберге. Был награжден медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

Осенью 1945 года отец Игорь вернулся в Бийск, где продолжал работать бухгалтером, а в следующем году митрополит Новосибирский и Барнаульский Нестор благословил его продолжить священническое служение.

В 1980 году священник Игорь Реморов был пострижен в монашество в честь преподобного Макария Великого. Отец Макарий жил в Тобольске, Новокузнецке, Бердске. По мере сил он служил в храмах этих городов. Многие сибиряки — и ми-

ряне, и священнослужители — обращались к отцу архимандриту за духовным советом, просили его молить и молились за него.

Скончался архимандрит Макарий 8 декабря 1998 года в Бердске. Похоронили его за алтарем Бердского Преображенского собора.

«Сын отца Макария протоиерей Александр Реморов — ректор Новосибирского Свято-Макариевского Богословского института, старается, когда появляется возможность, помянуть синодик отца Макария. Автору этих строк довелось видеть эту тетрадочку, заполненную сотнями имен. Батюшка молился за прихожан храмов, в которых служил; за архиереев и священников, убиенных во время гонений и умерших в ссылках; будучи большим знатоком русской классической литературы (а отец архимандрита Макария, протоиерей Николай Реморов, сам был поэтом и оставил несколько десятков стихотворений), отец Макарий включил в свой синодик имена многих русских писателей, поэтов, религиозных мыслителей и философов.

Через несколько лет после кончины отца Макария имя его записано в поминальные записки многих православных новосибирцев и бердчан, которые помнят его» (*Шабунин Е. А.* Священнослужители Новосибирской епархии — участники Великой Отечественной войны).

Из воспоминаний протоиерея Бориса Васильева

Протоиерей Борис Васильев, до войны диакон Костромского кафедрального собора, в Сталинграде командовал взводом разведки, а затем сражался в должности заместителя начальника полковой разведки. Вот что он рассказал.

Разве можно победить таких людей?

Кострома. Вид из города на кремлевские соборы

«У меня отец был священником, дед и прадед были священниками. Четыре класса окончил в сельской школе. Пошел служить псаломщиком... В 1938 году был рукоположен в сан диакона... Перед самой войной служил диаконом в Костромском кафедральном соборе. Оттуда меня и взяли в армию. Призвали, когда началась Великая Отечественная война.

Увезли сразу на окопы. Подходит ко мне офицер, видит, я человек грамотный, спрашивает:

— Вы где учились?

— Я окончил четыре класса.

— Не может быть! А дальше?

— Я — диакон.

— Все ясно. Вы служили у священноначалия.

Принимайте все бригады под ваше руководство.

Два дня я руководил всеми бригадами. Потом приезжает генерал. Просит показать диакона.

Подводят ко мне. Генерал Шеволгин спрашивает:

— Вы согласны ехать в офицерское училище?

Я:

— Согласен.

Меня отправили в училище в Великий Устюг. Там я проучился шесть месяцев. Всем присвоили звание младшего лейтенанта. Мне присвоили звание лейтенанта, потому что я очень хорошо знал все, наизусть. Окончив училище, я сразу попал под Сталинград, командиром взвода разведки...

Немцы шли в бой — у них у всех было написано по-немецки: «С нами Бог». Немцы давили танками женщин, стариков, детей. На гусеницах были волосы, кровь, мясо. Но мы-то шли со знаменами — там была красная звезда. Но была еще иконка в кармане и крест. У меня до сих пор хранится «Святитель Николай», пробитый пулей».

После Сталинграда отец Борис Васильев становится заместителем начальника полковой разведки. Участвует в разработке и осуществлении операций на Северском Донце и Юге Украины.

«...Нас выбросили на самолете в 18 километрах от Запорожья, чтобы узнать, где находится штаб противника. Мы два дня наблюдали за действием этого штаба. Двое из нас вернулись. А Смирницкий, тоже сын священника, был хороший человек, в разведке был отчаянный, моряк-штрафник, — погиб там. Я сам видел своими глазами: немцы его распяли на сарае. Прибили руки гвоздями. Ничего нельзя было сделать. Я сидел в колодце в 40 метрах...»

Это было 16 августа, а уже 17-го началось наше наступление по всему фронту.

Разве можно победить таких людей?

Разведоперация под Запорожьем стала последней для отца Бориса Васильева: он, в новом звании капитана, был отправлен в тыл на лечение, а затем его оставили в Саратове готовить кадры.

Таковы были наши батюшки, не только с молитвой на устах, но и с оружием в руках защищавшие Родину.

Начиная с осени 1943 года, к награждению государственными орденами и медалями стали представляться священнослужители и активные верующие — около 40 представителей духовенства были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За оборону Москвы», более 50 удостоены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», несколько десятков — медали «Партизану Великой Отечественной войны».

Глава 6. Для скорейшей победы над фашизмом

Посильная лепта

«На улице собирали помощь фронту вспоминала А. Гантимурова, старший сержант, разведчица.

— Прямо на площади на столах лежали большие подносы, люди шли и снимали кто перстень золотой, кто серьги. Часы несли, деньги... Никто ничего не записывал, никто не расписывался. Женщины снимали с рук кольца обручальные... Эти картины в моей памяти...» (Алексиевич С. А. У войны не женское лицо).

Те, кто не мог сражаться с врагом с оружием в руках, старались по мере сил помочь фронту. Кто сколько мог жертвовал в Фонд обороны. И если люди могли отдать во имя победы свои последние копейки — они делали это. Конечно же, и Русская Православная Церковь не осталась в стороне, священники на приходах не только молились о победе наших войск, но и организовывали сбор средств и необходимых вещей для отправки на фронт.

Митрополит Сергей 14 октября 1941 года призвал верующих «трудами и пожертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам»,

Для скорейшей победы над фашизмом

но сбор средств в Фонд обороны начался на приходах уже с лета. С 23 июня по предложению Ленинградского митрополита Алексия приходы Северной столицы начали сбор пожертвований в Фонд обороны и советский Красный Крест.

Несли деньги и облигации, золотые и серебряные вещи, порой бывшие у людей единственной ценностью, обувь, носки, рукавицы, теплую одежду... Ветеран Великой Отечественной войны, полковник в отставке И. Шляев вспоминал: «Если теплые вещи для бойцов собирали в других местах, например, в красных уголках предприятий, организаций, то потом, перед отправкой на фронт, несли освящать в ближайшую церковь. Не только вещи для фронтовиков, но и денежные пожертвования на оборону страны несли в основном в храмы. И не только верующие, но и атеисты, поскольку многие люди Церкви доверяли больше, чем государственным структурам».

Во время войны собирали средства и необходимые вещи не только для отправки на фронт, но и в помощь госпиталям, детским домам, домам инвалидов, на восстановление районов, пострадавших во время немецкой оккупации, в помощь семьям, лишившихся кормильцев. Собирались посылки для уходящих на фронт красноармейцев.

Средства собирались даже на оккупированных территориях — в пример приводят псковского священника Федора Пузанова, умудрившегося под боком у фашистских властей собрать около 500 000 рублей пожертвований и передать их на «большую землю».

В первые же годы войны в храмах Москвы было собрано более 3 000 000 рублей на нужды фронта и обороны, в храмах Ленинграда — 5 500 000 рублей. Поступали средства и из других епархий, со всей России, особенно активно проявило себя духовенство в Горьком и Харькове. Горьковский священник А. Архангельский писал в апреле 1942 года: «Любовь к Родине, защита ее целостности от врагов была заветом всех православных христиан. Поэтому верующие особенно горячо отнеслись к призыву о помощи на нужды фронта, на нужды и помощь раненым бойцам. Достаточно указать, что нами собрано пожертвований и передано в Фонд обороны свыше 2 000 000 рублей. Верующие охотно несли не только деньги, облигации, но и лом серебра, меди и др. вещи, обувь и пр. Было заготовлено и сдано немало валяной и кожаной обуви, шинелей, белья. Был организован особый сбор на подарки для бойцов в день годовщины Красной армии, давший свыше 30 000 рублей».

Нелегко давались верующим эти жертвования, ведь в подавляющем большинстве это были крестьяне-колхозники, и без того разоренные коллективизацией, государственными займами, войной и оккупацией. Очень часто последнее отдавали женщины и старики, лишенные своих кормильцев, призванных на фронт. Протоиерей М. Молчанов, лично внесший 25 150 рублей, пишет в отчете, что «эти жертвования можно уподобить «лепте вдовицы», но, принимая во внимание, что жители пострадали от владычества немцев, которые разграбили и уничтожили домашнее и колхозное имущество, инвентарь, угнали скот, нас утешает, что и наша малая капля

влилась в общую многоводную реку всенародной помощи нашей Родине».

На имя Сталина поступали телеграммы и письма от иерархов, клириков, мирян с отчетами о внесении пожертвований в Фонд обороны. 28 декабря 1942 года председатель церковного совета Хомутовской церкви Щелковского района Московской области А. Чайников и священник К. Гриневич докладывали Сталину: «Сегодня мы внесли в Щелковский госбанк от верующих нашей православной церкви добровольное пожертвование в сумме 10 000 рублей на оборону Отечества в твердой надежде, что по усердным молитвам Господь Бог дарует победу нашим бодрым братьям, славным воинам Красной армии».

Вносили свою лепту в общее дело и монастыри. Так, Курский Свято-Троицкий женский монастырь сдал за несколько месяцев 1944 года 70 000 рублей, Днепропетровский Тихвинский женский монастырь — 50 000 рублей, Одесский Михайловский женский монастырь — 100 000 рублей, Киево-Печерская Лавра — 30 000 рублей.

С каждым годом войны сумма церковных взносов заметно росла. По подсчетам Московской Патриархии, к лету 1945 года было собрано более 300 000 000 рублей, не считая драгоценностей, вещей и продуктов. На самом деле это была не такая уж значительная сумма по сравнению с общим количеством собранного по всей стране. Но если вспомнить, в каких условиях встретила войну разгромленная, почти переставшая существовать Русская Православная Церковь, остается только восхититься тем, что верующие люди смогли внести посильную лепту во имя Победы, и делали это с горячим воодушевлением.

Имени Александра Невского и Димитрия Донского

Имена святых князей Димитрия Донского и Александра Невского слились в народном сознании воедино, стали символом патриотического служения Отечеству. Хотя этих реальных исторических деятелей разделяло во времени более столетия, в нашем восприятии они — великие правители, доблестные воины, защитники Русской земли — стоят рядом, связаны неразрывно, о них мы вспоминаем, когда говорим — «Святая Русь». Неудивительно, что когда началась Великая Отечественная война, к помощи этих святых прибегали для воодушевления народа и церковные иерархи, и светские власти.

Что значит для русского святой князь Александр, понимало и советское правительство во главе со Сталиным. 29 июля 1941 года был учрежден орден Александра Невского для награждения командного состава Красной армии. Прижизненного изображения полководца не сохранилось, и автор эскиза ордена И. Телятников поместил на него профильное изображение артиста Н. Черкасова, исполнившего роль Александра Невского в одноименном кинофильме. Популярность этого фильма была в то время очень велика. Создатели «Александра Невского» удостоились Сталинской премии в 1941 году. Все это вызвало новую волну популярности великого героя в народе.

Когда Русская Православная Церковь по мере сил собирала денежные пожертвования, то они шли не только для отправки на фронт, в госпитали и детские дома, но и на создание военной техники. Так были собраны средства на создание

Для скорейшей победы над фашизмом

А. Д. Кившенко. Преподобный Сергей благословляет Дмитрия Донского на битву с Матвеем. XIX в.

танковой колонны и воздушной эскадрильи имени святых благоверных князей Дмитрия Донского и Александра Невского.

15 декабря 1943 года Сталин получил письмо от иерархов Православной Церкви:

«Верховному Главнокомандующему, Маршалу Советского Союза Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Прилагая воззвание к пастырям и верующим освобожденного Донбасса, а также приветственное обращение съезда районных благочинных по Сталинской (Донецкой) области, уведомляем главу советского государства, что нами открыты банковские счета на прием пожертвований от церквей на постройку танковой колонны имени Дмитрия Донского, а также на госпитали Крас-

ного Креста. За короткий срок уже внесено более 100 000 рублей. Кроме того, повсеместно церкви берут постоянное шефство над госпиталями, систематически прилагают свои труды по сбору продуктов, вещей, белья, по стирке белья и тому подобное.

Заверяем Вас как Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза, что наша помощь с каждым днем будет увеличиваться и патриотический порыв многотысячных верующих Донбасса усугубит общую уверенность в том, что силу оружия нашей непобедимой, оваянной мировой славой Красной армии под Вашим блестящим командованием и с Божией помощью враг наш будет окончательно разгромлен».

5 января 1943 года газета «Правда» опубликовала послание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Московского Сергия. «Нашим особым посланием, — говорилось в нем, — приглашаю духовенство, верующих жертвовать на постройку колонны танков имени Димитрия Донского. Для начала Патриархия вносит 100 000 рублей, Елоховский кафедральный собор в Москве — 300 000, настоятель собора Колчицкий Николай Федорович — 100 000».

«Пусть наша церковная колонна, — призывал митрополит Сергий, — несет на себе благословение Православной нашей Церкви и ее неумолкаемую молитву об успехе русского оружия».

Этот призыв был с воодушевлением подхвачен всей Церковью, на послание откликнулись все епархии. Так что уже через несколько дней «Правда» опубликовала сообщение, что Ленинградская епархия в условиях блокады собрала и внесла в Фонд обороны 3 182 143 рубля.

Для скорейшей победы над фашизмом

В «Журнале Московской Патриархии» за октябрь 1943 года была опубликована статья митрополита Николая (Ярушевича) «Танковая колонна Русской Православной Церкви имени Димитрия Донского».

«И не осталось ни одного храма, — пишет митрополит Николай, — ни одной церковной общины во всей стране, которые были бы в стороне от этого священного дела, кто уклонился бы от этого участия в деле спасения Родины».

Всего на общецерковную танковую колонну имени Димитрия Донского духовенством и верующими нашей страны было собрано свыше 8 000 000 рублей и большое количество золотых и серебряных вещей. Свыше 2 000 000 рублей внесли духовенство и верующие Москвы и Московской области, но даже приходы небольших городов и сел старались не отставать от обеих столиц.

Митрополит Николай в своей статье не только приводит статистику пожертвований на общее дело, но подробно рассказывает о том, как, с какими чувствами, с каким настроением совершились эти подношения от сердца. «В селе Чебаркуль Челябинской области, — пишет он, — был сделан взнос в 1000 рублей от мирянина Михаила Александровича Водолеева, который написал в своем заявлении в Московскую Патриархию: «Я, престарелый, бездетный, всей душой присоединяюсь к призыву Митрополита Сергия и вношу 1000 р. из своих трудовых сбережений, с молитвой о скорейшем изгнании врага из священных пределов нашей земли».

72-летний заштатный священник Михаил Михайлович Колоколов, иждивенец своих детей,

проживающий в селе Дмитровская Гора Калининской области, воодушевленный призывом митрополита Сергия, пожертвовал на колонну танков свой священнический крест, четыре серебряные ризы с икон, серебряную ложку и все свои облигации выигрышных займов. Он пишет в Патриархию: «Прошу принять мою малую жертву, посылаемую от искренней души, для сокрушения диких полчищ осатанелого врага».

В Новосибирске верующие и духовенство собрали 110 000 рублей на строительство самолетов сибирской эскадрильи «За Родину».

Священник Успенской церкви Ижевска Владимир Александрович Стефанов пожертвовал 273 000 и в телеграмме на имя Сталина просил соорудить на эти деньги два боевых самолета, присвоив им имена святых героев: «Александр Невский» и «Димитрий Донской».

Первым по времени своего взноса, вдохновившим и других священнослужителей, был священник села Шубино Молотовской (Пермской) области Александр Александрович Троицкий, отдавший 100 000 рублей своих сбережений. В телеграмме на имя Сталина священник писал, что он «с первого дня Великой Отечественной войны против исконных врагов русского народа – немецких зверей – призывал прихожан помогать Красной армии и в своих проповедях проклял немецких насильников и детоубийц». Эти телеграммы были опубликованы в газетах.

Протоиерей церкви села Троицкое Днепропетровской области И. Ивлев вспоминал: «В церковной кассе денег не было, а их надо было достать... Я благословил двух 75-летних старушек на это великое дело. Пусть их имена будут известны

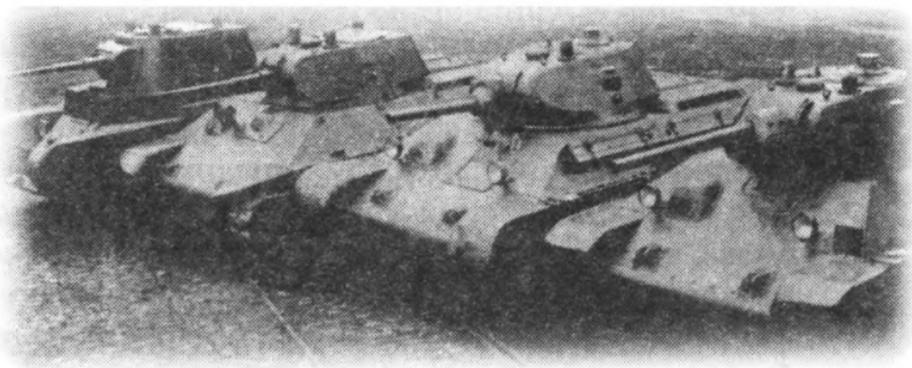

людям: Ковригина Мария Максимовна и Горбенко Матрена Максимовна. И они пошли, пошли уже после того, как весь народ уже внес свою сильную лепту через сельсовет. Пошли две Максимовны просить Христовым именем на защиту дорогой Родины от насильников. Обошли весь приход — деревни, хутора и поселки, отстоявшие в 5–20 километрах от села и в результате — 10 000 рублей, сумма по нашим разоренным немецкими извергами местам значительная».

На танковом заводе Челябинска в короткий срок было построено 40 танков Т-34. Их передали двум танковым полкам у деревни Горелки, что в пяти километрах северо-западнее Тулы. На церемонии передачи митрополит Николай произнес речь: «От имени Патриарха Сергия, своего имени, от имени всей нашей Церкви, я хочу сказать вам, дорогие братья-воины, из глубины сердца: Бог в помощь вам в вашем святом деле защиты Родины! Пусть эти боевые машины, руководимые вашей крепкой, как гранит, волей к победе, несут мщение и смерть фашистским палачам нашего народа, истерзавшим и залившим кровью часть нашей священной Родины, этим сатанистам — врагам культуры и народного счастья, врагам человечества, недостойным носить человеческое имя, недостойным жить на земле! Духом с вами будем все мы, весь наш советский народ во всех ваших бранных подвигах. Мы пламенно молимся о победе нашего оружия и пламенно веруем в конечное торжество свободы, правды, мира...»

«Грозную технику получили 38-й и 516-й отдельные танковые полки. К тому времени оба прошли нелегкие боевые пути. Первый участво-

Пусть эти боевые машины, руководимые вашей крепкой, как гранит, волей к победе, несут тищину и смерть фашистским палачам нашего народа...

вал в боях на Демянском плацдарме, под Вязьмой и Ржевом, освобождал города Невель и Великие Луки, бил врага под Ленинградом и Новгородом. Второй, что особенно примечательно, до получения «тридцать-четверок» от Русской Православной Церкви с честью оправдывал доверие дальневосточной молодежи, пройдя дорогами войны на танках колонны «Хабаровский комсомолец».

Там, под Тулой, боевые пути полков разойдутся. 38-й уйдет в юго-западные области Украины, 516-й в Белоруссию. По-разному сложится военная судьба боевых машин «Димитрия Донского». Короткой и яркой будет она для 38-го полка, продолжительной и скрытной окажется у 516-го. Но 8 марта 1944 года, в день вручения общецерковной колонны они стояли на одном заснеженном поле. Каждому, согласно штату, полагалось по 21 танку. Такое количество получил только 516-й полк, 38-му досталось 19. Учитывая высокую значимость патриотического акта

Для скорейшей победы над фашизмом

верующих, в день передачи колонны состоялся торжественный митинг, на котором перед танкистами по поручению Патриарха всея Руси выступил митрополит Крутицкий Николай. Танкистам митрополит Николай вручил подарки, а офицерам — часы. Командиру 2-й танковой роты 516-го полка капитану А. Бондареву эти часы спасли здоровье, если не жизнь. Маленький осколок от взорвавшейся около него мины, пробив полушубок и китель, застрял в механизме подаренных часов. «Не будь их, — вспоминал командир, — не пришлось бы мне писать эти строки, осколок пронзил бы сердце».

Это была первая официальная встреча представителя духовенства Русской Православной Церкви с бойцами и командирами Красной армии. Вторая на более высоком уровне состоялась 30 марта 1944 года в Москве. Нет, не по инициативе и без поддержки Сталина. Ее организовал председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г. Карпов, осуществлявший в то время связи между правительством и Патриархом. На приеме присутствовали: от Военного совета бронетанковых и механизированных войск Красной армии — генерал-лейтенант Н. Бирюков, от Русской Православной Церкви — Патриарх Московский и всея Руси Сергей, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей и митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич).

Долгие годы, в силу существовавшей внутренней политики государства, этот факт скрывался под грифом «секретно». Сегодня можно ознакомиться с краткой стенограммой речей на приеме. Они выражают единство чувств и стремление

людей полярных мировоззрений, но объединенных преданностью Родине в ее трудный час.

Генерал-лейтенант танковых войск Н. Бирюков: «Разрешите мне, Иван Николаевич (Страгородский Иван Николаевич — имя Патриарха Сергия до пострижения в монахи), прежде всего, поблагодарить вас от имени Военного совета бронетанковых и механизированных войск Красной армии, как организатора большого благородного и патриотического дела, направленного на оказание помощи Красной армии в разгроме врагов человечества — фашизма. Разрешите также, вместе с этим, заверить вас, что те танки, которые мы построили на средства духовенства Русской Православной Церкви и всех верующих, вручены достойным людям, которые не остановятся перед тем, чтобы отдать жизнь свою за освобождение нашей Родины от врагов, от немецких фашистов. Я должен также сказать, что один из полков, вооруженный вашими танками... уже участвует сейчас в боях на фронте и, я бы сказал, участвует с большим успехом. Мне, как танкисту, вдвойне, пожалуй, приятно сознавать то, что мы получили от вас солидную помощь... И еще раз заявляю здесь, что те взносы, которые сделали верующие и духовенство Русской Православной Церкви, они будут с честью использованы нашими офицерами и бойцами тех частей, в которых находятся ваши танки... Разрешите еще раз поблагодарить, Иван Николаевич, искренне, от всего сердца, за ваше благородное, патриотическое дело».

Патриарх Московский и всея Руси Сергий: «Очень рад, что маленькое начало сделано. Мы ни на минуту не сомневаемся и не сомневались,

Для скорейшей победы над фашизмом

что все простые люди, любящие нашу Родину, конечно, не поколеблются жизнь свою отдать, чтобы исполнить свой воинский долг. Мы не сомневаемся и только можем радоваться, что и мы тут, хотя и ничтожную, но каплю своего участия прибавили к этому общему подвигу, общему труду, что и мы участвуем в этом деле.

Желаю вам, как представителю танковых войск, в том числе и нашей колонны, чтобы слава Дмитрия Донского почилла и на сегодняшних представителях «Дмитрия Донского» и чтобы не только вы и ваши соратники наследовали эту славу, но (я попроще скажу), чтобы вы возвратились в целостности назад из этой огненной печи, в какую вам приходится идти и где действовать приходится, чтобы вы здоровыми и невредимыми возвратились домой и радовались бы и с нами со всеми, и с вашими близкими людьми.

Дай Бог вам, чтобы ваши слова исполнились на деле и чтобы слава Дмитрия Донского коснулась и вас, и всех представителей танковых войск» (О. Васильева. С именем Дмитрия Донского).

Менее чем за два месяца 38-й полк прошел с боями свыше 130 километров и более 500 километров сумел преодолеть маршем по бездорожью на своих танках. За проявленные мужество и героизм 49 танкистов колонны имени Дмитрия Донского из 38-го полка были награждены орденами и медалями СССР. 21 солдат и 10 офицеров полка пали смертью храбрых на полях сражений, 19 из них сгорели в боевых машинах.

516-й полк 5 апреля 1945 года был награжден орденом Красного Знамени. К этому времени

в нем было 13 кавалеров ордена Красного Знамени, 17 — ордена Отечественной войны I и II степеней, 57 — ордена Красной Звезды, 29 — ордена Славы II и III степеней, 137 человек награждены медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» (Якунин В. Н. Дело стояния за Родину).

А с именем Александра Невского предстояло взмывать в небо летчикам — собирались церковные пожертвования и на создание самолетов. Передавались они в разное время в разные части. Так, например, на средства прихожан из Саратова было произведено шесть самолетов, носящих имя святого полководца.

В сообщении благочинного города Горького, протоиерея Александра Архангельского отразилось то общее настроение, с которым люди вносили посильные вклады в создание военных машин: «Наша церковная община в 1942 году внесла наличными в Госбанк 2 500 000 рублей в Фонд обороны. Героическое наступление доблестных советских войск, предпринятое в последнее время одновременно на нескольких фронтах, и достигнутые при этом успехи еще больше воодушевили всех честных русских людей к подвигам на скорейшее освобождение родной земли... Вношу лично от себя 200 000 рублей на постройку нового боевого самолета эскадрильи имени прославленного историей русского боевого вождя Александра Невского... Я призываю всех православных церковнослужителей на свои взносы создать грозную для врага могучую боевую эскадрилью «Александр Невский».

На истребителе с надписью «Александр Невский» сражался известный летчик-истребитель, Герой Советского Союза А. Билюкин. За годы

Для скорейшей победы над фашизмом

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТРУДОВАЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КАССА № 2086/142
Москва
СБЕРКАССА № 2696/142
г. Москва, Беловая ул. д. № 8
Телефон № В 9-08-54

КВИТАНЦИЯ № 981769 СЕРИЯ Д

Принято от

Ворожковой Марии Семёновне

(Фамилия, имя и отчество или название организации)

Фонд обороны страны от

(наименование фонда)

Московской Никола-Курдюнской церкви

наличные деньги Р=50000

(Итого — название денег и, название организации или документа, их № и серия)

Литовский Михаил Рус

21. февраля 49

Контролер

Для армии, которая защищает нашу Родину, мы не должны ничего жалеть...

войны он выполнил 430 успешных боевых вылетов, в 36 воздушных боях лично сбил 23 и в составе группы 1 самолет противника.

Нам хотелось, чтобы дорогие наши воины чувствовали всю силу нашей любви к ним...

Как происходил сбор пожертвований — живые отклики военных лет опубликованы в книге «Правда о религии в России».

Епископ Калужский Питирим (Свиридов) приводит слова верующих Тулы: «Теперь за каждым богослужением открыто возносятся молитвы о даровании победы русскому воинству. В храмах производятся сборы пожертвований в Фонд обороны. Сердца верующих Тульской области горят священной ненавистью к заклятому врагу, посягнувшему на нашу родную землю, осквернившему наши святыни».

Великая Отечественная

«Врут фашисты, что они идут за свободу веры: не вера им нужна, а наши земли, родные поля и наши леса. Все верующие нашей общины это давно поняли и любят нашу Красную армию, сражающуюся за нашу Родину. В день Красной армии нами было пожертвовано 3000 рублей на подарки и 50 полотенец. Мы и впредь будем жертвовать все, что можем, нашим воинам и молиться за них в нашем родном храме».

«В день 24-й годовщины славной нашей армии духовенство и миряне Москвы внесли на подарки дорогим защитникам Родины большие денежные суммы. В Москве все священнослужители, все храмы откликнулись на это патриотическое дело: 1 500 000 рублей внесено духовенством и мирянами Москвы в подарок бойцам Красной армии.

Внося лепту в общенародное дело, представительница церковного совета Успенской церкви на Гончарах, Анна Митрофановна Цывина, заявила:

— Для армии, которая защищает нашу Родину, мы не должны ничего жалеть».

«В дни юбилея Красной армии наша община, следуя призыву Блаженнейшего Архипастыря и местного настоятеля, внесла свою лепту, 50 000 рублей, в общий поток подарков».

«По инициативе настоятеля, протоиерея отца Павла Цветкова, был организован сбор металлического лома на нужды обороны. Его набралось два больших воза. Ко дню 24-й годовщины Красной армии добровольными пожертвованиями прихожан было внесено на подарки Красной армии 25 000 рублей и от причта (двух священников) — 5000 рублей. 15 марта 1942 года». (И. Матвеев, председатель церковного совета московской

Ильинской, что в Черкизове, церкви. Цит. по книге «Правда о религии в России»).

«Во исполнение завета, что «молитва без добрых дел мертва», верующие щедро несут свои лепты в Фонд обороны — и в денежной форме, и теплыми вещами, подарками. В нашем Феодо-

Храм Успения Пресвятой Богородицы в Тонкарах. Снимок из альбома Н. А. Найденова

ровском храме введенный по настоянию прихожан в первые же дни вражеского нашествия тарелочный сбор дает щедрые поступления.

Нельзя без умиления не отметить патриотического порыва матери двух сыновей-воинов, Галины Федоровны Ермолиной, производящей эти сборы. Ей помогает староста Надежда Александровна Маркелова. Она первая пожертвовала два полушубка и валенки.

Маститый, широко известный верующему Ярославлю 75-летний протодиакон Иван Константинович Покровский, сдавая для Красной армии кожаные меховые перчатки, сказал:

— Примите их от меня. На фронте они нужнее, а я и без них обойдусь.

Верующая Елена Ильинична Зайцева отдала свой шерстяной свитер. И все это — для армии, которая стала как-то особенно близкой и дорогой, стала живой, непоколебимой опорой, охраной нашего благополучия» (Цит. по книге «Правда о религии в России»).

«Верующие охотно несли, по примеру своих патриотов-предков, не только деньги, облигации, но и лом серебра, меди и другие вещи: обувь, белье, полотно и т. д.

Было заготовлено и сдано немало валяной и кожаной обуви, шинелей, шапок, носков, перчаток, белья; одной шерсти перевязали на носки больше трех пудов, затратив на эти вещи свыше 6 000 рублей.

Было организован особо сбор на подарки для бойцов в день Красной армии, давший свыше 30 000 рублей; подарки были разнесены по лазаретам раненым, которые сердечно встречали такую о них заботу. Выпуск денежно-вещевой

лотереи также встретил поддержку среди верующих: церковный совет внес за билеты 35 000 рублей с переводом их непосредственно в Фонд Красной армии. Так внешне, материально выразилось отношение верующих к переживаемым событиям, ибо нет православной семьи, члены которой прямо или косвенно не принимали бы участия в защите Родины».

«Всецело поддерживая призывы нашей Православной Церкви об активной помощи в преодолении врага нашей Родины, и, как служитель Церкви, считаю своим нравственным долгом подать другим живой пример собственными жертвами на ту же единственную и главную цель: лично мною внесено в Фонд обороны страны 100 000 рублей.

Щедрые пожертвования верующие сопровождали горячими молитвами о даровании победы.

Религиозные чувства и особенный патриотический подъем верующих можно было наблюдать на Страстной неделе и в дни Пасхи: только за одну неделю церковный совет внес 100 000 рублей в Фонд обороны.

Руководители церковного совета, Дмитрий Высокое, Сергей Яблоков и Анна Клячина, свидетельствовали, что все поступающие в храм средства будут направляться ими непосредственно в фонд обороны, так как община не преследует никаких целей в накоплении запасных средств, а самый храм хозяйственно содержится исключительно попечением и любовью верующих» (Цит. по изданию «Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов»).

«К свечному ящику стали подходить и пожилые, и молодые.

Они отдавали свою лепту на дело «скорейшей победы над фашизмом», как говорили одни, или на «подарки для дорогих воинов», как говорили другие.

В январе 1942 года наш собор уже внес 300 000 рублей пожертвований от верующих на

*И все мы горим одним стремлением: и впредь служить дорогой
Родине в тяжелые дни ее испытаний...*

помощь Родине, борющейся с кровавыми оккупантами.

В феврале мы стали готовиться к дорогому для каждого русского человека юбилею нашей армии. К этому дню мы собрали на подарки бойцам 215 000 рублей.

Нам хотелось, чтобы дорогие наши воины чувствовали всю силу нашей любви к ним, всю веру нашу в скорейшую победу над врагами, всю нашу ненависть к тем, кто наступил грязным сапогом на нашу священную землю, разоряет наши святыни и терзает мирное население.

И все мы, работающие при соборе, и все прихожане горим одним стремлением: и впредь служить дорогой Родине в тяжелые дни ее испытаний и отдать последнее свое имущество, чтобы скорее вернулась к нам мирная, счастливая жизнь» (Т. Селиванова, член церковного совета кафедрального Богоявленского собора Москвы. Цит. по книге «Правда о религии в России»).

Глава 7. Священники и партизаны

Всякий должен считать дело партизан своим личным делом...

Партизанское движение — особая страница в истории Великой Отечественной войны. Его огромный вклад в победу осознавали не только советские люди, но и союзники, и враги. Геббельс утверждал: «Партизаны безраздельно господствуют над обширными районами оккупированной России».

В книге «Итоги Второй мировой войны», составленной из статей, написанных в начале 1950-х годов бывшими крупными военачальниками и государственными деятелями гитлеровского Рейха, говорится: «История войн не знает ни одного примера, когда партизанское движение играло бы такую большую роль, какую оно сыграло в последней мировой войне. По тому колоссальному воздействию, какое оно оказало на фронтовые войска и проблемы снабжения, работу тыла и управления в оккупированных районах, оно стало частью понятия «тотальная война».

Священники и партизаны

В этой же книге бывший генерал-полковник фашистской армии Л. Рендулич в статье «Партизанская война» подчеркивал, что во Второй мировой войне партизанское движение сыграло очень большую роль, и утверждал, что оно явилось полной неожиданностью в странах, оккупированных войсками Германии.

Зарубежные историки также оценили роль партизан в Великой Отечественной. По словам американского историка Хауэлла, «советское партизанское движение 1941–1945 годов, созданное в тылу германских армий... было как по замыслу, так и по масштабам величайшим партизанским движением сопротивления в истории войн». Английские историки Диксон и Гельбрунн писали: «...ущерб, нанесенный немецкой армии партизанской войной, нельзя определить только числом убитых и раненых и количеством уничтоженных орудий и складов... Главное состоит в том, что ухудшилось моральное состояние солдат, которые воевали в стране, где каждый гражданин мог оказаться партизаном, а каждый неожиданный шум — сигналом начала партизанской атаки».

Это действительно было так — партизаном мог оказаться каждый. В том числе — и православный священник.

Многие факты доказывают то, что во время Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь заняла патриотическую позицию, дала она и однозначную оценку партизанскому движению. Духовенство и верующие на оккупированных территориях читали послание Патриаршего Местоблюстителя «К верным чадам Русской Православной Церкви», переданное

через партизанские подпольные группы, в котором митрополит Сергей призывал их оказывать всяческую поддержку подпольной борьбе с врагом. Он писал в 1942 году: «Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом непрерывного попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизанам, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к нашему собственному освобождению из фашистского плена».

С явным уважением относясь к самоотверженности партизан, Владыка Сергей убеждал свою паству в послании от 26 июня 1942 года: «Может быть, не всякому можно вступить в партизанские отряды и разделить их горе, опасности и подвиги, но всякий может и должен считать дело партизан своим собственным, личным делом, окружать их своими заботами, снабжать их оружием и пищей и всем, что есть, укрывать их от врага и вообще помогать им всячески. Так действуя, вы будете достойны венцов, равных с партизанами».

Митрополит Ленинградский Алексей высоко оценил деятельность партизан, призывая в своем Пасхальном послании «К пастырям и пастве в городах и селах области, пока еще занятых вражескими войсками» (от 25 апреля 1943 года): «Продолжайте же, братие, подвизаться за Веру, за свободу, за честь Родины; всеми мерами, и мужчины и женщины, помогайте партизанам бороться против врагов, сами вступайте в ряды партизан, проявляйте себя как подлинно Божий, преданный своей Родине и своей Вере народ, готовый жизнь свою сделать священной жертвой верности и любви к своей возлюбленной

Отчизне...» (Цит. по изданию «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов»).

В следующем Пасхальном послании — 1944 года — митрополит Алексей делится своей радостью от того, что священники не остались в стороне от подпольной борьбы: «С радостью услышал я о преданности вере, о верности Родине многих пастырей за все время пребывания в фашистской неволе... Также отраднo было узнать о том, что многие священники и миряне бестрепетно всеми имевшимися у них способами боролись против засилья оккупантов: помогали партизанам, укрывали их от врагов...» (Цит. по изданию «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов»).

С призывами к партизанской войне против гитлеровцев обращался к верующим Украины и Киевский митрополит Николай (Ярушевич). Чтобы все эти призывы прочли именно те, кому они были предназначены, — жители оккупированных территорий, Московская Патриархия издавала календари, книги и листовки, через штабы партизанского движения они переправлялись за линию фронта и распространялись среди населения.

Как помогали партизанам

Призыв иерархов Русской Православной Церкви был созвучен настрою русских, украинцев, белорусов, страдавших от немецких захватчиков и стремящихся защитить свою землю. Среди них было много верующих людей, доверявших священникам, и в большинстве своем батюшки оправдывали это доверие. Пастыри поступали

Соково-Петровский монастырь

так, как призывал митрополит Сергей в послании от 13 декабря 1942 года: «Участник партизанской войны не только тот, кто с оружием в руках нападает на вражеские отряды. Участник и тот, кто доставляет партизанам и хлеб, и все, что им нужно в их полной опасности жизни; кто скрывает партизан от предателей и немецких шпионов; кто ходит за ранеными...»

Действительно, священники предоставляли партизанам укрытие, снабжали их едой и медикаментами, иногда и документами. С большим риском для себя они помогали молодым людям избежать вывоза в Германию, оказывали помощь отставшим от частей при отступлении красноармейцам, беглецам из фашистских лагерей. М. Шкаровский в книге «Крест и свастика» рассказывает о гатчинском протоиерее Ф. Забелине, который укрыл в алтаре советского разведчика.

В Свято-Покровской церкви села Бурты Шполянского района Киевской области находили помощь скрывавшиеся от Гестапо советские активисты, беглецы из лагерей, участники партизанского отряда. И фашисты не раз обыскивали этот храм, срывали богослужения, разгоняли молящихся.

Священник Владимирской церкви Ростова-на-Дону Димитрий Романовский спас от верной смерти жену ответственного работника Н. Подгорную и члена ВКП(б) лейтенанта Б. Иванова, арестованных немецким командованием, а также помог многим комсомольцам города избежать вывоза в Германию.

Священник Анатолий Гандарович из деревни Рабунь Куренецкого района Вилейской не раз принимал у себя партизан, давал им продукты и место для отдыха, помогал медикаментами. В его доме партизаны хранили тол, капсули и бикфордовы шнуры.

Игумен Псково-Печорского монастыря Павел 24 августа 1941 года получил благодарственную записку: «Больные, раненые военнопленные и персонал госпиталя лагерного пункта 134 в городе Пскове выносят глубокую благодарность за присланные продукты — муку, хлеб, яйца и другие пожертвования».

Некоторые батюшки оказывали медицинскую помощь раненым партизанам — в пример можно привести Бориса Кирика — священника и фельдшера, имевшего помимо духовного образования еще и медицинское. Он служил в деревне Ятра Кореличского района Барановичской области. Под полом своего церковного дома отец Борис выкопал огромный погреб и устроил там госпиталь для партизан на 10 коек.

Не раз поправляли свое здоровье партизаны в «Доме отдыха» при церковном доме, созданном священником Николаем Хильтовым из деревни Блячино Клецкого района Барановичской области. Отец Николай помогал разведывательной группе под командованием Михаила Шершнева из бригады имени Чапаева. В 1944 году за связь с партизанами он и его брат Георгий, тоже священник, были арестованы.

Священник Григорий Чаус, настоятель Кошевичской церкви Копаткевичского района (Белоруссия) помогал партизанскому госпиталю — каждое воскресенье он собирал полотно для перевязок и продукты для раненых. Отец Григорий со своей паствой много потрудились, собирая под носом у фашистов деньги и ценности на строительство военной техники, которые через партизан передавались в Москву.

В Старом Селе ныне Ракитовского района Ровенской области, также могли найти приют и лечение партизаны, нуждавшиеся в медицинской помощи. Настоятель церкви этого села, священник Николай Пыжевич, распределял тяжелораненых в домах верных ему людей, а затем их лечили всем миром. Отец Николай вместе с семьей помогал партизанам с самого начала войны, в том числе распространял листовки среди населения. И фашисты отомстили батюшке — в сентябре 1943 года отряд карателей сжег отца Николая и его семью в их собственном доме.

Причем священник уже успел было спастись, скрывшись в лесу, но, оглянувшись, увидел, как его дом, где остались жена и пять дочерей, заколачивают досками и обкладывают соломой.

Советские партизаны в Белоруссии. 1943 год

— Я здесь! — закричал отец Николай. — Меня берите, Богом прошу, детушек невинных пожалейте...

Офицер расстрелял его в упор, а тело священника солдаты бросили в уже пылающий дом.

И не только отец Николай и его семья были зверски убиты в тот день — 500 жителей Старого Села за помощь партизанам были сожжены в церкви, а само село — полностью уничтожено.

Настроение большинства священников — рискуя жизнью, рискуя семьями взявшихся помогать партизанам (в то время как фашисты ждали от них от них совсем иных действий) — выразил отец Никита из Житомирской области. 29 апреля 1944 года он писал в Московскую Патриархию: «В 1942 году в нашем лесу открылась группа партизан, с которыми я взял тесную связь и помогал им чем только мог... Когда в ноябре месяце 1943 года заняли наш район партизаны Маликовского со-

единения, я начал писать в Московскую Патриархию и даже послал 100 руб. денег на высылку мне какой-либо литературы или хотя бы Русского календаря, и до сих пор ничего нет. Я стараюсь всеми силами помогать Красной армии, отдаю весь доход как хлебом, так и полотном и деньгами».

Вели священники и агитационную работу среди населения. Священник Жуковской церкви Невельского района И. Щемелев призывал молодежь идти в партизанские отряды: «Если вас будут брать немцы на работы или армию, то уходите к партизанам, а к немцам не ходите».

И, конечно же, батюшки молились. Когда 24 жителя Красного Села ходатайствовали в 1945 году об открытии храма в их городе, они отмечали, что в военные годы при немцах в этом храме постоянно молился батюшка Иоанн. В ходатайстве говорилось, что он ежедневно совершал «по уставу положенное богослужение, молясь за страну родную, за наших бойцов в Красной армии и, вполне понятно, за свою Советскую власть трудящихся. Молитвы за всех нас были усердны о даровании скорой победы нашей Красной армии и свободы от злодейски напавших на нас гитлеровцев».

Священники-партизаны

Иногда батюшки сами становились разведчиками. Так, например, настоятель Видонской церкви в Уторгошском районе отец Мефодий Белов был замечен фашистами на станции Дно, когда наблюдал за передвижением немецких войск — батюшка помогал партизанам добывать нужные сведения. Кроме того, отец Мефодий сумел на оккупированной территории собрать

для передачи в Фонд обороны деньги и ценности, которые потом переправили самолетом в Москву. За помощь партизанам священник был замучен в Гестапо.

«Своеобразным русским патриотом был и наместник Псково-Печорского монастыря игумен Павел, — рассказывает М. Шкаровский в книге «Крест и свастика». — Он участвовал в подготовке антисоветских документов, подписывал официальные приветствия фашистским властям, но в это же время поддерживал тайную связь с партизанами. Через жительницу Пскова, «горячую ревнительницу» монастыря А. Рубцову игумен переправлял им целые возы продовольствия. Рубцова была арестована в 1943 году Гестапо и расстреляна. На допросах она держалась с удивительной стойкостью и не выдала наместника. Согласно другим свидетельствам жителей Печор игумен Павел прятал в помещении монастыря рацию, по которой передавались через линию фронта сведения о фашистах, собранные иеромонахами в приходах.

Будучи в прошлом эмигрантом, участником Белого движения, наместник имел мало оснований любить советскую власть. Этим, видимо, объясняются его активные попытки эвакуировать монастырь при приближении фронта в марте 1944 года. Однако подавляющее большинство братии, несмотря на жестокие бомбардировки и артиллерийские обстрелы, которым подверглась обитель, категорически отказались уезжать, и игумен остался вместе с монахами».

Протоиерею Ивану Ивановичу Рожановичу к началу войны было около 70 лет. Он был настоятелем церкви села Сварцевичи, ныне Дубровиц-

Сельский священник получает «Медаль партизана»

кого района Ровенской области и запомнился тем, что активно участвовал в партизанском движении, был членом антифашистского комитета, организовывал в своем доме встречи подпольщиков с партизанскими разведчиками.

«С личным участием отца Иоанна предпринимались рискованные шаги «челночной дипломатии» между бургомистром города Высоцка Тхоржевским, комендатом полиции полковником Фоминым и партизанским командованием, — пишет В. Якунин в работе «Патриотическая деятельность духовенства и верующих на оккупированных фашистами территориях СССР». — И эта смертельно опасная игра принесла плоды: были освобождены 15 партизанских заложников села Велюни, на сторону партизан перешли вооруженный отряд казаков из войск РОА г. Высоцка и части полицейского гарнизона во главе с полковником Фоминым.

В январе 1943 года, в период наступления одной из карательных экспедиций, когда весь партизанский край был уже объят пламенем, возникла реальная угроза полного уничтожения и села Сварцевичи. В партизанском штабе обсуждались разные варианты предстоящего боя. Но все же решено было пойти на военную хитрость: послать на встречу с карателями церковную делегацию с «жалобой» на партизан и просьбой о «защите», благо отец Иоанн в этом деле опыт имел. Цель делегации — убедить фашистов, что в Сварцевичах собраны крупные силы партизан, вооруженных автоматами, пулеметами и орудиями, а дороги вокруг заминированы.

Во время разговора с эсэсовским полковником отец Иоанн так сумел убедить его в силе партизан, что офицер приказал своему отряду отступить».

Будущий архиепископ Горьковский и Арзамаский Флавиан, который во время войны был еще священником Федором Дмитриюком, вместе с семьей участвовал в работе патриотического подполья города Пружаны Брестской области. Он был напрямую связан с белорусскими партизанами и чудом спасся после разгрома пружанского подполья, но все родственники отца Флавиана были расстреляны, а его младшая дочь — тяжело ранена.

Священник Владимир Соколов из села Мандуш Бахчисарайского района все время поддерживал связь с партизанами, распространял газеты, которые получал от спускавшихся в село советских парашютистов, ходил слушать через тайный приемник передачу радицентра. За это немцы сожгли его дом. Священнику с сыном уда-

лось спастись, когда фашисты издали приказ о расстреле мужского населения села, и перебраться в Симферополь. Здесь он продолжил деятельность в помощь партизанам и распространение сведений, полученных из радиопередач из Москвы.

Медалью «Партизану Отечественной войны» был награжден одесский протоиерей Василий Брага, который сотрудничал с советской внешней разведкой, добывал ценные сведения, помогал партизанам продуктами и материально и в проповедях призывал молиться за победу.

Сотрудничал с партизанами и отец Иоанн Курьян, служивший в одном из приходов Минской области.

Священник села Сидельники Порозовского района Брестской области Яссиевич Афанасий Автонович, начиная с 1942 года, примерно раз в неделю-две принимал у себя партизан, называвших себя «москвичами». В 1943 году в канун Пасхи к нему в дом пришло около 10 партизан, которые вручили священнику отпечатанное на машинке воззвание Киевского и Галицкого архиепископа Николая Крутицкого.

Священник Виктор Бекаревич с 1 мая 1944 года по 28 июня 1944 года был связным партизанского отряда имени Григория Котовского Ильясского района Вилейской области. И об этом 24 ноября 1944 года ему была выдана официальная справка Штабом партизанского движения БССР. Позднее отец Виктор вступил в партизанский отряд имени Михаила Фрунзе, действовавший на территории той же области. В феврале 1944 года он передал подпольному Молодечненскому РК КП(б)Б и подпольному РК ЛКСМБ 5 100 рублей.

Настоятель Негневичской церкви Лидского благочиния Барановичской области протоиерей Михаил Скрипка также был связным, он сотрудничал с партизанским отрядом имени Молотова.

«Священник Ф. Петрановский организовал в Одессе подпольную группу. Он регулярно принимал сводки Совинформбюро по радиоприемнику, расположенному в подвале дома. Полученные сведения передавались верующим в устной форме, а самые важные из них записывали и распространяли разными путями. Отец Ф. Петрановский в своем храме и на дому крестил более 100 еврейских детей, выдав им документы о крещении.

Спасал батюшка от смерти и взрослых. В мае 1942 года бесстрашный священник был посажен на полгода в тюрьму по обвинению в большевизме. Однако и там он получал сводки Совинформбюро от своих товарищей по подпольной группе и использовал их в беседах с заключенными.

Страдающим от истощения заключенным, в том числе и партизанам, отец Ф. Петрановский оказывал помощь продуктами. Арестованных он всегда подбадривал, внушал надежду на скорое освобождение» (Якунин В. Н. Патриотическая деятельность духовенства и верующих на оккупированных фашистами территориях СССР).

Отец Мариан из села Гута-Степанская Ровенской области возглавил отряд самообороны, согласовав все организационные вопросы с партизанским командованием из соединения В. Бегмы. Для этого он встретился с католическим ксендзом отцом Штефаном и убедил его объединить усилия для борьбы с оккупантами. Священнослужители нашли общий язык и создали общий от-

На партизанских тропах Белоруссии. Протоиерей Александр Романушко с товарищами-партизанами

ряд из 30 человек, который до полного освобождения успешно защищал свои семьи и дома от националистов, полицаев и прочих банд.

«В Пинском партизанском соединении служил протоиерей Александр Федорович Романушко, — читаем мы в одном из непридуманных рассказов о войне, — настоятель церкви села Мало-Плотницкое Логишинского района Пинской области. Он не раз участвовал в боевых операциях, ходил в разведку, был в полном смысле слова партизанским батюшкой. В оставленных некоторыми священниками храмах и местностях, где церкви были сожжены, отец Александр совершал отпевания расстрелянных, заживо сожженных, а также павших на поле боя партизан. И неизменно во время богослужения или при исполнении треб призывал верующих помогать партизанам и защищать родную землю от фашистов.

Когда летом 1943 года к командиру партизанского соединения генерал-майору В. З. Коржу обратились родственники убитого партизанами полицая с просьбой командировать на похороны партизанского священника, он предоставил право самому отцу Александру принять или отклонить приглашение. Один священник отказался, а отец Александр согласился. Взял облачение, кадило и в сопровождении двух автоматчиков выехал в деревню.

На кладбище была выставлена вооруженная охрана. Все приготовились слушать отпевание. Обведя глазами собравшихся, отец Александр, обращаясь к матери и отцу убитого, сказал:

— Не наших молитв и “со святыми упокоения” своей жизнью заслужил во гробе предлежащий. Он — изменник Родины и убийца невинных детей и стариков... Вместо “Вечной памяти” произнесем “Анафема”.

Среди изумленных собравшихся установилась мертвая тишина. Все сказанное священником прозвучало очень смело и могло повлечь за собой его гибель. Но отец Александр, подойдя к полицейским, продолжал:

— К вам, заблудшим, моя последняя просьба: искупите перед Богом и людьми свою вину и обратите свое оружие против тех, кто уничтожает наш народ, кто в могилы закапывает живых людей, в Божьих храмах заживо сжигает верующих и священников.

Потрясенные полицейские не тронули служителя Церкви. Слова священника потрясли и прихожан. Они говорили, что если уж священники взяли за оружие, то им сам Бог велит идти в партизаны.

В зону базирования группа отца Александра возвратилась с похорон, увеличенная во много раз. Среди нового партизанского пополнения были полицейские, но теперь уже бывшие».

Всем участникам этих «похорон» командир партизанского соединения генерал-майор В. З. Корж, Герой Советского Союза, объявил благодарность. Через некоторое время перед строем партизан отец Александр Романушко был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Священник не только сам был патриотом, но и сумел так же воспитать двух своих сыновей — они отважно воевали с немцами сначала в партизанском отряде, а потом и в Красной армии, вернулись домой, награжденные орденами (*Якунин В. Н.* Патриотическая деятельность духовенства и верующих на оккупированных фашистами территориях СССР).

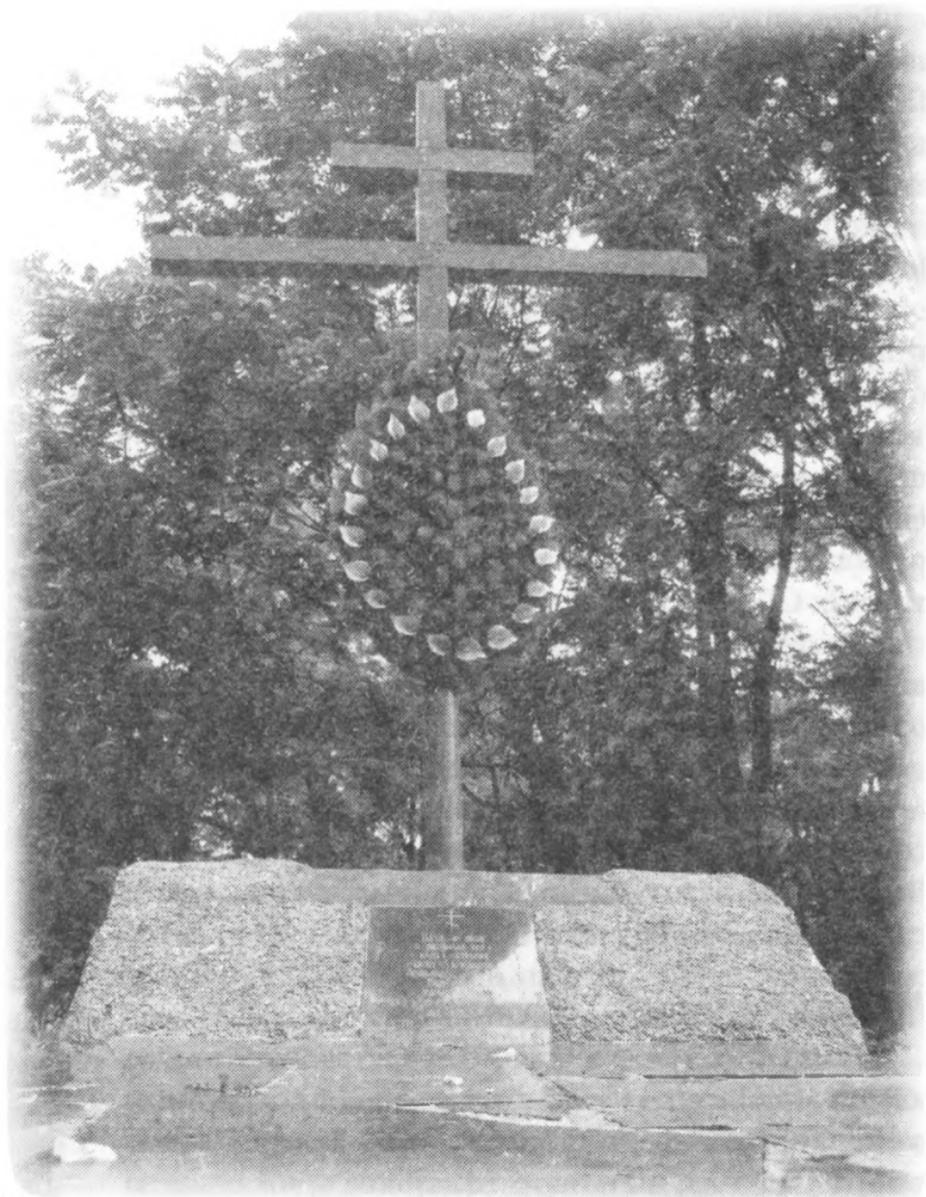
Сотрудничали с партизанами не только рядовые священники. По свидетельству генерал-майора В. З. Коржа, у него была установлена связь с митрополитом Александром, которому через подпольщиков вручались различные указания, советы, как вести работу против оккупантов. Владыка по этим вопросам проводил совещания с духовенством Пинской епархии.

Месть фашистов

Немцы, разочаровавшиеся в надежде найти в Русской Церкви союзницу, отвечали страшной жестокостью не только на связь священников с партизанами, но и на их призывы сражаться за Родину, на чтение посланий церковных иерархов. Из письма отца Александра Романушко,

посланного осенью 1944 года митрополиту Алексию (Симанскому), известно, что только в Полесской епархии число священников уменьши-

Крест на месте расстрела православных священников в ноябре 1941 г. Бабий Яр

лось на 55% в связи с расстрелами их фашистами за содействие партизанам (См.: Якунин В. Н. Велик Бог земли русской).

В селе Ящерово Гатчинского района были расстреляны за антигерманскую агитацию оба священника местной церкви — отец В. Романов и отец Алексей. Были расстреляны или сожжены за связь с партизанами священник деревни Лаша Виталий Боровский с семьей, священник Николай Михайловский — настоятель Свято-Воздвиженской церкви деревни Рогозино Жабинковского района Брестской области, священник Малишеский в городе Слониме Барановичской области, священники Александр Новик, Павел Щерба, Павел Сосновский, Назоревский и многие, многие другие. Замучили в Минской тюрьме священника Петра Бацяна, бывшего настоятелем в деревне Кобыльники Мядельского района Вилейской области. Протоиерей Павел Сосновский был замучен за то, что выдавал справки о благонадежности — во время облавы был арестован человек со справкой отца Павла.

«Православного священника отделили от толпы евреев, коммунистов, партизан и других, приведенных к Бабьему Яру для расстрела. Батюшку раздели, прикрутили колючей проволокой к кресту и подожгли. Горящий крест с человеком толкнули в яму...

Так закончился для него день 6 ноября 1941 года. А начался тот день с проповеди Отца Александра (Вишнякова) перед киевлянами, живущими в занятом немцами городе:

— Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ.

Он зачитывал народу послание Патриарха.

Каждый год мы повторяем: «Никто не забыт, ничто не забыто». Да нет, многие забыты. Александра Матросова знаем, а Александра Вишнякова?

Вишняковы были священниками на протяжении 300 лет! В Первую мировую отец Александр служил на фронте, и однажды в бою, когда убили офицера, войсковой священник, подняв высоко над головой крест, сам повел солдат в атаку... За этот подвиг он был награжден Георгиевским крестом. Вернувшись с фронта, боролся с большевиками, будучи священником в армии Деникина...

В оккупированном Киеве он открыто проповедует борьбу с фашизмом, выражает надежду на победу СССР. Памятуя, что он спас несколько семей от погромов, к нему начинают приходить евреи, чтобы креститься и тем самым спастись от расправы. Отец Александр крестит и выдает свидетельства на церковных бланках.

И все же наступает день, когда немцы требуют, чтобы все евреи собрались на площади, захватив с собой теплые и ценные вещи...

К священнику прибегает один из окрещенных им, отец троих детей, и просит прийти на площадь и засвидетельствовать лично, что семья крещена. Отец Александр идет, разговаривает с фашистами на хорошем немецком и производит на них приятное впечатление. Они отпускают всю семью новокрещеного... «Черносотенный» же отец Александр не может покинуть волнующуюся толпу людей, некоторые из которых плачут. Он остается с ними на всю ночь...

Наутро немцы его выгоняют, и он идет в храм и призывает паству встать на защиту Родины,

верить в победу. Священника арестовывают, а дальше вы знаете... Горящий крест и яма Бабьего Яра» (Э. Азаева. Солдат по имени Церковь).

Когда в феврале 1943 года село Хоростово Старобинского района Минской области было окружено карательными фашистскими отрядами, штабом партизанского командования было

А дальше вы знаете... Горящий крест и яма Бабьего Яра

принято решение без боя выйти из окружения с большей частью населения. Но священник Иоанн Лойко, настоятель Покровского храма этого села, решил остаться с теми, кто не мог отступать, — с больными, калеками, немощными стариками, чтобы помогать им. Этот же батюшка Иоанн запомнился тем, что принародно благословил своих сыновей Владимира, Георгия и Александра идти в партизаны: «Мое оружие на

Прихожанин этой же церкви Иван Цуб повторил подвиг Ивана Сузанина — взялся проводить карателей к партизанам, а на деле завел их в непроходимую трясину

врази крест святой, поруганный супостатами, и слово Божие, а вы будьте Богом хранимы и честно служите Батьковщине».

Фашисты, заняв Хоростово, сожгли священника вместе с 300 прихожанами в храме, где он совершал Божественную литургию. Это было 15 февраля — праздник Сретенья Господня. Фашисты слышали, как из объятай пламенем церкви доносилось молитвенное пение.

Прихожанин этой же церкви Иван Цуб повторил подвиг Ивана Сусанина — взялся проводить карателей к партизанам, а на деле завел их в непроходимую трясины. Только переводчик остался жив, он и поведал о подвиге Ивана Цуба. Тело героя было погребено по православному чину с воинскими почестями рядом с храмом, прихожанином которого он был всю жизнь.

Священник Косьма Раина

«...На рассвете 9 октября 1943 года в приходскую церковь белорусского села Хойно ворвались фашисты. Священнику Косьме Раине приказали разоблачиться, его повели в полицейский участок, обыскали. Документы и часы офицер отдал переводчику.

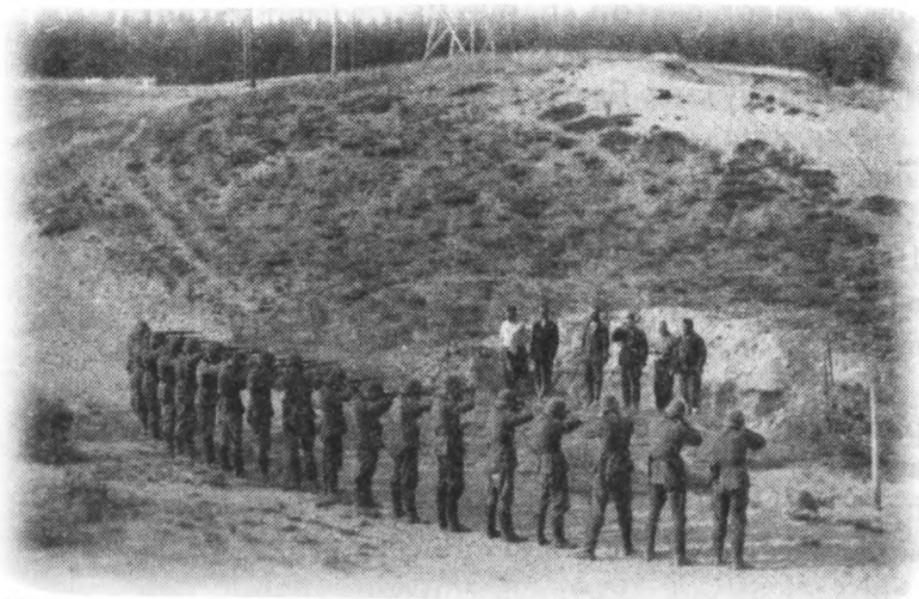
— Вам они больше не понадобятся, — сказал он.

И два солдата-чеха повели батюшку на расстрел.

Протоиерей Косьма Раина был потомственным священником. Его отец плавал на военных российских кораблях и скончался от ран, полученных в битве при Порт-Артуре.

Немецкая оккупация застала его с большой семьей (у него было семеро детей) в Пинском районе Брестской области. На оккупированных

Как учителя уходили в гетто с утенками, как врачи принимали смерть вместе с ранеными, так и священники разделяли во время войны судьбы прихожан...

Великая Отечественная

территориях при содействии немецких властей создавались автокефальные церкви, независимые от Москвы. Немало священников соблазнила эта независимость. Но многие все же остались верными Московскому Патриархату, памятуя о том, что никогда еще в российской истории семена разделения и вражды не приносили доброго плода.

Эта верность была далеко не внутрицерковным делом, а молитва «о стране нашей, властях и воинстве ея» приобретала в условиях оккупации политический смысл. Оккупационные власти требовали молиться «об освобождении страны российской и победоносном германском воинстве». Но отец Косьма каждый раз читал молитву о русском воинстве. А когда на него доносили, говорил, что забылся, прочитал по инерции.

Нет, не большевикам служил он, а пастве своей, народу православному, на плечи которого обрушилось тяжелое бремя войны. Народ этот день и ночь шел на восток по лесным и полевым дорогам — беженцы, раненые, окруженцы... Матушка давала им хлеб, вареную картошку, одежду, обувь, лекарства. Раненые причащались, многие просили молитв за павших товарищей, за себя и близких. Народ уходил в партизаны. После Пасхального богослужения отец Косьма объявлял сбор подарков для детей, раненых и партизан. А через несколько дней, обливаясь слезами, отпевал расстрелянных и сожженных жителей деревни Невель. Потом ехал в глухую деревеньку Семиховичи — на базу партизан, — и в небольшой церквушке, которую, смалодушничав (Бог ему Судия), бросил молодой священник, причащал больных и раненых, крестил детей, отпевал умерших и погибших.

Как учителя уходили в гетто с учениками, как врачи принимали смерть вместе с ранеными, так и священники разделяли во время войны судьбы прихожан...

9 октября 1943 года два солдата-чеха повели на расстрел протоиерея Косьму Раину. Возле церкви он пал на колени и стал усердно молиться. Сколько прошло времени, не помнит, но когда поднялся с колен, возле себя никого не увидел. Перекрестившись, батюшка с молитвой двинулся в сторону кустарника, а потом опрометью кинулся в лес.

Пришел в партизанский лагерь, где встретился с сыновьями. Вместе отвоевывали они у немцев свою матушку, которую вместе с другими партизанскими женами и детьми хотели было отправить в концлагерь.

За праздничным столом семье приходского священника удалось собраться лишь в 1946 году.

Последние годы жизни отец Косьма провел в поселке Ольгино под Питером, вместе с матушкой и дочерью Анжелиной, работавшей здесь участковым врачом. Погребен он здесь, в Серафимовской церкви, у алтаря» (А. Калинин. Прихожан — сжечь, священника — расстрелять!).

Едва не расстреляли отца Косьму за то, что он не просто вещами, подарками помогал партизанам, но активно сотрудничал с ними. Партизаны передавали батюшке свежие газеты, листовки, изданные Московской Патриархией. Часть из них отец Косьма лично передавал архиепископу Пинскому и Полесскому Александру (Иноземцеву), отколовшемуся от Московской Патриархии, а другую часть — епископу Брестскому и Полесскому Иоанну (Лавриненко), пребывавшему в юрисдикции Московской Патриархии.

В характеристике, выданной 15 ноября 1944 года священнику Косьме Петровичу Раине командиром партизанского отряда им. Кирова Неделиным, говорилось, что отец Косьма оказывал помощь партизанам, действовавшим в тылу врага, доставляя в партизанские отряды разведданные, призывал население оказывать содействие народным мстителям, проявил себя как подлинный патриот.

Священник Федор Пузанов

Федор Андреевич Пузанов родился в 1888 году в семье псаломщика, окончил два класса земской школы. Был он простым человеком, работал на земле, плотничал, а в Первую мировую пошел воевать — был награжден тремя Георгиевскими кре-

В Первую мировую он пошел воевать — был награжден тремя Георгиевскими крестами и Георгиевской медалью II степени

стами и Георгиевской медалью II степени. С Церковью же он связал свою жизнь, пойдя по стопам отца, уже после октябрьского переворота, в то время, когда это стало смертельно опасно. С 1918 по 1920 год Федор Пузанов был псаломщиком в Уфимской области, в 1923 году был рукоположен в диаконы, а священником стал в 1926-м. В 1929 году был арестован, отсидел, потом служил в сельском храме.

Началась Великая Отечественная война.

«Во время партизанского движения я с 1942 года имел связь с партизанами, много мною выполнено заданий, — писал о себе отец Федор в 1944 году архиепископу Псковскому и Порховскому Григорию. — Я помогал партизанам хлебом, первый отдал свою корову, бельем, в чем только нуждались партизаны, обращались ко мне, за что я получил государственную награду 2-й степени «Партизан Отечественной войны».

В то время отец Федор Пузанов служил в селе Хохловы Горки Порховского района Псковской

области. Пользуясь на оккупированной территории некоторой свободой передвижения, он не только помогал партизанам одеждой и продуктами, но и передавал им сведения о продвижении немецких войск. Также священник переходил от села к селу, знакомил их жителей с положением на фронтах, беседовал с верующими.

Когда в 1945 году немцы при отступлении эвакуировали население Псковского района, отцу Федору велели сопровождать своих прихожан к месту погрузки в эшелон. Пройдя 15 километров, сопровождавшие сельчан немцы свернули в сторону, под страхом смерти приказав священнику довести людей самому. Но когда конвой исчез из виду, отец Федор отпустил сельчан по домам.

За свою деятельность отец Федор Пузанов был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени. Ее прикрепил к груди героического священника командир 5-й партизанской бригады К. Д. Карицкий.

В 1944 году отца Федора вызвал к себе митрополит Алексей (Симанский). Он отметил заслуги священника Родиной и Церковью наградным крестом.

В характеристике, которую Ленинградский митрополит дал отцу Федору Пузанову, говорилось: «Во время оккупации священник Пузанов имел связи с партизанами, давал им хлеб, снабжал одеждой, давал им сведения о положении дел, о действиях немцев...»

С 1948 года священник Федор Пузанов был настоятелем Успенского храма в селе Молочкове Солецкого района Новгородской области. Там он и умер и был похоронен рядом с храмом.

Священник Василий Копычко

Оставил о себе добрую память и протоиерей Василий Копычко, настоятель Одрижинской Успенской церкви Ивановского района на Пинщине (Полесье), благочинный Гомельского округа. Как и многие священники, он из Москвы получил через подпольную группу партизанского отряда послание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия «К верным чадам Русской Православной Церкви». Батюшка зачитал послание прихожанам и принялся в переписанном виде распространять его среди верующих, несмотря на то, что фашисты за это расстреливали.

Во все время войны отец Василий духовно поддерживал и укреплял людей. Он совершал ночью богослужения без освещения, чтобы соблюдать безопасность. Почти все жители из окрестных деревень стекались к отцу Василию на службы, где священник не только читал проповеди,

*Почти все жители из окрестных деревень стекались к отцу
Василию на службы...*

в которых вдохновлял народ на борьбу против захватчиков, но и знакомил людей с положением на фронтах, зачитывал послания церковных иерархов. Отец Василий размножал и передавал сводки Совинформбюро, партизанские листовки.

В конце концов между протоиереем Василием Копычко и партизанами установилась прямая связь.

Комбриг Пинской партизанской бригады И. Шубитыдзе вспоминал о первой встрече со священником: «...Мы шутя называли его своим агитатором и однажды пригласили в партизанский лагерь. Он охотно приехал в сопровождении партизан. Копычко долго присматривался к нашей жизни, к нашим порядкам, обошел с десятков землянок и за ужином, который приготовили специально для него в штабе, разговорился:

— Вот и верь этим немцам! Обманщики, безбожники, бандиты! Вижу, что вы все православные, дай вам Бог здоровья! Я так и говорил своим прихожанам...

Было видно, что Копычко полюбил нас, радовался, что не ошибся в своих предположениях, обещал молиться о нас и помогать чем может. Отправили мы его из лагеря торжественно, на тачанке, с охраной. С этого времени Копычко стал нашим связным. Он сдержал свое слово, помогал не только молитвами, но и материально: собирал продукты для раненых, присылал временами и оружие».

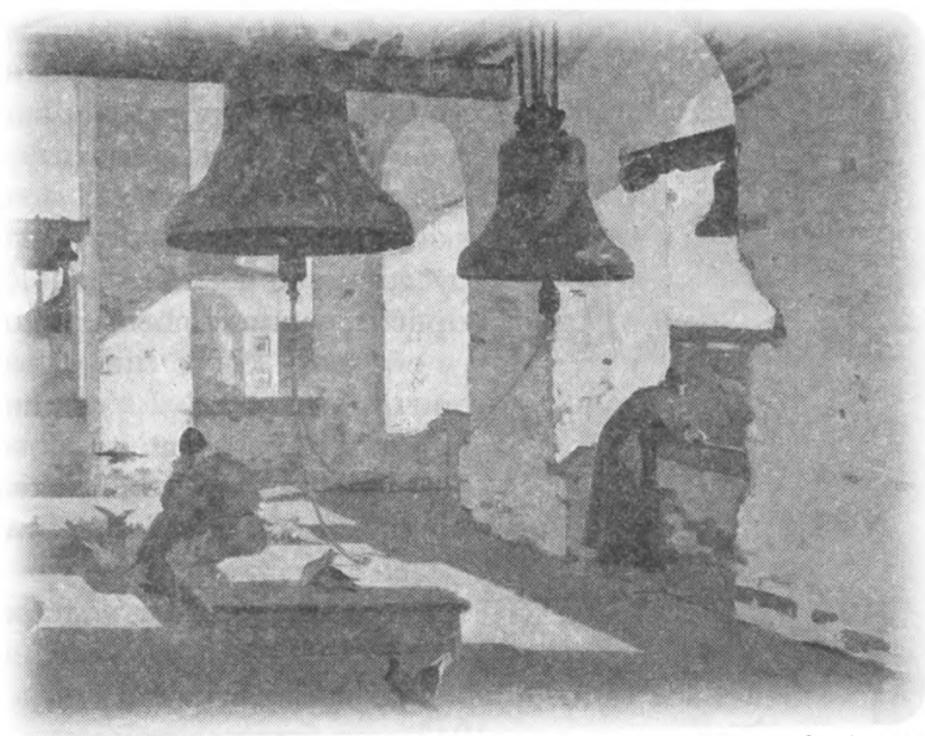
Дом отца Василия стал местом встреч подпольщиков с партизанами и их связными, а в особых случаях — надежным укрытием.

В конце 1943 года Гестапо узнало об активной связи священника с партизанами. Карательный

отряд особого назначения получил приказ о публичной казни отца Василия и его семьи, и на рассвете храм и церковно-приходской дом были сожжены.

Но благодаря подпольщикам о готовящейся казни узнали в штабе партизанской Пинской бригады. Накануне, ночью, отец Василий был перевезен в партизанский отряд, который впоследствии соединился с действующей армией и участвовал в освобождении Белоруссии и Западной Украины.

За заслуги перед Родиной протоиерей Василий Копычко был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «Партизану Великой Отечественной войны» I степени, «За

И. С. Торюшкин-Сорокопудов. Из века в век. 1910-е гг.

доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Германией» и другими.

Благодарности и награды

Среди партизан — советских людей — конечно, отношение к священникам было неоднозначное. Но примерно к 1943 году большинство из них стало положительно воспринимать служителей Церкви.

Священник Иаков Начис свидетельствовал: «Партизаны ведут очень искусную пропаганду, которой надеются завоевать симпатии населения. Эта пропаганда, кажется, направляется одинаковым образом. Она учитывает религиозность населения как реально существующий факт, с которым следует считаться. Поэтому затушевывается все, что могло бы оскорбить религиозное чувство народа. Священников и церкви не захватывают, богослужениям не препятствуют... Партизаны разъясняют крестьянам, что религиозная политика Советов коренным образом изменилась: безусловно признана свобода вероисповедания, борьба с религией была роковой ошибкой... таким образом, крестьяне на занятых немцами территориях тоже могут спокойно ходить в церковь... партизаны даже утверждают, что они сами охотно ходили бы в церковь, чтобы молить Бога об освобождении России от немцев».

Отношение властей и военных к батюшкам, помогающим партизанам, тоже было неоднозначным. Многие признавали их заслуги.

Когда в начале 1943 года был разгромлен немецко-фашистский гарнизон и освобожден город

Морочно Ровенской области, протоиерей Вячеслав Новроцкий встретил партизан Пасхальным перезвоном. До прихода наших войск священник помогал партизанскому движению. В честь освобождения состоялся торжественный митинг, и на трибуне рядом с генералами и командирами партизанских отрядов стояли благочинный отец Вячеслав и партизанский связной настоятель Муравинской церкви отец Михаил Гребенко.

В предоставленном ему слове отец Вячеслав от имени духовенства Русской Православной Церкви обратился к партизанам со словами благодарности:

— Мы, верующие люди, будем всегда помогать и молиться за павших ваших товарищей и за вас.

При взятии советскими войсками города Луги 16 февраля 1944 года генерал Лобанов вызвал священника М. Образцова, ранее помогавшего партизанам, и предложил ему в присутствии населения окрестных деревень, работников штаба и красноармейцев отслужить благодарственный молебен.

*В. М. Васнецов.
Сергий Радонежский*

Маршал Г. К. Жуков лично обратился с письмом благодарности к священнику села Омеленец Клещельского района Брестской области Евгению Мисеюку и прислал для его Свято-Крестовоздвиженской церкви из Пруссии три колокола. Труд священника Евгения на благо Родины был отмечен медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и орденом Преподобного Сергия Радонежского.

Медалью «Партизану Отечественной войны» были награждены десятки священнослужителей.

Глава 8. Милосердие

Врачи и медсестры

Война — это в первую очередь смерть. Но кто-то, уже, кажется, обреченный на смерть, остается жить, потому что на помощь приходят врачи, медсестры. Сколько добрых слов было сказано о врачах, поднимавших на ноги бойцов в военных госпиталях, о медсестрах, рискуя жизнью, выносивших раненых с поля боя. Их подвиг, их самоотверженный труд во время войны почитается не менее, чем само ратное служение. Среди них были и верующие люди.

Так, например, одна из первых монахинь Хабаровска матушка Елизавета (в миру Вера Дмитриева) прошла Великую Отечественную войну медсестрой, вынесла множество раненых бойцов с поля боя, укрывала раненых солдат от фашистов. «Я читала молитву, — вспоминала она, — и страх как-то током в землю уходит. И слышно, как сердце бьется. И не боишься уже».

Вот один из случаев, о которых рассказывала матушка Елизавета.

В больнице среди других больных лежали три наших раненых разведчика. Их решили выдать

за местных жителей, случайно раненных на станции во время налета. Составили фиктивные истории болезней. Придумали биографии. Переодели в гражданское. Нарисовали кресты на дверях палаты — инфекция.

Врачей в больнице не было. Всех эвакуировали. Остались только молоденькая акушерка Аня, бабушка Варвара и Вера (будущая матушка Елизавета).

Немцы появились через неделю. Увидев черные кресты на дверях, спросили:

— Что это?

— Здесь остались больные брюшным тифом. Врачей нет. Сами карантин снять не можем.

Немцы потребовали истории болезней.

— Что за раненые у вас? Командиры?

— Нет, колхозники из дальних сел. Приехали повидаться с родственниками. Их ранило на станции. В районной больнице мест не было. Привезли к нам в сельскую больницу.

Немцы поверили, успокоились. Прислали хирурга. Тот осмотрел раненых. Конечно, фронтовой хирург легко отличал осколочные ранения от пулевых. Но он ничего не сказал...» (А. Лепетухин. Живой голос матушки Елизаветы).

Военным врачом с Третьим Украинским фронтом прошла по дорогам Болгарии, Венгрии, Румынии монахиня Серафима (Зубарева), была награждена медалью «За победу над Германией».

Монахиня Антония (Н. Жартовская) с юных лет была послушницей Ладынского, потом Густынского монастыря, а в тяжелый начальный период Великой Отечественной войны работала хирургической медицинской сестрой в госпиталях Красной армии, с утра до ночи стояла за опе-

рациональным столом рядом с хирургом, предоставляя неотложную помощь раненым воинам.

Монахиня Кесария (в миру Ксения Алешина), бывшая насельницей Брянского Петро-Павловского женского монастыря, перенесла арест по несправедливому обвинению и советский концлагерь. В 1940 году она окончила двухгодичную школу медсестер, а когда началась Великая Отечественная война, была переведена в эвакупункт. Через месяц поступила в госпиталь легкораненых 6-й Гвардейской Танковой армии № 2632, в котором служила до 8 ноября 1945 года. В служебной характеристике «Гвардии мл. сержанту м/с Алешиной Ксении Ивановне» говорится: «Работая в госпитале в условиях боевой обстановки и большого потока раненых, т. Алешина проявила себя как одна из лучших медицинских сестер, к работе относилась добросовестно, к обслуживанию и лечению раненых больных исключительно чутко, заботливо, внимательно... за свою отличную работу... имеет ряд благодарностей от командования госпиталя и от раненых и больных... награждена медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги» и «За победу над Японией». Кроме того... за личные подвиги представлена к правительственной награде — ордену «Красная Звезда». В 1948 году монахиня Кесария была награждена медалью «За боевые заслуги».

На фронте, как вспоминали знавшие матушку, во время бомбежек все старались быть рядом с ней и молиться. Однажды она спрыгнула с поезда, спасая от гибели ребенка, разбила лицо и выбила верхние зубы.

Она была немногословной, и сведений о ее жизни сохранилось немного. С 1946 по 1956 год монахиня Кесария работала медицинской сестрой в больницах города Брянска.

На фронте во время бомбежек все старались быть рядом с ней и молиться

В городе Орле во все время немецкой оккупации успешно действовал подпольный госпиталь. Одним из его руководителей был врач В. Турбин, в 30-е годы тайно принявший монашество. Благодаря его личному мужеству и самоотверженности медперсонала в этом госпитале удалось спасти несколько оказавшихся в плену бойцов Красной армии, которых после излечения переправили через линию фронта.

Госпитали в монастырях

В Церковь Православную идут как в духовную лечебницу, а в годы Великой Отечественной войны люди, открыто связавшие свою жизнь с Церковью и не скрывавшие своей веры, старались заживлять и телесные раны нуждающихся в медицинской помощи. Приходы брали на себя попечение о раненых, устраивали при храмах перевязочные пункты. Еще в начале войны ленинградский Князь-Владимирский собор выделил на создание лазарета свыше 700 000 рублей и принял решение в дальнейшем выделять на его содержание ежемесячно 30 000 рублей.

По-прежнему притесняемые, в атмосфере недоверия христиане делали, что было в их силах. В Калуге, например, православная община взяла шефство над местным госпиталем, даже устроила для раненых Пасхальный концерт силами церковного хора. Но местные власти боялись давать ход инициативе верующих без указаний сверху. НКГБ СССР принимались меры к «недопущению впредь попыток со стороны церковников входить в непосредственные сношения с командованием госпиталей и ранеными под видом шефства».

Тем не менее шефство над госпиталями, которое брали на себя церковные общины и монастыри, стало весьма распространенной формой патриотической работы Церкви во время войны. Не только в Калужской, но и в Воронежской епархии верующие закупали продукты и необходимые вещи для раненых, собирали деньги. За этой деятельностью наблюдали сотрудники госбезопасности, которые отмечали, что «осуществляя это шефство, церковный совет собрал среди верующих Калуги 50000 рублей, приобрел на них до 500 подарков, которые были розданы раненым... На те же средства церковники купили и передали госпиталю плакаты, лозунги, портреты руководителей партии и правительства, нанимали парикмахеров, баянистов и т. д». В апреле 1943 года силами церковного хора в госпитале дважды устраивались концерты с программой русских народных песен и песен советских композиторов.

В 1943 году, в период временного потепления отношений между Церковью и государством, заслуги Церкви уже начали признавать. Так, например, получил несколько письменных благодарностей от военной администрации Киевский Покровский женский монастырь, а его настоятельница игуменья Архелая была за патриотическую деятельность представлена к ордену. Заслуга монахинь заключалась в том, что они собственными силами организовали госпиталь, в котором работали медсестрами и санитарками, а потом в Покровской обители разместили эвакуогоспиталь.

В истории Киевского Свято-Покровского женского монастыря рассказывается, что упраздненная в 1923 году обитель была снова возрожде-

на во время немецкой оккупации в 1941 году, а в следующем году ее настоятельницей была назначена 62-летняя игуменья Архелая (в миру Елена Савельева). С первых же дней сестры спасали от разграбления медицинское оборудование. Весной 1942 года открылась амбулатория, где киевские врачи, рискуя жизнью, выдавали фиктивные справки о болезнях и так спасали советских граждан от вывоза на работы в Германию.

Осенью 1943 года линия фронта приблизилась к Киеву, и монастырь попал в запретную зону. Монахини во главе с игуменьей отказались покинуть обитель, невзирая на угрозы и приказы фашистских властей. Закрывшись в сыром помещении под одним из храмов, инокини 40 дней, до самого освобождения Киева, пробыли здесь с 300 гражданами, скрывавшимися от преследования гитлеровцев. Сразу по приходе советских войск обитель на собственные средства открыла на своей территории госпиталь для раненых бойцов. С приходом первого полевого госпиталя монастырь передал последнему все медоборудование, спасенное сестрами от вывоза в Германию. (См.: *Протоиерей Максим Бойко. Киевский Свято-Покровский женский монастырь: очерк истории*). В качестве сестер милосердия монахини работали до 1946 года.

Так же и в Одесском Свято-Архангело-Михайловском монастыре, заново открытом во время оккупации в 1942 году, инокини организовали помощь раненым бойцам. После освобождения города советскими войсками они ухаживали за ранеными воинами, кроме того чинили и шили обмундирование, собирали для бойцов продовольствие, медикаменты, теплые вещи. Провели

*Архиепископ Симферопольский и
Крытский Лука (Войно-Ясенецкий)*

в монастыре духовный концерт, сбор от которого пошел в пользу раненых и на фронт, откуда воины писали сестрам благодарственные письма. Получила обитель и правительственную телеграмму с благодарностью, опубликованную в прессе. Игуменья Михайловского монастыря Анатолия (Букач), горячо любимая сестрами и прихожанами, уважаемая всеми за мудрость и хозяйственность, была награждена медалью «За доблест-

ный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Святой хирург. Архиепископ и профессор Лука (Войно-Ясенецкий)

Среди людей, внесших немалый вклад в победу над фашизмом, можно назвать уникального человека — это святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Мастерство великого хирурга, глубокий, тонкий ум ученого и богослова, сильная и горячая вера, личностная святость — все это было присуще человеку с удивительной судьбой.

Родился он 27 апреля 1877 года в Керчи, в Крыму, в семье аптекаря. Отец его был католиком, принадлежал к белорусскому полонизированному дворянскому роду, древнему и знатному,

но обедневшему. Мать будущего святителя была православной, и пятеро детей в семье воспитывались в православной вере, но, по-видимому, формально, так как сам святитель писал в мемуарах «Я полюбил страдание»: «Религиозного воспитания я в семье не получил». Потом семья переехала в Киев, где Валентин Феликсович в 1896 году одновременно окончил 2-ю Киевскую гимназию и Киевское художественное училище.

В юности проявилась религиозность Валентина, которую, как сам считал, он унаследовал от отца-католика. Это отразилось на занятиях живописью: «Я каждый день, а иногда и дважды в день ездил в Киево-Печерскую Лавру, часто бывал в киевских храмах и, возвращаясь оттуда, делал зарисовки того, что видел в Лавре и храмах. Я сделал много зарисовок, набросков и эскизов молящихся людей, лаврских богомольцев, приходивших туда за тысячу верст, и тогда уже сложилось то направление художественной деятельности, в котором я работал бы, если бы не оставил живописи. Я пошел бы по дороге Васнецова и Нестерова, ибо уже ярко определилось основное религиозное направление в моих занятиях живописью. К этому времени я ясно понял процесс художественного творчества. Повсюду: на улицах и в трамваях, на площадях и базарах — я наблюдал все ярко выраженные черты лиц, фигур, движений и по возвращении домой все это зарисовывал».

Уже в юности Валентин Феликсович оправдывал свое будущее иноческое имя — апостол и евангелист Лука, именем которого он наречется при постриге, был художником и врачом. У Войно-Ясенецкого была страсть к рисованию, но после долгих перипетий он поступил на медицинский

факультет Киевского университета. «Когда я изучал физику, химию, минералогию, — писал он, — у меня было почти физическое ощущение, что я насильно заставляю мозг работать над тем, что ему чуждо. Мозг, точно сжатый резиновый шар, стремился вытолкнуть чуждое ему содержание. Тем не менее, я учился на одни пятерки и неожиданно чрезвычайно заинтересовался анатомией. Изучал кости, рисовал и дома лепил их из глины, а своей препаровкой трупов сразу обратил на себя внимание всех товарищей и профессора анатомии. Уже на втором курсе мои товарищи единогласно решили, что я буду профессором анатомии, и их пророчество сбылось. Через 20 лет я действительно стал профессором топографической анатомии и оперативной хирургии.

На третьем курсе я страстно увлекся изучением операций на трупах. Произошла интересная эволюция моих способностей: умение весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии и тонкую художественную работу при анатомической препаровке и при операциях на трупах. Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии».

Если бы Валентин Феликсович, стремившийся стать «деревенским, мужицким врачом, помогать бедным людям», знал тогда, к чему призывает его Господь и в какие страшные годы его хирургические знания и навыки станут поистине драгоценны...

Он получил диплом лекаря с отличием. Потом было много работы, женитьба, возникла идея изложить накопленный опыт в книге «Очерки гнойной хирургии». «Я составил план этой книги и написал предисловие к ней. И тогда, к моему

удивлению, у меня появилась крайне странная неотвязная мысль: «Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа». Быть священнослужителем, а тем более епископом мне и во сне не снилось...»

И тем не менее, Валентин Феликсович стал священником. К тому времени вера его окрепла, а привыкший трудиться ум занимала не только медицина, но и богословие. Войно-Ясенецкий не раз участвовал в религиозных диспутах,

где вдохновенно выступал с опровержениями тезисов научного атеизма. По окончании одного из таких собраний епископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий (Пустынский) отвел Валентина Феликсовича в сторону и сказал: «Доктор, вам надо быть священником». К тому времени уже овдовевший Войно-Ясенецкий сразу же согласился. По его словам, он принял как Божий призыв устами архиерея и, ни минуты не размышляя, ответил: «Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!» В ближайшее же воскресенье он был рукоположен в диакона, а через неделю возведен в сан иерея. Это было в 1921 году.

Валентин Феликсович был назначен младшим священником Ташкентского кафедрального

*Епископ Иннокентий (Пустынский)
и Валентин Войно-Ясенецкий*

собора, оставаясь при этом и профессором университета. «Отец Валентин ходил по городу в рясе, с крестом и тем очень нервировал ташкентское начальство... — вспоминали его современники. — С крестом на груди читал лекции студентам университета. Читал хорошо. Студенты его любили. После операций и преподавания много занимался живописью, писал иконы для храма и анатомические таблицы». Совершенствовалось его мастерство хирурга и в то же время начиналось духовное восхождение. В 1923 году отец Валентин принял постриг с именем Луки и вскоре был хиротонисан во епископа Барнаульского.

В то время принять архиерейский сан значило добровольно взвалить на себя крест гонений и страданий. Так и случилось. Епископ Лука был неоднократно арестован, пережил три ссылки в очень тяжелых условиях, сильно подорвал здоровье. Уже потом, в годы войны, он напишет сыну Михаилу: «Я полюбил страдание, так удивительно очищающее душу».

На начало Великой Отечественной войны епископ Лука откликнулся горячо и взволнованно. Он отправил телеграмму председателю Президиума Верховного Совета М. И. Калинин: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука».

Телеграмма легла на стол первого секретаря Красноярского крайкома ВКП(б) Голубева, кото-

рый после обсуждения с руководством НКВД края разрешил переслать ее Калинин.

Положительный ответ пришел быстро, святителя Луку незамедлительно назначили главным хирургом эвакогоспиталя № 15/15 в Красноярске.

«В конце июля прилетел на самолете в Большую Мурту главный хирург Красноярского края и просил меня лететь вместе с ним в Красноярск, где я был назначен главным хирургом эвакогоспиталя 15/15, — вспоминал святитель Лука. — Этот госпиталь был расположен на трех этажах большого здания, прежде занят школой. В нем я проработал не менее двух лет, и воспоминания об этой работе остались у меня светлые и радостные. Раненые офицеры и солдаты очень любили меня. Когда я обходил палаты по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах и излеченные мною, неизменно салютовали мне высокоподнятыми прямыми ногами».

С появлением епископа Луки выздоровели многие «безнадежные» раненые, как свидетельствуют отчеты госпиталя 15/15. Побывавший здесь профессор Н. Н. Приоров, до того посетивший немало госпиталей, говорил, что нигде ему не приходилось видеть таких блестящих результатов лечения инфицированных ранений суставов, как у епископа Луки. Все дело было не только в профессиональном мастерстве великого врача, но и в его бережном, человеческом отношении к людям. Как свидетельствовала хирург В. Н. Зиновьева, ученица профессора Войно-Ясенецкого по госпиталю 15/15, он учил своих помощников «человеческой хирургии»: с каждым

раненым вступал в личные отношения, каждого помнил в лицо, знал фамилию, держал в памяти подробности операции и послеоперационного периода. Он всегда следовал своему кредо: «Для хирурга не должно быть «случая», а только живой, страдающий человек».

Один из пациентов святителя Луки рассказывал, что из-за невыносимой постоянной боли ему было все безразлично, но он помнит, как с надеждой и мольбой смотрел на склонившегося над ним доктора, — «как на Бога», который может принести избавление от страданий. Операция принесла облегчение уже на следующий день.

В операционной у епископа-хирурга висели иконы, он молился перед каждой операцией и разрешал раненым целовать висевший у него на груди крест. Работал Владыка Лука на износ — в день по восемь-девять часов, проводя сложнейшие операции, а потом еще находил в себе силы консультировать врачей. За три недели 1942 года профессор побывал в семи госпиталях и поставил диагноз 87 больным. Он очень переживал, когда спасти человека было невозможно.

«Тяжело переживаю смерть больных после операции, — писал святитель Лука сыну Михаилу. — Было три смерти в операционной, и они меня положительно подкосили. Тебе, как теоретику, неведомы эти мучения, а я переношу их все тяжелее и тяжелее. Молился об умерших дома, храма в Красноярске нет».

И все-таки тысячам людей епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, сохранил жизнь. Стоило это Владыке серьезного переутомления, сведшего его самого на больничную койку. «Уже

четыре недели я не работаю вследствие очень тяжелого переутомления, главным образом мозгового. Три недели пролежал в больнице крайкома, теперь лежу у себя на квартире. Врачи говорят, что по выздоровлении я не должен работать больше четырех часов и не делать больше операций. А до сих пор я работал до восьми-девяти часов и делал четыре-пять операций...» (Из письма к Н. П. Пузину от 25 декабря 1942 года. Цит. по изданию: «Пузин Н. П.

«Помни, Миша, — писал он сыну, — в служении Богу вся моя радость, вся моя жизнь...»

Несколько штрихов к биографии профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, архиепископа Луки»).

К тому же хирург-профессор никогда не забывал, что он монах и архиерей. В течение 1942 года Владыка ходатайствовал об открытии церкви в Красноярске. «Давно обещали открыть у нас церковь, но все еще тянут, и я опять останусь без богослужения в великий праздник Рождества Христова», — с горечью писал он сыну Михаилу. С сыном святитель Лука делился своими религиозными переживаниями: «Помни, Миша, мое монашество с его обетами, мой сан, мое служение Богу для меня величайшая святыня и первейший долг... А в служении Богу, — писал он, — вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока моя вера... Однако и врачебной, и научной работы

я не намерен оставлять... Если бы ты знал, как туп и ограничен атеизм, как живо и реально общение с Богом и любящих его».

Весной 1942 года отношение властей к Владыке Луке несколько улучшилось. Хирургу-консультанту стали выдавать обед, завтрак и ужин с общей кухни, начали заботиться об улучшении условий работы. В письме сыну он писал: «В Иркутске на межобластном совещании главных хирургов мне устроили настоящий триумф. Мнение обо мне в правящих кругах самое лучшее и доверие полное. Слава Богу!»

Святитель сделал ряд новых открытий. Его операции, лекции, доклады на конференциях высоко ценили врачи, доценты и профессора. «Почет мне большой: когда вхожу в большие собрания служащих или командиров, все встают», — рассказывал он.

5 марта 1943 года Владыка сообщил сыну о назначении архиепископом Красноярским и о первом архиепископском богослужении. «Господь послал мне несказанную радость. После 16 лет мучительной тоски по церкви и молчания отверз Господь снова уста мои. Открылась маленькая церковь в Николаевке, предместье Красноярска, а я назначен архиепископом Красноярским... Конечно, я буду продолжать работу в госпитале, к этому нет никаких препятствий». В автобиографии он замечал: «Священный Синод при местоблюстителе патриаршего престола митрополите Сергии приравнял мое лечение раненых к доблестному архиерейскому служению и возвел меня в сан архиепископа».

Совмещение работы в госпиталях, архиерейского служения и научных трудов очень тяжело

давались Владыке Луке. «В Красноярске, — вспоминал святитель, — я совмещал лечение раненых с архиерейским служением в Красноярской епархии и во все воскресные и праздничные дни ходил далеко за город в маленькую нищенскую церковь, так как другой церкви в Красноярске не было. Ходить я должен был по такой грязи, что однажды на полдороги завяз, упал в грязь и должен был вернуться домой. Служить архиерейским чином было невозможно, так как при мне не было никого, кроме одного старика-священника, и я ограничился только усердной проповедью слова Божия».

Уже при жизни своей этот глубоко верующий, удивительный самоотверженный человек снискал всеобщую любовь и уважение. О нем передавались из уст в уста яркие рассказы.

Рассказывают, как святитель Лука ответил на вопрос атеиста, заданный с издевкой:

— Как же вы верите в своего Бога, если вы Его не видели?

— Я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил.

Этот эпизод пересказывали по-разному, был даже вариант, что такой диалог произошел у святителя Луки якобы со Сталиным, хотя на самом деле они не встречались.

А вот рассказ, который весьма ярко передает характер святителя Луки.

«С Николаевской кладбищенской церковью в Красноярске связывают и такой случай. В церкви этой епископ Лука служил и проповедовал по субботам и воскресеньям. Народу всегда было полно. Живого епископа с каких пор уже в городе не видывали.

И вот однажды, во время проповеди, к церковным дверям с грохотом подлетел мотоцикл, и солдат-вестовой полез через толпу с пакетом к Луке. Бабы на него, конечно, зашикали, заругались. Пакет же с печатями пошел по рукам и дошел до проповедника.

Епископ прервал свое слово, открыл пакет, прочитал, что там было написано, и сказал:

— Православные христиане! По законам нашей церкви пастырь не должен покидать во время службы и проповеди свое место. Но вот получил я письмо, где сказано, что солдат раб Божий такой-то умирает в госпитале и нуждается в моей епископской и врачебной помощи. Да простит меня Бог, и вы простите, христиане православные, но должен я поторопиться к этому раненому.

Сошел Лука с амвона, сел в мотоциклетную коляску и умчался. А верующие прихожане решают его ждать. Ждали его всю ночь.

А под утро он приехал уже на машине, взошел на амвон и возгласил:

— Благодарение Богу, раненный на поле брани солдат раб Божий такой-то спасен.

Что тут началось! Люди падали на колени, кто «многие лета» кричит, кто молится. Ну и он благодарственный молебен отслужил.

Случай этот по всему городу скоро разнесся, и на фронт из Красноярска пошло много посылок с подарками и теплыми вещами для наших бойцов».

С именем архиепископа Луки у многих красноярцев, а также у жителей Тамбова и Симферополя связаны воспоминания о счастливых исцелениях. В народной памяти Войно-Ясенецкий выступает чаще как великий хирург, но в одном

дошедшем до нас эпизоде он проявил себя, по всей видимости, неплохим психотерапевтом.

«Дело было в Сибири. В одном военном госпитале лежал контуженный молодой солдат. На фронте он потерял дар речи. Врачи ничего поделать не могли.

И вот однажды идет профессорский обход. Впереди сам епископ.

Спрашивает врача:

— А тут кто у вас лежит?

Тот докладывает: так, мол, и так, больной, лишенный речи после контузии. Архиепископ рукой эдак повел, всех из палаты выпроводил и на край койки сел.

Взял солдата за руку и спрашивает:

— Хочешь научиться говорить?

Тот, конечно, кивает.

— Ты женщину когда-нибудь любил?

Тот кивает.

— Помнишь ли имя первой, самой первой своей любимой?

Солдат кивает.

— Назови имя.

Солдат:

— И-их... — не получается, не может он ничего выговорить.

Лука тогда встал и говорит:

— Каждый день с утра до вечера тверди это имя. И с этим именем к тебе вернется речь.

Прошли сутки, вторые. Солдат старается, мычит, а имени выговорить не может.

На третью ночь заснули все в палате, и вдруг будит солдата сосед:

— Проснись, дурень! Ты же кричишь. Таню какую-то поминаешь.

Проснулся солдат и заговорил. Немоты как не бывало» (*Аруева Л.Н.* Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны).

По воспоминаниям святителя Луки, в Красноярске в «кругах» о нем говорили: «Пусть служит, это политически необходимо». Был дан властный приказ не преследовать его за религиозные убеждения. «Даже если бы не изменилось столь существенно положение Церкви, — писал Владыка сыну, — если бы не защищала меня моя высокая научная ценность, я не поколебался бы снова вступить на путь активного служения Церкви. Ибо вы, мои дети, не нуждаетесь в моей помощи, а к тюрьме и ссылкам я привык и не боюсь их».

24–29 марта 1943 года архиепископ Лука принял участие в конференции военных хирургов в Новосибирске. Его доклад, завершившийся бурными аплодисментами, назвали «не только глубоким, но даже мудрым».

Будучи назначенным на Тамбовскую кафедру, Владыка в 1944 году переехал в Тамбов. «Имея много свободного времени, — вспоминал он, — я и в Тамбове около двух лет совмещал церковное служение с работой в госпиталях для раненых».

Прихожане тамбовского кафедрального собора рассказывали: «Приехал он к нам в самом начале 1944 года. Но сначала не было у него облачения для службы. Прислали ему облачение перед Великим постом.

Он служил первый раз и обратился к верующим с кратким словом:

— После долгого духовного голода мы сможем снова собраться и благодарить Бога... Я назначен к вам пастырем.

Потом благословил каждого человека в храме».

Хирургической работы в Тамбове оказалось значительно больше, чем в Красноярске. Архиепископу, как главному хирургу больницы, приходилось курировать около 150 госпиталей, в каждом из них было от 500 до 1000 коек. «Приводим церковь в благолепный вид... — рассказывал святитель Лука сыну Михаилу в письме. — Работа в госпитале идет отлично... Читаю лекции врачам о гнойных артритях... Свободных дней почти нет. По субботам два часа принимаю в поликлинике. Дома не принимаю, ибо это уже совсем непосильно для меня. Но больные, особенно деревенские, приезжающие издалека, этого не понимают и называют меня безжалостным архиереем. Это очень тяжело для меня. Придется в исключительных случаях и на дому принимать».

В декабре 1945 года архипастырь-хирург был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Вручил медаль председатель Тамбовского облисполкома и сказал, что труд Владыки как консультанта эвакогоспиталя завершен (госпитали осенью 1944 года покинули Тамбов и двинулись дальше на запад), но он надеется, что профессор и впредь будет делиться своим большим опытом с медиками города.

Архиепископ Лука ответил ему следующее:

— Я учил и готов учить врачей тому, что знаю. Я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть, и тысячам раненых и наверняка помог бы еще многим, если бы вы, — он подчеркнул это «вы», давая понять слушателям, что придает слову широкий смысл, — не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы 11 лет по острогам

и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено — отнюдь не по моей воле!

Эти слова вызвали шок у областного начальства. В президиуме и в зале воцарилась тягостная тишина. Придя в себя, председатель промолвил, что прошлое пора забыть, а жить надо настоящим и будущим.

И тут снова раздался басовитый голос святителя Луки:

— Ну, нет уж, извините, не забуду никогда!

В феврале 1946 года Патриарх всея Руси Алексий наградил святителя правом ношения бриллиантового креста на клобуке. Это была высшая архиерейская награда (см.: *Лисичкин В. А.* Лука, врач возлюбленный).

1946 год был знаменательным в жизни архипастыря и профессора Луки (Войно-Ясенецкого). Представленные Наркоматом здравоохранения его фундаментальные работы «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при инфицированных ранениях суставов» были удостоены Государственной (тогда Сталинской) премии первой степени в 200 тысяч рублей. Владыка Лука отправил Сталину благодарственную телеграмму: «Москва. Генералиссимусу И. В. Сталину. Прошу Вас, высокочтимый Иосиф Виссарионович, принять от меня 130 000 рублей, часть премии Вашего славного имени, на помощь сиротам, жертвам фашистских извергов. Тамбовский архиепископ Лука Войно-Ясенецкий, профессор хирургии».

Вскоре пришла ответная телеграмма: «Тамбов. Тамбовскому архиепископу Луке Войно-Ясенецкому, профессору хирургии. Примите мой

*В память о святом Луке в Красноярске был установлен
памятник*

привет и благодарность правительства Союза ССР за Вашу заботу о сиротах, жертвах фашистских извергов. Сталин».

Умер святитель Лука Войно-Ясенецкий 19 февраля 1961 года. В 2000 году святой хирург-архиепископ был прославлен Русской Православной Церковью как исповедник в сонме новомучеников и исповедников Российских. Он также почитается и другими поместными Церквями, в частности Элладской Православной Церковью. В 2001 году из Греции привезли серебряную раку для мощей святителя Луки. В 2002 году в память о святом Луке в Красноярске был установлен памятник ему (скульптор Б. И. Мусат).

Глава 9. Война оживает в воспоминаниях.

От служения Отечеству к служению Богу

«Война оживает для нас, ветеранов, в воспоминаниях. Наш долг — хранить их, передавать своим детям, чтобы они никогда не забывали тех, кому обязаны жизнью, кто, твердо веря в Победу, шел на смерть во имя завтрашнего дня», — эти слова принадлежат протоиерею Иоанну Засыпкину. Поколение, сохранившее в памяти войну, передающее нам ее неискаженной и неприукрашенной, уходит от нас. Нам остаются их воспоминания — драгоценные, свидетельствующие как о тяготах и ужасах военного времени, так и о величии и силе духа людей, отдававших себя для победы без остатка. Будут ли сохранять, передавать в свою очередь своим детям эти воспоминания новые поколения?

Сейчас мы обращаемся к рассказам людей, которых дорога войны привела в храм, которые не просто поверили в Бога, но стали служителями Церкви или подвизались в монастырях. Кто-то из этих людей уже веровал в Бога и шел в бой с крестом и молитвой, кто-то обрел веру на фронтах Великой Отечественной, а кому-то

Война оживает в воспоминаниях

понадобились годы, чтобы услышать Господа в своей душе и понять сокровенный смысл всего, что довелось пережить. Разные люди, разные судьбы. Но роднит этих людей горячая, живая вера, посвящение своей жизни Господу Иисусу Христу. И, конечно же, фронтовые воспоминания.

«Я шел с Евангелием и не боялся».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Прошел фронтовыми дорогами один из самых почитаемых старцев, духовник ныне покойного Патриарха Алексия Второго, духовник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Кирилл (Павлов).

Иван Дмитриевич Павлов (так звали отца Кирилла в миру) родился в крестьянской семье, окончил техникум, потом работал технологом на металлургическом комбинате. О вере не задумывался. Когда началась война, был призван в Красную армию. Служил на Дальнем Востоке, участвовал в боях возле озера Балатон в Венгрии и закончил войну в Австрии.

Принимал участие будущий архимандрит и в обороне Сталинграда, командовал взводом. Видимо, из-за этого отца Кирилла стали отождествлять в народе с его легендарным однофамильцем, сержантом Яковом Павловым, героем Сталинградской битвы. Но оборонял ныне знаменитый «дом Павлова» совсем другой человек. Про него рассказывал его сын Юрий: «Даже в церковь не ходил. Икон тоже дома не было. Иная жизнь у отца была и убеждения другие. Я это видел и знаю: мы жили все время вместе. Папа окончил Ленинградскую высшую партий-

ную школу, потом — Московскую. Работал третьим секретарем Валдайского горкома партии по сельскому хозяйству».

А у Ивана Дмитриевича Павлова совсем иначе сложилась судьба. На войне он обрел настоящую веру.

«Народ шел в храмы, — рассказывал отец Кирилл. — И я сам был очевидцем этого...

После Сталинградской битвы, когда мы были в тамбовские леса на отдых, в один воскресный день я пошел в Тамбов. Там только что открыли единственный храм. Собор весь был голый, одни стены... Народу — битком. Я был в военной форме, в шинели. Священник, отец Иоанн, который стал впоследствии епископом Иннокентием Калининским, такую проникновенную проповедь произнес, что все, сколько было в храме народа, — навзрыд плакали. Это был сплошной вопль... Стоишь, и тебя захватывает невольно, настолько трогательные слова произносил священник.

Конечно, такой вопль, молитва простой верующей души до Бога дошла! Я в это верю на все сто процентов! И Господь помогал...

Простым людям кажется невидимой помощью Божия. Люди Бога не видят, не знают. Но связь невидимого мира с миром вещественным — непосредственная. Господь и нужных людей воздвигает, даем им опыт и мужество. Дает успехи в тылу и на фронте...

Я помню, как в начале войны наши танки, самолеты горели, как фанерные. Только появится «мессершмитт», даст очередь, — и наши самолеты валятся. Больно и печально было на это смотреть.

А позднее, во время Сталинградской битвы, я был прямо восхищен: «катюши», артиллерия,

После освобождения Сталинграда нашу часть оставили нести караульную службу в городе. Здесь не было ни одного целого дома...

самолеты наши господствовали, и было радостно за страну, за нашу мощь. Чувствовался подъем в войсках. Все были воодушевлены. Это Господь помогал нам! И потом, слава Богу, прошли мы всю Украину, освобождали Румынию и Венгрию, Австрию...

После освобождения Сталинграда нашу часть оставили нести караульную службу в городе. Здесь не было ни одного целого дома. Был апрель, уже пригревало солнце. Однажды среди развалин дома я поднял из мусора книгу. Стал читать ее и почувствовал что-то такое родное, милое для души. Это было Евангелие. Я нашел для себя такое сокровище, такое утешение!..

Собрал я все листочки вместе — книга разбитая была, и оставалось то Евангелие со мною все время. До этого такое смущение было: почему

война, почему воюем? Много непонятного было, потому что сплошной атеизм был в стране, ложь, правды не узнаешь. А когда стал читать Евангелие — у меня просто глаза прозрели на все окружающее, на все события. Такой мне бальзам на душу оно давало.

Я шел с Евангелием и не боялся. Никогда. Такое было воодушевление! Просто Господь был со мною рядом, и я ничего не боялся. Дошел до Австрии. Господь помогал и утешал. А после войны привел меня в семинарию. Возникло желание учиться чему-то духовному...

В 1946 году из Венгрии меня демобилизовали. Приехал в Москву, в Елоховском соборе спрашиваю: нет ли у нас какого-нибудь духовного заведения. «Есть, — говорят, — духовную семинарию открыли в Новодевичьем монастыре». Поехал туда прямо в военном обмундировании. Помню, проректор, отец Сергей Савинский, радушно встретил меня и дал программу испытаний.

И я с большим воодушевлением начал готовиться. Ведь я же к церковной жизни не был приобщен. Вырос в крестьянской семье, родители были верующие. Но с 12 лет я жил в неверующей среде, у брата, и растерял свою духовность.

Господь дал мне такую энергию, такое желание! Многое надо было на память выучить. Молитвы, чтение по-церковнославянски. Я, не смотря ни на что, работал, учил все с таким желанием. Горел.

На экзамене дали мне наизусть читать 50-й псалом... Только половину прочитал — хватит, спасибо. Прочитал по-церковнославянски. Тоже хорошо. Затем сочинение было на евангельскую тему. А я Евангелие хорошо знал. На «пять» написал

сочинение. И мне прислали извещение, что я принят.

Тогда уже я шинель снял и в фуфайке поехал. И все мы, кто там тогда был: кто, как и я, с фронта пришел, кто с угольных шахт, были испытанные жизнью...

Одним словом, я считаю, что наше неверие, наше невежество, наше незнание Бога, а также нарушение нравственных законов не могут оставаться безнаказанными. Мы не ведаем, что Господь промышляет не только о каждом человеке, а вообще о всей стране. Поэтому и война была. И это не без поущения Божия.

Если и волос с нашей головы не упадет без воли Божией, то тем более — война. Это поущение Божие за нашу безнравственность, за наше безбожие, отступление. Господь попустил, чтобы это пресечь. Потому что пытались совсем задушить веру. Храмы все закрыты. Думали, покончили. Нет! Не тут-то было! Трудно идти против рожна.

Так и в будущем. Господь знает, чем смирить врагов. Попустил военные испытания, и вынуждены были вновь открыть храмы. Потому что этого требовал народ...» (Записал А. Печерский).

Разведчица Наталья Малышева – матушка Адриана

Наталья Владимировна Малышева, будущая монахиня Адриана, родилась в Крыму в 1921 году. Ее отец, врач, происходивший из старинного священнического рода, был дружен с младшим братом Ленина, Дмитрием Ульяновым, и по его приглашению переехал с семьей в Москву.

«Дмитрий Ильич маме говорил: «Нина Николаевна, на таких, как вы, мир держится», — вспо-

минала матушка Адриана. — Милый, простой человек. Бывал у нас дома, видел все наши иконы — мама была религиозна. И никогда никаких разговоров ни о мировой революции, ни о брате».

В Москве Наташа ходила с мамой в Страстной монастырь у Тверских ворот (в 1937 году он был уничтожен), и эти посещения произвели глубокое впечатление на девочку. Особенно поразило ее одно распятие. Матушка вспоминала: «Оно было вырезано из цельного дерева. А деревянная скульптура Спасителя была просто необыкновенной — он был будто живой. Когда я подходила к кресту, то ноги Иисуса были как раз на уровне моих глаз. И так это было все тщательно вырезано, можно было разглядеть каждый ноготочек. Я в свои пять лет действительно поверила, что это — живой человек. Мне все хотелось его оттуда снять. Я старалась гвозди вытащить и его освободить. Это распятие просто вошло мне в душу...»

Наталья Малышева росла активной, спортивной девушкой. С детства занималась плаванием и гимнастикой, бегала на лыжах, стреляла. Окончила курсы медсестер, сдала нормы ГТО. Увлекалась конным спортом. «В детстве моей любимой книжкой были “Избранные сочинения кавалерист-девицы” Надежды Дуровой, — вспоминала матушка Адриана. — Мне эта книга очень нравилась, и даже печальный финал ее — “и вот умерла она, одинокая, никому не нужная” — меня не остановил. Я решила: хочу быть кавалерист-девицей».

Но в военную академию Наташу не приняли — девушек не брали, и тогда она поступила в Московский авиационный институт. Жизнь сулила много радости, но все было перечеркнуто войной.

Первый день войны. «Да как сейчас помню, — рассказывала матушка, — воскресенье, из уличного рупора — он нам чуть ли не в окно кричал — война! Мама позеленела, а я ... Странно это звучит, но я ведь, можно сказать, обрадовалась. Я так рассуждала: Гитлер Европу захватил и с немцами все равно воевать. Но мы же не можем напасть, СССР — миролюбивая страна...

Я очень боялась, что война быстро закончится и не успею повоевать. Был опыт: когда началась финская кампания, я попыталась уйти в армию, показывала в военкомате корочки медсестры. А мне говорят: обойдемся без тебя, учись пока.

С началом Великой Отечественной с друзьями бегала по военным академиям — хотели перевестись туда. Но только одному из нашей компании это удалось, да и то потому, что у него отец был командиром Красной армии. Меня не взяли из-за того, что девчонка. Я страшно оскорбилась: что же это такое, второй раз не берут на войну!

Ну, раз так, думаю, пойду добровольцем. А в военкомате опять отказали, сказали — учись. Правда, к октябрю, когда немец подошел близко к Москве, в райкоме комсомола на меня посмотрели как-то по-чуждому, но дали направление в одну из дивизий народного ополчения...

...Знаете, я ведь до сих пор себя спрашиваю: ну как такое было возможно? Столько репрессированных, столько разрушенных церквей. И тем не менее моя дивизия ополчения — это 11 тысяч добровольцев, которые никак не подлежали призыву. За неделю сформировали! У нас были дети и репрессированных, и священников, которые тоже страдали. Я лично двоих знала, у кого отцов расстреляли. Но никто не таил злобы. И вот эти

люди поднялись над своими обидами, все бросили и пошли защищать Москву, многих из которых она обижала.

И в тылу было несладко: заводы перемещали, 12-часовой рабочий день, без выходных! Я никогда не была поклонницей советской власти, в партию не вступала. И ведь могла уехать в эвакуацию с институтом в Алма-Ату: там солнышко, фрукты. Но как уехать, когда понимаешь: а здесь, по улицам Москвы, немцы будут ходить?!

Думаю, не закончу жизнь благополучно, если не объясню тот наш порыв. Народ сам поднялся, о себе не думали, и все знали, на что идем...

Знаете, я ведь до сих пор себя спрашиваю: ну как такое было возможно? Столько репрессированных, столько разрушенных церквей...

Просилась в медсестры, но взяли в дивизионную разведку. Нашей разведротой командовал человек-легенда Николай Михайлович Берендеев. Героя Советского Союза он получил еще на Финской войне. Я им подходила. Все наши были вооружены старыми трехлинейками, с ними еще в Первую мировую воевали. А мне одной из немногих выдали самозарядную винтовку — СВТ. Знали, что я хорошо стреляю.

Еще немецкий хорошо знала. Когда на допросах пленных работала переводчицей, некоторые немцы даже принимали за свою... Это от отца, он хорошо знал язык. Бабушка по отцовской линии — петровская немка. А еще в школе учительница немецкого меня выделяла, отдельно со мной занималась» (И. Елзов. Монахиня в чине майора).

Наталья Малышева мечтала стать «кавалерист-девицей», но на войне ей не пришлось убивать. Было суждено проявить себя иначе.

«На Волоколамском шоссе война была своеобразная. Сил против рвавшихся в Москву немцев не хватало. Твердый заслон на дороге заставлял немцев искать обходные пути. И мы должны были с опережением угадывать их намерения. Большое значение при этом имела оперативная разведка. Кое в чем я отличилась и как-то само собой утвердилась среди разведчиков» (В. Песков. Житие Матушки Адрианы, в миру Натальи Малышевой).

Если поначалу Наташа Малышева, как и очень многие, считала, что война закончится быстро — месяц и все, то скоро стало ясно, что это не так. Война оказалась непохожей на то, что описывалось в книгах, на деле все оказалось куда жестче,

суровее и страшнее. Но будущая монахиня в этих тяжелых испытаниях чувствовала незримую помощь и поддержку. Господь пришел ей на помощь, когда она спасала жизнь раненому разведчику — об этом эпизоде матушка Адриана не раз рассказывала, встречаясь с журналистами.

«Много раз я чувствовала эту защиту. Заметила это в первый раз в сорок первом году, когда товарища из-под обстрела вытаскивала. Наша группа разведчиков возвращалась с задания. Одного — Юру Смирнова — подстрелили. Второй разведчик тоже был ранен, он оттащил Юру в кусты, а сам приполз на наши позиции. Пока все думали, как товарища вытаскивать, я решила, что мне всегда везет, и сама поползла по следам разведчика.

Нашла Юру в лесочке. У него была перебита артерия на ноге, скорее надо было на позиции доставить. Я его ремень через свой пропустила, чтобы удобнее тащить было. Но как ползти, если впереди несколько десятков метров по абсолютно открытому, простреливаемому пространству? Я про себя и говорю: «Ой, Господи, помоги». И вдруг повалил такой снег... Я такого не видела никогда — снежинки величиной с ладошку, видимость — нулевая. И мы под прикрытием снега этот участок преодолели. Немцы, конечно, стреляли, но в нас не попали...» (Е. Короткова. Матушка из разведки).

В интервью Василию Пескову матушка Адриана также упоминала этот случай. «Об этом написали во фронтовой газете, — рассказывала она, — и мое положенье в разведке сразу же укрепилось. Когда нашу дивизию добровольцев вливали в регулярную армию, генерал Белобородов (герой

Я про себя и говорю: «Ой, Господи, помоги». И вдруг повалил такой снег... Я такого не видела никогда — снежинки величиной с ладошку...

волоколамских сражений) сказал: «Дело наше тяжелое и опасное. Всем, кому трудно, разрешаю вернуться в Москву. А вот эту студентку мы непременно оставим». И перед строем меня обнял. Так я стала в отряде разведчицей, переводчицей и медицинской сестрой.

А в декабре мы дали прикурить немцам на Волоколамском шоссе и везде заставили стремительно отступить. Но как далеко было еще до победы!..

— Поучиться военному делу куда-нибудь послали?

— Да, в июне сорок второго года отправили меня с предписанием в подмосковное Гиреево. Там была школа разведчиков. Много полезного я узнала: как маскироваться, пользоваться оружием своим и вражеским, как выжить в лесах, остав-

шись без снабженья, как незаметно подать кому-то нужный сигнал, не обнаружить себя при переходе линии фронта. Много всего надо было разведчику знать. И я вспоминаю школу в Гирееве с благодарностью.

— Что-нибудь из жизни разведки помните?

— Много чего забыть невозможно. После окончания школы командир наш, чем-то озабоченный, объявил: «Тебе срочно надо явиться к Рокоссовскому». Прихожу в его палатку и, докладывая, приложила ладонь к пилотке, а генерал, поднявшись из-за стола, протянул руку: «Садитесь. Есть, лейтенант Наташа, для вас важное порученье. О нем никому ни слова. Завтра же собирайтесь за линию фронта».

А дело было такое. Ушел и не вернулся с задания наш человек. Надо было как-то узнать, в чем дело.

Задание у связного было простое. В лесной деревеньке Игнатьево, занятой немцами, в крайнем доме жила семья — престарелый мужик, его жена и невестка по имени Настя, муж которой воевал в Красной армии. В этот дом партизаны доставляли важные для нашей армии сведения. Связной, переходя затихший тут фронт, их забирал. Существовал пароль. У стены дома стояли грабли. Если зубья их были направлены к стенке — опасности нет, если наружу — опасность!

Напутствуя меня, Рокоссовский сказал: «Никакого лишнего риска. Ваша жизнь для нас дорога». Боев на этом участке вблизи Сухиничей не было. Боец из нашей разведки проводил меня до условного места. Тихо объяснил, как пройти полтора километра к деревне. И я осталась одна.

Переодевшись в деревенскую одежонку, спрята-
ла обмундированье в кустах и с корзинкой для
сбора грибов пошла по лесу. Скоро увидела в про-
свете между деревьями крайнюю избу. Был у меня
за пазухой маленький трофейный бинокль. Осто-
рожно из-за кустов стала рассматривать знамени-
тые грабли. Они стояли зубьями к стенке. Но
я решила не спешить, а как следует оглядеться.
И, оказалось, не напрасно. Минут через двадцать
те же грабли я увидела зубьями в мою сторону.
Понятное дело, сразу насторожилась. Решила по-
дождать вечера и даже в кустах задремала. Снова
к глазам бинокль — зубья опять направлены
к стенке. Что-то важное происходило в избе.
И вдруг вижу: Настя выходит и, выразительно
поглядев в мою сторону, неторопливо ставит
грабли в положение «опасно!» Обдумав все хоро-
шенько, я решила в избу не заходить и уже в су-
мерках торопливо пошла к своим, не зная еще,
как меня встретят с такими вестями.

Встретили почти со слезами и возгласом:
«Жива!» Оказалось, свекор Насти предал связно-
го, выдав фашистам явку. Засада, как видно,
и меня ожидала. Но спасла Настя, переставляв-
шая грабли.

Меня немедленно повели к Рокоссовскому.
Успокаивая разведчицу, он сказал: «Да ты еще
и умница — избежала ловушки...» Оказалось, пар-
тизаны о случившемся знали и послали спешно
нас известить. Моя выдержка стала важной. «Чем
тебя наградить?» — улыбнулся Рокоссовский.
Я замахала руками: «Какие награды!» «Нет, на-
града все-таки будет. Завтра в Москву направляем
машину. Можешь денек провести дома, а вече-
ром та же машина тебя привезет».

Рано утром, усаживая меня в «эмку», шофер поставил на сиденье тщательно упакованный сверток. В нем оказался брусочек масла, консервы, печенье. Мама заголосила: «Доченька, ну как же это с самого фронта?!»

Не раз делилась матушка воспоминаниями о Сталинграде. «У нашей разведки в дни агонии немецкой армии в Сталинграде была миссия парламентеров, — рассказывала она. — Четкой линии фронта в городе не было. С белым флажком я ходила по домам, где немцы сидели в подвалах, сбившись в кучи от холода. Им предлагалось сложить оружие. Эта работа была предельно опасной. Среди немцев были фанатики и люди, у которых, как говорится, поехала крыша, — могли выстрелить в спину. Я слышала иногда, уходя, выстрелы — это кончали с собой отчаявшиеся».

*После Сталинграда наша армия стала совершенно другой.
Мы уже не боялись...*

Некоторые немцы, слыша из уст Натальи отличную немецкую речь, кричали ей»: «Ты — предатель, ты же немка!» «А я радовалась, — говорит бывшая разведчица, — что так хорошо знаю их язык».

«После Сталинграда наша армия стала совершенно другой. Мы уже не боялись танков, умело планировались операции, уже не нас окружали, мы окружать научились. Научились одним мощным ударом проламывать немецкую оборону и, как говорили тогда, «сматывали» ее направо и налево, расширяя полосу наступления. На линию Курской дуги пришли мы окрепшими, хорошо оснащенными оружием и техникой» (В. Песков. Житие Матушки Адрианы, в миру Натальи Малышевой).

За всю войну Наталья Малышева множество раз переходила линию фронта, и Господь хранил ее. «Просто сказать: 18 раз переходила линию фронта, — вспоминала она. — Но кто не переходил — не поймет, что это такое. Ситуаций, когда каждый шаг мог оказаться последним, было множество...»

Уберег Бог ее и под Курском. Тогда ждали решающего сражения и пытались выяснить время наступления. Группе разведчиков поручили перейти за линию фронта и подключиться к телефонным линиям, чтобы прослушивать разговоры.

Вот что она рассказала в интервью Василию Пескову: «На шаг от смерти я оказалась за три дня до начала сраженья. Со своими наушниками сидела на коленях около телефонного провода. Разгибаюсь в жидких ивовых кустиках и вижу в трех шагах от себя высокого молодого немца.

В моих глазах он увидел смертельный страх и улыбнулся от удовольствия. А я подумала: вот мой конец. Рука потянулась подмышку, где спрятан был у меня маленький пистолет. Немец сильным хладнокровным ударом выбил из руки моей это похожее на игрушку оружие и стоял молча, меня разглядывая. А дальше произошло то, чего я ждать не могла. Развернувшись, парень поддал мне в зад ударом ноги, таким сильным, что я, как лягушонок, летела метра четыре и, упав, ждала выстрела. Но его не было. Парень швырнул мой пистолет со словами: «Возьми, а то свои расстреляют».

Плохо соображая, я как во сне доползла до наших окопов. Никому, конечно, ни слова обо всем, что случилось, — не поверили бы и не поняли. И судьба моя сразу могла бы драматически измениться...

— А как вы себе объяснили случившееся?

— До сих пор часто об этом думаю. Один вариант: неглупый немец уже понимал, что дело проиграно и что еще одна чья-то случайная смерть ничего не изменит. Но, скорее всего, этот молодой «нетипичный» немец сохранил в душе своей человеческое начало. Ему стало жалко девчонку: ну за что ее убивать, и без того так много уже убито. Пожалел, одним словом. Это движение души его спасло мне жизнь».

После Победы Наталья Малышева до 1949 года служила на территории Польши, в Верхней Силезии. Потом ее перебросили в Потсдам, она дослужилась до капитана. «Гимнастерка моя стала в наградах, как в чешуе рыба», — говорила матушка Адриана. Но, по ее словам, захотелось не армейской, нормальной жизни. Вернувшись

в Москву, она окончила авиационный институт, а потом тридцать пять лет проработала в Подлипках конструктором военных двигателей, участвовала в создании двигателей для маневрирования и торможения на орбите первых баллистических ракет и космических кораблей, в том числе и для гагаринского «Востока».

«Удивительного ума и работоспособности был человек, — вспоминала она о С. П. Королеве. — В армии таким же кумиром для всех был у нас Рокоссовский. А в Подлипках боготворили все Королева, хотя по характеру эти двое людей были разными».

Уже будучи на пенсии, Наталья Владимировна помогала обустривать подворье Свято-Успенского Пюхтицкого женского монастыря...

Уже будучи на пенсии, Наталья Владимировна помогала обустроить подворье Свято-Успенского Пюхтицкого женского монастыря в Москве. «Сначала забегала помочь монахиням, а потом поняла: жизненный путь мне надо окончить тут. Я много всего повидала, хорошего и плохого, и вот уже 14 лет живу в келье. Мир сузился до пяточка. Но начинаю молиться, и мир расширяется. Часто вспоминаю пословицу: «Жизнь прожить — не поле перейти»...

Хоть я в монастыре, но я все равно болею за все, что вокруг происходит. Я все-таки живу жизнью своей страны. Я, может, и в монастырь ушла, чтобы, уже будучи в таком вот возрасте, чем-то быть полезной», — говорила матушка Адриана.

Монахиня, бывшая разведчица, была уверена — праздник Победы должен всегда праздноваться. Молодежь должна о нем знать. «Потому что это был духовный подъем народа, потому что люди не могли себе представить, что по Москве будут маршировать немцы. Ради этого они забывали о себе. И несмотря на эти 70 лет, когда из людей все духовное вышибали, ничего не выбили — этот нравственный дух все равно остался» (Е. Короткова. Матушка из разведки).

«Вкусней, чем шоколадка, тот хлебушек для нас был...» Протоиерей Валентин Бирюков

Протоиерей Валентин Яковлевич Бирюков — ветеран и священник, служитель Бердской церкви Сретения Господня, тоже оставил волнующие воспоминания о войне.

Он родился в 1922 году в верующей крестьянской семье — дед и отец пели в церковном хоре. Родиной Валентина Бирюкова был Алтайский край, село Колыванское Павловского района.

Церковь Сретения Господня. Бергод

Еще до войны Валентину, бывшему тогда мальчишкой, довелось хлебнуть лиха — во время коллективизации многие крестьяне его родного села подверглись раскулачиванию, не миновало горе и семью Бирюковых. Отца, учителя начальных классов, после нескольких предупреждений и отказа стать председателем сельского совета посадили в барнаульскую тюрьму. А его жену с четырьмя детьми сослали в Нарымский край — это север Томской области, в глухую тайгу, совсем без средств к существованию.

«Забирали в тюрьмы, ссылали и тех, кто только заикнется о Боге, — вспоминает отец Валентин. — Врагами советской власти называли всех таких — и маленьких, и больших. Родителей расстреляли, а детей — в детдом в Колывани, устро-

енный в двухэтажном доме, отобранном у священника. А в классах на досках было написано: «Да здравствует счастливое детство!»

Но детдомовские парни уже взрослыми были, не побоялись спросить:

— Какое это — «счастливое детство»? Папочку и мамочку расстреляли, а нам «счастливое детство» написали?

— Замолчать! Ваши родители — враги советской власти. Вы недовольны? Мы вас учим, одеваем, а вы еще недовольны? Замолчать!

Но все-таки в этих детях сохранилась вера. Потом, когда они выросли, когда началась война, этих парней взяли на фронт, так же защищать Родину — как и тех, которые не страдали. Всех послали на передовую. Люди верующие знают, как нужна Родина, нужна правда, нужна любовь. И они, не щадя не только здоровья, но даже жизни не щадя, защищали Родину».

В суровых военных условиях будущему священнику пригодилась тяжкая школа выживания в ссылке, где было настолько голодно, что приходилось есть траву. Когда началась Великая Отечественная, Валентина Бирюкова отправили в военную школу в Омск. По окончании артиллерийских курсов он был отправлен под Ленинград. Там Валентина Яковлевича определили в артиллерию, сначала наводчиком, затем командиром артиллерийского расчета. Довелось ему защищать Дорогу жизни — единственную транспортную магистраль, проходившую через Ладожское озеро, которая с 1941 по 1943 год связывала блокадный Ленинград со страной.

«Условия на фронте, — вспоминал ветеран, — известно, были тяжелые: ни света, ни воды, ни

топлива, ни продуктов питания, ни соли, ни мыла. Правда, много было вшей, и гноя, и грязи, и голода. Зато на войне самая горячая молитва — она прямо к небу летит: “Господи, спаси!”»

«Он очнулся в яме среди множества тел убитых товарищей, — рассказывает об отце Валентине Анна Стасова. — Только высокое небо и жгучая нестерпимая боль. Кричать бесполезно. Валентин глотал соленые грязные слезы и молился, молился. Его не закопали в братской могиле по чистой случайности (или по велению свыше?). Увидели, не могли не увидеть живые глаза.

Госпиталь прифронтовой полосы мало отличался от окопов. Вши, грязь, кровь, смертельная усталость, тошнотворный трупный запах, мухи и черви, буханка хлеба из травяной муки на четверых солдат. Поневоле хватались за любую спасительную соломинку — чаще и чаще обращались к Богу.

Телевизионные, пусть даже документальные, версии войны — лишь бледное отражение действительности. Выздоровливающим солдатам приходилось сжигать целые скирды умерших от голода мирных людей. Хоронить было некому. Зловонный дым поднимался в небо. А люди постепенно привыкали к смерти, души деревенели. Когда разбомбили 12 складов с провизией, гражданское население собирало землю и по крупинке выискивало что-нибудь съестное. Залив горячей водой, можно было снять сверху жир. Сладкая земля шла за чай.

Каждую свободную минутку рядовой Бирюков проводил в библиотеке Ленинградской духовной семинарии. Его тянуло в церковь, ему хотелось

Довелось ему защищать Дорогу жизни...

узнать божественную правду самому и рассказать о ней сослуживцам...»

«Слава Богу — жив остался, — продолжает свой рассказ отец Валентин, — только три раза ранило тяжело. Когда я лежал на операционном столе в ленинградском госпитале, оборудованном в школе, только на Бога надеялся — так худо мне было. Крестцовое стяжение перебито, главная артерия перебита, сухожилие на правой ноге перебито — нога, как тряпка, вся синяя, страшная.

Я лежу на столе голый, как цыпленок, на мне — один крестик, молчу, только крещусь, а хирург — старый профессор Николай Николаевич Борисов, весь седой, наклонился ко мне и шепчет на ухо:

— Сынок, молись, проси Господа о помощи — я сейчас буду тебе осколочек вытаскивать.

Вытащил два осколка, а третий не смог вытащить (так он у меня в позвоночнике до сих пор и сидит — чугунина в сантиметр величиной).

Война оживает в восточных

Наутро после операции подошел он ко мне и спрашивает:

— Ну как ты, сынок?

Несколько раз подходил — раны осмотрит, пульс проверит, хотя у него столько забот было, что и представить трудно. Случалось, на восьми операционных столах раненые ждали. Вот так он полюбил меня.

Потом солдатики спрашивали:

— Он тебе что — родня?

— А как же, конечно, родня, — отвечаю.

Поразительно — но за месяц с небольшим зажили мои раны, и я снова возвратился в свою батарею. Может, потому, что молодые тогда были...

Опыт терпения скорбей в ссылке, выживания в самых невыносимых условиях пригодился мне в блокадные годы под Ленинградом и в Сестрорецке, на Ладожском побережье. Приходилось траншеи копать — для пушек, для снарядов, блиндажи в пять накатов — из бревен, камней... Только устроим блиндаж, траншеи приготовим — а уж на новое место бежать надо. А где сил для работы взять? Ведь блокада! Есть нечего.

Нынче и не представляет никто, что такое блокада. Это все условия для смерти, только для смерти, а для жизни ничего нет — ни продуктов питания, ни одежды — ничего.

Так мы травой питались — хлеб делали из травы. По ночам косили траву, сушили ее (как для скота). Нашли какую-то мельницу, привозили туда траву в мешках, мололи — вот и получалась травяная мука. Из этой муки пекли хлеб. Принесут булку — одну на семь-восемь солдат.

— Ну, кто будет разрезать? Иван? Давай, Иван, режь!

Ну и суп нам давали — из сушеной картошки и сушеной свеколки, это первое. А на второе — не поймешь, что там: какая-то заварка на травах. Ну, коровы едят, овечки едят, лошади едят — они же здоровые, сильные. Вот и мы питались травой, даже досыта. Такая у нас была столовая, травяная. Вы представьте: одна травяная булочка на восьмерых — в сутки. Вкусней, чем шоколадка, тот хлебушек для нас был».

Закончил войну Валентин Бирюков в Польше. Был награжден медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

После войны вернулся в Томскую область, жил в городе Колпашево, бывшем в 1932–1944 годах центром Нарымского округа. В 1960-е годы Валентин Бирюков пел на клиросе в томском храме во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла. В 1975 был рукоположен во диакона. А потом архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Варфоломей рукоположил отца Валентина во священника. В то время он служил в городе Самарканде Ташкентской и Среднеазиатской епархии, в храме во имя святого великомученика Георгия Победоносца.

Через несколько лет батюшка Валентин вернулся в Сибирь. Он служил в старейшем храме Новосибирской епархии — во имя Святителя Николая Чудотворца, расположенном в селе Новолуговое. Проповедовал Слово Божие в приходах Колывани, Чулыма и Бердска Новосибирской области.

«Фронтовик, защитник Ленинграда, награжденный боевыми орденами и медалями, он знает цену труда с малых лет, — писал о батюшке Валентине архимандрит Алексей (Поликарпов),

наместник Московского Даниловского монастыря. — Труда земного и труда духовного. Он взрастил достойный плод — вырастил троих сыновей-священников.

Отец Валентин Бирюков и в преклонных годах сохранил детскую веру, остался открыт чистым сердцем и Богу, и людям. «Милые детки, милые люди Божие, будьте солдатами, защищайте любовь небесную, правду вечную», — эти слова отца Валентина, обращенные ко всем нам, я бы поставил эпиграфом к его книге».

Речь идет о книге, цитаты из которой приведены выше — «На земле мы только учимся жить. Непридуманнные рассказы». Представим еще несколько выдержек из книги ветерана-священника Валентина Бирюкова.

Обет друзей

Много страшного пришлось повидать в войну — видел, как во время бомбежки дома летели по воздуху, как пуховые подушки. А мы молодые — нам всем жить хотелось. И вот мы, шестеро друзей из артиллерийского расчета (все крещеные, у всех крестики на груди), решили: давайте, ребята, будем жить с Богом. Все из разных областей: я из Сибири, Михаил Михеев — из Минска, Леонтий Львов — с Украины, из города Львова, Михаил Королев и Константин Востриков — из Петрограда, Кузьма Першин — из Мордовии. Все мы договорились, чтобы во всю войну никакого хульного слова не произносить, никакой раздражительности не проявлять, никакой обиды друг другу не причинять.

Где бы мы ни были — всегда молились. Бежим к пушке, крестимся:

— Господи, помоги! Господи, помилуй! — кричали как могли.

А вокруг снаряды летят, и самолеты прямо над нами летят — истребители немецкие. Только слышим: вжжж! — не успели стрельнуть, он и пролетел. Слава Богу — Господь помиловал.

Я не боялся крестик носить, думаю: буду защищать Родину с крестом, и даже если будут меня судить за то, что я богомолец, — пусть кто мне укор сделает, что я обидел кого или кому плохо сделал...

Никто из нас никогда не лукавил. Мы так любили каждого. Заболеет кто маленько, простынет или еще что — и друзья отдают ему свою долю спирта, 50 граммов, которую давали на случай, если мороз ниже 28 градусов. И тем, кто послабее, тоже спирт отдавали — чтобы они пропарились хорошенько. Чаще всего отдавали Леньке Колоскову (которого позднее в наш расчет прислали) — он слабенький был.

— Ленька, пей!

— Ох, спасибо, ребята! — оживает он.

И ведь никто из нас не стал пьяницей после войны...

Господь подсказал: убери солдат...

Икон у нас не было, но у каждого под рубашкой крестик. И у каждого горячая молитва и слезы. И Господь нас спасал в самых страшных ситуациях. Дважды мне было предсказано, как бы прозвучало в груди: сейчас вот сюда прилетит снаряд, убери солдат, уходи.

Так было, когда в 1943 году нас перевели в Сестрорецк, в аккурат на Светлой седмице. Друг другу шепотом «Христос воскрес!» сказали —

и начали копать окопы. И мне как бы голос слышится: «Убирай солдат, отбегайте в дом, сейчас сюда снаряд прилетит». Я кричу что есть силы, как сумасшедший, дергаю дядю Костю Вострикова (ему лет сорок, а нам по двадцать было).

— Что ты меня дергаешь? — кричит он.

— Быстро беги отсюда! — говорю. — Сейчас сюда снаряд прилетит...

И мы всем нарядом убежали в дом. Точно, минуты не прошло, как снаряд прилетел, и на том месте, где мы только что были, уже воронка... Потом солдатики приходили ко мне и со слезами благодарили. А благодарить надо не меня — а Господа славить за такие добрые дела. Ведь если бы не эти «подсказки» — и я, и мои друзья давно бы уже были в земле. Мы тогда поняли, что Господь за нас заступается.

Сколько раз так спасал Господь от верной гибели! Мы утопали в воде. Горели от бомбы. Два раза машина нас придавливала. Едешь — зима, темная ночь, надо переезжать с выключенными фарами через озеро. А тут снаряд летит! Перевернулись мы. Пушка набок, машина набок, все мы под машиной — не можем вылезти. Но ни один снаряд не разорвался.

А когда приехали в Восточную Пруссию, какая же тут страшная была бойня! Сплошной огонь. Летело все — ящики, люди! Вокруг рвутся бомбы. Я упал и вижу: самолет пикирует и бомба летит — прямо на меня.

Я только успел перекреститься:

— Папа, мама! Простите меня! Господи, прости меня!

Знаю, что сейчас буду, как фарш. Не просто труп, а фарш!.. А бомба разорвалась впереди пуш-

ки. Я — живой. Мне только камнем по правой ноге как дало — думал: все, ноги больше нет. Глянул — нет, нога целая. А рядом лежит огромный камень.

Но все же среди всех этих бед жив остался. Только осколок до сих пор в позвоночнике.

Такой радости в моей жизни больше не было...

Победу мы встретили в Восточной Пруссии, в городе Гумбиннен, недалеко от Кенигсберга. Как раз ночевали в большом доме — первый раз в доме за всю войну! Печи натопили. Все легли: тепло, уютно. А потом кто-то взял и закрыл трубу. Ладно, я у самой двери лег — запоздал, так как часовых к пушке ставил. Смотрю: кого-то тащат, дверь открыли. Угорели все, а мне ничего. Но, слава Богу, все живы.

Ну а когда Победу объявили — тут мы от радости заплакали. Вот тут мы радовались! Этой радости не забудешь никогда! Такой радости в моей жизни никогда больше не было.

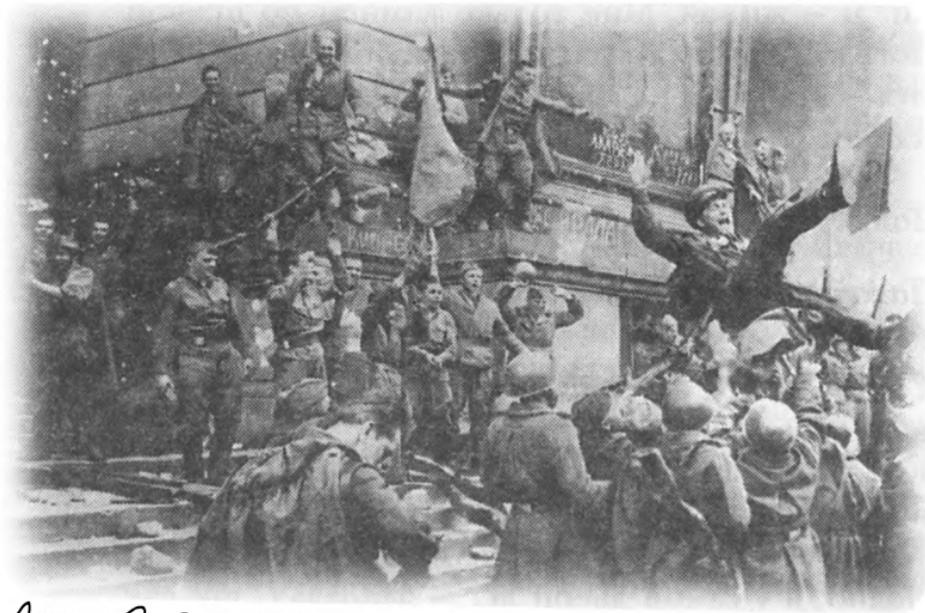
Мы встали на колени, молились. Как мы молились, как Бога благодарили! Обнялись, слезы текут ручьем. Глянули друг на дружку:

— Ленька! Мы живые!

— Мишка! Мы живые! Ой!

И снова плачем от счастья. Потом пошли на речку отдохнуть — там в логу речушка небольшая была, Писса. Нашли там стог сена, развалились на нем, греемся под солнцем. Купаться было холодно, но мы все равно в воду полезли — фронтую грязь хоть как-нибудь смыть. Мыла не было — так мы ножами соскабливали с себя грязь вместе с насекомыми...

А когда Победу объявили — такой радости в моей жизни никогда больше не было

Великая Отечественная

А потом давай письма родным писать — солдатские треугольники, всего несколько слов: мама, я здоров! И папке написал. Он тогда работал в Новосибирске, в войсках НКВД, прорабом по строительству — в войну его мобилизовали. Он жилые дома строил. И он отдал Родине все, несмотря на то, что считался «врагом советской власти».

И сейчас, когда другой враг угрожает Родине — враг, пытающийся растоптать ее душу, — разве мы не обязаны защищать Россию, не щадя жизни?..

«Я чувствовал над собой опеку Божию».
Протоиерей Дмитрий Хмель

Протоиерей Дмитрий Хмель родился на Украине в небольшом городке Бершадь, неподалеку от границы с Румынией. Его отец Петр Хмель

был зажиточным крестьянином, семья была большая — восемь детей. Дмитрий был четвертым. От властей семья Хмелей претерпела немало, но до ареста дело не дошло.

Когда началась война, Дмитрий учился в педагогическом училище — ему было тогда 16 лет. Воевать он ушел в 1944, когда Бершадь, оккупированную румынами, союзниками немцев, заняла Красная армия. Благодаря хорошим математическим способностям парня его взяли в артиллерию наводчиком 76-миллиметровой пушки.

«Я вступил в войну в 1944 году близ Витебска, — рассказывает отец Димитрий, — будучи направлен в противотанковую артиллерийскую часть 5-й армии под командование генерал-полковника Николая Ивановича Крылова — героя Сталинградской битвы, начальника штаба легендарной 62-й армии. «Боевое крещение» получил в операции «Багратион», участвовал в освобождении Минска. С боями мы теснили врага по всему фронту, к осени вышли на территорию Восточной Пруссии, где 16 октября начался прорыв двух линий обороны противника. После ожесточенных боев обе линии оборонительных сооружений были преодолены. Продолжая наступать, мы подошли к городу Гумбиннен, где встретили еще одну сильно укрепленную полосу.

Взять ее было нелегко. Сначала мы пробовали бить по дзотам прямой наводкой, но потом отказались от этого из-за препятствия в виде земляного вала: снаряды рикошетом отлетали вверх. Мы выкатили орудие, но успели сделать только один выстрел. Противник начал обстрел разрывными снарядами, которыми был уничтожен весь наш артиллерийский расчет.

В живых остался я один. Но боевое задание, порученное мне лично Н. И. Крыловым, должно было быть выполнено! С противотанковой гранатой я пополз в обход вражеского дзота. Приблизившись к нему, поднялся и бросил гранату в маленькое окошко — единственно уязвимое место в укреплении. В этот момент появился немецкий солдат и в упор выстрелил в меня. Раздался оглушительный взрыв от моей гранаты, — весь бункер был разворочен. Я ощутил острую боль и толчок от взрывной волны. Меня отшвырнуло в сторону и засыпало землей. Чудом в завале осталось небольшая щель, через которую я мог дышать.

С криком «Ура!» надо мной пробегали наши солдаты. Никто меня не заметил. Так пролежал я около суток под землей живой, но не в силах пошевелиться. В это время появилась бригада санитаров, собиравшая убитых. Они заметили край одежды, откопали меня и перенесли на лужайку, положили на расстеленные снопы жита в ожидании попутной машины, которая отвезла бы меня в медсанбат.

В Вильнюсе я довольно долго пролежал в госпитале, так как ранение оказалось тяжелым: пуля прошла через бедро и застряла в позвоночнике. После выздоровления я попросил отправить меня на фронт.

В свою часть я приехал перед самым штурмом Кенигсберга.

Когда меня увидел Н. И. Крылов, то воскликнул: — Да ведь ты же убит! Мы послали об этом извещение твоим родным.

Он был уверен, что это немцы сами перед отступлением взорвали укрепление. Узнав обо всем, командир вывел меня перед строем дивизи-

она и прикрепил к моей гимнастерке орден Красной Звезды.

Сообщение о капитуляции гитлеровской Германии вызвало ликование, которое трудно передать словами. По всему фронту гремело: «Ура!» Началась стрельба в воздух, стреляли все, ведь патроны были больше не нужны!

Вскоре я был комиссован из-за ранения. Вернулся домой и решил посвятить свою жизнь служению Церкви. Я принял сан и вот уже 37 лет священствую на Белорусской земле».

Решение посвятить себя Церкви было, судя по воспоминаниям ветерана, глубоко выстраданным, выношенным в сердце. Ведь всю войну Дмитрий Хмель прошел с верой.

«Я видел, — вспоминал священник-фронтовик, — что почти все солдаты не только кричали «за Родину, за Сталина!», но и молились. И так с молитвой, с верой рвались в бой. Даже офицеры наши носили крестики, иконки. Словом, у всех воинов было особое настроение, духовное. Фашисты часто отступали в страхе, потому что понимали — идут уже не простые бойцы, а мстители, защитники своей Родины.

Если б немцы не издевались над нашим населением, если б было бы более лояльное отношение!.. А так у нас при виде спаленных деревень, трупов убитых мирных жителей кровь закипала в жилах, и месть каждому приходила на ум. И каждый старался, невзирая ни на что, отомстить врагу, выгнать его со своей земли...

Надежда всегда меня окрыляла. Часто попадал в боях в такие обстановки, что трудно было выжить, но я выживал — и шел дальше целый и невредимый. Я чувствовал над собой опеку

Божию. Все время молился. У меня была иконка Святителя Николая Чудотворца, которую я пронес через всю войну и вернулся с нею домой.

Когда работал в штабе над картами, внимательно занимался своим делом, потому что перед артподготовкой и штурмом надо было сделать много вычислений, расчетов. Всегда, перед тем как сесть за планшеты, — перекрещусь.

Однажды Николай Иванович Крылов, который командовал 5-й армией и был моим непосредственным начальником, спросил:

— А почему ты крестишься?

Я говорю:

— Чтоб сон не брал ночью.

Он:

— Да, действительно, не тот побеждает, кто днем громко кричит, а кто лучше ночью думает».

После лечения в госпитале Дмитрий Хмель, снова отправившись на фронт, сражался в составе 5-й армии 3-го Белорусского фронта в боях за освобождение Минска, Витебска, Молодечно, проходил Лепель, Бегомль и Логойск.

Особенно запомнился Дмитрию штурм Кенигсберга — самой мощной цитадели Германии. «Я сидел тогда в углу штаба, но заметил, что наши командующие Николай Иванович Крылов, Александр Михайлович Василевский, Иван Ильич Людников принесли икону Казанской Божией Матери, поставили ее на стол и, склонив головы, помолились. И 6 апреля 1945 года в шесть часов утра начался штурм Кенигсберга...»

«Война для младшего сержанта Хмеля закончилась 16 апреля 1945-го на берегу Балтийского моря, — рассказывает о батюшке Елена Наследышева. — Дмитрий Петрович надеялся продол-

жить службу в армии, но медицинская комиссия все-таки списала его в запас — слишком серьезное ранение перенес. После демобилизации, в 46, он вернулся на Родину, поступил в Одесский технологический институт. Но бывшего солдата ожидал иной путь, иная служба. Однажды ему приснился удивительный сон, который напомнил о таком же необычном видении, случившемся накануне войны. Тогда, в 1940-м, юному Дмитрию привиделось, что Святитель Николай Чудотворец призывает его стать священником. Теперь же ему было показано некое здание, куда нужно поступить на учебу. Молодой человек никогда ранее не видел этого здания, но вскоре случайно нашел его на одной из улиц. Это была Одесская духовная семинария.

Именно там начал он осваивать сложную науку — быть пастырем душ человеческих. Но выпускные экзамены волею судеб сдавал уже в Минской семинарии. Став священником, решил остаться в Беларуси, чтобы служить тому народу, за который шел в бой.

Всю оставшуюся жизнь протоиерей Дмитрий Хмель отдал своим прихожанам — служил без отпусков и выходных, и до конца дней своих воевал за души людские». (Е. Наследышева. На войне трудно остаться атеистом).

«С Божией помощью все побороли, все одолели...»
Протоиерей Николай Колосов

Протоиерей Николай Колосов родился в 1915 году в семье священника Московской губернии Василия Колосова. В детстве Николай познал лишения, несправедливость и пренебрежение со стороны окружающих. Ведь его семья — в которой,

кстати, было семеро детей — принадлежала к духовному сословию. Отца не раз вынуждали отречься от Бога — но он отвечал отказом, за что пять раз побывал в ссылке — в общей сложности 16 лет. В это время Николай оставался в семье за старшего. Его не испугали притеснения, он с детства хотел стать священником. Протоиерей Николай вспоминал: «Был у меня друг в сельской школе. Парнишка из хорошей крестьянской семьи. Отец его пел в церковном хоре.

Как-то друг мой спросил:

— Кем ты будешь?

А я ему и ответил:

— Буду батюшкой.

Учился я тогда в четвертом классе...»

В 1943 году Николай Колосов становится штатным псаломщиком. Много еще мытарств пришлось пережить ему — человеку, не скрывавшему свою веру. Его несколько раз исключали из школы как «поповского сына», потом милиция отказывала в прописке там, где его брали псаломщиком. Но большее всего, наверное, было ему видеть, как разрушают и закрывают храмы, как отрекается от веры народ.

Однажды Николаю довелось побывать на собрании, как ставился вопрос о закрытии храма.

— Кто за то, чтобы закрыть церковь? Подымите руку.

Подняли все, даже те, которые ходили в церковь.

— А кто за то, чтобы не закрывать?

Ни одного. «Все боялись, что их за это сошлют или в тюрьму посадят. Да, они ходили в церковь, но, видимо, в душе уже ничего не было, пусто было», — рассказывал отец Николай.

С 1939 года Николай Колосов работал на московском заводе «Красный пролетарий», куда смогли устроиться знакомые. В интервью Вячеславу Валькову протоиерей вспоминал: «Стал я руководителем бригады по уборке цехов. Вскоре узнал, что рядом находится действующая церковь Ризоположения. Я сразу полюбил этот храм, начал там петь и читать. Опыт у меня уже был — я служил псаломщиком в нескольких храмах Подмосковья. Владыка Иоанн (впоследствии митрополит Киевский) посвятил меня в стихарь в храме Воскресения Словущего на Успенском Вражке.

— Знал ли кто-нибудь на заводе, что вы ходите в церковь?

— Кое-кто знал. Друга Ваню я предупредил: «Если придут брат или сестра, а я буду в храме, скажи, что я в своей». «Своя» — так я называл полюбившуюся мне церковь. Ребята спрашивали Ваню: «Что за своя такая, куда он ходит?» Друг отвечал: «Да это кинотеатр, который он полюбил и называет «своя».

А 31 декабря 1940 года я прямо сказал ребятам из бригады: «Прежде чем идти Новый год встречать, давайте отстоим молебен в церкви, в Теплом переулке». В этом храме новогодний молебен служили

Как-то друг мой спросил: «Кем ты будешь?» А я ему и ответил: «Буду батюшкой». Улыблся я тогда в четвертом классе...

в 11 вечера. Отстояли, а потом встретили Новый год, первый год войны. И никто меня не выдал.

— Как вы узнали, что началась война?

— В субботу 21 июня 1941 года, мастер сказал мне: «Поработай в выходной, а то у нас план го-

*Владыка Иоанн посвятил меня в стихарь в храме Воскресения
Словущего на Узенском Вражке...*

рит». Прихожу утром 22 на работу. Меня сразу удивило, что все начальство на месте, спрашиваю: «Что такое?» Говорят: «Ладно, ладно, работай». Через некоторое время всех вызвали к начальнику в кабинет и объявили, что началась война».

В армию Николая не брали, так как он был сыном священника. Но его в его военном билете было вклеено предписание, в котором говорилось, что по объявлении мобилизации он обязан явиться в свою часть. Часть находилась в районе Кунцева. Туда Николай Колосов и пришел пешком на второй день войны к шести утра. Как и многие гонимые и притесняемые советской властью, он не таил обиды и спешил встать на защиту Родины.

«А когда я пришел в свою часть, — продолжает рассказ отец Николай, — мне выдали обмундирование, противогаз, винтовку, пару гранат. И назначили связным. Это была часть аэростатов заграждения. На меня возложили обязанность носить служебные пакеты в штаб дивизии и обратно. Частенько попадал под бомбежку. Присядешь где-нибудь за бугорком и пережидаешь налет. Под Москвой я пробыл до зимы 1942 года, пока немцев не отогнали.

Потом мы оказались в составе зенитной дивизии резерва Верховного Главнокомандования. До войны я в армии не служил. Меня не брали как сына священника — призывали только на учебные сборы вместе с детьми так называемых кулаков и подкулачников. Учить толком ничему не учили. Только гоняли что есть силы, муштровали, заставляли ложиться лицом в грязь. На фронте меня подучили, дали зенитный пулемет.

— В каких боях вам довелось участвовать?

— Первый раз наша дивизия показала себя в деле во время боев в Тульской области. Немецкие самолеты привыкли летать чуть не по головам у наших солдат. Мы этому положили конец. Появившись в районе боев неожиданно для немцев, наши зенитчики сразу сбили восемь самолетов противника. Потом немецкие летчики старались летать как можно выше, чтобы самолетов не было видно, и сбрасывали бомбы куда попало.

В 1943 году наша дивизия участвовала в прорыве вражеских позиций на линии Болохово-Мценск. Когда мы переезжали Оку по понтонным мостам, я увидел, что вода в реке окрасилась кровью. Повсюду тела убитых и раненых. В воздухе — сплошной стон. Стонут люди, стонут лошади. Я подумал тогда: «А еще говорят, что ада нет. Вот он, ад». Погнали мы немцев. Заняли Болохово, Мценск. К нам в церковь Ризоположения после войны приходили верующие из Болохова. Я им говорил: «Ваш город — это сплошные бугры и ямы». Они отвечали: «Правильно, батюшка. А откуда вы знаете?» — «Как мне не знать, я там воевал». С боями дошли до Карачева. Мы этот город освобождали. Нашей дивизии присвоили звание гвардейской Карачевской.

Потом мы стояли на реке Сож в Смоленской области. Охраняли переправу. Там был со мной такой случай. Спать приходилось мало. А тут как-то днем задремал. Вижу сон. Небольшая комната, в переднем углу лежит старший брат, убитый под Вязьмой в 1942 году. Лежит на белой кровати, накрыт белым. Останавливаюсь на пороге, а он зовет меня: «Иди ко мне, иди ко мне, иди ко мне».

*Совсюду тела убитых и раненых. В воздухе — сплошной стон.
Я подумал тогда: «А еще говорят, что ада нет. Вот он, ад»*

И пальцем манит. С противоположной стороны открывается дверь, входит мама во всем черном, строго-строго на меня смотрит, грозит пальцем и говорит: «Не ходи, не ходи, не ходи!»

Вечером один наш парнишка развел огонь, чтобы посушить портянки. Я ему говорю: «Ты что делаешь? Сейчас немцы на твой огонек прилетят» А он недоволен: «Вот какой, портянки не дает просушить». Я огонь затоптал, он снова развел. Не успел я отойти в сторону, как слышу — летит бомба. Отбежал, лег под свой пулемет. Бомба попала в сосну и вместе с громадным суком полетела прямо на меня. «Ну, — думаю, — конец». Слава Богу, она врезалась в обочину. Немцы сбросили тогда на нас шесть бомб. Пятерых ребят убило. Шестому оторвало половину ступни. Вот вам и сон. «Не ходи, не ходи, не ходи!» Ранило меня позже.

Война оживает в воспоминаниях

— Где это было?

— В районе Белостока в Польше. В августе 1944 года наши войска очень близко подошли к немецким позициям. Противник открыл беглый минометный огонь. Что делать? Машины с зенитными пулеметами мы поставили, а стрелять нечем. Даю команду: «Идти за снарядами!» Мой заместитель говорит: «Ты с ума сошел, нас перебьют». Отвечаю: «Мы не у тещи в гостях. Идет война». Пополз за снарядами сам. Притащил два ящика и думаю: «Мало». Пополз снова. Взял еще два ящика, возвращаюсь. Чуть-чуть не дополз, и тут меня ударило осколком в колено. Как огнем обожгло. Схватил себя за колено и вижу — полная горсть крови.

Отвезли меня в полевой госпиталь, который располагался в белорусской деревне. Легкораненых старались быстрее подлечить и вернуть в строй. А тяжелым — никакого внимания. Немцы каждый день бомбят. Няньки, врачи разбегутся, а мы лежим. Или сами померем, или под бомбами погибнем. Пролежал я недели две, толку никакого. В один прекрасный день слышу — полуторка за окном тарыхтит. Опять приехали за сидячими и ходячими. Прошу сестру: «Дайте мне большой бинт». — «Зачем»? — «Чтобы закрепить ногу и хоть поползать немного, ведь у меня пролежни».

Добрался я до порога, выполз в коридор, оттуда на улицу. У забора стояли наши солдаты и местные жители. Белорусы говорили: «Зачем вы пришли?» Наши отвечали: «Как — зачем? Вас освободить». — «А мы вас не звали. Ваша советская власть и ваши колхозы-совхозы нам не нужны». Слушал я слушал и говорю: «Ребятки, хватит вам спорить. Лучше положите меня на полутор-

ку». Подняли они меня и уложили на ящики. Врач прибежала, рассердилась, велела меня снять. Но ничего у нее не вышло.

Так попал я в бобруйский госпиталь. Там мне сделали первую операцию. А вторую — в Могилеве. Шесть месяцев я пролежал в постели. Пришлось заново учиться ходить — на костылях.

— А что было дальше?

— Выписали меня, привезли в Москву. Первое время жил у брата. Отлеживался. Через месяц стал ходить понемножку. Решил пойти на свой завод. Встретили меня прекрасно. Начальник распорядился выдать мне деньги и новенький костюм. Говорит: «Приходи к нам, мы тебя учиться пошлем». Приезжаю к брату. Сели за чай вместе с мамой. Я ей все рассказал. Она спросила: «Что решил, пойдешь на завод?» Я ответил: «Нет, я думаю поступить в духовную семинарию».

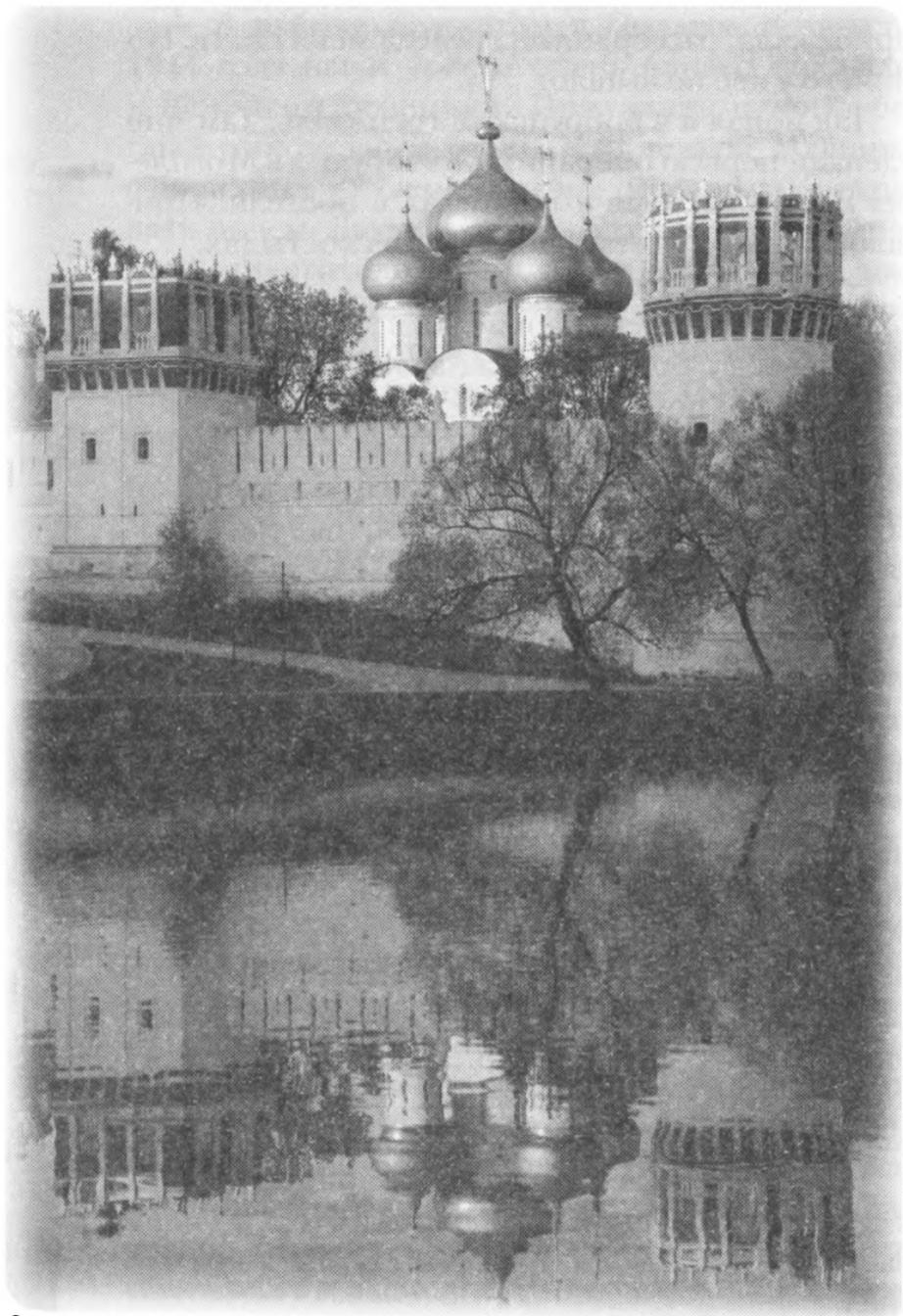
— Вы поступили в семинарию с первой же попытки?

— Да, сразу же после войны. Собрался с силами, поехал в Новодевичий монастырь к ректору профессору Савинскому. Он спросил: «Как же вы будете учиться — на костылях?» — «Я их со временем брошу, буду с палочкой ходить». Ректор сказал: «Пишите прошение». А я его уже написал — оно у меня с собой было. «Если вас допустят к экзаменам, мы пришлем вам открытку», — сказал ректор.

Через две недели открытка пришла. Начал я сдавать экзамены. Книги для подготовки у меня были. Да и по своей прежней службе я кое-что знал.

Экзамены выдержал. По правде говоря, учиться мне было очень тяжело. Пройти такую войну,

Сразу после войны собрался с силами, поехал в Новодевичий монастырь...

сущий ад, отлежать в госпиталях и потом сесть на семинарскую скамью — дело невероятно трудное. Раздается звонок, лекция кончилась, ребята выходят в коридор. А я пока встану, костыли возьму, до двери доковыляю, звонок опять звенит — на следующую лекцию. Но все же Господь дал мне силы завершить образование и сподобил меня стать священником. Накануне Петрова дня 1948 года епископ Можайский Макарий рукоположил меня во диакона, а в самый праздник — в иерея. С тех пор я и служил в своем любимом храме Ризоположения. В этом храме была кафедра Владыки Макария. При нем я прослужил 12 лет.

При Хрущеве сильно притесняли. Почти как в 30-е годы. Налогами совсем замучили. Хотели даже описать мое имущество. Пришел уполномоченный, а ему говорят: «Вот его тумбочка, вот его койка, описывайте». Тот постоял, постоял и ушел. Пытался я как-то усюветить инспектора райфинотдела: «Я инвалид, мне такую сумму трудно заработать. Если бы из вашей зарплаты вычитали столько, вы бы по-другому заговорили». А она сказала: «Уйдите из церкви». «Как вы можете предлагать мне такое? — ответил я. — Это мое дело, моя жизнь, я с этим родился».

Чего только я не повидал за 50 лет служения... Помню: иду к Пасхальной заутрене, а со стороны райисполкома к церкви направляется компания молодежи с гитарами и гармошкой. Впереди женщина в красном с флажком в руке. Поравнялись они с храмом и запели: «Не надо нам монахов, не надо нам попов, мы на небо залезем, разгоним всех богов». Это в 60-е годы.

Но с Божией помощью все побороли, все одолели...

С детства вдохновленный примером отца, который, несмотря на все испытания, пронес веру через всю жизнь и не отрекся от Бога, будущий священник Николай тоже никогда не мыслил свою жизнь без Господа.

«На фронте, — рассказывал он Вячеславу Валькову, — пришел ко мне политрук полка и спросил: «Ты почему не партийный?» А я был сержантом, командиром зенитного пулеметного отделения. Отвечаю: «Некогда было об этом подумать». — «А ты подумай. Я еще приду». И действительно пришел. Тогда я говорю: «Знаешь что, милый мой, ты с этим не ходи ко мне больше. Я какой есть, такой и умру. Вот мой пулемет, вот моя земля, вот мой расчет. Позади Москва, я ее люблю. Умру, а немца сюда не пущу. Я в Бога верю и не только верю, но и люблю Господа. Поэтому не могу я быть партийным». А он мне и говорит: «Вера членству в партии не мешает». «О, нет, — отвечаю, — у вас там записано, что коммунист должен вести антирелигиозную пропаганду. Двоедушным я быть не могу». Тогда он подумал, пожал руку, сказал: «Молодец!» и ушел. Больше никто никогда не уговаривал меня вступить в партию.

— А до этого разговора знали, что вы верующий?

— Знать не знали, скорее догадывались. Однажды ко мне подошел солдат из моего расчета, москвич. Подал мне руку и сказал: «Коля, спасибо тебе!» Может быть, только благодаря тебе мы еще и живы» (*В. Вальков. С Божией помощью все одолели. Воспоминания отца Николая Колодова*).

Может быть, благодаря таким людям, как отец Николай Колосов, до сих пор еще жива Россия.

Радистка, цветовод, монахиня.

Матушка София (Ошарина)

Когда человек глубок, открыт и ясен душой, когда он прожил достойную жизнь и оставил после себя что-то поистине прекрасное, его вспоминают неизменно добрым словом. Матушка София (Ошарина) оставила после себя добрую память. И цветы. «Замечательный мастер, слава и гордость декоративного садоводства Зеленодольска, — так отзывалась о матушке Людмила Яровая, заслуженный агроном республики Татарстан. — Дипломированный агроном, выпускница Алма-Атинского сельхозинститута, она обладала душой художника и золотыми руками... Ее фантазиям не было предела, недаром все зеленодольцы и гости без усталости любят купаны цветущих каштанов, голубыми елями, которые так удачно вписались в атмосферу города и окружающую природу».

А кому-то запомнилась матушка София — в миру Екатерина Михайловна Ошарина — в первую очередь как участник Великой Отечественной, радистка и партизанка, дошедшая до Берлина. «Девчонкой уйдя на фронт, она прошла тысячи километров по дорогам войны, участвовала во многих сражениях. Глядя на ее военные фотографии, никак не скажешь, что эта невысокая хрупкая девочка весом в 40 килограммов под ураганным вражеским огнем могла нести на себе и автомат, и вещмешок, и 20-килограммовую рацию за спиной» (А. Лушкин. Страшно ли там было, на войне?).

Когда человек глубок, открыт и ясен душой, его вспоминают неизменно добрым словом. Матушка София (Ошарина) оставила после себя добрую память. И цветы

Великая Отечественная

Екатерина Ошарина еще до войны собиралась посвятить себя цветоводству. «Когда началась Великая Отечественная, — рассказывает матушка София, — я окончила четыре курса плодовоовощного факультета Алма-Атинского сельхозинститута по специальности «цветоводство». Нас с первого курса уже к войне готовили: кого на медсестру, кого на радиस्ता... Я попала в радисты. Был абсолютный слух. Перед отправкой

на фронт мы еще месяц учились на стрелковорадистов. Но у меня всего 12 вылетов было, большинство же фронтовых дорог пройдено по земле. В начале 1942 года наша часть попала в район под Москвой».

Красивая, мирная профессия была забыта. Потом, после войны, Екатерина вернется к ней, но сейчас...

«Работали больше по ночам, по 6–8 часов, — вспоминает матушка. — В эфире — тысячи радиостанций, и среди всего этого надо найти голос своей. Ошибешься — и все... Немцы пеленговали и старались уничтожить радистов. Поэтому станции чаще в лесу останавливались. И их надо было охранять. Стоишь, лес шумит вокруг. Как посторонний шум — кричишь: «Стой, кто идет!»

А никого нет, никто не отвечает, и только ждешь: вот сейчас, сейчас — раз, ножом сзади! Что, не страшно? Еще как! И только про себя все время: «Господи, спаси, Господи, помоги, Господи, сохрани...»

Радистка Ошарина была из тех, кто проходил фронтовые дороги с молитвой в сердце. И Господь сохранил Екатерину, услышал ее молитвы — она вернулась с войны.

«Крестики на груди носили, — продолжает матушка София. — А церквей за всю войну нигде, кроме как в Орле, не встречали. В деревнях они все сожженные были. Орел никогда не забуду: большой храм на горе. Внизу вокзал, весь разбитый, вокруг все в руинах, а церковь уцелела. Помню и батюшку: небольшого роста, с необыкновенными, какими-то лучистыми глазами... Мы постояли, помолились, как могли, — за месяцы военного бытия уж все позабыли. А больше нигде церквей не встречали.

...А что было, когда через Днепр переправлялись! В Могилеве, после переправы, кругом трупы — идти было невозможно, их тысячи лежат... вот, вот, здесь! Кто-то еще жив, хватает тебя снизу, с земли: «Сестричка, помоги!» А ты с радиостанцией, надо быстрее вперед, связь налаживать. А они там так и остались, без помощи... В нашем подразделении из 25 человек выжили только двое. Вспоминать тяжело.

...Как жили? В палатках, землянках. Только одна часть уйдет, после нее — сплошные вши. Помыться чаще всего негде было. В Гжатске нас окружили, неделю не могли выйти. Кругом немцы, есть было нечего. Снимали и варили ремни. С трудом нас оттуда вытащили».

*Крестики на груди носили, — продолжает матушка София. —
А церквей за всю войну нигде, кроме как в Орле, не встречали...*

Участвовала радистка Екатерина Ошарина и в Курской битве.

Об этом матушка рассказывает так: «Накануне Курской битвы нас в составе 125-го специального батальона связи перебросили в город Орел. К тому времени от города уже ничего не осталось, все горело, рушилось. Я помню только два уцелевших здания — церковь и железнодорожный вокзал. На окраинах кое-где сохранились какие-то сараи, в которых ютились выжившие. Груды битого кирпича, ни одного деревца в целом огромном городе, постоянные обстрелы и бомбежки. При храме был священник и несколько оставшихся с ним женщин-певчих. Вечером весь наш батальон вместе с командирами собрался в храме, батюшка начал служить молебн. Мы знали, что нам предстоит наступление

на следующий день. Вспоминая своих родных, многие плакали. Страшно...

Нас, девчонок-радисток, было трое. Остальные — мужчины: связисты, катушечники. Наша задача — наладить самое главное, связь; без связи конец. Сколько в живых из нас осталось, не могу сказать, ночью нас разбросали по всему фронту, но думаю, что немного. Потери у нас были очень большие. Почти все девчонки погибли. Меня вот Господь сохранил...»

Жизнь, которую на войне сохранил ей Господь, Екатерина Ошарина посвятила Богу. И любимому делу. Приняв постриг, став матушкой Софией, она занялась в обители разведением цветов. Это ее заботливыми руками, — по словам архимандрита Всеволода (Захарова), — выращены тысячи и тысячи цветов, которые так радуют многочисленных паломников...

По словам схиигумена Сергея, «матушка София известна очень многим людям, даже тем, кто никогда не был в церкви. Потому что жители Зеленодольска знают, что Екатерина Михайловна Ошарина занималась озеленением города так, что он превратился в цветущий сад. Но самое главное, что по центральной улице, сплошь — от одного конца до другого, — тянулась лента цветов. Зеленодольск действительно оправдывал свое имя...

Многие предлагали матушке Софии более выгодные места для ее поля деятельности, но всякий раз она отказывалась и говорила, что из монастыря она никогда не уйдет. Но в то же время она щедро делилась саженцами, семенами... Поэтому наши подворья и в Больших Ключах, и в Казани, Ильинке, Зеленодольске, следуя

Зеленодольск действительно оправдывал свое имя...

Великая Отечественная

традициям монастыря, имеют сегодня на своих территориях цветущие клумбы и зеленые насаждения...

Можно сказать, что матушка София посвятила всю свою жизнь сотворению красоты. И красоты не искусственной (как иногда делается за счет обилия блестящих ярких мигающих украшений), — нет, для создания красоты она использовала живую природу. То есть в монастыре, посвященном Богу, она использовала творения Божии — цветы и растения. Поэтому ее труд, безусловно, сравним и равноценен молитве».

Сотворению красоты посвятила свою жизнь инокиня, чья молодость была омрачена уродством войны. Она и сражалась за то, чтобы в послевоенной жизни залечились все раны, чтобы

на выжженной войной земле снова выросли цветы. Сражалась с молитвой в душе, с упованием на Господа.

(В работе над текстом использованы материалы сайта Раифского Богородицкого мужского монастыря).

«Я шел за Родину...»

Митрофорный протоиерей Василий Брылев

«Когда началась коллективизация, мы жили на хуторе, — так начал рассказ о себе в интервью Анне Даниловой священник Василий Брылев. — Я еще был маленький — лет пять-семь. Отца посадили, потому что не хотел идти в колхоз, не хотел, чтобы им руководили безбожники. Не пошел к безбожникам. Тогда у нас забрали все — и зерно, и животных, и птиц. И мы питались одной травой, ничего не оставили».

Отца арестовали, семья осталась без средств к существованию. Но мать продолжала водить детей в храм — девять километров по проселочной дороге.

Отец Василий продолжил: «Мы были слабые и не могли идти. Но мама сказала: «Мы идем к Богу, все будет хорошо». Потом возвращаемся, а в колхозе созрела пшеница. Мы говорим: «Мама, разреши нам сорвать несколько колосков». Но мама сказала: «Умрем, но чужого не возьмем». Мы говорим: «А как же они у нас забрали зерно?» Мама ответила: «Пусть, но мы не возьмем». Она была вся в Боге».

Когда началась Великая Отечественная война, Василий Брылев работал на заводе. В 1942 году ему исполнилось 18 лет и его отправили учиться в Ижевск.

Отца арестовали, семья осталась без средств к существованию...

Он вспоминал: «Вначале отправили учиться в офицерскую школу Ижевска. Я раньше жил в Люблинском районе по Курской дороге. Все ребята там собрались и говорят: «Наши отцы защищают Родину, отдадут за нее жизнь, а мы будем здесь сидеть? Давайте запишемся в добровольцы, чтобы нас отправили на фронт».

Все записались, и я с ними. Нас было человек 20–30.

– 1942 был самым страшным годом?

– Да. Я был подо Ржевом. Там мы были просто солдатами и там были страшные бои. В 1942 году зимой мороз был 30 градусов. Бог дал, и мы выжили. Правда, там я ноги простудил. Однажды встал и хотел пойти, но отнялись ноги, а потом все постепенно восстановилось.

Всю зиму наступали, отступали. Всякое было...

Весной 1943 года нас отправили на Курскую дугу. У меня, как у связиста, был напарник, так как с аппаратом положено два человека. Страшное дело было: немец откроет огонь, порвет всю связь, и ползешь под обстрелом. Рядом рвутся снаряды, а ты ползешь, потому что некуда деваться. Пули свистят.

Я был верующим человеком, а напарник мой был безнравственным... Ему было лет 45, он был начальником цеха на заводе Сталина. Как провод порвется, так надо ползти. Мы должны были ползти поочередно, а он не идет. Ну, я за него и ползу. Ни в какую не идет. А куда деваться было? Ползешь, рядом снаряды рвутся, а жив остаешься. Много времени прошло, Бог хранил.

Был еще случай. Немец открыл такой сильный огонь и порвал всю связь. Начальник штаба батальона меня посылает в одном направлении восстановить связь, а моего напарника — в другом направлении. Я пополз, далеко прополз, нашел порыв, а у нас своего провода не было, мы пользовались обычно немецкими проводами: немец отступал и оставлял. Я прополз вокруг, но провода не нашел. Пополз в сторону немцев. Прополз, может, метров триста и обнаружил провод. Я восстановил связь, а остальной провод притащил начальнику штаба. Полкатушки намотал!

За это мне дали медаль «За отвагу», прямо на фронте наградили. Немец отступил, маленько затих. Начальник штаба собрал все четыре роты и стал говорить о том, кто как вел себя во время боя. Он сказал про меня: «Какой молодой, а как выполнил приказ командира. А этот коммунист не выполнил приказ и явился без ружья» — про моего напарника...

Снова отправили восстанавливать разрыв кабеля. Ну, я сам и пополз. Отполз, потом смотрю на это место, где напарник остался, — немец открыл такой огонь, все смешалось... Приполз обратно и не могу найти окоп, где напарник остался. Немного сориентировался и стал откапывать. На помощь приполз какой-то солдат. Откопали, а напарник мой без сознания. Мы его оттащили в медсанчасть. Вот так вышло, он меня посылал на смерть, а сам попал...»

«И на фронте был весь в Боге, — говорит священник. — В окопе молитву читал. А знаете, один раз как было — рота шла по овражку, а небо чистое и ясное. Вдруг звук такой — надрывный — смотрим, черная точка: снаряд! Не успели даже залечь в овраг, а снаряд упал рядом с нами в нескольких метрах. Упал и не разорвался! Христос сохранил нас.

— На фронте вы не скрывали, что верующий?

— Все знали, я не скрывал это. Я твердо веровал.

Вот под обстрелом ползешь, рядом рвутся снаряды. Или сидишь и мерзнешь в окопе, а рядом свистят пули. Но я был с Богом, читал молитву и надеялся. Под Ржевом был такой огонь! Мы там воевали всю зиму. Там я был простым солдатом, а на Курской дуге был уже связистом. Господь меня спас и сохранил. Господь допустил ранение. Монахиня сказала маме: «Драгоценная, не печалься, он скоро придет без одного крыла». И вскоре мне перебило руку.

Верующих мне немного приходилось встречать в огне под Ржевом и на Курской дуге. Были, конечно. Даже те, которые не верили, крестились и молились, но особо не были заметны верующие. Я и еще несколько человек открыто крестились и молились.

— А как вы шли в атаку? Что кричали — «Ура!», «За Родину!» или «За Сталина!»? И вообще, как это было?

— Что все, то и я. Кричали «Ура!» и «За Родину!», но «За Сталина!» я не кричал. У нас все отняли, отца посадили, поэтому я не мог кричать «За Сталина!»

Я выполнял свой долг, за двух — за себя и за этого коммуниста. Я шел за Родину и все. Были по-разному настроены. Мне родители внушали, что нужно быть с Богом, что если будут принуждать, то нельзя отказываться, потому что Господь не будет долго терпеть безбожников. Я был с Богом.

Меня ранило в 1943-м, я без сознания лежал, сколько — никому не известно. Один Господь знает. Когда меня ранило, я об этом не знал, потому что сразу потерял сознание. Сколько времени я лежал рядом с убитыми, и, видите, остался жив. Потом я стал приходить в себя. Хотел опереться на руку, а она не действует. Лежу, а из груди течет кровь. Мне осколки попали в грудь. Легкое разорвало, грудь задело, руку перебило.

— Как вас нашли?

— Я сам пришел в себя. Через какое-то время ко мне подполз солдат. Он сначала хотел ползти в свою часть, но немец открыл по нему огонь, и он пополз ко мне. Он мне и помог добраться до санчасти. Его послал ко мне Господь. Господь все пошлет, когда нужно. Еще полгода лежал в госпитале.

Два месяца лежал в Калуге. Потом отправили в Сибирь. До Владимира доехали — со мной плохо, я умираю. Высадили. Полмесяца полежал, опять повезли. До Перми доехали, опять со мной

плохо. Полежал полмесяца в Перми. Повезли дальше, опять плохо. Высадили в Новосибирске, так и лежал до выздоровления.

Мы выполнили свой долг с Богом. Господь нас сохранил, и мы Его благодарим за это» (А. Данилова. Протоиерей Василий Брылев — под Ржевом и на Курской дуге).

«А в бою всегда призывал Господа...»

Протоиерей Рафаил Маркелов

Когда началась война, Рафаил Маркелов был простым нижегородским пареньком. 17-летним он ушел на фронт. Окончил снайперские курсы и в составе воинского подразделения, сформированного на собранные в храмах деньги, был направлен в Прибалтику — на один из самых горячих участков фронта. Его отец ушел на фронт сразу же с начала войны, матери он лишился давно, и теперь воевал за свою страну и за своих родных — брата и сестер, в детском доме ожидавших возвращения Рафаила.

«На войне я был снайпером, — рассказывал отец Рафаил в одном из интервью. — Воевал в составе Второго Балтийского фронта, 208-я дивизия, 319-й стрелковый полк. Дело это особое, не то что просто в пехоте — знай себе стреляй. Здесь стреляешь в него, в противника, один раз. Стрельнул — уходи на другое место. Не ушел — тебя убьют.

— А из чего вы стреляли?

— Как из чего? Из снайперской винтовки. И прицел оптический был.

— Как вы учились снайперскому ремеслу?

— А нас специально учили. Сперва спрашивали, кто хорошо стреляет, проверяли. А я с дет-

ства к охоте был приучен, вот меня и взяли. Призывался на фронт я из Ивановской области, в Верховце. Вот там нас и учили стрелять из снайперской винтовки, а потом специальный взвод снайперов сформировали и на фронт.

— И скольких же вы немцев подстрелили?

— Не знаю. Много. Но разве их там разглядишь, сколько их там? Убит или не убит, не поймешь. Ну, если не поднялся, значит, видать, убит. Еще раз говорю, у снайпера нет времени смотреть, убит, не убит. Уходить надо!

— В каком году вы пошли на войну? Сколько вам тогда было?

— Пошел я в 43-м, мне 17 лет было. А уж в 44-м — еще 18 не было — меня ранило.

— Как же это произошло?

— Было это в Латвии, ее тогда как раз освобождали. Километров 40–50 до Риги не дошли. Меня засекли и стали выбивать. Сначала немец бил из пулемета. Ну а я по воронкам все ползаю и ползаю, из одной в другую. Спрячешься в воронке, только все успокоится, чуть вылезешь, а он опять стреляет. Прямо нет спасения! Так продолжалось довольно долго, потом ему, видать, надоело и стал

Здесь стреляешь в него, в противника, один раз. Стрельнул — уходи на другое место. Не ушел — тебя убьют

он из миномета садить. И накрыло меня осколками. Шестого августа это было. И уж после этого я не воевал».

«Я стал переползать, — рассказывал отец Рафаил о своем ранении в другой беседе. — Вдруг ударило, чувствую боль и тепло в ноге. Гляжу — кровь, кое-как перевязал, а дальше — уже работа врачей. Медсанбат был прямо при фронте, недалеко от передовой. Ох и доставалось же врачам! Только прибыл, гляжу, а по ним немец как раз прямой наводкой бьет. Нам санитары кричат: «Не ходите сюда, идите в сторону! Он по красным крестам бьет!»

В полевом госпитале Рафаила оперировали и извлекли из тела более 40 осколков. Но все извлечь так и не удалось. Он пролежал в госпитале шесть месяцев, но боли не проходили. «Сколько ногу ни лечил, рана не заживала», — рассказывал он. Врачи только разводили руками.

«В госпитале лежал в Кирове, — продолжает батюшка, — а оттуда комиссовали. До Горького ехал на поезде, а дальше — пешком. Два дня шел. Январь. Солнце блещет. На душе хорошо. Одно слово: живой!»

Чем ближе к дому, тем все милее вокруг. Везде привечали: солдат с фронта идет! Не наш ли? Незнакомый... Но все равно свой, родной. Живой. А это значит, есть надежда, что и наши когда-нибудь вот так же...»

Он обогнал двух женщин. И вдруг слышит:
— Батюшки! Да это ж наш солдат идет!

Оказалось, односельчанки. Скоро и родное Новоселье. И первое, что он увидит, — купола и кресты храма. Ради этого стоило выжить в том латвийском лесу под перекрестным огнем. И сто-

ит жить дальше» (А. Киселев. 60 лет Великой Победы. Протоиерей Рафаил Маркелов о войне).

— Что было самое трудное на войне?

— Убереечь себя, остаться живым. Там ведь как? Дело делай, а по сторонам-то не зевай, смотри в оба, а то пропадешь.

— Отец Рафаил, на той войне сражались в основном православные люди или большинство было безбожниками?

— Ну тогда особо-то этого не было видно. Молиться мы так уж не молились, но все же в основном люди были верующие, я так думаю. Во всяком случае, крестики очень многие носили, да и «Господи, помилуй» постоянно слышалось. Особенно когда в атаку идти, перед боем. Тут только и слышишь: «Господи, помилуй!» А кто молился, те молились. Хотя и не разрешалось

Скоро и родное Новоселье. И первое, что он увидит, — купола и кресты храма. Ради этого стоило выжить...

это, но все равно всегда ведь найдешь место, где помолиться: на посту стоишь и молишься про себя, просишь у Бога, что тебе нужно. Никто не помешает.

— Батюшка, а после войны Вы что делали?

— Из госпиталя пришел в конце 1945 года, в колхозе работал, в лесничестве работал, своим хозяйством занимался, плотничал, крыши крыл — в общем, делал, что придется, чтоб жить». (А. Киселев 60 лет Великой Победы. Протоиерей Рафаил Маркелов о войне).

Рукоположение Рафаил Маркелов принял лишь в 1983 году. Пять лет он был диаконом, а с 1988 года — священником. В глухой деревне Осинки, куда отец Рафаил переехал по благословению нижегородского митрополита, он начал вместе с местными жителями восстанавливать полуразрушенную церковь.

«Все работы по дереву, кирпичную кладку, кровельные работы — все батюшка старался делать сам.

Будучи очень пунктуальным человеком, отец Рафаил однажды договорился с рабочими о подъеме креста на купол церкви на 9 часов утра. Но рабочие вовремя не явились. Тогда батюшка один поднял 80-килограммовый крест на вершину купола храма! Пришедшие рабочие не могли поверить в такое!

Он имел старую закалку русского умелого и терпеливого воина и пахаря. Трудно представить, что он не умел делать в хозяйстве. И во всех делах отец Рафаил старался взять на себя самую трудную, опасную часть работы».

А на войне страшно ли ему было? Вспоминая те годы, батюшка говорил: «Страшно, когда в ата-

ку идешь, а рядом товарищей убивают... Но тем, кто без Бога в душе, куда страшнее. В основном вместе со мной воевала молодежь, и верующих почти не было: мы же воспитаны были при Советской власти. Я, стоя на посту, всегда говорил: «Господи, не допусти лихого человека!» А в бою всегда призывал Господа...»

(В работе над текстом использованы материалы церковно-общественной конференции «За други своя: Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война»).

«Побеждало не мастерство, а дух».
Протоиерей Николай Попович

«Вообще, каждый день, пережитый на войне и адекватно осмысленный, объективно приводит человека к вере. Война — это совершенно особое состояние, при котором жизнь в течение долгого времени держится на тончайшем волоске. Когда для многих нательный крестик, вшитый матерью в сыновнюю рубашку, становится невероятно значимым и дорогим — даже, в конечном счете, более дорогим, чем глаза любимой и руки матери. Война лично мне помогла быстрее прийти к вере», — так говорил в беседе с журналистом протоиерей Николай Попович, клирик московского храма Спаса Нерукотворного Образа на Сетуни, бывший фронтовик, кавалер ордера Красной Звезды, прошедший с боями Белоруссию, Литву и Польшу.

Отец Николай — человек очень непростой судьбы. Его отец был дворянином, офицером, прадед принимал участие в освобождении Болгарии от турок и воевал под Плевной. А по материнской линии в его роду были священники, дед

прослужил 70 лет в протоиерейском сане. Но, по словам отца Николая, он, как и почти все советские дети, рос атеистом. Мечтал стать летчиком, его кумиром был Чкалов.

«Война помогла мне быстрее прийти к вере», — так говорил протодиакон Николай Попович, клирик московского храма Спаса Нерукотворного Образа на Сетуньи...

Когда Николаю исполнилось 11 лет, его отца арестовали и расстреляли. А еще через несколько лет началась война.

Отец Николай вспоминает начало войны: «Было воскресенье, мы спали, а мама приехала из Москвы с ночной смены, говорит: «Что спите? Война началась». Так и узнали. Сразу на фронт захотелось, но мне всего 15 лет было. Понял, что летчиком мне не быть, и заплакал. Брат пытался поступить в артиллерийскую школу, но его не взяли — сын врага народа.

Мама пошла работать контролером на фабрику-кухню на Кутузовском, а я на авиационный завод, получил рабочую карточку, стал слесарем третьего разряда, мне дали бронь, но в 1943 году я сбежал — пришел в военкомат и попросился на фронт. Не сказал там, что работаю на заводе, да меня и не спрашивали — все тогда рвались на фронт воевать и побеждать. Такой настрой был.

Помню первый салют в Москве — в 1943 году, после победы на Курской дуге. Я еще тогда на заводе работал. Это самая значительная победа, она показала наше духовное преимущество. Кадровой армии в то время уже почти не существовало, воевали призывники второй, третьей категории. Если в Сталинграде условия для немцев были очень тяжелые — мороз, снег, окружение, — в Курске стояла прекрасная погода, июль, а техническое преимущество, и существенное, имели немцы.

Наши танки-«тридцатьчетверки» не сравнить было с немецкими «Фердинандами», «Тиграми» и «Пантерами», но мы выстояли и в знаменитом сражении под Прохоровкой нанесли поражение немецкой армии — русский дух сломал гордый

прусский дух. Курская дуга — наша честь и слава, главная наша победа в Великой Отечественной войне.

Я сначала учился в пехотном сержантском училище под Костромой, нас оттуда на месяц раньше выпустили — пришили ефрейторские лычки и отправили на фронт. Попал пулеметчиком в Белоруссию в знаменитую операцию «Багратион», с боями прошел Белоруссию, Литву, Польшу. За форсирование Немана и за отражение немецкой контратаки награжден орденом Красной Звезды».

Про эту награду отец Николай рассказал, когда спросили, какая из его многочисленных наград для него самая дорогая. Он ответил: «Красной Звезды, хотя звезда и считается масонским знаком. Но я его считаю за солдатский Георгиевский Крест. Он такой и есть. Дело же не во внешнем облике. Он давался за боевой ратный подвиг. А получил я его за то, что мы форсировали Неман в тяжелейших условиях.

Не знаю, как мы выжили. Плавсредства были примитивными, пулемет мы перевозили на маленькой лодчонке. И еще пять коробок пулеметных лент вместе с амуницией. Я, кстати, был командиром пулеметного расчета. А немцы били по воде из всех орудий, стараясь сорвать переправу. Когда мы его форсировали, то, слава Богу, на той стороне оказался песчаный берег, мы быстро вырыли позиции, и немцы пошли в бешеные контратаки. И вот мы две отразили, немцы шли на нас пьяные и в полный рост. Психическая атака. Никогда этого не забуду. Страх был невероятный. Мы их косили, а они все шли и шли. Вот за этот бой я и был награжден Красной Звез-

дой... А орден Отечественной Войны I степени мне был дан за непосредственное участие в боевых действиях армии».

В Польше, на подступах к Восточной Пруссии, Николай Попович был тяжело ранен осколком в голову. Впоследствии том, что предшествовало ранению, отец Николай видел промысел Божий. А всего-то, казалось бы, мелочь — просто надел найденную каску.

«А перед своим последним боем я надел каску. Обычно мы их не носили, потому что они были тяжелые. Использовали пилотки. А тут гляжу, валяется новенькая каска — ну я ее и надел. Видно, это был перст Божий. Ночью немцы пошли в атаку на наши позиции. Я начал стрелять — и вдруг почувствовал страшный удар. Потерял сознание и пролежал до утра, истекая кровью. А утром меня подняли санитары. За глоток воды я, наверное, тогда отдал бы все.

Позже, когда я стал верующим и узнал из Евангелия о страданиях Иисуса Христа на Голгофе, то, прочитав Его слова, произнесенные на кресте: «Жажду», — я заплакал. Потому что вспомнил, как хочет пить человек, истекающий кровью. Но у меня-то это было недолго, а у Господа длилось два дня. И я думал — какая же это была мука жажды! Меня это потрясло. Господь на кресте попросил попить, а ему дали уксус.

В госпитале я сказал врачу, что надел каску за час до боя. Он посмотрел на меня и сказал: «Видно, Коля, за тебя кто-то сильно помолился в ту ночь. Иначе ты бы здесь не лежал».

В общем, мне сделали операцию. Но ранение было тяжелое. Отнялись левая рука и левая нога. Они у меня и сейчас слабые. Называется:

остаточные явления полного левостороннего паралича. Из госпиталя нас вывозили на самолетах «У-2». Помню, радовался — все еще бредил авиацией. Руку и ногу отняло, а я радуюсь! А когда полетели, то нарвались на «мессершмитта». Как он нас не сшиб — не знаю! Это чудо. Наш летчик полетел буквально по макушкам деревьев. И поскольку скорость у «мессера» большая, а у «кукурузника» маленькая, то мы каким-то образом проскочили. В конце концов приехал домой инвалидом Отечественной войны второй группы».

К вере фронтовик, будущий диакон Николай Попович пришел не сразу.

«Мама молилась, перекрестила меня, когда уходил на фронт, но я тогда не придавал этому значения. К сожалению, ни до войны, ни на фронте не встречал я верующих людей. Хотя когда начался минометный обстрел, многие крестились и говорили: «Господи, помоги!» В душе у людей вера сохранялась».

После войны Николай Попович получил два высших образования — юридическое и экономическое. Работал в Госплане РСФСР, занимал ответственные посты в системе Госкомитета по труду и заработной плате при Совете Министров СССР. Но уже при Хрущеве разочаровался в коммунистических идеалах, а когда в 1968 году советские войска вошли в Чехословакию, сдал свой партбилет.

«Когда наши войска вошли в Чехословакию, возмущению моему не было предела. Мне рассказывали фронтовики, дошедшие до Чехословакии, как там встречали наших солдат: засыпали цветами, закармливали-запойли. И наступить сапогом на их независимость...»

Конечно же, после такого отчаянного, до безумия смелого шага бывший фронтовик лишился работы, но репрессии, к счастью, не последовали. Два года он помогал художникам реставрировать храм, а потом пошел в церковные сторожа.

Мать говорила ему:

— Коля, ты закончил два института — и пошел в сторожа!

А сын отвечал:

— Лучше быть сторожем, чем врать.

Николай работал сторожем и одновременно постигал премудрость богослужения, стал чтецом. В диаконы Николая Поповича рукоположили только в 1990 году.

Николай Попович никогда не забывал о духовном опыте, полученном под огнем. На вопрос протоиерея Михаила Ходанова «Что происходит с душой во время войны?» он ответил так: «Человеку свойственно чувство страха, самосохранения, а также долга и любви. Сочетание этих качеств и определяет поведение человека. Душа либо принимает желание укрыться и спасти себя — даже путем предательства, либо напротив — даже вопреки здравому смыслу человек идет на подвиг, преодолевая страх.

Откуда такое понятие? Из Священного Писания. Апостол и евангелист Иоанн Богослов в своем Первом послании говорит, что совершенная любовь изгоняет всякий страх. Мария Магдалина и другие женщины первыми удостоились встретить воскресшего Господа. Почему? Потому что их страх был преодолен любовью. А бояться им было чего — и мести со стороны фарисеев с первосвященниками и старейшинами, и темноты

ночи на кладбище, и смертельной опасности от жестокой стражи у гроба. Но Бог наделил человека дивным качеством любви. И где любовь не угасает, там совершается подвиг.

В войну подвиг не считался чем-то особым. Все было в порядке вещей. Возьмите наших офицеров, солдат, девушек и их отношение к своим подвигам. Так, что-то само собой разумеющееся и естественное. И во многих случаях побеждало не мастерство, а именно дух» (*Протоиерей Михаил Ходанов. Протодиакон Николай Попович. Путь фронтовика*).

За оборону Ленинграда – за нашу советскую Родину. Протоиерей Николай Ломакин
(Из церковных воспоминаний)

«2 февраля 1945 года, в Москве, постановлением Всероссийского Поместного Собора, в присутствии Высоких Представителей всего Православного Востока и Блаженнейшего Католикоса Грузии – Патриарха Каллистрата, Патриархом Московским и всея Руси единогласно избран Высокопреосвященный Алексей, Митрополит Ленинградский и Новгородский.

Какой торжественно-величественный пир веры – Всероссийский Поместный Собор!.. Какая светлая радость и великий праздник Святой Православной Церкви Русской, волею Божией ныне возглавленной Святителем Алексием!..

Вседушно Ленинградская Церковь-дщерь ликует и радуется со всеми чадами Православной Матери-Церкви Русской!

Духовно и «по-человеку» торжествует она и потому, что «неисповедимые пути Промысла Божия привели к высшему служению в Право-

славной Церкви в звании Патриарха» нашего Ленинградского любимого Архипастыря.

Но радость эта растворена особым чувством, и охватывает ее вихрь особых воспоминаний...

Наш Ленинградский Владыка Алексей явился в Ленинграде не только Архипастырем — духовным руководителем, — но и организатором здесь замечательной работы всего духовенства на защиту Отечества и на оборону родного Ленинграда.

Как верный сын Родины и любящий отец, объединил Владыка Алексей духовенство и паству в осажденном Ленинграде. Не в малой статье рассказывать о замечательных трудах Святителя-патриота в страшные 900 дней блокады города-богатыря. Не щадя сил и жизни, глубоко веря в победу над врагом Руси и всего человечества — фашизмом, не обращая внимания на артобстрелы и другие ужасы вражеской блокады, Владыка Митрополит бесстрашно, часто пешком, посещал ленинградские храмы, совершал в них богослужение, беседовал с духовенством и мирянами, всюду внося бодрость, веру в победу, христианскую радость и молитвенное утешение в скорбях.

Сам иногда больной, Владыка в любое время дня принимал приходивших к нему мирян и духовенство. Со всеми

*Алексей, митрополит
Ленинградский и Новгородский*

ровный, приветливый — для каждого он находил ласку, умел ободрить малодушных и подкрепить слабых. Никто от нашего Владыки не уходил опечаленным, не окрыленным духовно. Очень многим Владыка из личных средств оказывал материальную помощь, с немалыми, лишая себя, по-христиански делился пищей. Желая молитвенно утешить и духовно ободрить пасомых в тяжкие дни блокады Ленинграда, Владыка Алексий нередко сам отпевал усопших от голодного истощения мирян невзирая на лица — и обставлял эти погребения особо торжественно.

Как тверда была вера Святителя в победу над врагом!.. Как не любил он паники и уныния!.. Невольно вспоминается пасхальная ночь 1942 г., которую враг пытался омрачить нападением на Ленинград. Две авиабомбы сброшены врагом в юго-западный угол Князь-Владимирского Собора. Узнав об этом, Владыка при встрече сказал настоятелю этого Собора: «И это в пасхальную ночь!... Ничего: будет и по-другому. Христос воскрес!.. Не падайте духом. Бодрите других. Наш долг быть твердыми: мы — русские, мы — православные христиане».

Ободряя других, Владыка и сам ни на минуту не терялся, не падал духом. В 1943 г. много было случаев обстрела артиллерией Никольского Собора, где жил наш Святитель.

Однажды в храм попало три снаряда, причем осколки врезались в стену покоев Владыки. Причт по окончании литургии не мог выйти из храма — кругом были смерть и разрушение — и остались ждать конца обстрела в Никольском алтаре. Вдруг страшный разрыв снаряда... Через несколько минут входит в алтарь Владыка, пока-

зывает причту осколок снаряда и, улыбаясь, говорит: «Видите, и близ меня пролетела смерть. Только, пожалуйста, не надо этот факт распространять. Вообще, об обстрелах надо меньше говорить... Скоро все это кончится. Терпеть недолго осталось».

И так при всех и всяких обстоятельствах и ужасах блокады.

В своих многочисленных патриотических посланиях — и обращениях к духовенству и пасомым, и с церковного амвона, — Владыка Митрополит непрерывно призывал к защите Отечества и родного Ленинграда, к жертвам, труду и терпению во имя победы над «коварным и злобным врагом-фашизмом». «Церковь зовет к защите Матери-Родины», — взывал Владыка-патриот. «Она же, исполненная веры в помощь Божию праведному делу, молится о полной и окончательной победе над врагом»... «Помогайте, — говорил Владыка, — Красной армии в ее победоносных подвигах своими материальными жертвами: деньгами, одеждой, продуктами, кто чем может, и никогда не забывайте, что только в дружном сотрудничестве фронта и тыла кроется успех полной и скорой победы над врагом». При этом все жертвенные начинания Владыка предварял добрым примером — личной щедрой жертвой.

Миллионные пожертвования ленинградских церквей и приходских общин в фонд обороны, на танковую колонну «Димитрий Донской» и другие военные нужды, крупные жертвы отдельных прихожан деньгами, ценностями и вещами — были наилучшим ответом на призыв Архипастыря.

Но Святейший Владыка Алексей не одинок был среди ленинградской паствы в своих высоких

церковно-патриотических трудах. Ленинградское духовенство, движимое горячей любовью к Родине и Ленинграду, по зову Архипастыря совместно с приходскими общинами проводило в дни блокады Ленинграда большую и плодотворную патриотическую работу. Крупные денежные жертвы на танковую колонну и в фонд Оборона Отечества, оказание помощи семьям бойцов Красной армии и Флота, пожертвования ценностями и вещами на дело обороны, щедрая подписка на военные займы — почетное дело, в котором все причты церквей г. Ленинграда, каждый в своем чину и каждый по мере сил, принимали и принимают жертвенное, добровольное участие. Потому что памятна всем Правда Божия, что любить надо не словами, а «делом и истиной».

В Ленинграде нет и не было ни одного храма, где с начала войны не возносилась бы горячая молитва о победе над фашистами, о Правительстве нашем, о родной Красной армии и о Верховном Вожде ее. Все это совершается на местах торжественно-умилительно, сопровождается патриотическими обращениями и пламенными речами священников, при участии церковных хоров и народного пения. Особенно торжественны богослужения в дни побед и усердной молитвы за Красную армию и Правительство наше, в дни государственных, общенародных праздников.

Священнослужители города-героя во главе с Владыкой Алексием, вместе со своей паствой разделили горечь блокады, достойно дожили до радостей победного разгрома врага под Ленинградом и за свои патриотические труды удостоены высокой и почетной награды Советского Правительства — медали «За оборону Ленинграда».

11 октября 1943 г. — особая дата в истории Ленинградской Епархии. В этот день, по поручению Президиума Верховного Совета СССР, были вручены медали «За оборону Ленинграда» Высокопреосвященному Митрополиту Алексию — ныне Святейшему Патриарху — и одиннадцати священнослужителям церкви г. Ленинграда.

Среди награжденных — многолетний секретарь и ближайший сотрудник Владыки, настоятель Преображенского Собора протоиерей Павел Тарасов; настоятель Кафедрального Никольского Собора протоиерей Владимир Румянцев; благочинный церкви г. Ленинграда протоиерей Никольского Собора Николай Ломакин; член Поместного Собора, настоятель Никольской Церкви Большеохтинского кладбища протоиерей Михаил Славнитский; настоятель Спасской Церкви в Лесном священник Сергей Румянцев; псаломщик, митрополичий регент, ныне секретарь Святейшего Патриарха Лев Николаевич Парийский; протоиерей Никольского Собора Владимир Дубровицкий; протоиерей Князь-Владимирского Собора Филофей Поляков; священник Преображенского Собора Лев Егоровский; протодиакон Преображенского Собора Димитриев и диакон Князь-Владимирского Собора Пискунов.

Все поименованные священнослужители, ведя усердную церковно-патриотическую работу в своих храмах и приходах, принимали активное участие в группах самозащиты МПВО и во все время блокады города несли дежурства по обеспечению общественного порядка в своих домах. Кроме того, по поручению Владыки Алексия, секретарь протоиерей Павел Тарасов участвовал в работах Городской специальной комиссии, а благочинный

протоиерей Николай Ломакин — в городской и областной комиссиях по расследованию немецко-фашистских злодеяний.

Трудно передать радость и волнение награжденных. Эту радость и восторг патриота с достаточной прямоотой высказал Святейший Алексей, принимая медаль: «Я благодарю Советское Правительство, — сказал Владыка, — за высокую честь, оказанную мне. Я заверяю Правительство, что и впредь священнослужители Православной Церкви и верующие нашего города-героя будут вносить свою лепту в фонд обороны любимой Отчизны, будут усердно молить Всевышнего о скорейшем изгнании гитлеровских супостатов с родной русской земли».

Награждение медалями ленинградского Владыки Митрополита и духовенства произвело глубоко отрадное впечатление на население города и далеко за пределами его. Святейший Алексей и награжденные священнослужители получили свыше 1000 приветствий и поздравлений из разных мест России. Особенно тепло поздравляли жители Ленинграда, по обстоятельствам блокады временно эвакуировавшиеся вглубь страны.

Таковы чувства и воспоминания, с какими ленинградское духовенство и паства проводили Владыку Митрополита Алексея на великий и почетнейший пост Патриарха Московского и всея Руси» (Цит. по изданию «Журнал Московской Патриархии». — 1945. — № 4).

И. Виноградов. В огненном кольце

Недалеко от Нового Иерусалима, в двух километрах от ст. Манихино Калининской ж. д., находится древний поселок под названием Троиц-

кий погост. В летописях XVII века сохранилось сказание о том, что царь Феодор Иоаннович купил у боярина Боборыкова деревянную церковь Св. Троицы, которую царь Алексей Михайлович подарил патриарху Никону, строителю Воскресенского монастыря. Еще далее, из глубины веков родной истории, сохранилось предание, что здесь останавливался преподобный Сергей на пути из своей обители к своему ученику, преподобному Савве Звенигородскому. От XIII века в Троицком храме хранится список чудотворной иконы Феодоровской Божией Матери, принадлежавший внуку Александра Невского, князю Всеволоду Ярославичу, как гласит об этом надпись на иконе.

Военная буря не раз бушевала в долине реки Истры, около Троицкого погоста. Здесь происходили сражения московской рати при набегах литовских полчищ в XIV–XV веках. В конце XVII столетия здесь потерпели поражение сторонники царевны Софии в битве с войсками молодого преобразователя России, Петра Великого. В 1812 г. здесь были отражены отряды французской армии Наполеона, могильные курганы которых сохранились на правом берегу реки Истры.

Наступил ноябрь 1941 года... Гитлеровские полчища огненным потоком разлились по лицу земли русской... Огромным костром запылал город Истра. Мерзость запустения водворилась на месте Нового Иерусалима: фашистские изверги взорвали храм Воскресения с кувуклией над гробом Господним и таким образом погиб этот шедевр мирового искусства и великий памятник христианской истории русского народа.

Всю окрестность около Истры злобный враг превратил в «зону пустыни». Исчезли селения:

Качаброво, Высокое, Вельяминово, Троицкое, Санниково и др.

Среди моря огня одним чудом Божиим сохранились два храма в Троицком погосте: деревянный XVII века и каменный начала XX века, оба в честь Святой Троицы.

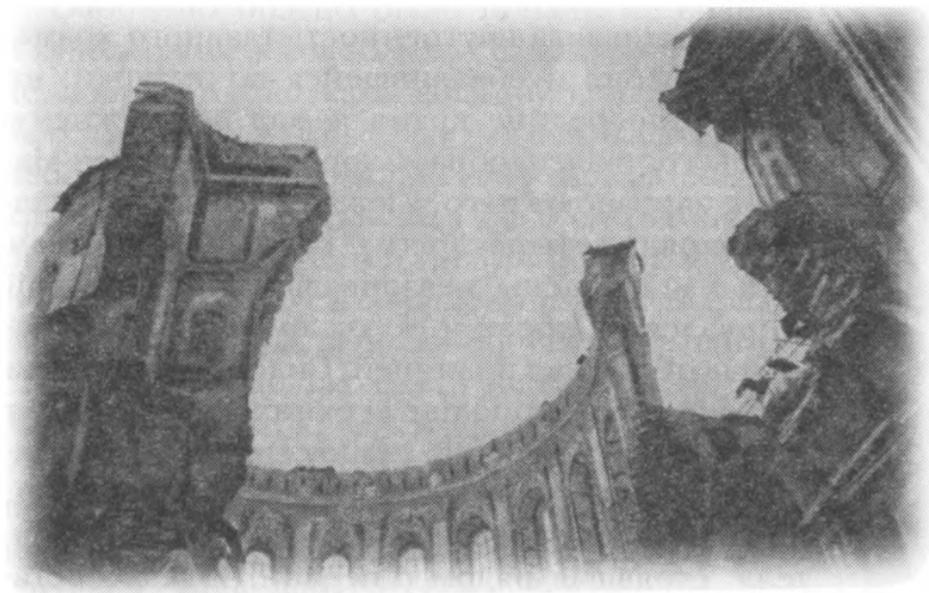
По рассказам участников этих прискорбных событий вся история немецкого вторжения и военных действий в районе села Троицкий погост может быть восстановлена в следующих кратких чертах.

22 ноября 1941 г. танковые и моторизованные части противника появились на правом берегу Истры со стороны городка Рузы, откуда они прошли лесами и проселками, благодаря сильным морозам, сковавшим осеннюю грязь. Завязалась ожесточенная борьба за город Истру. Артиллерийскому обстрелу подверглись и ближайšie селения Троицкого прихода. Население искало защиты под массивными сводами в подвалах каменного храма. В старинном деревянном храме теплились лампы, горели свечи и совершались молебны протоиереем о. Александром Дмитриевичем Смородиновым.

26 ноября автоматчики противника на мотоциклах ворвались в село Троицкий погост, которое оборонял стрелковый батальон. Танки противника открыли огонь с северо-западной стороны по поселку и храму.

Под алтарем, где была квартира священника, находился командный пункт штаба Красной армии; в пролетах колокольни стояли пулеметы. Немцы открыли минометный огонь по храму, но, по словам очевидца, «огненные нити снарядов проносились над храмом, не задевая его». В это

Мерзость запустения водворилась на месте Нового Иерусалима...

время верующие собрались в одном доме за храмом на юго-восточной стороне, где протоиерей о. Александр Дмитриевич Смородинов служил молебен с акафистом перед иконой Божией Матери «Скоропослушницы», особым знамением незадолго перед этим благоволившей возвестить предупреждение и Свое покровительство верующим.

К четырем часам пополудни противник занял подвальное помещение храма, на ступеньках которого лежали убитые герои, защитники нашей Родины. Семерых красноармейцев немцы вывели из подвала и с колокольни и расстреляли их на северной стороне кладбища, предварительно сняв с них обувь.

Несмотря на жестокий обстрел, храмы остались целыми. Более 14 снарядов попало в каменный храм; деревянного же храма обстрел не затронул...

Война оживает в воспоминаниях

Поразительное и вместе с тем ужасное зрелище представляла внутренность главного храма. Среди щебня и обвалившейся штукатурки, на аналое, посредине храма лежал по-прежнему, как был оставлен, образ Скорбящей Божией Матери; направо от него, у южной стены, взорвался снаряд; четыре других снаряда, калибром в 75 мм, найдены невзорвавшимися. Шестой взорвался на хорах и осколком пробил бетонный потолок над ризницей. Силой взрыва была снесена с перегородки верхних хор алтарная икона Божией Матери, принесенная из Истринского собора, и найдена в стоячем положении, прислоненной к стене на полу. Икона же Спасителя, стоявшая рядом с первой, чудесно осталась там же, на хорах.

Осколками снаряда в щепы был разнесен дубовый киот образа Святителя Николая. Лишь одна сквозная пробоина обнаружена над мечом, который держит Святитель в правой руке, защищая церковь, стоящую на ладони левой его руки. Образ найден в стоячем положении среди обломков киота. Также чудесно были сохранены при взрыве иконы Св. Троицы, Воскресения, Св. Петра, Неопалимой Купины, Св. мученика Пантелеймона. Пострадало несколько местных икон, стоявших на полу; разрушены старинные часы; осколками изуродованы все подсвечники и выбиты все стекла. Замечательно, что резной дубовый иконостас алтаря, а также северная сторона храма нисколько не пострадали, как бы подтверждая незримую защиту «печальника земли русской» преподобного Сергия; на его алтарной иконе имеется надпись: «Господи, охрани и защити место сие святое».

Особенно опасно было попадание снаряда в купол храма: к счастью, он взорвался в обшивке, повредив осколками шпангауты и крестовую балку, и проделал в потолке над паникадиллом две небольшие пробоины. Волной взрыва снесена крыша шатра колокольни, а над всем храмом она буквально изрешечена и требует полной замены. В стенах храма до сего времени торчат снаряды, разбиты две рамы, наполовину разрушен один из столбов шатра колокольни и частично повреждены оба железных креста над храмом.

Фашистские захватчики пробыли в Троицком погосте две недели. За это время в обширных подвалах храма нашли себе приют более тысячи жителей, лишившихся крова. Все эти дни священник о. Александр Смородинов служил молебны, а в праздник Введения во храм и воскресенье отправлял установленные службы, несмотря на присутствие немцев. Можно себе представить, как горячо и искренно молились собравшиеся за свою многострадальную Родину, за правителей ее и воинов на поле брани!

Во время оккупации в Троицкий погост приехал комендант немецкого гарнизона в Истре вместе с лютеранским пастором, который предложил о. Смородинову совершать богослужение, на что им было указано, что «служба здесь никогда не запрещалась и беспрепятственно совершается».

Немцы забрали с собой свечи и вино. Следует отметить, что на третий день фашистской оккупации был обнаружен взлом деревянного храма; на престоле оказался разорван антиминс, сломан крест, брошено на пол Евангелие, сорвана с петель южная дверь алтаря, имеются пулевые пробоины в алтаре.

Затислы извергов были расвяны Небесной Скоропослушницей...

Отношение немцев к местным жителям было издевательское: они не только заставляли их работать на себя, но открыто взламывали замки, расхищали имущество и раздевали людей на улице. Священника о. Смородинова и его дочь они заставили снять валеные сапоги, а члена Церковного Совета И. Я. Федорова избили прикладом.

6 декабря под нажимом частей Красной армии фашисты стали отступать. Исчезли с площади Троицкого храма восьмитонные грузовики с награбленным имуществом... В ночь на 8 декабря Троицкий погост оказался в огненном кольце горевших кругом селений, подожженных немецкими извергами. Вопли женщин, мычание угоняемого скота напоминали об ужасах отдаленной эпохи монгольского ига...

От зарева горевших селений прихода Качаброво, Санниково, Вельяминово троицкие храмы были освещены, как днем.

9 декабря фашисты согнали всех жителей поселка в подвалы храма. Изверги хотели его взорвать, как они это сделали в с. Ершове, в с. Александровское и в Новом Иерусалиме, но замыслы их были рассеяны Небесной Скоропослушницей, перед образом которой заключенные под храмом вместе с о. Смородиновым со слезами просили о помощи. Таким образом, промысел Божий вторично сохранил храмы и молящихся в нем. Немецкие факельщики приступили к поджогу селения, которое вскоре представило собой грандиозный костер.

Особенно величественную и грозную картину представлял собой деревянный храм XVII века, окруженный пылающими домами, до ближайшего

из которых было не больше 30 шагов. Несмотря на открытые пролеты деревянной колокольни, расшитые сухие доски в карнизах с мусором от гнездовья птиц, — пожар не затронул храма; искры и головни, летевшие от взрыва заложенных мин, не коснулись его.

Это был третий факт чудесного спасения храма на протяжении 2 недель фашистской оккупации.

11 декабря в Троицкий погост вступили части Красной армии. Стоял двадцатиградусный мороз при северном ветре. С согласия настоятеля войны в белых халатах со своим оружием нашли себе приют в теплом деревянном храме. Сам же отец Смородинов ночевал в алтаре в целях охраны святыни. Под алтарем каменного храма вторично поселился воинский штаб Красной армии одной дивизии.

8 декабря в Троицкое прибыл командующий фронтом маршал Рокоссовский, который дал приказание оберегать храмы.

9 декабря враг совершил воздушное нападение, сбросив с самолета четыре фугасные бомбы большой взрывной силы, которые упали в 200 м к северо-западу от храма. Воздушной волной были выбиты только что вставленные в подвале стекла. Таким образом, это была четвертая попытка разрушить храмы села Троицкого, не имевшая успеха благодаря небесной защите Архистратига Михаила, образ которого все время находился в открытом притворе храма...

Вскоре шум битвы удалился на запад...

Прошло с тех пор три года; враг изгнан из пределов нашей Родины и, таким образом, сбылось предопределение Божие: «Поднявший меч от меча погибнет» (Мф. 26, 52).

Неизреченно всемогущество и правосудие Божие, которое «и среди самых побед предопределяет к поражению неправое оружие» (акафист Св. Троице).

В знак благодарности к чудному проявлению Промысла Божия Церковный совет постановил ежегодно праздновать день 26 ноября в память чудесного сохранения храмов и жителей окрестных селений и начала победоносного наступления нашей Красной армии. (см.: «Журнал Московской Патриархии». — 1945. — № 5).

Глава 10. Москва православная в годы Великой Отечественной войны

Москва накануне войны

«Я очень хорошо помню довоенное время, — писал в своих воспоминаниях митрополит Питирим (Нечаев). — Москва в те годы сохраняла еще многие старые традиции и обычаи. Уклад, который формировался веками на основе строгого соблюдения церковного устава, перешел в быт и трансформировался в радушие, приветливость, столь характерные для старых москвичей. И эта атмосфера приветливости еще сохранялась, несмотря на очень сложные, трудные времена, несмотря на голод тридцатого года и тяжелые тридцать седьмой и тридцать восьмой...

Вообще достоинство в нашем русском обществе всегда хранили свято — Боже упаси уронить его хотя бы в какой-то детали поведения: в манерах, в осанке — согнуть перед кем-то спину. Так,

помню, в Патриаршем Елоховском соборе были два старичка, никогда не снимавшие своих георгиевских крестов. Георгий, как орден за личное мужество, был признан во время Великой Отечественной войны (по существу, наш орден Славы является его прямым наследником и даже в чем-то повторяет его в оформлении), и тогда многие стали доставать их из коробочек, но эти носили свои ордена и в 35-м, и в 37-м, и в любом другом году. Один из старичков был совершенно согбенный, с палочкой, видимо, тяжело раненный, получивший какие-то костные повреждения. Другой — чрезвычайно бравый, с усами, ходил всегда в сапогах, защитного цвета шинели и — полный банк, четыре георгиевских креста. Представлялся он: «Лейб-гвардии уланского полка ее императорского величества императрицы Марии Федоровны...», — дальше следовало его звание и имя, которых я не помню, но он всем этим очень гордился и это достоинство пронес через все те страшные годы, и никто его не трогал — настолько он был утвержден в своем солдатском мужестве...

Помню, в Патриаршем Елоховском соборе были два старичка, никогда не снимавшие своих георгиевских крестов...

Таким я запомнил предвоенное время. Тогда в наших коммунальных квартирах, в условиях чрезвычайно трудных социальных, политических перемен, ломок, оставались непререкаемыми основные ценности: достоинство личности, которая в скудности созидает свой духовный мир, и законы общежития, которые позволяли людям с разными характерами, разными способностями, но одухотворенным одной идеей совместного родового, племенного, семейного, просто человеческого совыживания, сохранить Русь, — так же как и в погромном тринадцатом веке, и в Смутное время, и в переломный, страшный двадцатый век.

В 1939 году был заключен пакт о ненападении с Германией. И тогда же вышел на экраны фильм «Александр Невский», где главный герой бьет «псов-рыцарей» на льду Чудского озера. Можно два эти факта не сопоставлять, но можно и сопоставить. И, конечно, Александр Невский прощается с павшим бойцом уже не по-комсомольски, — заломив фуражку на затылок, — а по русскому обычаю — преклонив одно колено и сняв шлем. А в следующем фильме — «Александр Суворов» — главный герой уже, не стесняясь, говорит: «Помилуй Бог». А в третьем — «Богдан Хмельницкий» — представлен хотя и шаржированный, но очень симпатичный поп Гаврила, у которого за поясом с одной стороны крест, а с другой — пистолет. Так — поэтапно возвращалось к нам то, что было запрещено.

...После первых объявлений о переходе нацистами границы и бомбардировке Киева Москва посуровела, улицы опустели, люди стали серьезнее. По улицам мчались на мотоциклах

фельдкурьеры с полевыми сумками. В первую ночь была, как оказалось, ложная воздушная тревога, но москвичи рассказывали, что они видели сбитые нацистские самолеты. Потом с неба посыпались настоящие бомбы. Но и в эти первые, самые тяжелые месяцы войны Москва оставалась мужественной, спокойной, не было никакой паники.

В русском народе особое отношение к солдату, и каждый русский человек в душе — солдат. Перед глазами стоит картина: девушки — хрупкие, худенькие — несут по улице огромный аэростат. Их непременно должно было быть двенадцать. Если же хотя бы одной недоставало, их веса уже не хватало, чтобы удержать на земле эту конструкцию. Подует ветер сильнее, а они так

И тогда же вышел на экраны фильм «Александр Невский», где главный герой бьет «псов-рыцарей»...

и не выпускают из рук канатов, и уже аэростат волочит их по земле, того и гляди унесет неведомо куда.

Мне очень хотелось на фронт, но меня туда не взяли. Осенью мы, школьники, принимали участие в строительстве укреплений — у меня с тех пор обморожены руки и ноги и поврежден позвоночник» (Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В. Русь уходящая: Рассказы митрополита Питирима).

На подступах к Москве решалась судьба всех народов...

Когда началась война, голос митрополита Сергия, обратившегося к народу, прозвучал в Москве. Из Москвы его патриотическое послание, так глубоко взволновавшее верующих и распространявшееся ими с риском для жизни, расходилось по всей стране:

«Божиею Милостию Патриарший Местоблюститель смиренный Сергей, Митрополит Московский и Коломенский православной и боголюбивой пастве московской желает мира и в вере преуспеяния.

Вторгшийся в наши пределы коварный и жестокий враг, по-видимому, напрягает все свои силы. Огнем и мечом проходит он нашу землю, грабя и разрушая наши села, наши города.

Но не в первый раз русский народ переживает нашествие иноплеменных, не в первый раз ему принимать и огненное крещение для спасения родной земли. Силен враг, но «велик Бог земли русской», как воскликнул Мамай на Куликовом поле, разгромленный русским воинством. Господь даст, придется повторить этот возглас и теперешнему нашему врагу. Над нами покров Пресвятой

Девы Богородицы, всегдашней Заступницы русской земли. За нас молитвы всего светозарного сонма святых, в земле нашей воссиявших. С Божиею помощью и в эту годину испытаний наш народ сумеет по-прежнему постоять за себя и рано или поздно, но прогонит прочь наседающего чужанина.

Такая надежда, как железная броня, да оградит нас от всякого малодушия перед нашествием врага. Каждый на своей страже, на своем посту будем бодро стоять, содействуя обороне Отечества нашего и ревниво храня драгоценные заветы нашей святой православной веры. Да не потерпят наши московские святыни того, что случилось со святынями других городов, захваченных немецкими ордами.

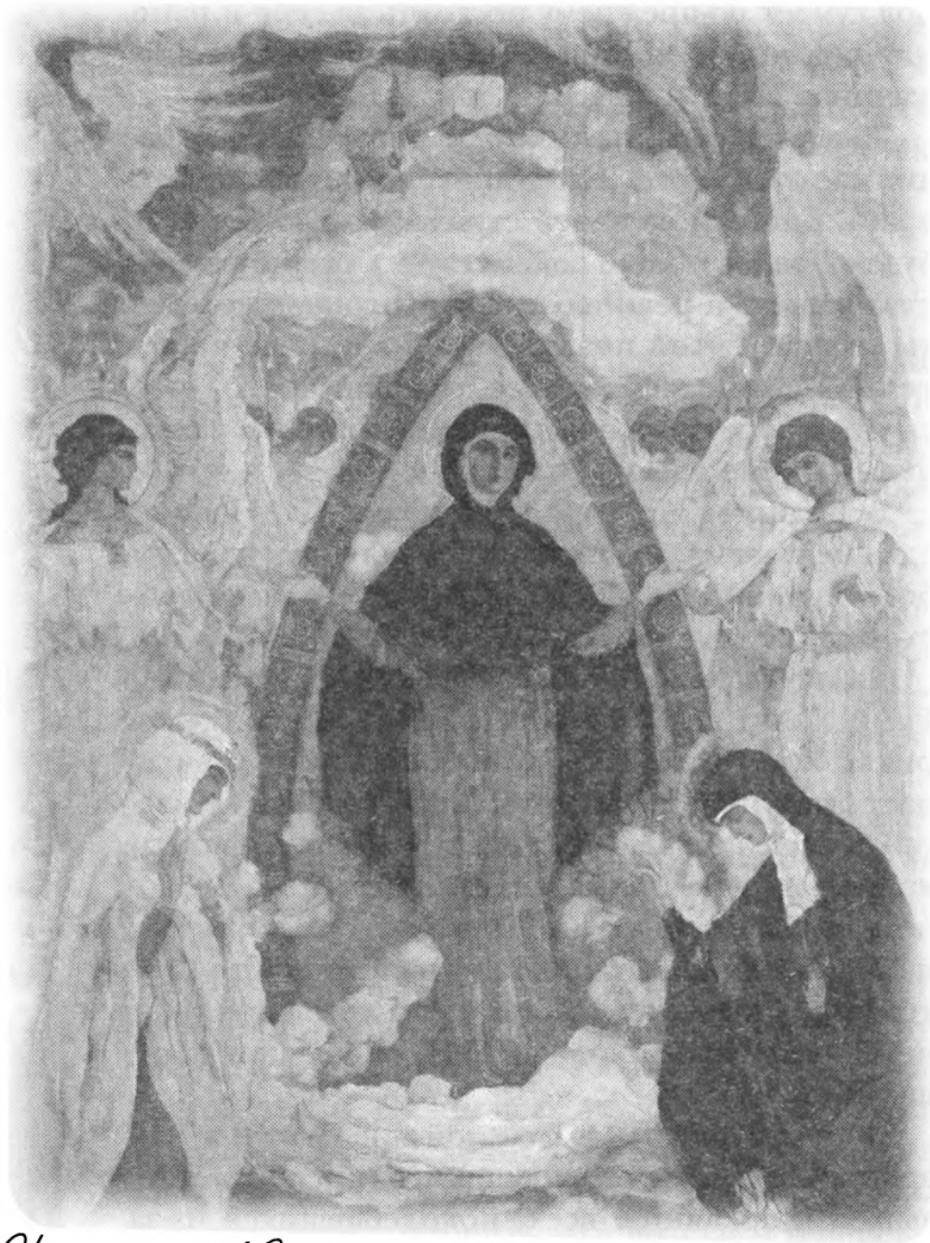
В Великом Новгороде, в храме Св. Софии, едва не тысячу лет оглашавшемся православным богослужением, на днях служил лютеранский пастор.

Да не будет подобного здесь, в сердце святой Руси! Ходят слухи, которым не хотелось бы верить, будто есть и среди наших православных пастырей лица, готовые идти в услужение ко врагам нашей Родины и Церкви, — вместо святого креста осеняться языческой свастикой. Не хочется этому верить, но если бы вопреки всему нашлись такие пастыри, я им напомню, что Святой нашей Церкви, кроме слова увещания, вручен Господом и духовный меч, карающий нарушителей присяги.

Во имя этой от Бога данной мне власти я, как архиерей, имеющий силу вязать и решать, призываю к покаянию всех, поколебавшихся из-за страха ли, или по другим причинам, а тех, кто

покаяться не хочет, объявляю запрещенными
в священнослужении и предаю церковному суду
для еще более строгого вразумления.

Над нами покров Пресвятой Девы Богородицы...

Бог поруган да не будет.

На тех же, кто, не щадя своей жизни, подвигается за защиту Святой Церкви и Родины, и на всех, кто своими молитвами, сочувствием, трудами и пожертвованиями содействует нашим доблестным защитникам, да пребудет благословение Господне, Того благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

1/14 октября 1941 года, день Покрова Пресвятой Богородицы».

И. Матвеев, председатель церковного совета московской Ильинской, что в Черкизове, церкви, вспоминал: «Вероломное и предательское нападение германского фашизма на нашу Родину 22 июня 1941 года всколыхнуло гневом умы и сердца верных чад Русской Православной Церкви. Мы были свидетелями небывалого патриотического подъема, когда через несколько дней после объявления войны православные москвичи переполнили московский кафедральный Богоявленский собор в Елохове, где главой Русской Православной Церкви Блаженнейшим митрополитом Сергием, с участием многочисленного московского духовенства, было совершено торжественное молебствие о даровании победы русскому воинству.

Такое же молебствие было совершено и в нашем черкизовском храме местным духовенством. Перед началом настоятель огласил воззвание митрополита Сергия с призывом к самопожертвованию.

Из глаз верующих катились слезы, когда провозглашалось многолетие победоносному русскому воинству и «вечная память» убиенным за

Родину: в каждом семействе отец, сын или брат встали в ряды доблестной Красной армии, чтобы дать организованный отпор фашистской твари».

Необыкновенный патриотический подъем среди верующих москвичей отмечают многие очевидцы.

В октябре 1941 года население Москвы, осознавая подступающую к столице опасность, пребывало в тревоге. Тогда, 14 октября, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы молились Небесной Заступнице во всех храмах Москвы, моля защитить город от захватчиков. В тот день митрополит Сергей обратился к москвичам с посланием, стараясь вселить в них веру и надежду.

В день другого чествования Пресвятой Богородицы — 4 ноября 1941 года, когда совершалось празднование Казанской Ее иконы, в Богоявленском соборе была отслужена Божественная литургия, и храм был переполнен. Священники благословили молящихся великой нашей святыней — Казанской иконой Богородицы. Нередко именно перед Казанской молились русские люди в дни тяжелых испытаний и получали чудесную помощь свыше.

Митрополит Николай (Ярушевич) уверенно произнес в своей проповеди: «Мы пройдем через все испытания, и мы под знаменем Богородицы победим врага. С нами Бог, с нами Богородица! Мы молимся о единстве нашего народа. Мы верим, победа придет!»

А через несколько дней, 7 ноября, на Красной площади прошел парад, и Сталин, обращаясь к войскам, сказал: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих пред-

ков...» — и первым среди них назвал святого благоверного князя Александра Невского.

Примерно через месяц немцы вплотную подошли к Москве. Ближайшее расстояние их передовых позиций от столицы было менее 20 километров. Захватчики уже готовились к своему военному параду в русской столице. Но день 4 декабря — это был праздник введения во храм Пресвятой Богородицы. Небесной Защитницы Русской земли. 5 декабря началось сражение за Москву. А следующий день был днем памяти святого благоверного князя Александра Невского...

«22 июня местоблюститель патриаршего престола Сергей призвал святого Александра Невского защитить Россию. 7 ноября Сталин призвал бойцов биться так, как делал это князь Александр. 6 декабря, в день памяти святого благоверного великого князя Александра Невского, началось паническое бегство немцев под ударами русской армии. На следующий день в деревне Нефедово, в двух километрах от города Дедовска, произошел один из самых невероятных танковых боев Второй мировой войны. Танк КВ-1 под командованием лейтенанта Павла Гудзя вступил в бой с 18 немецкими танками. КВ-1 уничтожил 10 вражеских машин, а остальные обратил в бегство.

Во время допроса в июне 1945 года фельдмаршал Кейтель заявил, что после поражения под Москвой стало ясно, что военного решения Восточная кампания не имеет. Но она никогда его не имела.

Московская битва надломил гитлеровцев морально. В ходе зимней кампании военные трибуналы осудили 62 000 солдат и офицеров за

дезертирство, самовольный отход, неповиновение. Еще осенью подобное немислимо было представить. Самая дисциплинированная армия в мире разлагалась. Русские воины истребляли врага огнем, русская природа — холодом.» (В. Григорян. Разумейте, языцы).

Альдо Дель Монте, капеллан, служивший в армии итальянцев — немецких союзников, писал: «...Как-то ночью, в час возобновления военных действий, когда машины должны были ринуться в последнюю атаку на город, немецкие части содрогнулись от ужаса. Внезапный скачок температуры превратил трассы в ледяное бездорожье, пригвоздив к мерзлой почве и людей, и танки. Осознав это, немцы испытали замешательство, граничащее с ужасом; предпринимались отчаянные, нечеловеческие усилия, чтобы продолжить движение. Все было тщетно.

Приказ наступать любой ценой подгонял людей, в нем сосредоточилась мучительная неудержимая воля... В ответ — тишина: колеса не вертятся.

...Разве не видна рука Божия в том, как внезапно и бесповоротно отказали машины перед лицом тайных сил природы? И почему люди не умеют прозревать этот лик Бога, Который шествует на крыльях бури?»

6 декабря 1941 года, в день памяти святого благоверного князя Александра, советские войска в битве под Москвой перешли в решительное контрнаступление, сорвав попытки гитлеровского командования подтянуть на московское направление свежие силы с других участков фронта. Фашистские войска были отброшены от Москвы на 100–250 километров, и вражеский план «молние-

носной войны» был бесславно провален. Победа под Москвой положила начало коренному повороту в Великой Отечественной войне, оказала огромное воздействие на весь ее ход...

Москву отстояли советские, русские люди. Мужчины, женщины и дети, верующие и неверующие... просто про верующих не приняло было говорить на протяжении нескольких десятков лет после Победы, и только сейчас заполняется этот пробел в нашей не самой далекой истории.

«На подступах к Москве решалась судьба всех народов. На подступах к Москве сражались две армии — армия насильников, грабителей, фашистских извергов и армия героев-патриотов, которая защищает свою Родину и несет освобождение всем угнетенным народам...

Высокие патриотические подвиги проявили в дни защиты Москвы духовенство и миряне. Воодушевленные призывом первоиерарха нашей Церкви Блаженнейшего Сергия, Митрополита Московского, никто из них в самые тяжелые моменты для Москвы не дрогнул, не ушел со своего поста, но все с небывалым энтузиазмом выполнили свой долг. Духовенство и верующие миряне, по примеру своих древних предков, усилили молитву в храмах к Богу о даровании победы воинству нашему над врагом, безропотно провожали детей, мужей и братьев на передовые линии, рыли окопы, строили баррикады, готовили оружие для фронта, несли свои сбережения в Фонд обороны...

Когда враг был разгромлен под Москвой, столичное духовенство и верующие с таким же неослабным энтузиазмом все думы, все мысли обратили на запад, — туда, где славные сыны Родины,

*Церковь во имя иконы Божией Матери «Нечаянная радость».
Марьино роща, Москва*

не жалея своей жизни, кровью защищают свое Отечество.

Хвала тебе, дорогая Москва, что ты, верная славным традициям, как и встарь, твердо и непоколебимо стоишь в первых рядах защитников Родины!

Хвала тебе, дорогая Москва, что ты своим мужеством и отвагой, своим примером воспламеняешь сердца русских людей горячей любовью к Родине, готовностью умереть за ее свободу и независимость!

Наша армия борется за правду общечеловеческую, за правду Божию, правду вечную. Господь Бог, который ниспослал нам великое испытание,— видя нашу готовность грудью защищать свою Родину, видя наши устремления к благородным и возвышенным целям войны, которую мы

ведем, дарует нам и победу над врагом. В этом мы уверены, и это свершится» (*Питириим, епископ Калужский*. Цит. по книге «Правда о религии в России»).

Протоиерей Петр Филонов, настоятель московского храма во имя иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», писал 6 апреля 1942 года: «В первых числах июля я увидел нашу родную столицу Москву и еще раз убедился в мощи советского народа, который не дрогнул перед лицом тяжелых испытаний и грудью стал на защиту любимой Родины, готовый жестоко покарать немецких оккупантов, нарушивших нашу мирную жизнь. С 22 июля Москва начала героически отражать вражеские налеты. Москвичи в дни обороны своего города показали, на что способен русский человек.

Теперь Красная армия перешла в наступление и гонит врага на запад. Недалек тот час, когда на нашей земле не будет проклятых фашистов».

Московские пастыри благословляли верующих на сооружение оборонительных рубежей и сами участвовали в этом. Многие из них принимали самое активное участие в местных органах противовоздушной обороны, помогали в тушении пожаров от зажигательных бомб, руководили прихожанами при рытье окопов и ночных дежурствах. Организовывали в своих храмах бомбоубежища.

В «Журнале Московской Патриархии» читаем, что настоятель московской церкви во имя Святого Духа на Даниловском кладбище, протоиерей Павел Успенский, в тревожные дни не покидал Москву, хотя обычно он жил за городом. В храме было организовано круглосуточное

Русская армия полностью вытеснила немцев из Московокой и других областей...

дежурство, очень тщательно следили за тем, чтобы на кладбище по ночам не задерживались случайные посетители. В нижней части храма было организовано бомбоубежище. Для оказания первой помощи при несчастных случаях при храме был создан санитарный пункт, где имелись носилки, перевязочный материал и необходимые лекарства. Супруга священника и две его дочери принимали участие в сооружении противотанковых рвов. Энергичная патриотическая деятельность священника станет еще более показательной, если упомянуть, что ему было 60 лет.

У протоиерея Петра Филонова, настоятеля московской церкви в честь иконы Божией Матери «Нечаянная радость» в Марьиной роще, три сына служили в армии. Он также организовал

в храме убежище, так же, как и все граждане столицы, в свою очередь стоял на постах охраны. И наряду с этим он вел большую разъяснительную работу среди верующих, указывая на вредное влияние вражеской пропаганды, проникавшей в столицу в разбрасываемых немцами листовках. Слово духовного пастыря было весьма плодотворным в те тяжелые и тревожные дни (*Священник Александр Колесов. Русская Православная Церковь в период Великой Отечественной войны*).

Постановлениями Моссовета от 19 сентября 1944 года и от 3 января 1945 года около 20 священников московских и тульских церквей были награждены медалями «За оборону Москвы». Этой медалью был награжден также и Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич).

В книге «Правда о религии в России» немало страниц было уделено Православной Москве, патриотическому порыву ее жителей, переполнявших храмы столицы в тяжкое военное время. «Волна патриотического одушевления, — говорится в книге, — подняла в сердцах москвичей на небывалую высоту любовь к Отчизне, восхищение боевыми успехами борцов за Родину, самоотверженностью всего состава русских войск и искусством их полководцев. Последующие события и вести поддержали и усилили высокое настроение Москвы. Скоро стало известно, что не только на подступах к столице, но и во всей Московской области не осталось ни одного живого фашистского солдата: русская армия начисто вымела обнаглевших немцев из Московской и других областей.

Православное население Москвы тем более загоралось общим одушевлением, что во всесокрушительной победе русского воинства справедливо видело и свою долю участия в трудах подготовки и в торжестве победы. Не переставая возносить молитвы о победе с первых дней войны, оно особенно усилило их и поднимало волю к победе, когда военная угроза нависла над любимой столицей. В Филиппов пост перед Новым годом московские храмы были свидетелями громадного подъема заветных чувств любви и преданности Родине — до самопожертвования, до готовности самую кровь свою пролить «за други своя». Молитвы, покаяние, таинства и церковные священнодействия, все направленные к повышению этих святых чувств в сердцах верных и возжжению их в сердцах охладевших, не прерывались в православных храмах и воодушевляли православных людей к общей цели — самоотверженному служению Родине, стремлению положить душу за товарищей, за родной край, за Отчизну».

Пасха 1942 года. Москва

В 1942 году Православная Церковь праздновала самую раннюю Пасху, и праздник начинался в ночь с 4 на 5 апреля. Во время Великого Поста московские храмы были переполнены богомольцами, желающими исповедоваться и причаститься. Их было так много, что, по воспоминаниям современников, в больших вместительных храмах служба начиналась в половине седьмого утра и оканчивалась в четыре-пять часов дня.

«Вечерние службы начинались ровно в 4 часа дня или переносились на утро, — вспоминает оче-

видец, доктор медицины П. Красавицкий. — Но все эти особенности отнюдь не понижали тонуса церковной жизни. Можно сказать, что среди забот, тревог, неизбежных в военное время трудностей, при постоянном устремлении мысли и сердца к тем близким, которые несут трудности и опасности самой войны, не было в церквях ни уныния, ни упадка духа, а царила общая атмосфера покоя, предания судеб своих близких в волю Божию...

В том и величие народного духа у самых обыкновенных людей, слабых, немощных: в этой простоте отношения к совершающемуся великому — без всякой аффектации, без всякой рисовки, хвастовства, позирования... Тот же простой русский человек, как он рисуется в “Капитанской дочке” гениального Пушкина, в “Максимыче” Лермонтова, в “Севастопольских рассказах”, в “Войне и мире” Толстого... «Когда нужно будет, увидим, все надо делать по велению рассудка, по голосу совести... и Господь вразумит... и будь Его святая воля...» Только горячее молитва, только чаще скатится тихая слеза о сыне, внуке... Только чаще пойдет записочка, просфорочка в алтарь, только чаще подадут на паперти монетку со словами: “Помолись за воина Илью, помяни воина Ивана...”

В храмах Москвы преждеосвященные литургии 6-й и Страстной седмиц пелись полными хорами певчих. Надо отдать должное их художественному искусству.

Но волновал и занимал всех вопрос: как будет с Пасхальной службой при осадном положении? Все понимали, что это дело серьезное и нелегко разрешимое... Терпеливо ждали указаний

церковной власти. Казалось, и речи не могло быть о полночной Пасхальной службе.

Утром рано в великую субботу по радио было передано разрешение военных властей города о беспрепятственном движении во всю Пасхальную ночь, «согласно традиции»; потом последовало распоряжение церковной власти о совершении светлой заутрени в полночь. Говорить ли об общей радости, вернее, восторге?»

«В 7 часов вечера, в субботу, в прозрачные весенние сумерки, я пошел к своему приходскому храму, — вспоминает профессор Г. Георгиевский. — Еще вдаль от храма мое внимание привлек поток людей с однообразными узелками в руках. Это были небольшие свертки, тщательно и не туго завязанные в белоснежные салфетки и скатерти. Мудрено было не узнать куличей и пасок.

Поравнявшуюся со мной старушку, несшую свой узелок на обеих согнутых руках, решаюсь спросить:

— В церковь идете, бабушка?

— Да, вот иду в церковь, освящать пасху,— ответила она.— Слышал, какое распоряжение вышло? Дай Бог здоровья советской власти! Идите, говорит, по городу смело, делайте на Пасху все, что полагается, вам никто не помешает».

Николаю Моршанскому тоже запомнились события тех дней: «Субботний день был в Москве тепел, сыр и сумрачен. Оседали на московских дворах снежные сугробы, весенние воды появились на тротуарах и мостовых и бежали к стокам — холодные, железно-блистающие под солнцем, то появляющимся, то уходящим за белесые облака.

Накануне поздней ночью стреляли зенитки, долго и упорно отгоняя очередного воздушного злодея. Утром у сводок Информбюро толпились люди. Стояли очереди за газетами и стояли прочие очереди – неизбежные, суровые атрибуты войны.

К обеду облака закрыли дымчатую синь апрельских небес, стало накрапывать. Тротуары, подсохшие за день, вдруг покрылись черноватыми мокрыми рябинами. Потом так же внезапно весенний сеяный дождик прекратился, стало теплее, люднее на улицах.

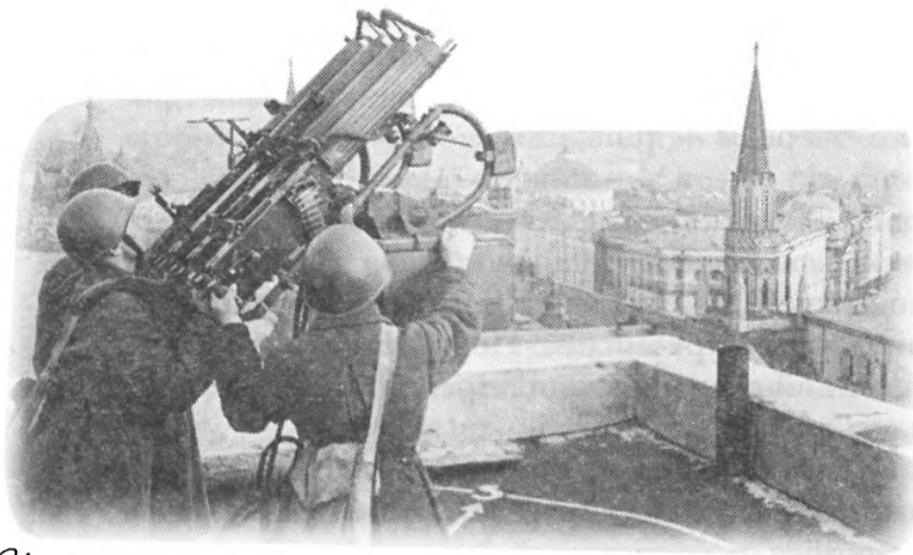
На улице Баумана около Елоховского собора оживленный людской рокот и большой, вытянувшийся и опоясавший громадное церковное строение, хвост.

Идут прикладываться к плащанице – она стоит посреди храма последние часы.

В правом приделе, в мерцании свечей, в тусклом свете, что проникает через узкие стекла окон, уже приготовленных к ночному затемнению, происходит церемония освящения куличей, пасок и яиц.

У многих не хватило ни усилий, ни времени, чтобы приготовить все это освященное веками великолепие Пасхального дня. Но Пасхальный хлеб, благословленный священником, должен быть в доме верующих. И вот стоит женщина с караваем обыкновенного белого хлеба, купленного в магазине. Рядом с ней седовласый старец держит в салфетке, столь же белой, как и его борода, десяток сухарей. Тут освящают торт, давно заготовленный для этого случая. А вот в углу, в отдалении от всех, стоит маленькое, робкое семилетнее существо. В ее тонких ручонках, на обрывке

И жерла зениток стояли, обращенные к звездам...

вчерашней газеты — кусок серого пшеничного хлеба с воткнутой в него свечкой. Священник благословляет и этот смиренный Пасхальный хлеб, хлеб войны...

Приказом коменданта эта московская ночь была изъята из-под действия железных осадных законов. Вероятно, ночью еще пристальней, еще внимательней глядели те, на кого это возложено, за скоплениями облаков, за каждым шумом, возникающим в поднебесных далях, и жерла зениток стояли, обращенные к звездам, готовые в любую минуту изрыгнуть пламя и грохот.

Может быть, в эти полуночные часы, когда в соборах и церквях Москвы шла торжественная Пасхальная служба, — может быть, где-то на дальних подступах к столице шли воздушные бои и грохотали зенитки, создавая стену разрывов, сквозь которую враг не мог пробиться к городу

и нарушить мирное совершение православного торжества.

Они не пробились, и заутреня, посвященная победе света над тьмой, добра над злом, шла своей чередой.

Громадные людские толпы, заполнившие кафедральный собор, колыхались мерно. Трепещущее пламя свечей, огни люстр, кафельный дым, сливаясь, поднимались ввысь, к шатру, к грозной фигуре Саваофа, Творца и Вседержителя. Молитвенные слова и голоса священников, что доносились из алтаря, оттуда, где осиянный огнями семисвечника Иисус как бы царил над миром скорби, наполняли храм ровным гулом, и было в нем нечто такое, что пленяло и волновало необыкновенно душу.

Возвышаясь над этим молитвенным шорохом, над слабыми старческими возгласами иереев, над хором, что славил Воскресение Господина Жизней, громко, ясно звучал голос митрополита, то произносящего очередную молитву, то кидавшего в сердца людей победный клич “Христос воскрес”, то с амвона, перед раскрытыми царскими воротами благословляющего всех и вся, то читавшего пасхальное послание Патриаршего Местоблюстителя, Митрополита Сергия...

И были страшные и пророческие слова в том послании — «...да поразит праведный Судия Гитлера и всех соумышленников его и да откроет глаза тем, кто еще не хочет видеть в Гитлере врага Христова!»

Наступит воздаяние, оно близится, и во имя высшей справедливости не законы милосердия вступят тогда в силу, а суровые законы Бога Отца, карающего преступления человека против лучших устремлений человечества».

Вот как описал ту Пасхальную ночь Андрей Стрешнев: «Пасхальная ночь на русской земле всегда темна, но еще никогда она не была в Москве столь темна, как в этом, в 1942 году. Город весь затемнен, город весь готов к встрече черных птиц смерти. Улицы безмолвны и безлюдны, ибо осадное положение еще не снято с города и близится тот ночной час, когда движение в городе останавливается.

Город отвык выходить на улицу в этот поздний час, и даже в большие государственные праздники соблюдается строгий режим военного города, города, куда из окрестной тьмы неустанно, настойчиво тянутся силы врага, его тяжелые бомбовозы.

Но в эту ночь, может быть на одну только ночь в году, разрешено ходить по всему городу, всю ночь напролет, ибо по древнему русскому обычаю в Пасхальную ночь весь город открыт народу, двери церквей раскрыты настежь и сердца людей раскрыты друг перед другом: это первая ночь весны, когда мертвое зерно трогается в рост навстречу свету из земной могилы, когда умерший Иисус встает из гроба, поправ мрак и смерть. И по глухим переулкам Замоскворечья, оступаясь о груды неубранного снега, люди идут к заутрене. Они чутко вслушиваются, не уловит ли их настороженный слух дальнего гула вражеских самолетов, отдаленной канонады заградительного огня. Тогда они простоят часы тревоги на своих постах на чердаках и крышах, у дверей убежищ, у калиток своих дворов.

Они идут, помня каждый выступ и каждую выбоину, ибо глаза едва различают ближнюю стену, ближний поворот. Многим было бы уютнее про-

спать эту ночь дома, а не мучиться долгим путем, не соразмерять, не обдумывать каждого шага. Но скоро полночь, а в полночь грянут пасхальные хоры по московским церквам.

А московские хоры исстари славятся. И молитвы пасхальной ночи дали мотив тем древним народным песням, которые певались нашими предками в отдаленные времена Ледового побоища и Куликовской битвы. С такими напевами ходили в бой, под такие напевы возвращались домой с победой. А не было бы побед,— не была б испокон веков неприкосновенна и цела, не была б столь просторна и свободна земля России. Родные песни и в битву вели и в битве помогали победе. Но мотивы народных песен жили и менялись в течение веков, и только церковные хоры и православный канон сохранили их древнее звучание.

Но церковь внутри освещена. Лазурными и пунцовыми звездами светятся у икон лампы, строго глядят с позолоченной и резной высоты строгие лики патриотов и воинов. В черной суровой мантии висится с книгой в руках Сергей Радонежский, вдохновитель борьбы за русскую землю, благословлявший в поход воинство Дмитрия Донского; с мечом у бедра стоит Александр Невский; в золототканых ризах митрополит Алексей, посылавший московских князей в победоносные походы. Их память чтит Православная Церковь, это любимые образы русского народа.

В полумгле, уходя высоко под своды, висится просторный резной иконостас. Любовные искусные руки талантливых художников вырезали из послушного дерева витые колонки, затейливые

капители, полузакрытые виноградными гроздьями и листьями. Русские издревле любят резьбу по дереву, наша земля исстари богата лесом, и народ привык создавать под своим резцом пленительные и легкие орнаменты, легчайшие сооружения, причудливые, сложные, радостные. Русское национальное искусство нашло здесь широкое применение и, оттесненное архитектурой современных зданий, притаилось и уцелело в украшении церквей. Недаром, несмотря на мглу, вокруг столько радостных и нежных красок, — это искусство нежного и радостного нашего народа, нашего мужественного и воинственного народа.

Сейчас, в эту Пасхальную ночь войны, так тесно в церкви, что нет возможности протиснуться вперед.

Утренняя еще не началась, а запоздавшие уже не могут сами отнести и зажечь свечи перед теми образами, к которым лежит сердце.

От паперти, от конторки, где продают свечи, запоздавшие просят передать эти свечи дальше, и вместе со свечами от ряда к ряду переходит просьба верующих:

— Зажгите одну Воскресенью, другую Невскому.

— Одну Воскресенью, другую князю Владимиру, третью Ольге.

А Владимир тысячу лет назад водил свои дружины в походы на половцев, оборонял непреодолимым валом русскую землю от жадных кочевников; а эта Ольга Киевская так отомстила древлянам за гибель своего мужа Игоря, что сошло с лица земли древлянское царство навеки, а эта Ольга первая строила в Киеве школы в ту эпоху, когда еще не было ни на Руси, ни в Западной Европе никаких школ, ибо жила она в Киеве

в IX веке. А воины ее стояли, оберегая торговые пути, на берегу Балтийского моря, в том месте, где позже построен Ревель. И народ хранит их имена и чтит память, зажигая перед ними лампы и свечи. И Кирилл и Мефодий, пронесшие по славянским землям первую славянскую азбуку, стоят рядом, сжав тонкими пальцами свитки своего букваря. Вся тысячелетняя борьба народа вспоминается здесь, в ожидании часа, когда раскроются врата алтаря и хоры грянут заутреню. Тесно.

Хор негромко вторит священнику. В церкви еще полусвет, свечей еще недостаточно, чтобы преодолеть огромную, сводчатую византийскую высоту.

Но близится час Воскресения Христа.

Священник обращается к верующим:

— Братья! Город наш окружен тьмой, тьма рвется к нам на вражеских крыльях. Враг не выносит света, и впервые наше Светлое Воскресенье мы встречаем впотьмах. Тьма еще стоит за порогом и готова обрушиться на всякую вспышку света. Мы сегодня не зажжем паникадил, не пойдем крестным ходом, как бывало испокон веков; окна храма забиты фанерой, двери глухо закрыты. Но мы зажжем свечи, которые у каждого в руках, храм озарится светом. Мы верим в воскресение света из тьмы. Свет, который внутри нас, никакой враг погасить не в силах. Воинство наше — мужья, братья и сыновья, и дочери — в этот час стоит на страже нашей страны против сил тьмы. Храните в себе свет, веруйте в победу. Победа грядет, как светлое воскресение.

И, перебегая от свечи к свече, по храму потекла сплошная волна света. Зажигая друг у друга

тонкие восковые свечи, каждый стоял с огнем, когда раскрылись ворота и священник поднялся, весь золотой, сверкающий.

Полный сияния, храм начинал заутреню 1942 года, и хор откликнулся хору, и нежные гирлянды цветов на иконостасе и на клиросах, и весь воздух содрогнулись от весеннего клика:

– Христос воскрес!

И каждый понял, что хоть он и темен снаружи, как этот храм, но внутри себя ни разу не чувствовал ни тьмы, ни сомнения, что все пройдет, что затаенная во мраке правда живет, не угасает. Что день воскресения близок. Что воинства не допустят германскую тьму в нашу светлую жизнь, что с нами вместе и Невский, и Владимир, и Сергей, и древние воины, и древние просветители, – все прошлое, и все настоящее нашего народа, слитые воедино, победят во имя будущего, для сохранения навеки неугасимого света нашей Родины и нашей культуры».

(А. Стрешнев. У заутрени. Цит. по книге «Правда о религии в России»).

«Хотя много переживаний перенесли мы за минувшие годы войны, – говорил Святейший Патриарх Сергей, – но много и славных подвигов совершено всем нашим народом. Неувядаемой славой покрывает себя русская армия. Ее усилиями враг не мог приблизиться к Москве, и она по-прежнему стоит цела и свободна, сияет своим Кремлем, народ по-прежнему молится в своих храмах».

Глава 11. Ленинград в кольце блокады

«Град возлюбленный!»

Пастыри блокадного города

Блокада Ленинграда — одна из самых трагических страниц Великой Отечественной войны. В 1941 году Северная столица была взята в кольцо немецкими, финскими и испанскими войсками с участием добровольцев из Северной Африки, Европы и военно-морских сил Италии.

К этому времени в городе не было достаточных запасов продовольствия и топлива, и за 872 блокадных дня сотни тысяч ленинградцев погибли от голода и холода. Непрерывные артобстрелы и бомбежки, темнота и лютый холод, голод, сводящий людей с ума... И только Дорога жизни через Ладожское озеро связывала Ленинград с теми, кто был на Большой земле. Как говорил священник Валентин Бирюков, блокада — это все условия для смерти, только для смерти, а для жизни ничего нет...

В таких условиях человеческая душа нередко освобождается от всего наносного и обращается к Тому, кто может укрепить дух в истаивающем

Ленинград в кольце блокады

*Блокада — это все условия для смерти, только для смерти,
а для жизни никакого нет...*

человеческом теле. Нет ничего удивительного, что в осажденном Ленинграде религиозность среди населения была высока, и что еще раньше официального сближения верхов с Церковью изменилось отношение к религии у властей города. Политика безбожия была забыта. О многом говорит тот факт, что даже в лютую зиму 1941–1942 годов, когда город вымирал от голода и холода, его власти снабжали православные храмы мукой и вином для совершения богослужений — пусть даже богослужебные просфоры, по воспоминаниям, были крошечными, «с пуговицу».

В 1942 году приходское духовенство получило возможность продолжить служение. Как и в Москве, в том же 1942 году был разрешен Пасхальный крестный ход вокруг храмов с зажженными свечами.

В последующие годы на Церковь стали клеветать, говоря, что она якобы использовала народное горе, чтобы укрепить собственный авторитет. Но клеветники забывают, что батюшки, служившие в ленинградских храмах из последних сил, так же, как и все, переносили голод, обстрелы и бомбежки, терпели невыносимые лишения и умирали.

Умирали верующие, как и неверующие — страшная смерть, царящая внутри блокадного кольца, ни для кого не делала исключений. В самое мучительное время блокады, в конце 1941 года — начале 1942-го, умерло восемь служащих и членов причта Князь-Владимирского собора, а также председатель «двадцатки». Сильно поредел штат Никольского кафедрального собора, в его хоре к февралю 1942 года из 34 певчих осталось только три человека, регент умер прямо

за богослужением. Скончались звонарь А. А. Климанов и келейник митрополита Алексия (Симанского) инок Евлогий. Умер от голода приписанный к Никольскому собору протоиерей Николай Измайлов.

В декабре 1941 года протопресвитер Спасо-Преображенского собора Алексей Абакумов писал «двадцатке»: «Температура 38,8. Назначен постельный режим. К Воскресенью мне не встать. Не можете ли мне отпустить и прислать бутылку деревянного масла, чтобы не сидеть в темноте?» Собор выделил отцу Алексию масло и 1000 рублей пособия, но священник скончался. Умерли протоиереи Петр Георгиевский и Иоанн Громов, председатель «двадцатки» собора Е. Д. Балашева, помощник регента И. В. Лебедев и еще 10 человек служащих. Из 100 соборных певчих в живых осталось только двадцать человек.

М. В. Шкарковский в работе «Вклад Ленинградской епархии в победу над фашизмом» отмечает, что от голода в дни блокады умерли 20 из 50 священнослужителей. Но, несмотря на голод и холод, несмотря на то, что храмы нередко подвергались артобстрелам, священники по велению своей живой веры до последнего исполняли пастьерский долг.

В Преображенском соборе к началу войны было шесть членов клира, к весне 1942-го осталось только двое — протопресвитер Павел Фруктовский и протодиакон Лев Егоровский. Даже в самое трудное время блокады они продолжали совершать богослужения, хотя оба жили далеко от храма: настоятель на Васильевском острове, у Смоленского кладбища, а протодиакон — за городом, в Парголове. Отец Павел служил на преде-

В Преображенском соборе к началу войны было шесть членов клира, к весне 1942-го осталось только двое...

ле возможностей, совершая богослужения и требы. Осенью 1943 года прихожане, ходатайствуя о награждении священника Павла Фруктовского медалью «За оборону Ленинграда», рассказывали: «...в зиму 1941–42 годов, когда отсутствовало трамвайное сообщение, а живет отец Павел от собора в 15 км, он, опухший от недоедания, в возрасте 65 лет, ежедневно посещал собор, он был единственный священник, временами он приходил на службу совсем больной, и домой уже не мог возвращаться, и ночевал в холодном соборе».

Сколько священнослужителей осталось в Ленинграде на начало войны? Историки называют разные цифры – от 10 до 25. На выставке «Блокадный храм» (храм Успения Пресвятой Богородицы на Малой Охте) С. В. Смирновым представлены послужные списки 47 священнослужителей.

Ленинград в кольце блокады

72-летний протоиерей Иоанн Тореткин, настоятель Свято-Дмитриевокой церкви в Колотяхах, каждый день пешком приходил в свой храм с Петроградской стороны...

«Такая большая разница в цифрах обусловлена тем, что авторы работ не поясняют, какой счет они ведут, — пишет О. А. Рашитова в работе «Деятельность Русской Православной Церкви в годы войны и блокады Ленинграда 1941–1945 гг.» — Все духовенство накануне войны можно разделить на три категории: штатные священнослужители, заштатные находящиеся на покое, заштатные работающие на государственной службе. Нужно сказать о том, что, уходя за штат, священнослужитель оставался в сане (если не был в запрете), имел право исполнять требы и совершать Богослужение. К началу войны многие заштатные священники были приписными, то есть служили по мере сил и необходимости в том или ином

храме, тем самым имели средства к существованию и официально не числились. На данный момент нельзя назвать точное число священнослужителей в целом».

Но важнее точных цифр тот высокий духовный настрой, та жертвенность, та глубокая вера, с которой совершали богослужения и выполняли свой пастырский долг священнослужители в блокадном городе.

Архимандрит Владимир (К. Д. Кобец) вспоминал, что «рисковал своей жизнью под обстрелом, а все-таки старался не оставлять служение и утешать страждущих людей, которые пришли помолиться Господу Богу. В храме стекла падали на голову, а я не останавливал службу».

72-летний протоиерей Иоанн Горемыкин, настоятель Свято-Димитриевской церкви в Коломьях, каждый день пешком приходил в свой храм с Петроградской стороны, чтобы совершать литургию. Даже совсем обессилев, священник не отказался от совершения богослужений и его привозили в церковь на санках. Как настоящий христианин, отец Иоанн нередко отдавал голодающим собственный паек — в буквальном смысле отдавал последнее. При этом он глубоко любил свою Родину, благословлял земляков идти на фронт, а своему сыну Василию, занимавшему должность главного инженера на одном из военных заводов, сказал: «Как это так, все идут защищать Родину, а мой сын будет отсиживаться?» И сын ушел воевать. Об этом узнал маршал Л. А. Говоров, командующий Ленинградским фронтом, и специально приезжал в коломяжскую церковь, чтобы поблагодарить отца Иоанна.

О священнике Никольского собора протоиерее Владимире Дубровицком рассказывала его дочь, балерина Кировского театра: «Всю войну не было дня, чтобы отец не пошел на службу. Бывает, качается от голода, а я плачу, умоляю его остаться дома, боюсь, упадет где-нибудь в сугробе, замерзнет, а он в ответ: “Не имею я права слабить, доченька, надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укреплять, ободрять”. И шел в собор. За всю блокаду — обстрел ли, бомбежка ли — ни одной службы не пропустил».

Митрополит, впоследствии Патриарх Алексий (Симанский), переживший блокаду вместе со своей паствой, в 1945 году после литургии в Николо-Богоявленском Морском соборе обратился к верующим с такими словами: «Вспоминается, как под грохот орудий, под страхом смерти вы спешили в этот святой храм, чтобы излить перед Господом свои скорбные чувства... Вспоминаю я, как мы совершали богослужения под грохот разрывов, при звоне падающих стекол, и не знали, что с нами будет через несколько минут... И хочется мне сказать: “Град возлюбленный! Много горького пришлось пережить тебе, но теперь ты, как Лазарь, восстаешь из гроба и залечиваешь свои раны, а скоро и предстанешь в прежней красоте...” И будем молиться, чтобы Господь простер благословение Свое над Русской Церковью и над дорогой Родиной нашей».

Труды и нравственный подвиг ленинградского духовенства оценило и советское правительство, наградив многих священников во главе с митрополитом Алексием медалями «За оборону Ленинграда».

*Вспомните, как под грохот орудий спешили вы в святой храм:
излить пред Господом свои скорбные чувства...*

Митрополит Алексей (Симанский)

Алексий, митрополит Ленинградский обратился к верующим 26 июля 1941 года:

«Церковь зовет к защите Родины!

Послание митрополита Сергия к пастырям и пасомым Русской Церкви призвало всех верующих в грозный час опасности, нависшей над нашим Отечеством, к единодушной защите — каждого в полную меру сил — великой нашей Родины. От лица Церкви сказано в этом послании, что она, Святая Церковь, «благословляет небесным благословением всенародный подвиг». И этот голос первого архипастыря Русской Церкви не оказался «гласом вопиющего в пустыне». Все верующие отозвались на этот призыв. Все в минуту общей опасности объединились без различия положения, как граждане единого великого Союза,

в одном стремлении — чем бы то ни было помочь участвовать в общей работе по защите Отечества. Как на подвиг, благословленный Церковью, не только юноши, еще не призванные на военную службу, но и пожилые, и старики пошли добровольцами на фронт, с полной готовностью и жизнь свою положить за целость, за честь, за счастье любимой Родины.

Молебны в храмах и прошения о даровании победы русскому воинству находят живой отклик в сердце каждого молящегося, у которых есть теперь одна дума, одна молитва — дал бы Бог победить коварного и злобного врага, сокрушить фашизм, несущий горе и разорение всему человечеству, вернуть всех нас к светлой жизни, к радостному творческому труду.

Среди верующих разных храмов выражены пожелания, чтобы имеющиеся в храмах запасные суммы — в некоторых весьма крупные, в несколько сот тысяч рублей — были отданы государству в фонд обороны, на нужды войны. На эти же нужды поступают и отдельные лепты, пожертвования от верующих.

Недавно в одном храме Ленинграда был такой случай. Какие-то неведомые богомольцы принесли и сложили у иконы святого Николая пакет в укромном месте, в пакете оказалось около 150 золотых десятирублевых монет дореволюционной чеканки. Они немедленно были снесены в банк, на нужды обороны.

Не говорит ли все это о том, что у всех задето чувство любви к Матери-Родине, что всеми одинаково ощущается та грозная опасность, которую несет с собою фашизм, что у всех напряжены все силы к одной цели — спасти Родину любой ценою.

Русский народ видел и знал на примере Германии, поработанной фашизмом, и других стран, подавленных неволей, в которую вверг их фашизм, что фашизм — это гибель всего добытого вековыми трудами человечества в целом, всего светлого, всего творческого. А теперь он и воочию видит и ощущает весь ужас, какой несет с собою безжалостный враг, вероломно обрушившийся на нашу землю и покушающийся разорить и уничтожить добытое огромным трудом наше достояние.

Поистине, восстала на нас, по выражению псалмопевца, «неправда гордых», которая не могла спокойно смотреть на победоносное могущество нашего Отечества и, судя по себе, не хотела верить нашей правде, вымышляла на нас подозрения и обвинения и открыла себе гибельный для себя путь — оружием и кровопролитием попытаться нас ослабить и покорить.

Нет нужды много говорить о том, что у всех нас перед глазами, о том варварстве, с каким действует враг, о той чисто тевтонской жестокости, с какой он всеми средствами пытается запугать. Об этом говорят многие пастыри и верующие, бежавшие от ужасов фашизма. Эти живые свидетели рассказывают, что в захваченных районах Гитлер организует истребление женщин, детей, стариков; он пристреливает тяжелораненых, обстреливает лазареты, поезда с мирными гражданами, жилые дома. Все это — особая форма психологического воздействия, бесчеловечная, низкая форма борьбы.

На нас, особенно для него ненавистных, не только как славян, но и как носителей искореняемой фашистами культуры и прогресса во всех

областях, он нападает с особенной яростью. И все зверства и ужасы он прикрывает лживым и кощунственным лозунгом «крестовый поход», не замечая того, что жестоким истреблением всего, что дорого и свято для народов, им уже порабощенных, как в области материальной, так и духовной, он давно уже показал миру, что у фашизма нет ничего святого, никаких идеалов, кроме всеобщего обмана и всеобщего порабощения.

На примере отношения к Церкви, к православию (в Югославии), к католичеству, к представителям всяких исповеданий в порабощенных странах можно судить, каково было бы у него отношение к Православной Церкви в особенно ненавистной для него нашей стране. Это было бы полное уничтожение всей ее сущности, то есть именно того, в чем она до сего времени не только формально, по нашим советским законам, но и по существу была совершенно свободна.

Не новость в мировой истории, что появляются безумцы, мечтающие покорить себе весь мир. «Мир Римский», как называла себя римская держава, в продолжение веков стремился осуществить эту гордую мечту; на стороне его были сила, искусство, власть, образованность, многолюдство, жестокость, грабительство, порабощение, — все превращено было в орудие для завоевания мира. Но чем кончилась эта мечта? Мир завоеван не был, а «Мир Римский» рассыпался в прах. Не новость и для нашей Родины нападение врага, мечтающего покорить нас. Наполеон об этом мечтал и, казалось, был близок к цели, поразив сердце России — Москву. Но именно здесь ему суждено было найти не победу, а ги-

бель, и гибель окончательную, так как весь народ поднялся на врага. Так и теперь: весь наш народ воюет, и победа ему обеспечена. Она обеспечена всеобщей волей к победе, беззаветной храбростью бойцов — до полного презрения смерти, до готовности каждого положить душу свою за Отечество, непоколебимостью веры в побеждающую силу правого дела.

Война есть страшное и гибельное дело для того, кто предпринимает ее без нужды, без правды, с жаждой грабительства и порабощения; на нем лежит позор и проклятие неба за кровь и за бедствия своих и чужих.

Но война — священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды, Отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, за Родину, идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу. Потому-то Церковь и благословляет эти подвиги и все, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества.

Несомненные и самими врагами признаваемые успехи наших войск в борьбе с врагом сильным, но уже изнемогающим, говорят за то, что не напрасна наша вера в победу. Непреложный закон, что несправедливо взявший меч от меча и погибнет, поистине дамокловым мечом висит над головой преступного фашизма, и близко время, когда этот карающий меч всею тяжестью неизбежного рока опустится на врага и сокрушит его.

Церковь неумолчно зовет к защите Матери-Родины. Она же, исполненная веры в помощь

Божью правому делу, молится о полной и окончательной победе над врагом.

Алексий, митрополит Ленинградский. Ленинград, 26 июля 1941 года».

Владыка Митрополит и сам подавал пример пастве в те страшные годы. Хотя ему предлагали эвакуироваться, он отказался. И почти каждый день совершал богослужения в Николо-Богоявленском кафедральном соборе. Служил один, без диакона, сам читал помянник обо «всех от глада и язв скончавшихся». И каждый вечер совершал молебен Святителю Николаю, обходил с иконами собор, в котором в то время и жил.

Служившая в войсках ПВО М. В. Долгинская вспоминала, как однажды во время ее возвращения в казарму на Фонтанке внезапно начался налет немецкой авиации. Она побежала к Никольскому собору, чтобы укрыться. «И вдруг из ворот вышли люди. Они двинулись вокруг храма гуськом, держась в темноте друг за друга. Впереди всех шел митрополит Алексий, подняв к небу икону «Знамение». Каждый вечер после литургии он обходил с нею собор. Даже налет не остановил его».

И видя такую горячую, искреннюю веру, обесилевшие от голода, едва державшиеся на ногах люди шли в собор на богослужение, шли к своему Владыке. Двери его квартиры всегда были открыты для посетителей. В 1942 году рабочие Путиловского завода изготовили для митрополита Алексия дикирий и трикирий из деталей пулемета. Словам архипастыря внимали, когда он старался в своих речах, проповедях утешить, вселить мужество в сердца и укрепить дух истрадавших людей. В своем архипастырском обра-

щении, прочитанном в Вербное воскресенье в храмах, митрополит Алексей писал: «Победа достигается силой не одного оружия, а силой всеобщего подъема и могучей веры в победу, упованием на Бога, венчающего торжеством оружия правды, «спасающего нас от малодушия и от бури» (Пс. 54, 8). И само воинство наше сильно не одной численностью и мощностью оружия, в него переливается и зажигает сердца воинов тот дух единения и воодушевления, которым живет весь русский народ».

Это был мудрый, мужественный человек, твердо стоявший в православной вере, оберегающий и свято хранивший древние церковные традиции, каноны и обряды. Про митрополита Алексея говорили, что он «влюблен в благочестие XVI века». При этом он был добрым и сострадательным. В делах милосердия ему помогала родная сестра, монахиня Евфросиния. Так, например, свою дачу на станции Сиверская они отдали детям-сиротам воинов Красной армии.

О личной встрече с митрополитом вспоминал протоиерей Борис Пономарев, рукоположенный в священники уже после войны: «В 1942 году в Ленинграде (после госпиталя) у меня была возможность побывать в Никольском соборе. В храме в это время читали часы и находились истощенные от голода люди...

Я спросил:

— Когда совершает богослужение митрополит Алексей?

Мне ответили, что Владыка находится в алтаре...

Митрополит Алексей очень милостиво благословил меня и спросил:

— Вы, наверное, прислуживали в храме?

Я сказал, что да, и сказал где. Владыка заметил, что хорошо помнит служившего там Владыку и его мать.

Я дерзнул предложить митрополиту Алексию свою порцию хлеба, а он ответил:

— И вам так же трудно переносить блокаду и голод. Если можете, передайте матушке-алтарнице.

Владыка меня спросил: когда война кончится, буду ли я служить при храме?

Я ответил:

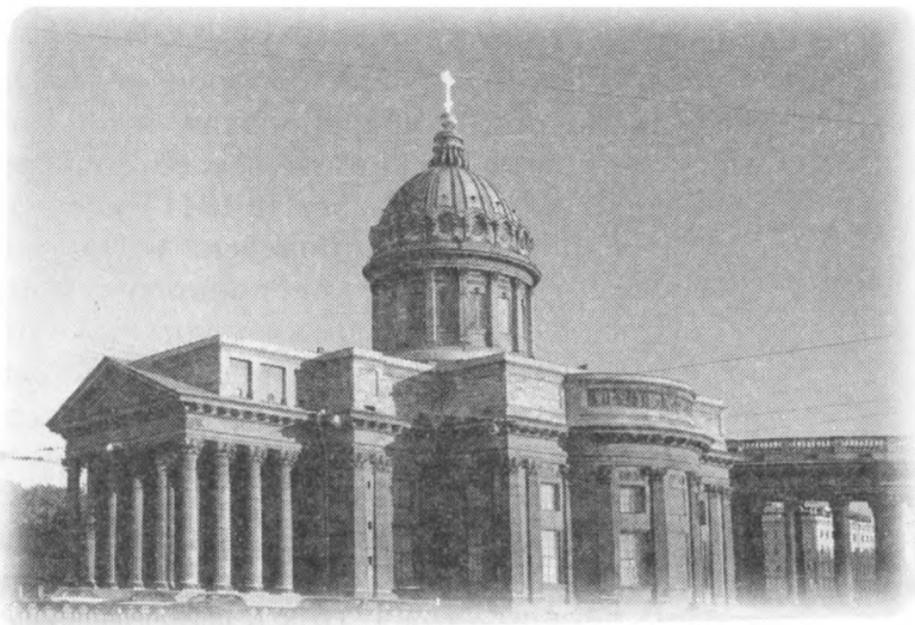
— Владыка, у меня призвание с детства не оставлять храм.

Я положил земной поклон перед престолом, и Владыка меня благословил и дал служебную просфору, очень маленькую, размером с пуговицу.

После снятия блокады у меня бывали увольнительные, и в будничные дни мне доводилось читать в Никольском соборе часы... В первый день Пасхи верующие приносили освящать маленькие кусочки хлеба вместо куличей. Какое было утешение для всех ленинградцев, что в храмах осажденного города ежедневно совершалось богослужение».

Православный Ленинград

Возможность помолиться в храме действительно была для людей большим утешением. О том, что во время блокады ленинградские церкви были заполнены народом, свидетельствует единственная сохранившаяся киносъемка, сделанная в одной из них. Уже с самого начала войны, с конца июня 1941 года, люди стали приходить в храмы помолиться, в чин Божественной литургии

*Под Казанским собором в период блокады находился детский сад
и одно время отдел штаба Ленинградского фронта*

вводились специальные молитвы о даровании победы нашему воинству и избавлении томящихся во вражеской неволе. Служился тогда и особый молебен «в нашествие супостатов», певаемый в Отечественную войну.

«У нас в Князь-Владимирском соборе с самого начала войны молодые служащие ушли кто в армию, кто в дружинники, кто на оборонное строительство; их заменили старики, — вспоминал очевидец. — Оставшиеся в соборе независимо от возраста спешно изучали средства противопожарной и противовоздушной обороны и стали руководителями групп из прихожан. Была также организована группа сохранения порядка на случай паники во время богослужения» (Статья «Как мы переживали в Ленинграде

Ленинград в кольце блокады

первый год войны». Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 3).

Чтобы купола высоких соборов не стали ориентирами при бомбардировках, их маскировали с помощью маскировочных сетей и красили в защитный цвет. В августе 1941-го первая такая маскировка была проведена в Никольском соборе — золоченый крест одного из куполов покрыли тканью и покрасили нижнюю часть купола. Работа по маскировке продолжалась и в 1942 году, такая же работа проводилась и в других ленинградских храмах, в том числе и бездействующих.

«В подвальных помещениях ряда храмов (например, в Спасо-Преображенском соборе) были устроены бомбоубежища. Под Казанским собором в период блокады находился детский сад и одно время отдел штаба Ленинградского фронта. Многие храмы использовались для хранения культурных ценностей. Целый ряд церковных зданий выполнял функции, связанные с патриотическим воспитанием жителей города и бойцов Ленинградского фронта. Особенно большую роль при этом играла Александро-Невская Лавра. В конце 1941 года в части лаврских зданий разместился приемно-распределительный госпиталь № 1. Присутствие на территории лавры большого количества военнослужащих стало одной из причин устройства в храмах монастыря мест патриотического воспитания защитников города» (*Шкаровский М. В. Вклад Ленинградской епархии в победу над фашизмом*).

Храмы, конечно же, не могли избежать артиллерийских обстрелов. Пострадали Никольский и Князь-Владимирский соборы, здание бывшей

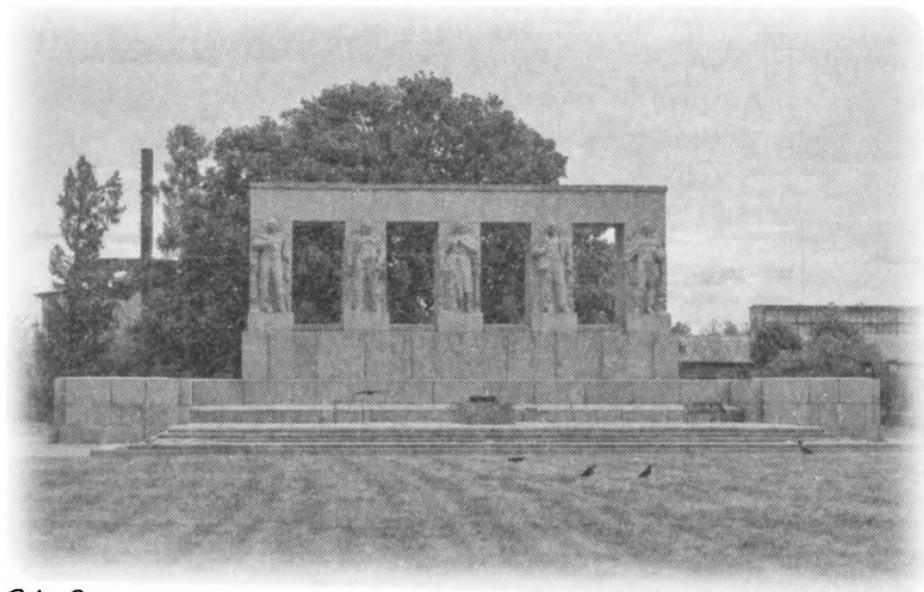
В конце 1941 года в части зданий Александрово-Невской Лавры разместились приемно-распределительный госпиталь № 1

Духовной академии, где тогда размещался госпиталь. Даже отдаленная Коломяжская церковь в ноябре 1941 года подверглась бомбардировке, один из ее прихожан был убит прямо в церковной сторожке.

«Город разительно отличался от того, что был в августе, — вспоминал хранитель Эрмитажа Н. Н. Никулин в книге «Воспоминания о войне». — Везде следы осколков, множество домов с разрушенными фасадами, открывавшие квартиры как будто в разрезе: кое-где удерживались на остатках пола кровать или комод, на стенах висели часы или картины. Холодно, промозгло, мрачно. Клодтовы кони сняты. Юсуповский дворец поврежден. На Музее этнографии снизу доверху — огромная трещина. Шпили Адмиралтейства и Петропавловского собора — в темных

Ленинград в кольце блокады

На Серафимовском кладбище было погребено, в основном в братских могилах, более ста тысяч умерших от голода горожан...

футлярах, а купол Исаакия покрашен нейтральной краской для маскировки. В скверах закопаны зенитные пушки. Изредка с воем проносятся немецкие снаряды и рвутся вдали. Мерно стучит метроном. Ветер носит желтую листву, ветки, какие-то грязные бумажки...»

В этом мрачном, наполненном смертью городе в священниках остро нуждались не только для того, чтобы приобщать к Церковным Таинствам живых, но и провожать в последний путь мертвых. И делать это приходилось батюшкам постоянно. «Трудно себе представить, сколько в церкви покойников. С правой стороны я сосчитала 10, с левой около 8, это открытые для отпевания. У входа, у дверей, на полу под ближайшими образами нераскрытые гробы, ожидающие очереди», — писала в дневнике ленинградка Татьяна

Великотная. За день в кладбищенских храмах совершались сотни отпеваний. Выступая на Нюрнбергском процессе, протоиерей Николай Ломакин рассказывал, что вокруг Никольской церкви Большеохтинского кладбища все время стояло множество гробов — сто, двести,, над которыми священник совершал отпевание. Никогда не пустовала кладбищенская церковь преподобного Серафима Саровского. На Серафимовском кладбище было погребено, в основном в братских могилах, более ста тысяч умерших от голода горожан.

«Весной мама похоронила папу и троих братьев — в одну братскую могилу на Серафимовском кладбище, там же и сестренка маленькая лежала, — вспоминал переживший блокаду ребенком протоиерей Борис Глебов. — От истощения я уже не мог ходить, и меня положили сначала в больницу, потом поместили в детский дом на набережной рядом с Петровским стадионом — теперь там жилой дом. Маму в то время тоже положили в больницу — при Первом медицинском институте.

Прошли месяцы, мы ничего не знали друг о друге, — продолжает рассказывать батюшка. — Когда мама нашла и забрала меня из детского дома, мы прямо сразу зашли в Князь-Владимирский собор. Он поразил меня красотой, тихим величием, я полюбил храм сразу, всем сердцем.

В войну вообще многие стали молиться открыто, не таясь, — ушел страх перед правительством, война стерла его, потребность в вере и Церкви стала сильнее страха. Храмы были полны, служились всегда две литургии — ранняя и поздняя. В 1943 году Сталин разрешил

колокольный звон — люди плакали и крестились, когда над блокадным городом впервые зазвенели колокола» (Е. Киктенко. Священники вспоминают блокаду Ленинграда).

Яркое свидетельство жизни православного Петербурга — статья, опубликованная в «Журнале Московской Патриархии» за 1943 год, подписанная просто «Ленинградец». Автор этой статьи, прихожанин Князь-Владимирского собора, рассказывал, как осенью 1941 года, когда враг подошел к Ленинграду, в соборе от гула канонады часто дребезжали стекла. На еще совсем недавно тихие улицы Петроградской стороны упали пер-

вые зажигательные бомбы — поблизости от собора, вскоре начали рваться и артиллерийские снаряды. В таких условиях ленинградцы вступили в зиму. Но собор ни на один день не прерывал богослужений. Священники, певчие, весь клир приходил на службы без опозданий. Всегда точно в 8 часов утра начиналось утреннее богослужение и в 4 часа дня вечернее.

Иногда во время служб раздавались сигналы воздушной тревоги. Сначала молящиеся уходили в оборонные убежища, но потом, —

Сбор средств на Красный Крест был так велик, что Владимирский собор внес на дело помощи раненым и больным воинам свыше миллиона рублей...

рассказывает автор статьи, — ухо настолько свы-
клось с шумной работой тяжелых зениток, с рас-
катистым гулом отдаленных фугасных разрывов,
с дребезжанием стекол, что продолжали стоять
как ни в чем не бывало; только дежурные МПВО
занимали свои места. «Наши нервы оказались
крепче, чем предполагали наши враги». В соборе
для оказания медицинской помощи ввели дежур-
ство двух медсестер на праздничные и воскрес-
ные богослужения.

Особенно тяжело стало с наступлением зим-
них холодов. «Стали трамваи, прекратилась по-
дача электрического света, керосина не было.
В предутренней тьме, озаряемой вспышками ору-
дийных выстрелов, чрез глубокие сугробы неу-
бранного снега спешили священники, певчие,
служащие и прихожане собора со всех концов
города. Иногда в соборе мы заставляли с утра весь-
ма неприятную картину. В соборе более 500 сте-
кол; за ночь от упавшей вблизи бомбы воздушной
волной выбито несколько стекол; по собору гуля-
ет свежий ветер. Пока шла срочная зашивка фа-
нерой окон, масло в лампадах замерзло, руки
стыли.

В декабре температура упала до нуля. Певчие
пели в пальто с поднятыми воротниками, заку-
танные в платки, в валенках, а мужчины даже
в скуфьях. Так же стояли и молились прихожане.
Вопреки опасениям посещаемость собора ни-
сколько не упала, а возросла. Служба у нас шла
без сокращений и поспешности, много было
причастников и исповедников, целые горы за-
писок о здравии и за упокой, нескончаемые об-
щие молебны и панихиды. Сбор средств на Крас-
ный Крест был так велик, что Владимирский

собор внес на дело помощи раненым и больным воинам свыше миллиона рублей и передал лазаретам до 200 полотенец.

Так шла жизнь у нас в соборе, так шла она и в других церквях Ленинграда. Гитлеровцы рассчитывали устроить нас своими бандитскими налетами, сломить нашу волю к сопротивлению, расстроить наши ряды. Добились же они того, что все слои населения сплотились в одно целое для отпора подлому врагу. Некоторые из верующих сначала еще думали, что гитлеровцы уважают веру и Церковь, но жестокая бомбардировка города и налет аэропланов в Великую Пасхальную ночь пред светлой заутреней, когда пострадал и наш собор, раскрыл всем глаза на истинный лик носителей «нового порядка» в Европе.

Несмотря на лишения, священники, певчие, служащие продолжали выполнять свой долг, каждый на своем месте. Так шли дни и недели.

В феврале началась эвакуация части населения Ленинграда.

Ленинград заметно опустел, сократилось и число богомольцев. Летом и осенью 1942 года ряды молящихся еще уменьшились в связи с широко развернутыми общественными работами — сначала на огородах, потом по заготовке дров и сооружению оборонительных укреплений. Но работа в церкви религиозная и патриотическая шла по-прежнему, а патриотическая еще лучше, чем раньше, так как все прихожане нашего собора, хотя они составляют очень маленький коллектив в городе, были охвачены искренним и горячим стремлением, как и все большие и маленькие заводы, фабрики, учреждения и предприятия, делать все возможное и как можно луч-

Так шли дни и недели... Ленинград заметно опустел

ше то, что они умеют делать для славы нашей великой Родины, для дела победы над темными силами гитлеровской Германии. Последнее наше дело — это сбор и взнос от Владимирского собора 100 000 рублей на устройство танковой колонны имени Димитрия Донского.

Мы верим и надеемся, что скоро мы будем праздновать со всей страной победу над нашим коварным и подлым врагом — фашизмом» (Статья «Как мы переживали в Ленинграде первый год войны». Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 3).

Митрополит Алексей в докладе 8 сентября 1943 года на Соборе епископов Православной Церкви сказал: «И мы можем отмечать повсюду, а живущие в местах, близких к военным действиям, как например, в Ленинграде, в особенности, — как усилилась молитва, как умножились

Ленинград в кольце блокады

жертвы народа через храмы Божии, как возвысился этот подвиг молитвенный и жертвенный. Тени смерти носятся в воздухе в этом героическом городе-фронте, вести о жертвах войны приходят ежедневно. Самые жертвы этой войны часто, постоянно у нас перед глазами...»

Пасха 1942 года. Ленинград

Первая военная Пасха выпала на 5 апреля – в тот день исполнилось 700 лет со дня разгрома немецких рыцарей в ледовом побоище святым благоверным князем Александром Невским – небесным покровителем Ленинграда. Это подчеркнул митрополит Алексей в своем Пасхальном послании. Исстрадавшийся, обезлюдевший, на треть вымерший город все-таки праздновал Светлое Христово Воскресение. Хотя и не куличи, но маленькие кусочки хлеба люди приносили освещать в храмы. Большое воодушевление вызвало у верующих разрешение провести пасхальный крестный ход.

«...А тем временем асы Гитлера ворвались в Пасхальную ночь Ленинграда и сеяли смерть и ужас. Они выбрали именно эту ночь. Они готовились к ней полтора месяца, эти негодяи, для которых нет ничего святого, ничего такого, что могло бы тронуть их сердца.

Это было вероломное нападение, продиктованное не только войной, но и бешеной ненавистью к свободной совести, к тому, что теплится в русских сердцах, к вере людской в лучшее и светлое, ко всему, что называется человеческими чувствами. Как они боятся этих человеческих чувств!

По собственному признанию одного фашистского главаря из ставки Гитлера, они боятся все-

го и всех: нашей молодежи, наших женщин, все русское их страшит и приводит в ярость; они боятся русских священников и православия и христианства вообще...

Черная фашистская совесть послала асов в ночь под Пасху бомбить Ленинград. В Пасхальный день она же наводила дула орудий, которые бессмысленно жестоко били по городу, по его домам, по детям, женщинам и мужчинам. Эта же самая черная совесть злодеев сжигала храмы, наполненные пленными бойцами и мирными людьми; эта же самая звериная, не рассуждающая злоба терзала наших детей, тела наших женщин.

*История знала множество злодеев и совершенных ими злодейств.
Мы знаем, чего стоила Варфоломеевская ночь...*

История знала множество злодеев и совершенных ими злодейств. Мы знаем, чего стоила Варфоломеевская ночь и что она повлекла за собой. Мы помним бесценные сокровища Бельгии, Голландии, Франции, сожженные отцами фашистов в прошлую войну.

Никогда свободное и честное человечество не забудет злодеяний, которые совершили их дегенеративные, звероподобные дети, носящие на рукаве эмблему своего зверства — свастику.

Мы не забудем всех бомб, сброшенных на наши дома, и особенно тех бомб, что были сброшены в эту ночь, когда свободная совесть свободных русских людей, верующих в Бога, верующих в Христа, трепетала в молитвенном горении...» (Н. Моршанский. Цит. по книге «Правда о религии в России»).

Защитники города

К сожалению, ни о чем из этого не рассказывали в советское время, из года в год празднуя Победу... Не рассказывали и о том, сколько воинов, защищавших Дорогу жизни, участвовавших в прорыве блокады, приняло после войны священнический сан.

Один из них — протоиерей Борис Аполлинариевич Тихонравов, служивший на Серафимовском кладбище, а до этого 13 лет — во Всеволожской Троицкой церкви. В воспоминаниях его дочери, переданных в архив Санкт-Петербургской епархии, рассказывается и о его участии в войне.

«По внешнему виду, благородной осанке и строгому поведению в отце Борисе всегда и везде узнавали духовное лицо. Поклон, крестное знамение, сосредоточенное выражение

лица — во всем легко узнавался классический стиль, свойственный потомственному духовенству...

17-летним юношей он приехал в Ленинград, окончил шоферские курсы. Был призван на службу в армию, и, не успев дослужить срок, оказался на фронте: началась Великая Отечественная война. Он доставлял продукты на грузовике в блокадный Ленинград по Дороге жизни через Ладожское озеро, служил в пехоте, в танковых войсках. Окончил войну в Берлине в 1945 году.

Церковь Пресвятой Троицы. Всеволожск

В семье сохранилась сложенная вдвое бумажная икона Святителя Николая Чудотворца, которую отец Борис носил зашитой в своей шинели всю войну. Чудотворной ее называл сам отец Борис. Он не сомневался, что ею был убережен от смерти и от серьезных ранений. Ранения средней тяжести были, один осколок так и остался в ноге».

Война — слово, с которым связано самое ужасное: человек идет на смерть

Оставил воспоминания о страшных днях блокады и протоиерей Борис Пономарев. «На второй день войны я был призван на защиту нашей Родины, — вспоминал отец Борис. — Причастился в Николо-Кузнецком храме и на другой день был направлен на Ленинградский фронт... У меня не было родителей, меня благословила старушка 92 лет, дальняя родственница, и сказала: «Ты будешь жив, люби и защищай Родину...»

В самое тяжелое время блокады Ленинграда я получил от нее письмо: «Дорогой Боря, как вам приходится переживать, но мы молимся и надеемся на милость Божию. Бог милостив, а враг будет изгнан. Вчера у нас во дворе упала бомба, стекла все выбиты. Мы также переносим тяжесть войны. Я часто бываю в храме и молюсь за воинов и шлю тебе материнское благословение».

Меня спрашивают: какое ваше самое сильное впечатление от войны?

В самое тяжелое время блокады Ленинграда... недалеко от входа на кладбище мы увидели девочку лет 13-ти, склонившуюся и стоявшую на одном колене. На ней была шапка-ушанка, и вся она была немного занесена снегом, а сзади на санках был труп женщины, умершей от голода, — видимо, мать девочки, которую она не успела похоронить (и замерзла сама). Эта страшная картина потрясла меня на всю жизнь...»

40 лет служил в храмах Ленинграда протоиерей Николай Федорович Пермяков. В его личном деле подшито несколько листочков воспоминаний о пребывании на фронте.

«Война — слово, с которыми связано самое ужасное: человек идет на смерть.

Наступило воскресенье 22 июня 1941 года. В этот день наше предприятие работало, ибо выходной у нас был понедельник. Утром, как всегда, все пришли на рабочие места. Время приблизилось к полудню... вдруг из всех репродукторов раздалось: «Внимание, внимание! Сейчас будет правительственное сообщение».

Мы услышали о начале войны.

Я пошел защищать страну добровольцем-ополченцем. Дивизия так и называлась — 2-я Гвардейская добровольческая. Ленинград мы покидали в конце июля. Меня провожала мама. Раздалась команда: «Родные, прощайтесь!»

Мама была верующей и благословила меня, а потом со слезами отошла в сторонку. Стояли мы за Павловском в селе Федоровское.

3 октября 1941 года я был ранен в голову и контужен на станции Александровка. Меня перевязали и отправили в Ленинград в глазной госпиталь.

После излечения нас через Ладогу по Дороге жизни переправили на Волховский фронт, стоявший в обороне. Именно тогда Ставка решила воинам из Ленинграда обеспечить отдых и поправку. Так я попал в школу младших командиров при 286-й стрелковой дивизии. Закончив ее с отличием в апреле 1942 года, получил звание сержанта. Меня оставили в Учебном батальоне для подготовки следующего набора. В августе 1942 года, когда Волховский фронт начал подготовку наступления для соединения с Ленинградским фронтом, мы, молодые командиры, были распределены по действующим частям. В первом же бою меня сильно ранило в руку — с повреждением нерва. В госпитале мы узнали, что попытка соединения не удалась.

Подлечившись в госпитале г. Череповца, я вновь попал на Ленинградский фронт. Переправляли нас через Ладожское озеро. Воевал в отдельном пулеметном батальоне 142-й Краснознаменной стрелковой отдельной дивизии.

За прорыв блокады я был награжден орденом Отечественной войны II степени. Но стоило мне это тяжелого ранения в обе ноги, которое я получил во время прорыва около 8-й ГЭС. И опять пришлось держать путь через Ладогу — последним транспортом, так как Ладога уже «распустилась», то есть лед стал рыхлым. С этим ранением я попал в Новосибирск, где ВТЭК признала меня инвалидом Отечественной войны III группы.

В Ленинград вернулся в 1944 году. Лишь только открылись духовные школы, сразу поступил в 1945 году на богословско-пастырские курсы, которые на следующий год были реорганизованы в Духовную семинарию и, окончив ее, стал священником» (О. Ходаковская. Дыхание великой войны).

Свет надежды

О том, в какой ад превратилась жизнь в Ленинграде в рано наступившую лютую зиму 1941–1942 годов, сохранилось немало тяжелых, наполненных дыханием смерти воспоминаний. Жившая в то время в Ленинграде И. Г. Каменчук вспоминала, что в начале пытались еще что-то запасти — хлеб, крупы, но все моментально ушло. И вот началась зима 1941-го. Ввели блокадные карточки. «Начались бомбежки. Над нашим домом находился реостат, который отпугивал немецкие самолеты. Была полная изоляция, совершенная темнота. Все окна завешивали. Ходили

О том, в какой ад превратилась жизнь в Ленинграде, сохранилось немало тяжелых, наполненных дыханием смерти воспоминаний

люди, их можно назвать дружинниками, которые проверяли, нет ли где-нибудь щелочки, не пропускают ли лучи света на улицу.

Когда начиналась бомбежка, сразу объявляли тревогу, и мы все бежали в подвал дома, бомбоубежище. Бомбоубежище специально оснащали: тогда еще была вода, у каждого был свой узелок, в котором лежали теплые вещи, у мамы — документы.

Но с каждым годом становилось все тяжелее и тяжелее... Холод начался, не было отопления. Потом отключили и газ. Папа тогда прислал к нам двух солдат, которые установили у нас печку — буржуйку. Еще можно было достать дрова. У этой печушки мы и обогревались. А зима наступила дико холодная!

Первое время, когда объявляли тревогу, мы, конечно, все вместе спускались в бомбоубежище.

За хлебом выстраивались гигантские очереди, в которых можно было простоять и час, и два, и полдня. А кусок хлеба, который давался на день, был такой маленький, 125 граммов, с опилками, стружками. Наверно, мы б и не выжили, если б не папины солдаты, которые приходили к нам иногда и приносили крупу или болтушку какую-нибудь, из которой можно было даже блины сделать, шкурки от картошки приносили» (Цит. по материалам интернет-портала «Блокадный Ленинград. 900 дней подвига»).

Подобные воспоминания оставила и другая ленинградка, Е. В. Колесникова. Она рассказывала, что первая бомбежка в ее жизни осталась в памяти ярче других, потому что было страшно, как никогда потом за всю жизнь. «Рев самолетов, грохот зениток, взрывы. И еще темнота.

Раз-два во время бомбежек мы с мамой спускались в подвал. Потом перестали. Мама сказала, что бессмысленно так тратить время.

Мама стала сушить очистки от картошки и всякие корочки. С лета она оставила бутылочку прокипяченного подсолнечного масла и не велела до него дотрагиваться.

В школе ребят стало гораздо меньше. Заниматься было почти невозможно: обстрелы, налеты, занимались при свечке. Когда в один из дней пришли только трое, учительница сказала, что больше собираться не будем.

Вскоре мама перестала ходить на работу, ее организация была эвакуирована. Она часто уходила надолго, иногда на весь день — на дежурство,

в очередь за хлебом, за водой, за дровами, за какой-нибудь едой.

Тогда все ходили медленно, не было сил.

Да, блокада осталась в памяти как время, когда было темно, будто не было дня, а только одна очень длинная, темная, ледяная ночь».

Такое и остается впечатление, когда читаешь эти воспоминания — ночь, в которой нет про света... И все-таки теплился в этой бесконечной тьме и свет веры и надежды, и многие из брошенных в невыносимые условия люди не утасли духом. В годы, когда все было только для смерти и ничего — для жизни, Господь спасал от отчаяния. «Сколько у меня раньше было молитв и просьб к Богу. Теперь — никаких. Полное одиночество, 100 % изоляция от себе подобных, так в этот час мне кажется, что 100 %. И свою заключенность в вымершей квартире я принимаю как великое благо. «Христе, Свете истинный! — так говорю я Богу. — Ты так долго, так долго не идешь посетить мою озверевшую душу. Ты совсем пропал из меня. И вот я Тебе, Господи, что говорю сейчас? Ни слез, ни горя, ни радости я не ощущаю. Все исчезло — все прошло. И единственно, что я могу Тебе сказать, — это то, что я одна теперь, Господи! Я одна, одна, одна...» И вот случилось какое чудо. После последних написанных строк я взяла Евангелие, давно не читанное.

Раскрыла и читаю, и глазам своим не верю — и кто тому может поверить? «Но Я не один, потому что Отец со Мною».

Это выдержка из дневника ленинградки Веры Константиновны Берхман.

Сохранились и дневниковые записи ее сестры, Татьяны Константиновны Великотной,

также не утратившей веру в страшные дни блокады. «Папа стал слабеть с каждым часом. Наши ночные разговоры стали прекращаться. Папа дремал или спал все дни. В эту неделю (с 14-го по 21-е) все кругом говорили о хлебной прибавке. Я лихорадочно ждала каждого нового дня, чтоб получить новую порцию побольше и чтоб папа хоть немного подкрепился хлебом. Раз ночью папа услышал, как я шепчу молитву «Отче наш». «Прочти еще раз», — сказал он мне. Я прочла, а он повторял за мною. «Прочти все молитвы», — попросил он. Я лежала и в церковном порядке читала. Когда я прочла молитву Николаю-угоднику и твоему святому Александру Невскому, он подсказал: «А Татьяне?» Я прочла и мученице Татьяне...

Папа сказал мне как-то ночью (не помню, когда именно, но в одну из этих 9 ночей): «Нам следует отслужить благодарственный молебен о спасении Саши». В другой раз сказал: «Ты сходи в Шувалово, как немного поздоровеешь, и причастись».

Все это я тебе пишу затем, чтоб показать тебе, как душа человека перед смертью ищет сближения с Богом, ищет идеала вечной правды и вечной жизни».

Это же чувство испытала перед смертью и сама Татьяна Константиновна. Ее последние дневниковые записи говорят о том, что на пороге смерти ее душа жаждала соединения с Богом: «Хотелось бы также, чтоб Евд. Георг. пришла почитать мне Евангелие. Она хочет приготовить меня к переходу в лучший мир.

Не дожидаясь ее, я и сама начну читать Святую книгу. В тишине это очень хорошо.

Дневник Мани Савичевой - символ страданий, принесенных войной

Идет Страстная неделя — надо больше читать Евангелие.

Евд. Георг. уже с этой целью была у меня два раза.

Может быть, она приведет ко мне священника. Это будет величайшее счастье для меня исповедоваться и приобщиться Святых Тайн». (*Великотная Т. К. Дневник нашей печальной жизни*).

Но если все в воле Божией, то для чего вообще все это было, как это могло случиться? — задаются вопросом неверующие люди. «Однажды, — рассказывает протоиерей Борис Безменов, — мы разговорились с одним атеистом, пережившим ужасы блокады.

Он недоумевал: если Бог есть, почему Он допустил такое?

— А согласились бы вы, чтобы у вас отнялся этот страшный кусок жизни?

Он ответил:

— Нет.

Значит, говорю, в этом есть какой-то смысл. Может, не сразу понятный нам, но есть» (*Киктенко Е.* Священники вспоминают блокаду Ленинграда).

Сохранить в себе человека

«Если бы ты, Саша, видел, что творится на Шуваловском кладбище! Стоят незарытые гробы! Стоят вскрытые гробы, и покойники в них лежат полураздетые, так как с них все сняли, что можно носить, валяются трупы голые, обезглавленные, с вырезанными частично членами.

Я пришла в ужас от исхудавшего тела, у которого все же умудрились вырезать верхнюю часть ноги. С какой целью? Вытопить для продажи несуществующий жир?..

Вот эти-то картины и привели меня к сознанию, что лучше быть зарытому без гроба, как папе, чем брошенному на произвол судьбы в гробу» (*Великотная Т. К.* Дневник нашей печальной жизни).

Да, было и такое, и как винить обезумевших от голода людей?

Протоиерей Борис Глебов вспоминал о блокаде, которую пережил ребенком: «Война всегда — страшное зло, словами невыразимое. И, пожалуй, одна из самых главных примет войны — голод. Я видел сцену в булочной, когда мы среди других стояли в очереди за пайком. А паек-то был — кусочек серого, сырого хлеба весом в 125 граммов, который и хлебом бы сейчас не назвали. Голодный мужчина бросился к прилавку, схватил буханку. И, знаете, он даже не бежал, как делает

вор, он просто застыл на месте и вгрызся в нее. Но не успел проглотить. На него тут же набросились и забили.

По сути, то, что я видел, не было воровством: голод лишал разума. Люди падали на улицах, на лестницах в подъезде — и не всегда проходящие мимо останавливались, ведь подашь руку, и сам упадешь от слабости — и не встать уже».

И все-таки, было и другое. Отец Борис рассказывал о своем отце: «Первыми в блокаду умерли три моих брата, потом — отец...

Мы все — живые — ютились на кухне, потому что только там грела дровяная плита, вся остальная квартира была выморожена насквозь: у нас все стекла были выбиты, в комнатах гулял ветер. Рядом с нашим домом был 11-й хлебозавод — его бомбили как стратегически важный объект, все вокруг было разворочено, но и завод, и наш дом чудом уцелели.

Помню, еще когда отец был жив, умер старший брат. Тогда отец взял топор, вышел в соседнюю комнату — и стал рубить из старого гардероба гроб для сына. Потом вернулся к нам, положил топор рядом: «Будешь нас вместе в нем хоронить».

Папа так ослаб, что ему не хватило сил разрубить гардероб. Никогда не забуду: незадолго до своей смерти отец отдал мне свой дневной паек — 125-граммовый кусок хлеба: «Ему нужнее, он маленький, дай Бог выживет». И это тогда, когда люди забывали от голода, что вообще такое «сын», «мать», когда за еду убивали друг друга. Я до сих пор вспоминаю этот поступок и молюсь за отца».

Всегда находились люди, которые даже в самых жестоких условиях сохраняли в себе добро-

ту и самоотверженность. Немало таких людей было и в блокадном Ленинграде. Разве не удивительно, что даже в страшную зиму 1942-го верующие продолжали сбор средств в Фонд обороны? За 1942 год было собрано 1 485 000 рублей.

Люди объединялись вокруг храмов, и только взаимная поддержка помогала им выжить и выстоять. В подвале Спасо-Преображенского собора было оборудовано бомбоубежище на 500 человек для прихожан и жителей окрестных домов, в нем старались поддерживать положительную температуру. Имелся кипяток, запас медикаментов, в случае необходимости, в подвале можно было переночевать. Нуждающимся людям помогали деньгами, дровами, свечами, маслом для освещения. В соборе с довоенных времен имелся запас строительных материалов, и прихожанам делали из железных листов печи для обогрева квартир, выделяли фанеру, картон, чтобы заменить ими выбитые взрывной волной оконные стекла. (*Шкаровский М. В. Религиозная жизнь блокадного Ленинграда по новым документальным источникам*).

Но, конечно, не только верующие люди сумели сохранить в себе в человека во время, похожее на бесконечную черную ночь. Настоящая человеческая доброта всегда находит возможность проявить себя, особенно во время общей беды.

«Через какое-то время мама так обессилела, что не могла вставать. Мы с братом Юрой ходили за водой на Фонтанку с двумя маленькими бидончиками — белым и зеленым. С этими бидончиками мы ходили по очереди: сначала он, потом я за ним. Скользко было везде, спускаться к реке

трудно. И все-таки, какие люди добрые были! Увидят — ребенок идет, так они его пропустят, помогут спуститься, поддержат за руку. Помню, пока идешь, так обязательно полбидончика расплескаешь...» (Цит. по материалам интернет-портала «Блокадный Ленинград. 900 дней подвига»).

«...И вот в чернейшие месяцы блокады в Ленинграде по инициативе комсомолок Приморского района рождается благороднейшее человеколюбивейшее движение, которое скромно именуется «бытовым движением»: тысячи комсомолок совершенно бескорыстно идут по квартирам к наиболее ослабевшим людям с сильной помощью и возвращают к жизни десятки тысяч женщин, детей, стариков, уже обреченных врагом на гибель», — рассказывала знаменитая поэтесса Ольга Берггольц. Кстати, по свидетельству ее сестры Марии Федоровны, сама она была верующей. Это была женщина великой силы духа. Работая на радио во время блокады, Ольга Федоровна почти ежедневно обращалась к мужеству жителей города. Ее лучшие поэмы были посвящены защитникам Ленинграда. Ее называли голосом блокадного Ленинграда, его музой. «Каждый день, из последних сил, валясь с ног — никакого усиленного, дополнительного пайка ей не полагалось, шла на радио, читала свои стихи, разговаривала с людьми, утешала их, произносила оптимистические жизнеутверждающие речи. Выступала не только по радио, но и в цехах, в госпиталях, на передовой под обстрелом.

Можно себе представить, насколько необходимым было само явление этой красивой тридцатилетней женщины перед измученными ленин-

градцами. И именно ее идеей стало исполнение в блокадном городе Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича, выступление которого по радио Ольга Федоровна подготовила в страшном сентябре 1941 года.

Это тоже была настоящая Дорога жизни, только проложенная через радиоэфир... Именно ей принадлежит чеканная строчка, благодаря которой она навсегда вошла в историю не только русской поэзии, но и страны: «Никто не забыт, и ничто не забыто»» (*Троицкий Н. Я. Дорога жизни Ольги Берггольц*).

«Из блокадных лет запомнился один Новый год, — вспоминала Е. В. Колесникова, — это, наверное, первый Новый год без красивой елки с конфетами, орехами, мандаринами и блестящими огоньками. По радио выступала Ольга Берггольц. Я не знала тогда, что это наша ленинградская поэтесса, но голос ее, с характерной интонацией, как-то затронул и заставил внимательно слушать то, что она говорила. «Мне не надо говорить вам, какой он, этот год...». Дальше запомнились стихи. Кажется так: «Товарищ, нам выпали горькие трудные дни, грозят нам

Можно себе представить, насколько необходимым было само явление этой красивой тридцатилетней женщины перед измученными ленинградцами

и горе, и беды. Но мы не забыты, мы не одни, и это уже победа!»

Советская поэтесса и прозаик, Ольга Федоровна Берггольц, сама подвергавшаяся репрессиям, пережившая тюрьму и пытки, многое видела не иллюзорно, она с горечью и негодованием писала в дневнике: «Жалкие хлопоты власти и партии, за которые мучительно стыдно... Как же довели до того, что Ленинград осажден, Киев осажден, Одесса осаждена. Ведь немцы все идут и идут... Артиллерия садит непрерывно... Не знаю, чего во мне больше — ненависти к немцам или раздражения, бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, — к нашему правительству... Это называлось: “Мы готовы к войне”». Опубликована эта выдержка была лишь в 2010 году.

Остались свидетельства Ольги Берггольц об осажденном Ленинграде. Она отзывалась о жителях города с любовью и восхищением. «Подвергая город страшнейшим лишениям, враг рассчитывал, что пробудит в нас самые низменные, животные инстинкты. Враг рассчитывал, что голодающие, мерзнущие, жаждущие люди вцепятся друг другу в горло из-за куска хлеба, из-за глотка воды, возненавидят друг друга, начнут роптать. Перестанут работать — в конце концов сдадут город. «Ленинград выжрет самого себя». Но мы не только выдержали все эти пытки — мы окрепли морально. Они не понимают, в чем же дело. Они не понимают, что мы — русские люди, мужавшие при советской власти, уважающие и любящие труд.

Нередко приходится слышать жалобы: «Ох, ну и народу нас стал — черствый, жадный, злой».

Неправда. Это неправда! Конечно, не все выдержали испытание; конечно, есть люди очерстневшие, впавшие в мелкий, себялюбивый эгоизм, но их ничтожное меньшинство. Если б их было много, мы просто не выдержали бы, расчеты врага оправдались бы.

Взгляни в свое сердце, товарищ, посмотри пристальнее на своих друзей и знакомых, и ты увидишь, что и ты, и твои друзья за трудный год лишений и блокады стали сердечней, человеколюбивее, проще. Вспомни хотя бы то, сколько раз ты сам делился последним куском с другим, и сколько раз делились с тобой, и как вовремя приходила эта дружеская поддержка.

Вот в январе этого года одна ленинградка, Зинаида Епифановна Карякина, слегла. Соседка по квартире зашла к ней в комнату, поглядела на нее и сказала:

— А ведь ты умираешь, Зинаида Епифановна.

— Умираю, — согласилась Карякина, — и знаешь, Аннушка, чего мне хочется, так хочется — предсмертное желание, наверное, последнее: сахарного песочку мне хочется. Даже смешно, так ужасно хочется.

Соседка постояла над Зинаидой Епифановной, подумала. Вышла и вернулась через пять минут с маленьким стаканчиком сахарного песку.

— На, Зинаида Епифановна, — сказала она. — Раз твое такое желание перед смертью — нельзя тебе отказать. Это когда нам по 600 граммов давали, так я сберегла. На, скушай.

Зинаида Епифановна только глазами поблагодарила соседку и медленно, с наслаждением стала есть. Съела, закрыла глаза, сказала:

— Вот и полегче на душе.

И уснула. Проснулась утром и... встала.

Верно, еле-еле, но ходила.

А на другой день вечером вдруг раздался в дверь стук.

— Кто там? — спросила Карякина.

— Свои, — сказал за дверью чужой голос. — Свои, откройте.

Она открыла. Перед ней стоял совсем незнакомый летчик с пакетом в руках.

— Возьмите, — сказал он и сунул пакет ей в руки. — Вот, возьмите, пожалуйста.

— Да что это? От кого? Вам кого надо, товарищ?

Лицо у летчика было страшное, и говорил он с трудом.

— Ну, что тут объяснять... Ну, приехал к родным, к семье, привез вот, а их уже нет никого... Они уже... они умерли! Я стучался тут в доме в разные квартиры — не отпирает никто, пусто там, что ли. Наверное, тоже... как мои... Вот вы открыли. Возьмите. Мне не надо, я обратно на фронт...

В пакете была мука, хлеб, банка консервов. Огромное богатство свалилось в руки Зинаиды Епифановны. На неделю хватит одной, на целую неделю!.. Но подумала она: съесть это одной — нехорошо. Жалко, конечно, муки, но нехорошо есть одной, грех. Вот именно грех — по-новому, как-то впервые прозвучало для нее это почти забытое слово. И позвала она Анну Федоровну, и мальчика из другой комнаты, сироту, и еще одну старушку, ютившуюся в той же квартире, и устроили они целый пир — суп, лепешки и хлеб. Всем хватило, на один раз, правда, но порядочно на каждого. И так бодро себя все после этого ужина почувствовали.

— А ведь я не умру, — сказала Зинаида Епифановна. — Зря твой песок съела, уж ты извини, Анна Федоровна.

— Ну и живи! Живи! — сказала соседка. — Чего ты... извиняешься! Может, это мой песок тебя на ноги-то и поставил. Полезный он: сладкий.

И выжили и Зинаида Епифановна, и Анна Федоровна, и мальчик. Всю зиму делились — и все выжили.

Я могу рассказать о таких случаях еще и еще и знаю, что и мне могут долго рассказывать об этом, и мы наберем тысячи примеров братской поддержки людей.

Мы поняли — выжить мы сможем, только держась друг за друга, только помогая друг другу» (*О. Берггольц. Новый год в блокадном Ленинграде*).

Город выстоял

Алексий, митрополит Ленинградский обратился к верующим 22 июня 1943 года:

«Послание к ленинградской пастве
Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«Да приносим Господу жертву хвалы и да возвещаем о делах Его с пением» (Пс. 106, 20).

Мы собрались в наших храмах сегодня, в день второй годовщины Отечественной войны, которую с великим самоотвержением и небывалым единством ведет народ наш против жестокого и коварного врага, в диком и изуверном фашизме олицетворившего собою все, что есть низкого и презренного в мире, и нанесшего нам предательский удар в своем разбойническом набеге на нашу родную землю.

*Мы поняли — выжить мы сможем, только держась друг за друга,
только помогая друг другу. И город выстоял...*

С какими же мыслями и чувствами предстоим мы ныне пред Господом, во время продолжающихся еще бранных опасностей?

Что говорят нашему сердцу и чему научили нас эти два года тяжелых испытаний?

«Благословен Господь Бог наш, научаяй руки наши на ополчение и персты наши на брань; Господь — милость и прибежище наше, заступник наш и избавитель, защитник наш». (Пс. 143, 1–2).

Вот какие священные слова приходят нам на память в эти знаменательные минуты. Мы видим теперь, что, несмотря на невероятные трудности современной войны, мы не только не ослабели, но, наоборот, окрепли в ратных подвигах; силе и искусству врага противопоставили мы нашу силу и наше воинское искусство, и, что важнее всего, — не изнемогающее ни перед какими трудностями всенародное воодушевление. Подлинно, сам Господь «научает руки наши на ополчение».

Слава доблестному русскому воинству!

Благословенна память подвижников Отечества, принесших ему в жертву мужество, искусство, жизнь!

Благословим Бога — помощника, «научающего на ополчение», и тех, кто, будучи мирными жителями сел и деревень, мирными гражданами городов, превратились в народных мстителей, в вооруженных защитников своих родных мест и своих сограждан и сражаются против фашистов наравне с воинами обученными и испытанными, наводя страх на врагов, почти бессильных бороться с ними.

Благословим Бога-Избавителя, благословившего подвиг возвращения из рук хищников

и грабителей многих наших городов и сел, захваченных было врагом и с громадным для него уроном взятых от него обратно.

Благословим Бога милости и щедрот, возбудившего в сердцах всех без различия русских людей сочувствие к подвигам и к несущим подвиги нашим воинам и желание всеми способами участвовать в их подвигах, облегчать их труд. Как охотно и обильно всюду текли жертвы на воинские нужды и на подарки — подлинные дары любви — воинам, а также больным и раненым. И текли, и текут, и будут течь обильными, неиссякаемыми потоками, свидетельствуя о неиссякаемой любви нашей и преданности делу спасения Отечества, в твердой вере, что и для всех нас не оскудеет дивная помощь Божия. Враг не только, дерзновенно попирая всякие законы Божий и человеческие, разбойнически напал на нашу землю, но он с неслыханной жестокостью и звериной злобой расправляется с нашими близкими, имевшими несчастье попасть в его руки. Но и тут мы видим, с какою твердостью наш народ противоборствует ему и, невзирая на страдания и муки, остается верным своей любимой Родине. Он остается ей верным и там, за рубежом, куда уводят его для каторжных работ немецкие злодеи, отрывая от родных мест и от близких и ввергая в безысходную муку! И туда мы шлем наши заботливые помыслы и всеми силами души посылаем свои молитвы и благословения.

«Укрой, Господи, изгнанных, не выдай скитающихся, будь им покровом от грабителя, от притеснителя» (Исайя, 16, 3–4).

И мы веруем, что недалеко и для них время освобождения и возвращения в родные края.

«Да исправится же молитва наша, яко кадило пред Господом», и да пошлет Господь по вере нашей исполнение этой молитвы о скорейшей победе над врагом! Мы знаем, что верен Бог и не ложен в обетованиях своих: Он посылает свою помощь и еще большую пошлет для покорения не только врагов наших, но и самого духа вражды и тревоги, этого темного духа фашизма, который уже столько времени колеблет Европу.

Молитва — это рука, простертая для принятия благодетней Божиих. Она невидимую, но крепкою нитью соединяет человека с Богом и дает человеку уверенность в непобедимой помощи Божией.

Мы можем сказать, как в древности говорили верные Богу иудеи:

«Враги идут против нас во множестве надменности и нечестия, чтобы истребить нас... чтобы ограбить нас, а мы сражаемся за души наши и за законы наши.

Господь сам сокрушит их пред лицом нашим, мы же да не страшимся!» (1 Мак., 3, 20–22).

Сегодня, в знаменательный для нас день, мы с особенным усердием соединяемся в молитве и «приносим Господу жертву хвалы, и возвещаем о делах Его с пением», и молим Его благость, да умножит Он силу нашего воинства для окончательного одоления врага. Да успокоится и почиет сердце наше пред Господом! Довольно торжествовала смерть и печаль! Да пошлет Господь торжество жизни и радости! Да сохранит Он град сей и живущих и молящихся в нем!

«С Богом мы окажем силу. Он низложит врагов наших» (Пс. 59, 14).

И да будет милость Твоя, Господи, на нас яко же уповахом на Тя. Аминь.

Алексий, митрополит Ленинградский. 22 июня 1943 года».

Не только служители храмов на пределе возможностей исполняли свой долг, многие, очень многие делали то, что могли, что было даже не в их силах, а за пределами сил. Ольга Берггольц с глубоким уважением отзывалась о моральном подвиге всех, кто не пал духом и тем самым отстоял город.

«И вот прошел год. Не просто год времени. А год Отечественной войны, год 1942-й, а для нас еще 365 дней блокады.

Но совсем по-иному встречаем мы этот новый, 1943 год.

Наш быт, конечно, очень суров и беден, полон походных лишений и тягот. Но разве можно сравнить его с бытом декабря прошлого года? В декабре прошлого года на улицах наших замерло всякое движение, исчез в городе свет, иссякла вода, да... много чего исчезло и много чего появилось на наших улицах...

А сейчас все-таки ходят трамваи — целых пять маршрутов! Сейчас поет и говорит радио, в два наши театра и кино не пробьешься, целых 3000 ленинградских квартир получили свет. И несмотря на то, что нашему городу за этот год нанесено много новых ран, весь облик его совсем иной, чем в прошлом году, — несравненно оживленнее, бодрее. Это живой, напряженно трудящийся и даже веселящийся в часы отдыха город, а ведь блокада-то все та же, что и в прошлом году, враг все так же близок, мы по-прежнему в кольце, в окружении.

И несмотря на то, что нашему городу за этот год нанесено много новых ран — это живой, напряженно трудящийся и даже веселящийся в часы отдыха город...

Да, за год изнурительной блокады наш город и все мы вместе с ним не ослабли духом, не изверились, а стали сильнее и уверенней в себе.

С точки зрения наших врагов, произошла вещь абсолютно невероятная, невозможная, и причины этого они понять не в состоянии.

Еще 30 января 1942 года, то есть почти год назад, выступая перед своей шайкой, Гитлер заявил: «Ленинград мы не штурмуем сейчас сознательно. Ленинград выжрет самого себя». В новогоднем своем приказе, к 1 января 1942 года, в приказе по войскам, блокирующим Ленинград, он «благодарил своих солдат за создание невиданной в истории человечества блокады» и нагло заявлял, что не позднее, чем через три-четыре недели, «Ленинград, как спелое яблоко, упадет к нашим ногам...»

Ленинград в кольце блокады

...Враг думал, что у нас опустятся руки, что мы перестанем трудиться — и все развалится и рухнет. Но у нас появилась какая-то невиданная неутомимость в труде. Ведь это же факт, что почти каждый ленинградец, кроме основной своей профессии, освоил еще и ряд других — не только на производстве, но и в быту. Тысячи и тысячи из нас стали квалифицированными огородниками, печниками, стекольщиками, лесорубами, водопроводчиками, трубочистами — не гнушаясь никаким трудом, раз это нужно для жизни...

А главное — во всем этом наша огромная победа над врагом. Мы победили их, победили мо-

Когда страшную блокадную осень сменяла зима, то всей стране, всему миру и, главное, самим ленинградцам стало ясно, что Ленинград, котевевший от стужи, жаждавший, голодавший, видевший на улицах своих бесчисленные гробы — это город неугасимой, торжествующей жизни

рально — мы, осажденные ими!» (О. Берггольц. Новый год в блокадном Ленинграде).

Е. В. Колесникова, отец которой воевал на Ленинградском фронте, вспоминала, что дети вместе со взрослыми таскали на чердаки песок, наполняли водой железные бочки, раскладывали лопаты... Каждый чувствовал себя бойцом. И приводила отрывок из записок своей матери: «Несмотря на ужасы блокады, постоянные обстрелы и бомбежки, залы театра и кино не пустовали».

«Не могу точно сказать, когда это было. — продолжает Е. В. Колесникова. — Скрипачка Баринава давала сольный концерт в Большом зале филармонии. Мне посчастливилось туда попасть. Зал не отапливался, сидели в пальто. Было темно, только каким-то светом была подсвечена фигура артистки. Было видно, как она дышала на свои пальцы, чтобы хоть немножко их согреть».

«Артисты у нас иногда бывали, — рассказывала Вера Евдокимова. — Большие концерты не устраивались, а приезжали человека по два и давали представления. Ходили на оперы. Были у нас, как сейчас помню... и Кривонос, и Зоя Виноградова. Это наши артисты были» (Цит. по материалам интернет-портала «Блокадный Ленинград. 900 дней подвига»).

Ольга Берггольц говорила о том, что когда страшную блокадную осень сменила зима, то всей стране, всему миру и, главное, самим ленинградцам стало ясно, что Ленинград, коченевший от стужи, жаждавший, голодавший, видевший на улицах своих бесчисленные гробы — это город неугасимой, торжествующей жизни. Его жители не уступали смерти без боя ни одной пяди, в разгар ее безумия изобретали лекарства, лечились

и лечили друг друга и отвоевали тысячи и тысячи людей, уже обреченных на гибель.

«Разве не торжество жизни, что именно в Ленинграде только одно ремесленное училище обучило этой зимой и отправило за кольцо на предприятия страны более пятисот молодых умелых мастеров? Пожалуй, лишь мы сами сумеем вполне оценить то, как учились работать голодающие, зябнувшие ребята, в то время, как руки их примерзали к металлу и зубы шатались во рту, как у стариков... Но они выучились мастерству за зиму, и этой весной Ленинград снова дал стране питерские, ленинградские кадры рабочих...

А разве не торжество жизни, что Публичная библиотека наша — одно из величайших книгохранилищ мира — работала в Ленинграде всю эту зиму?!

Да, в библиотеке на абонементе было всего два фонаря «летучая мышь», и от книг веяло смертным холодом. Но в этой тьме работники библиотеки подбирали книги для госпиталей и библиотек-передвижек. В библиотеку приходили запросы на узбекские книги, на грузинские, татарские — для бойцов-грузин, татар и узбеков, для бойцов многих других национальностей, которые защищают Ленинград.

Какие только запросы не приходили в Публичную библиотеку!

Ведь в осаде проблемой стали простейшие вещи — например, добывание огня. Раньше спички привозили к нам из области, а теперь... И вот в Публичную библиотеку поступает запрос: как организовать производство кремешков для зажигалок? Как наладить производство спичек? Свечей? Белковых дрожжей? И множество, мно-

жество таких же необходимейших для обороны, для жизни города вещей... И сотрудники библиотеки тщательно, по-военному оперативно подбирали литературу — по спичкам, по свечам, по дрожжам... Сплошь и рядом оказывалось, что новейшие пособия не годятся для Ленинграда — просто нет возможности поставить производство в блокаде по-современному. Тогда подыскивались старинные книги, книги XVIII века, обучавшие примитивному изготовлению хотя бы тех же свечей — «како катать свечи», — и это-то как раз и подходило к нашим блокадным условиям и немедленно применялось. Оказывалось, например, что такая вещь, как современная спичка, требует для своего изготовления до 71 различной химикалии. Нет такого количества химикалий в осаде! Тогда разыскивалась старая литература, литература эпохи рождения самой первой спички, и производство ставилось по ней; мы знаем наши спички — зажигаются они, конечно, с применением физического труда, но уж лучше такие, чем совсем никаких. А на книжечке с такими спичками нарисовано даже здание Адмиралтейства и напечатаны стихи!

Так мирное книгохранилище участвовало в обороне города, в защите основ цивилизации, не прекращая главной своей работы.

За эту зиму много частных библиотек осталось без хозяев, осиротело... Казалось бы, не до книг в городе, терпящем такое бедствие. Но работники Публичной библиотеки не дали погибнуть осиротевшим, оставшимся без защиты книгам: на саночках, а весной на детских мальпостах, совершая огромные концы пешком, качаясь от слабости и тяжелого груза, возили они

выморочные библиотеки в свой фонд и спасли для будущих поколений сотни, тысячи книг, рукописей, архивов...

Ленинградцы мыслили, творили, дерзали, то есть дрались за жизнь на всех ее рубежах.

Это было очень тяжело, но ни с единого рубежа жизни мы не отступили. Мы совсем по-новому поняли, что жизнь — это деятельность и что, как говорят у нас, “раньше смерти помрешь”, если перестанешь трудиться» (О. Берггольц. Новый год в блокадном Ленинграде).

Когда город был полностью освобожден от вражеской блокады, во всех храмах по благословению митрополита Алексия 23 января 1944 года были совершены благодарственные молебны. В наши дни в Петербурге в районе Малой Охты построен храм во имя Успения Пресвятой Богородицы, также называемый Блокадным храмом. Ведь возведен он был в память о событиях Великой Отечественной войны и стал местом особого молитвенного поминовения жертв блокады. Кроме того, действует при нем и уникальный музей, посвященный деятельности Православной Церкви в осажденном Ленинграде.

Когда строился Блокадный храм, жители города, ветераны, родственники — все, кто помнил своих близких, погибших в блокаду, имели возможность за символическую плату приобрести кирпичики для строительства храма, чтобы написать на них имена погибших в годы блокады, о ком они помнят, кто никогда не уйдет из их сердец. Больше 8000 кирпичей с именами жертв великой и не сравнимой ни с чем беды, которая постигла город в 1941–1944 годах, уложено в стены Успенского храма на Малой Охте.

*В наши дни в Петербурге в районе Малой Охты построен храм
во имя Успения Пресвятой Богородицы, также называемый
Блокадным храмом*

*Лискареевское кладбище. Автор снимка Б. Кауфман. Архив РЦИА
Новости*

Великая Отечественная

*И летели листовки с неба
На пороги обмерзших квартир:
«Будет хлеб! Вы хотите хлеба?
Будет мир! Вам ведь снится мир?»
Дети, плача, хлеба просили –
Нет страшнее пытки такой!
Ленинградцы ворот не открыли
И не вышли к стене крепостной.
Но тогда летели снаряды,
Бомбы здания рвали в куски,
И без крика падали рядом
Дети, матери, старушки.
А живые? Живые жили,
И вставали, и шли за водой,
Но ворота они не открыли
И не вышли к стене городской.
Без воды, без тепла, без света,*

*День, который похож на ночь.
Может, в мире и силы нету,
Чтобы все это превозмочь!
Умирали – и говорили:
Наши дети увидят свет! –
Но ворот они не открыли,
На колени не встали, нет!
Вот в осенней уже позолоте
Город наш величав и хорош.
Петр построил его на болоте,
А прочнее земли не найдешь!*

Елена Рывина, 1943 г.

(В работе над текстом использованы материалы сайтов Московской Патриархии, Успенского блокадного храма и интернет-портала «Блокадный Ленинград. 900 дней подвига»).

Глава 12. Война и вера

Цифры и факты

Война с многих смыла наносной атеизм, и люди обращались к Богу в самые трагические минуты своей жизни. Российский историк М. В. Шкаровский пишет: «Необходимо отметить не только присутствие священнослужителей в составе действующей армии или антифашистского подполья, но и обращение к вере многих солдат, офицеров, партизан, в том числе старших командиров».

Если говорить языком цифр, то можно обратиться к работе В. Н. Трухина «Религиозный подъем в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны», где автор приводит интересные документы. Например, цитирует уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Сталинградской области. Тот констатировал, что ходатайства об открытии церковей часто подписывают молодые женщины, что «...эти гражданки стали религиозными и даже фанатиками в связи с последствиями Отечественной войны, а именно: санитарка больницы г. Урюпинска Бурова П. П., 1913 г. рождения,

сказала, что она до Отечественной войны не верила в Бога, а когда она получила извещение о гибели ее мужа на фронте, то она, являясь одинокой, постигшее ее горе стала болезненно переживать, ей монашки советовали... усердно молиться Богу... С этого момента Бурова стала активным религиозником. Другие подобные Буровой стали молиться Богу за сохранением жизни своих мужей, находящихся на фронте и т. п.»

После встречи Сталина с церковными иерархами в сентябре 1943 года и прошедшего следом за этой встречей Архиерейского Собора многие уполномоченные Совета стали сетовать на «большой нажим» и на усиление движения за открытие церквей. Отмечалось также, что «...в г. Йошкар-Ола в праздничные дни церковь посещает до 1000 чел. и среди посещающих бывает даже командный состав воинских частей. Затем для этой церкви было дано разрешение в сентябре месяце привезти иконы из Цибикинской церкви... В пути следования... проходящая публика, видя, что везут иконы, стала к ним прикладываться, в том числе и командиры воинских частей, и жертвовали соответствующие суммы, в результате было собрано около 17 000 рублей».

Уполномоченный по Куйбышевской области в отчете за 1 квартал 1945 года привел конкретные цифры, характеризующие религиозный рост: «Если за весь 1944 год в Покровской церкви г. Куйбышева было совершено 300 бракосочетаний, то только за полтора месяца 1945 года бракосочетаний было совершено 389... В январе месяце 1945 года в отделе ЗАГС зарегистрировано 596 новорожденных, а в церкви города за тот же период крещено новорожденных 356... Резко

увеличилась посещаемость церкви в дни религиозных праздников гражданами в возрасте от 20 до 40 лет, посещает церковь и молодежь школьного возраста».

Другой весьма показательный в этом отношении документ — отчет Г. Карпова в СНК СССР о праздновании в Москве и области Пасхи в 1944 году. «В ночь с 15 на 16 апреля с. г. ... во всех церквях было большое переполнение верующих. Общее число посетивших церкви города Москвы на первой «заутрене» ориентировочно составляет 120 000 человек, но в большинстве церквей было по две и три службы.

В 30 районах области 90 действующих церквей посетило 148 000 чел., тогда как в прошлом году — 95 000 чел. В некоторых районах... молодежь составляла 50% всех присутствующих в церквях».

В области на Пасхальной службе были и военнослужащие: например, в церкви Александра Невского (поселок Бирюлево Ленинского района) их было 275 человек, в Троицкой церкви г. Подольска — 100 человек. И так было далеко не в одной Москве и Московской области. Уполномоченный Совета по Ивановской области писал: «В г. Владимире присутствовало на Пасхальной службе в Успенском соборе свыше 8000 чел., при вместимости церкви 4000 чел. В Гаврилово-Посаде в церкви присутствовало свыше 1500 чел., вместимость церкви 200 чел., такое явление надо отметить во всех церквях области».

Бывали даже случаи, когда с фронтов приходили телеграммы с настойчивыми просьбами направить в армию материалы с проповедями православного духовенства. Например, 2 ноября

*Во Владимире на Пасхальной службе в Успенском соборе
присутствовало свыше восьми тысяч человек...*

1944 года в Главное политуправление РККА с 4-го Украинского фронта поступила телеграмма, заверенная подполковником Леоновским, с просьбой «в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения проповедей». Очевидно, в данном случае армейское командование выразило настроение большинства солдат. Да и из доклада уполномоченного Совета по Удмуртской АССР за 1944 год известно, что «инициаторами открытия церквей кое-где стали инвалиды Отечественной войны. Так, например, инвалид Левашев из села Паздеры, Воткинского района, настойчиво добивается открытия церкви (часовни) в Паздерах...»

(Цит. по В. Н. Трухин. «Религиозный подъем в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны»).

Молитва на войне

Будущий протоиерей Борис Бартов прошел Северо-Западный, Украинский, Белорусский фронты, служил на военных аэродромах, готовил штурмовики к боевым вылетам. Все знали, что он носит крестик, но большинство командиров и однополчан хорошо относились к его вере. Солдат Бартов всегда заходил в храм, если он встречался на пути и удавалось улучшить минутку.

«Был такой курьезный случай в Белоруссии, под Минском, — вспоминал отец Борис. — Я стоял часовым на посту у штаба. Сдал пост и пошел на аэродром за 12 километров, а на пути храм. Ну как не зайти? Захожу, батюшка посмотрел на меня и остановил чтение враз. Певчие тоже замолчали. А ведь я прямо с боевого поста, с кара-

бином. Они и подумали, что я батюшку арестовывать пришел...

В 44-м на Украине, я встретил священника, который прямо на дороге поставил аналой, крест, Евангелие и благословлял всех солдат, идущих на фронт. Только ночью на пару часов уходил батюшка отдохнуть, и так почти трое суток. Скольких бойцов защитила его молитва, от скольких отвела беду... (В. Рогожников. Дорога длиною в жизнь).

Игумен Николай (Калинин), фронтовик, старший лейтенант запаса, впоследствии преподаватель Московской Духовной академии и семинарии, во время войны не скрывал свою веру. «Никакого секрета я не делал», — вспоминал он.

Игумен Николай рассказал об одном случае: «Мы собрались группой офицеров, и среди нас зашел интересный разговор.

Один из офицеров спросил:

— А что, товарищи, на фронте, когда шел жесточайший бой, и смерть витала над головой, о чем вы думали? Вспоминали о матери или молились Богу?

Такой серьезный вопрос он поставил. Нас было пять или шесть офицеров — и почти все сказали, что молились во время боев на войне. Так что думаю, на фронте многие солдаты и офицеры верили в Бога, хотя в открытую об этом не говорили, ведь это было все-таки советское время. Тем более офицеры — многие из них были коммунистами, комсомольцами, они даже если и были верующими, то предпочитали об этом молчать, а не высказывать свое мнение на религиозные темы...

...А вот маршала Жукова, — продолжает игумен Николай, — я видел здесь, в Троице-Сергиевой

А вот маршала Жукова, — продолжает игумен Николай, — я видел здесь, в Троице-Сергиевой Лавре...

Великая Отечественная

Лавре, в 1966 году. Он приезжал посмотреть храмы и лавру. Я его водил по лавре, показывал ему храмы — и в Академии мы были, и в Патриарших покоях. Тогда я увидел его впервые. В те годы ему было очень трудно: он был уволен из любимой армии, жил на даче. Совсем недавно первый секретарь партии Никита Хрущев расправился с ним — снял со всех постов, лишил всякой власти, потому что боялся его.

Жуков приехал — это было его личное дело. Я так считаю, что, возможно, он все-таки был верующим человеком. Наверное, час я водил его, показывал, рассказывал. Нас было трое: я — экскурсовод, маршал Жуков и представитель Московского совета по делам религий. Жуков молчал, слушал, смотрел...» (Записал С. Архипов.)

Убежденность в том, что маршал Жуков — верующий, широко распространилась в народе. В 1945 году он вновь зажег неугасимую лампаду в Лейпцигском православном храме-памятнике, посвященном Битве народов с наполеоновской армией, восстановленном саперными бригадами по приказу маршала.

«Я знаком с медсестрой, которая в последние годы жизни маршала Георгия Константиновича Жукова ухаживала за ним, — рассказывает священник Александр Ильяшенко. — Он жил под Москвой на даче, жена его к тому времени уже умерла, ему было трудно себя обслуживать, и вот назначили медсестру, фронтовичку, а она была еще и верующая вдобавок, всю войну прошла с крепкой верой. И вот когда она помогала ему лечь спать, на прощание осеняла его крестным знаменем, а он говорил: «Что ты меня крестишь? Я и сам могу перекреститься». И крестился.

— Говорят, что во время войны он возил с собой Казанскую икону Божией Матери?

— Очень может быть... Правда, он был под прессингом, под колпаком. Известно, что и его водитель, и его охранник были из КГБ. И обо всем докладывалось Лаврентию Павловичу Берии... А вот совершенно точный факт, что Георгий Константинович был воспитан в христианской семье, в христианской среде, и детские впечатления нельзя вытравить» (М. Нефедова. Патриотизм — это понятие религиозное).

Герои Советского Союза Зоя и Александр Космодемьянские были священнических корней, их дед, протоиерей, был убит в 1918 году за «контрреволюцию». Отец героев учился в семинарии,

но из-за гонений оставил ее, однако атмосфера в семье не изменилась...» (Э. Азаева. Солдат по имени Церковь).

Вера, поддерживающая воинов на фронтах, вера, помогающая выжить, не пасть духом в оккупации, вера, с которой русские, советские люди пришли к Великой Победе... Это не миф, не вы-

Святой великомученик Дмитрий Солунский. Икона. XIX в.

думки «церковников», как любят утверждать недобросовестные люди, это реальность, это сама жизнь.

Игумен Никон (Букирев), фронтовик, отмечавший в 2012 году 100-летний юбилей, вспоминал о войне. Невысокий сухонький старичок, гостеприимный и приветливый, с живым искренним взглядом...

«На войне Николай (будущий игумен Никон) всегда носил в кармашке иконки — Божией Матери, Дмитрия Солунского и целителя Пантелеимона.

— Батюшка, во время войны вы ощущали Божию помощь?

— Ну как ни то.

— Помните какой-нибудь наиболее яркий случай?

— А вот такой у меня случай был на войне. Мне Евангелие как-то попало, так я его читал, когда никого не было. А потом, когда ехали уже в Германию, остановились. А я на то время был поваром. И началась стрельба. Солдаты все — в подвал, а я один остался наверху. А там такое здание большое было, я в него спрятался. А враг с той стороны бьет. Никого нет, а я один сижу — Евангелие читаю. Снаряды бьют, карниз-то надо мной разорвался, и глыба такая упала. Меня каким-то чудом только пылью посыпало, а сама глыба через меня перескочила. Так Господь спас меня» (А. Цветова. С молитвой в бой).

Будущий наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Алипий (Воронов), прошедший от Москвы до Берлина и награжденный орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», вспоминал: «Война была

настолько страшной, что я дал слово Богу, что если в этой страшной битве выживу, то обязательно уйду в монастырь».

Вспоминал житель Пскова, однополчанин и непосредственный командир Ивана Михайловича Воронова — будущего игумена Алипия, Станислав Андреевич Меньшиков:

«С Иваном Вороновым я был знаком с августа 1943 года. Тогда он после ранения из госпиталя был направлен в нашу часть — 13-й дивизион, который входил в состав 54-го гвардейского минометного полка имени Александра Невского. Мы вместе с ним воевали до Дня Победы.

Очень час то задают вопрос, когда пришел Иван Михайлович к мысли, что надо глубоко и честно служить Богу. Это стремление появилось у него во время войны.

Иван Воронов был тяжело ранен под Витебском. Немцы выходили из окружения, они прорвали линию фронта, было много убитых и раненых. Ранен были и Иван Михайлович. После того, как немцы прорвали фронт по полю боя шло подразделение, которое добивало всех раненых русских солдат. Среди раненых лежал на этом поле Иван Воронов. Он решил притвориться мертвым, а про себя твердо сказал: «Если я останусь жив, то вечно буду с Богом и вечно буду ему молиться». Немцы прошли мимо, Иван Воронов стался жив» (*Ямщиков С. Архимандрит Алипий. Человек, художник, воин, игумен*).

Посвятить свою жизнь Богу решил и кавалер орденов Славы трех степеней Борис Крамаренко, после войны став диаконом в храме под Киевом. А бывший пулеметчик Коноплев, награжденный медалью «За боевые заслуги»,

стал впоследствии Митрополитом Калининским и Кашинским Алексием.

«Народ наш был не только с партбилетом в кармане, но и с тайной молитвой, вложенной в партбилет, — об этом я по прошествии 50 лет могу свидетельствовать, поскольку совершал таинства над многими старичками-генералами.

В кругу моих знакомых было много замечательных людей. Вспоминаю знаменитого героя,

*Я дал слово Богу: если в этой страшной битве выживу,
то обязательно уйду в монастырь*

летчика Маресьева. Он мне рассказывал в частной беседе, что им двигало, когда он полз по лесу, раненый. Патриотичность? Воинский долг? Вера в то, что он увидит свою мать, которая без него просто не выживет: он ее кормилец, он ее сын.

Наша армия-победительница была православной армией. Последний год призыва был 1926-й, а до 1930 года крещение в русских семьях считалось обязательным. Прошли годы коллективизации, годы великого строительства социалистической индустрии, годы ликвидации неграмотности — и в то же время — годы концлагерей, миллионов жертв. Но 1945 год — это был действительно всенародный праздник, когда любого солдата в гимнастерке подкидывали вверх, осыпали цветами, зацеловывали вусмерть, как говорится, напаявали до полного бесчувствия — это было торжество единства, торжество русского национального подъема. Великая Отечественная война была тем оселком, тем критерием, которым было проверено наше национальное самосознание». (Митрополит Питирим (Нечаев). Цит. по изданию «Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В. Русь уходящая: Рассказы митрополита Питирима»).

С батей по минному полю

Один из случаев, произошедший во время Великой Отечественной войны, ярко свидетельствует о том, насколько изменилось отношении к вере, к священству у многих людей во время испытаний. Речь идет о священнике Александре Порфирьевиче Петине, будущем архиепископе Херсонском и Одесском Никоне. В начале войны его призвали в стройбат.

Рассказывает протоиерей Александр Кравченко: «Он был определен в батальон, строивший аэродром, взлетную полосу. Но немцы наступали так стремительно, — ничего не понадобилось. Получен приказ: «Отходим! Завтра здесь будут враги!»

Далее идет рассказ о налете с воздуха на их обоз с лошадьми, оказавшийся на лесной поляне. Летчик «мессершмитта-109», когда израсходовал бомбы, стал в буквальном смысле охотиться за солдатами, расстреливая их с бреющего полета: «...Отец Александр, когда спасался от смерти с самолета, ничком валился на землю, вжимаясь в нее при каждой пулеметной очереди. Бегал от смерти с неба, а она и в земле поджидала.

Случилось так, что их батальон аэродромного обслуживания остался по чьей-то халатности чуть ли не за линией фронта, в тылу наступающих по большим дорогам немецких войск. Вероятно, наши отступавшие войска заминировали местность, опасаясь прорыва танков, да и противопехотные мины бросали.

Обоз, двигаясь вперед, упрямо вырывался из немецких клещей... Передняя телега неожиданно взлетела на воздух. Теперь оставалось одно: с самодельными щупами медленно продвигаться вперед. Но там, где проходил человек, лошадь с нагруженной телегой могла подорваться на mine.

Наступила ночь. Немцы в эти часы отдыхали. Обоз еле двигался, прокладывая дорогу по минному полю в полной темноте. Но вот — снова яркий всполох огня, оглушительный грохот. Все останавливались. Так продолжалось несколько дней.

Похолодало. Пошел первый снег. Дорогу начало заносить. С первой телегой теперь никто не хотел идти. Ропот грозил перейти в неповиновение. Обоз прекратил и без того медленное движение.

Бойцы батальона хорошо знали отца Александра, уважительно звали батей, несмотря на то что он был сравнительно молод. Его спокойная уверенность, особенная любовь к окружающим передавалась всем.

И тут командир позвал отца Александра. Оказывается, бойцы сказали, что пойдут дальше, если батя перейдет на первую телегу или пойдет за ней. Командир, молодой еще человек, смущенно пояснил, что сейчас ни он, ни политрук обстановкой уже не владеют.

Офицер сказал:

— Я понимаю, что война есть война и можно приказывать, но у меня язык не поворачивается, и я прошу вас внять не голосу разума, а чувства. Конечно, это жестоко, вроде быть заложником, но сейчас людей может повести за собой только вера в священника. У бойцов есть уверенность, что с батей не пропадем. Вы знаете, — продолжал командир, — я и сам разделяю эту уверенность.

Не колеблясь, отец Александр пошел с первой телегой. Это не было броском на огнедышащую амбразуру. Но здесь была та же самоотверженность, в которой его укрепляла вера людей. Бойцы повеселели и приободрились. Батя шел без усталости. Отец Александр думал о том, что не каждому выпадают такие прекрасные мгновения в жизни, когда его вера обретает видимое подтверждение. Все страхи остались позади, на той

«поляне смерти», где не прервалась его жизнь от пулеметной очереди с самолета. Видимо, судил Господь ему и далее нести свидетельство о Нем среди людей. Нервное напряжение спало, но тело временами наливалось тяжестью. То знобило, то бросало в жар. Когда стало совсем невмоготу, отец Александр прилег на телегу.

После многокилометрового пути, когда самое тяжелое осталось позади, силы оставили измученного батюшку.

Отец Александр горел в жестокой простуде. После выхода из окружения его доставили в ближайший госпиталь, в Кимры. Оказалось двустороннее воспаление легких...

Вскоре отца Александра от военной службы освободили. И он остался служить священником в Кимрах. Во время священнического служения он неоднократно отправлял обозы с продовольствием в госпитали для раненых бойцов.

За его труды в годы войны на благо Победы батюшке были вручены медали «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и даже благодарности от Верховного Главнокомандующего.

Позже отец Александр принял монашество с именем Никон. С 1945 года он — епископ Донецкий и Ворошиловоградский, позже его назначили епископом Херсонским и Одесским с оставлением за ним управления и Донецкой, и Ворошиловоградской епархиями. 19 августа 1951 года он был возведен в сан архиепископа. Владыка Никон умер в 1956 году, когда был еще сравнительно молод. Его хоронила вся Одесса. Гроб с его телом пронесли на руках от церкви на Французском бульваре до Одесского Успенского кафедрального

собора» (Кравченко А. Н. По минному полю скорбей: архиепископ Херсонский и Одесский Никон (Петин).

«Я за тебя молилась день и ночь...»

Светлана Алексиевич в книге «У войны не женское лицо. Воспоминания женщин-ветеранов» приводит замечательные свидетельства. Вот некоторые из них.

«Моя мама — малограмотная крестьянка, она верила в Бога. Она молилась всю войну. Но как? Падала перед образом на колени: “Спаси народ, спаси Коммунистическую партию от этого ирода Гитлера”». (Софья Верещак, подпольщица.)

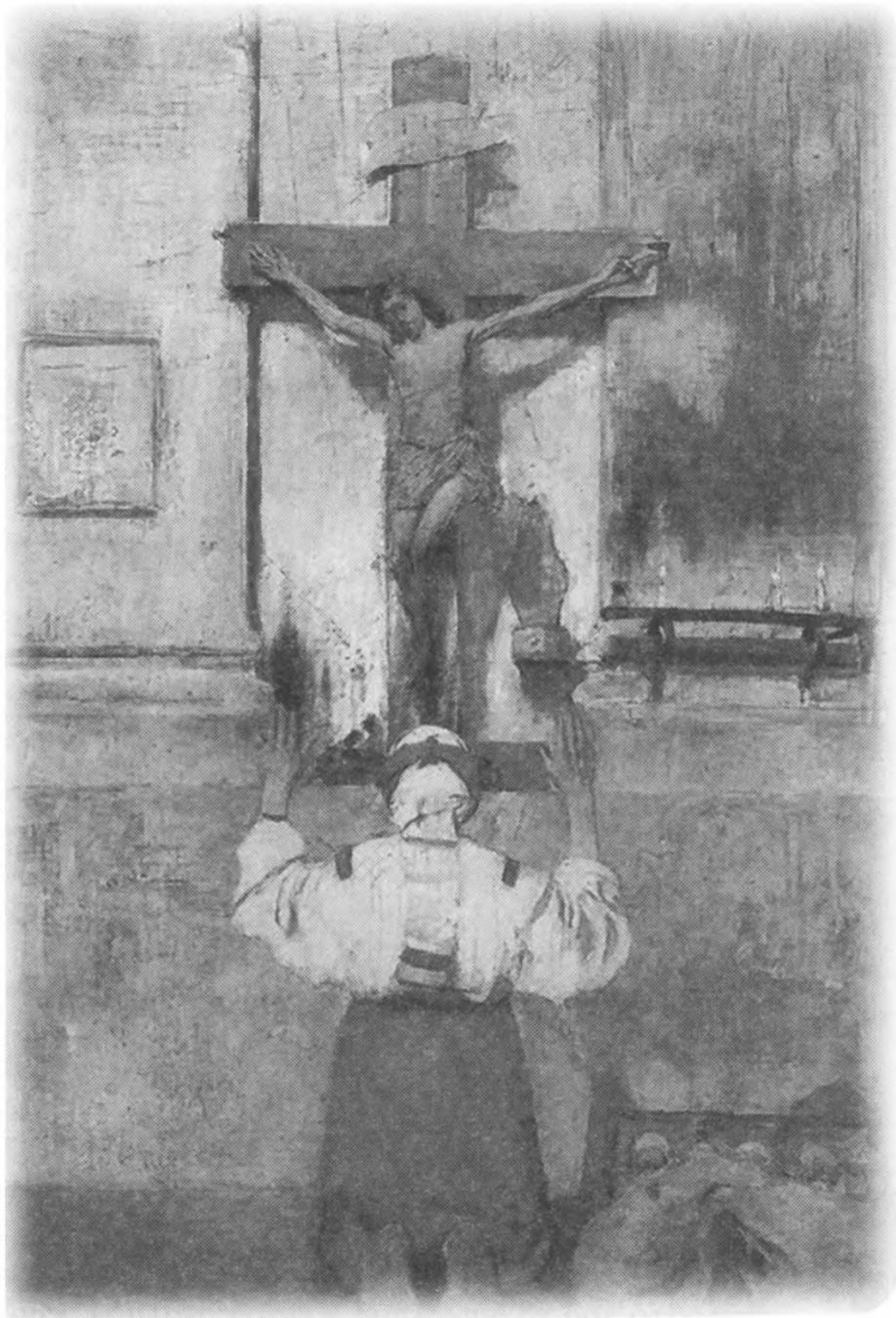
«Моя дочь в 5 лет читала молитвы, а не стихи. Тетя Даша учила, как надо молиться. Она молилась за папу и маму, чтобы мы остались живы». (Людмила Кашечкина, подпольщица.)

«На фронт нас провожали шефы с завода. Этот было лето. Я помню, что все вагоны были в зелени, в цветах. Преподносили нам подарки. Мне досталось вкуснейшее домашнее печенье и красивый свитерок. С каким азартом я танцевала на перроне украинский гопак!

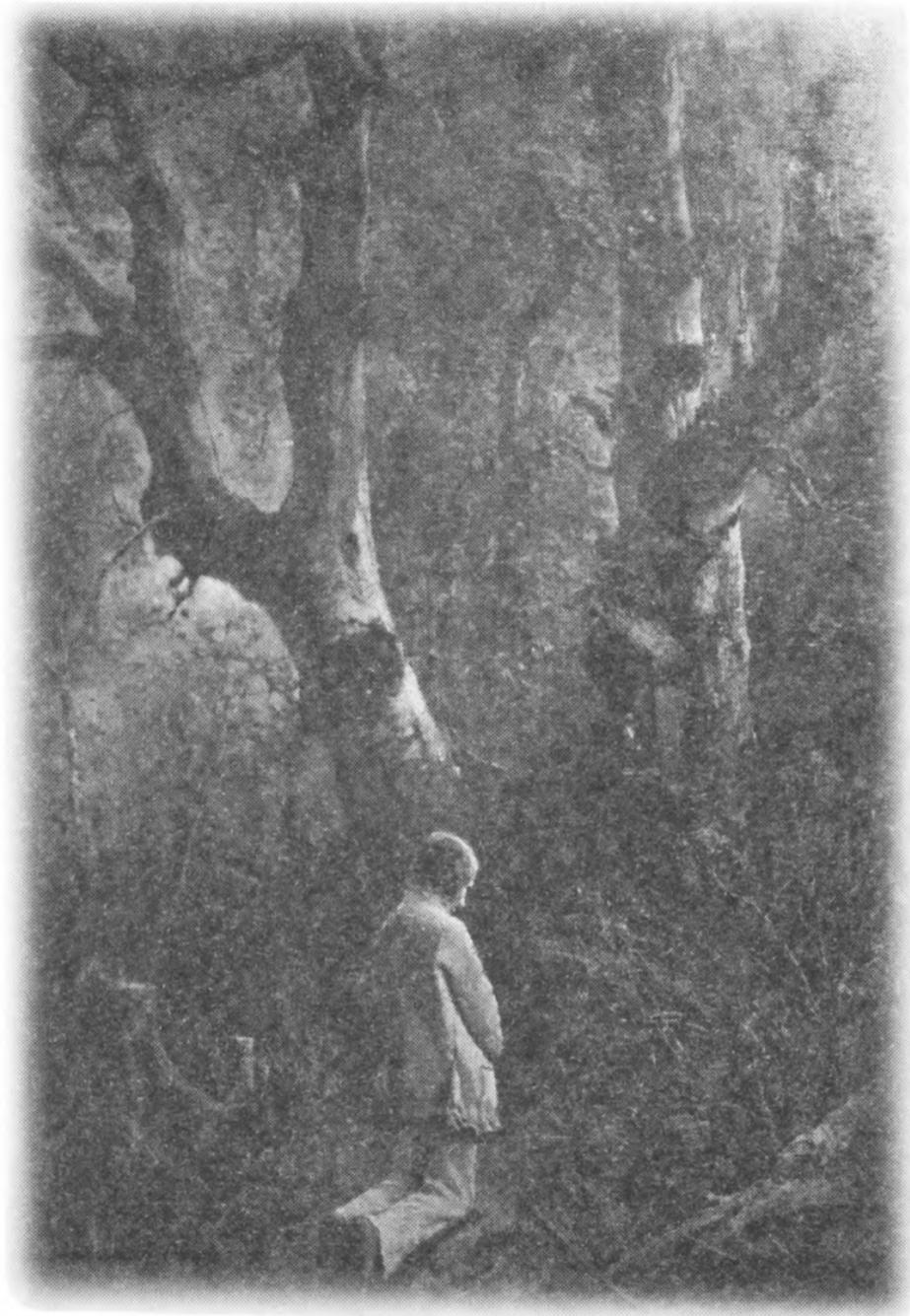
Ехали много суток... Вышли с девочками на какой-то станции с ведром, чтобы воды набрать. Оглянулись и ахнули: один за одним шли составы, и там одни девушки. Поют. Машут нам — кто косынками, кто пилотками. Стало понятно: мужиков не хватает, полегли они, в земле. Или в плену. Теперь мы вместо них...

Мама написала мне молитву. Я положила ее в медальон. может, и помогло — я вернулась домой. Я перед боем медальон целовала...» (Анна Хролович, медсестра.)

*Моя мама верила в Бога, она молилась всю войну. Но как?
Падала перед образом на колени...*

*Никто не видел, как я молилась. Я — тайно, украдкой молилась.
Осторожно. Потому что... Мы были тогда друзья...*

«Уезжала я на фронт материалисткой. Атеисткой. Хорошей советской школьницей уехала, которую хорошо учили. А там... Там я стала молиться... Я всегда молилась перед боем, читала свои молитвы. Слова простые... Мои слова... Смысл один, чтобы я вернулась к маме и папе. Настоящих молитв я не знала, и не читала Библию. Никто не видел, как я молилась. Я — тайно, украдкой молилась. Осторожно. Потому что... Мы были тогда другие, тогда жили другие люди. Вы — понимаете? Мы думали иначе, понимали...» (Вера Сапгир, сержант, зенитчица.)

«Зимой вели мимо нашей части пленных немецких солдат. Шли они замерзшие, с рваными одеялами на голове, прожженными шинелями. А мороз такой, что птицы на лету падали. Птицы замерзали. В этой колонне шел один солдат... Мальчик... У него на лице замерзли слезы... А я везла на тачке хлеб в столовую. Он глаз отвести не может от этой тачки, меня не видит, только эту тачку. Хлеб... Хлеб... Я беру и отламываю от одной буханки и даю ему. Он берет... Берет и не верит. Не верит... Не верит!

Я была счастлива... Я была счастлива, что не могу ненавидеть. Я сама себе тогда удивилась...» (Наталья Сергеева, рядовая, санитарка.)

«Под Сталинградом... Ташу я двух раненых. Одного проташу — оставляю, потом — другого. И так тяну их по очереди, потому что очень тяжелые раненые, их нельзя оставлять, у обоих, как это проще объяснить, высоко отбиты ноги, они истекают кровью. Тут минута дорога, каждая минута. И вдруг, когда я подальше от боя отползла, меньше стало дыма, вдруг я обнаруживаю, что ташу одного нашего танкиста и одного немца...

Я была в ужасе: там наши гибнут, а я немца спасаю. Я была в панике... Там, в дыму, не разобралась... Вижу: человек умирает, человек кричит... А-а-а... Они оба обгоревшие, черные.

Одинаковые. А тут я разглядела: чужой медальон, чужие часы, все чужое. Эта форма проклятая. И что теперь? Тяну нашего раненого и думаю: «Возвращаться за немцем или нет?» Я понимала, что если я его оставлю, то он скоро умрет. От потери крови... И я поползла за ним. Я продолжала тащить их обоих... Это же Сталинград... Самые страшные бои. Самые-самые.

Моя ты бриллиантовая... Не может быть одно сердце для ненависти, а второе — для любви. У человека оно одно, и я всегда думала о том, как спасти мое сердце...» (Тамара Умнягина, гвардии младший сержант, санинструктор.)

Высота духа

Рассказ танкиста Михаила, записанный его внуком Георгием Дроздовым: «Я в Бога поверил на войне, из-за одного человека. Звали Анатолий. Он служил в нашем танковом расчете с декабря 41-го. Механиком. Парень был с Псковщины из городка Порхова. Он был спокойный, с виду неторопливый. И всегда крест на шее. Перед всяким боем он обязательно осенял себя крестным знаменем.

Наш командир Юра, яростный комсомолец, прямо видеть не мог ни крестика этого медного, ни крестного знамени.

— Ты что, из попов?! — так и налетал он на Анатолия. — И откуда вы такие беретесь? И как тебя только на фронт призвали? Ты же не наш человек!

Толя с обычным своим достоинством отвечал не спеша, с расстановкой:

— Я наш, скопской, русской, стало быть. И не из попов, а из крестьян. Верующая у меня бабушка, дай ей Бог здравия, она и воспитала в вере. А на фронте я — доброволец, ты же знаешь. Православные всегда за Отечество воевали.

Юрка кипел от злости, но придраться к Толе, кроме креста, было не за что — танкист был как полагается.

Когда в 42-м мы однажды едва не попали в окружение, помню, как Юрий нам всем сказал:

— Значит, если у немцев окажемся, всем приказ — застрелиться. Нельзя сдаваться!

Мы молчали подавленно и напряженно, один Толя ответил, как всегда не торопясь:

— Я стреляться не могу, этого греха Господь не прощает, самоубийства, стало быть.

— А если к немцам попадешь и предателем заделаешься? — зло бросил Юрий.

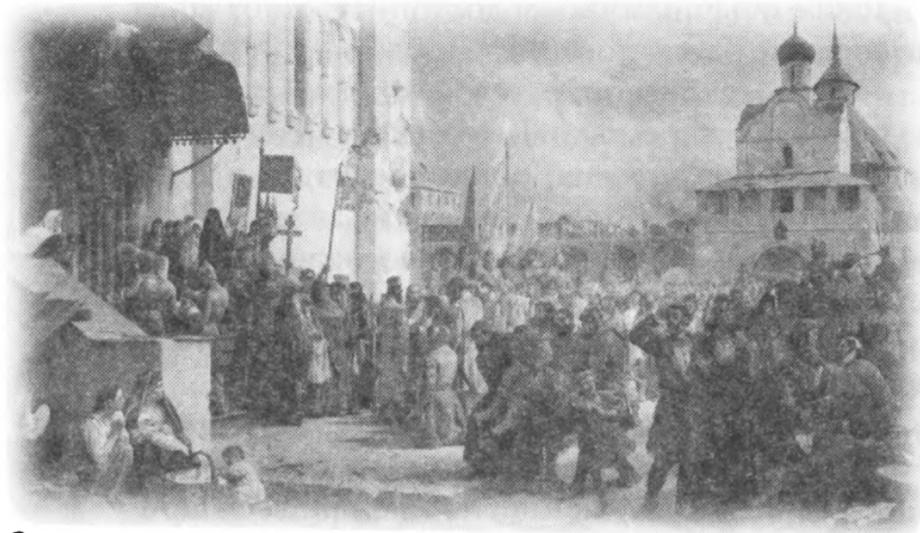
— Не заделаюсь. Мы, скопские, людишки крепкие.

Слава Богу, мы тогда избежали окружения и плена... В начале 44-го, в Белоруссии, несколько экипажей получили приказ идти к узловой станции, где наша пехота уже несколько часов вела бой.

Там застрял немецкий состав с боеприпасами — он тянулся на подмогу крупному соединению, что пыталось отбить у нас ключевую позицию...

Бой был короткий. Две наши машины сразу запылали. Наш танк обогнул их и на полном ходу шел к уже видневшейся за деревьями станции, когда что-то шарахнуло по броне, и вдруг вспыхнул

Мы же знаем, православные всегда за Отечество воевали...

огонь внутри, в кабине... Танк встал. Мы с Толей выволокли самого молодого из нас, Володю, из люка, на землю опустили и отбежали с ним метров на сорок. Смотрим — мертвый. Бывает, что сразу видно...

И тут Толя кричит:

— А где командир?

И верно, нету Юрия. А танк уже горит весь, полыхает. Толя перекрестился, бросил мне: “Прикрой!” — и назад. Когда я подбежал к танку, он уже тащил Юрку вниз. Командир был жив, его просто сильно контузило и обожгло. Он почти ничего не видел.

Но именно он, услышав вдруг скрежет, закричал:

— Братцы, поезд! Прорывается!

...И вдруг мы услышали, как взревел и зарокотал наш танк...

Танк горел весь, горел, как огромный факел. Немцы, увидев несущийся на них огненный

смерч, подняли беспорядочную стрельбу, но остановить Т-34 уже не смогли. Полыхая пламенем, танк на полном ходу врезался в передние вагоны немецкого состава. Помню, как лопнул воздух от адского грохота: это стали один за другим взрываться ящики со снарядами.

...В медсанбате Юрка плакал, как мальчишка, и повторял, хрипло кашляя:

— Миша, слушай, а как же Бог-то? Ему же, Тольке-то, нельзя было самому себя убивать, раз он верующий! Что же теперь будет-то?

Спустя два года я приехал на Псковщину, в маленький Порхов...

Я нашел небольшую церковь. Там бабушку Толи и самого Толю тоже помнили. Тамошний старенький батюшка благословлял его перед уходом на фронт. Этому батюшке я честно, как на духу, рассказал всю Толину историю и как он погиб.

Батюшка задумался, перекрестился, покачал головой:

— Что же... Если грех, значит, мой грех будет! И по полному чину отпел раба Божия Анатолия, за Отечество и веру православную убиенного, душу свою положившего за Россию» (Цит. по изданию: «И откуда вы такие беретесь? Три рассказа о войне». Христианская газета Севера России «Вера»).

Конечно же, подвиг во время войны не определялся исключительно религиозностью людей. Он определялся силой их духа, любовью к тому, что выпало им на долю защищать, высокой самоотверженностью. Все это и побуждает отдать душу свою за друзей своих, и нет выше той любви.

О силе духа рядовых людей рассказывает фронтовик, протодиакон Николай Попович:

«Однажды был удивительный воздушный бой. Есть такое понятие «немецкий ас» — надменный рыцарь, холодный и гордый профессионал, исполненный спеси. Такие специалисты были у немцев во множестве. А с нашей стороны были герои сердца, горящие любовью и желанием защитить ближнего даже ценой собственной смерти.

Так вот, дивизия, в которой я служил, форсировала в Белоруссии реку Березину и растянулась на несколько километров по огромной равнине — не только солдаты, но и обозы, и госпиталя. Вдруг

Конечно же, подвиг во время войны не определялся исключительно религиозностью людей. Он определялся силой их духа, любовью к тому, что выпало им на долю защищать...

я увидел, что на нас летит двенадцать «юнкерсов». И четыре «мессершмита» прикрывают их сверху.

Раздалась команда: «Воздух! В укрытие!» А какое на равнине укрытие? Все разбежались кто куда и залегли — по канавам, в том числе и я. Лежу и думаю: «Ну все, сейчас будет мясорубка». Двенадцать полностью нагруженных «юнкерсов»! У них был еще такой характерный звук: «Ве-з-зу, ве-з-зу!» И вдруг откуда-то взялись два наших истребителя. Один сразу поднялся вверх и стал биться с четырьмя «мессершмитами», которые отнюдь не уступали ему по своим параметрам. А другой стал клевать «юнкерсов» и сжег три-четыре машины. Оставшиеся покидали как попало бомбы и, не защищенные своими «мессерами», в беспорядке улетели.

В результате в живых осталась многотысячная дивизия. Это был удивительный подвиг. Наши герои шли на верную смерть. Первого нашего летчика подбили, второй выжил. И это было не рыцарство асов, а самое настоящее самопожертвование. Проявилась потрясающая сила духа, которая победила там, где победа казалась невозможной. Шестнадцать самолетов против двух! Я был восхищен! Лежал в канаве, совсем еще мальчишка, и страшно жалел, что не стал летчиком...

Есть целая масса других героических эпизодов. Они все описаны в литературе. Взять Матросова! Что побудило его совершить такой подвиг? Горделивое рыцарство? Нет, любовь солдата к своему Отечеству!

А какими самоотверженными были наши девочки! Я, помню, читал, как над Кубанью был

решающий воздушный бой с немцами. С тех пор мы стали господствовать в воздухе. И там был сбит полковник, чья машина была вся в бубнах — знаки того, сколько самолетов он уничтожил. Он прошел всю войну, воевал во Франции и у нас. И никогда не терпел поражения.

Когда его привели в наш штаб, он сказал:

— Хочу посмотреть на того, кто меня сбил, потому что это невозможно.

Ему отвечают:

— Сейчас доставим!

Вошел молоденький стройный лейтенант, снял шлем, и — по плечам его рассыпались кудри!

Полковник закричал:

— Не может быть!

А она говорит:

— Давайте вспомним бой.

Тот, пораженный, ответил:

— О, майн Готт! С такими амазонками вы непобедимы!

И опять: с его стороны — холодное рыцарство, а с ее — чувство долга и жертвенной любви, которое было заложено уже в генах народа всей тысячелетней историей христианства на Руси.

Могу сказать так — народ наш де-юре был атеистом, а де-факто — христианином. Основная масса в армии была крестьянская и рабочая. В этих семьях искони воспитывали детей в любви к Отечеству. Несмотря на то, что после революции крестьянство страшно попирали и уничтожали. И когда Родина оказалась в опасности, все встали на ее защиту. Народ в массе своей вырос в семьях, где еще были живы старые люди, да и многие родители все еще были верующими. По сути, тем, кто участвовал в войне, было дано хри-

С такими амазонками вы непобедимы!

стианское воспитание. Нравственные заповеди там были беспрекословны и обязательны. От этого в армии у нас тогда и не было никакой дедовщины.

Помню, мы пришли — поколение молодых ребят, я приехал из сержантской школы, — и нас солдаты буквально расцеловали. Без их совета мы не смогли бы воевать. Мы преклонялись перед их солдатским опытом, а они встретили нас как своих детей.

Мое мнение такое — по всем стратегическим соображениям мы должны были войну проиграть. Но победа осталась за нами потому, что мы были духовно сильнее» (*Протоиерей Михаил Ходанов. Протодиакон Николай Попович. Путь фронтовика*).

Война и вера

Глава 13. От Смоленска до Вены. Воин Михаил

Во время работы над этой книгой я разыскал архивные материалы о боевом пути моего отца.

Мой отец, Михаил Альфонсович Зоберн, родился в Малороссии, в селе Ахтырка 30 сентября 1915 года. 30 сентября (старого стиля) — день памяти святителя Михаила, первого митрополита Киевского, и отца при крещении нарекли Михаилом.

Мать отца, моя бабушка, Наталья Владимировна Зоберн, урожденная Гинц, происходила из православной дворянской семьи. Фамилия Гинц записана в дворянской родословной книге Полтавской губернии. Наталья Владимировна до революции окончила Московские высшие женские курсы и преподавала русский язык и литературу в Ольгинской (названной в честь старшей дочери государя Николая Второго, великой княжны Ольги) женской гимназии города Павловска Воронежской губернии. После революции на базе этой гимназии была образована средняя школа, и бабушка продолжала в ней преподавать еще 43 года. За эту работу она была удостоена высшей правительственной награды — ордена Ленина.

Ее муж, мой дед Альфонс Ильдефонсович Зоберн, окончил юридический факультет Санкт-Пе-

тербургского Университета, затем в 1916 году — Павловское военное училище и был назначен в действующую армию. С тех пор мой отец его не видел, (потом дед служил у Колчака, потом арест, Иркутская тюрьма и Севвостоклаг), но это другая история.

Отец до войны жил в Москве, преподавал русский язык и литературу, а 22 июня 1941 года ушел добровольцем на фронт. Закончил войну в Вене, в 1945 году. Был контужен, ранен, награжден четырьмя боевыми наградами: орденом Боевого Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды.

Далее расскажут документы (стиль сохранен — Авт.-сост.) с сайта «Подвиг народа».

Выписка из наградного листа капитана Зоберн М. А., командира саперной роты 269-го отдельного саперного батальона 133-й Смоленской стрелковой дивизии.

Представление к ордену Красной Звезды

«Капитан Зоберн М. А. в должности командира саперной роты с 4.05.42 г. Знающий, опытный, умеющий работать с людьми офицер...

*Мой дед был назначен в действующую армию в 1916 году.
С тех пор мой отец его не видел...*

В августовском наступлении 1942 года его рота, под его личным руководством на месте обеспечивала продвижение наступающих частей нашей дивизии в р-не д. Бондарево, Табаково, Векшино Гжевского р-на, для чего обезврежено около 900 шт. ПТ (противотанковых) и ПП (противопехотных) мин пр-ка. Установлен мост для пропуска танков в тяжелой обстановке под пулеметным огнем пр-ка. За короткий срок под его личным руководством на месте установлено свыше 3000 шт. мин на переднем крае нашей обороны, чем была достигнута прочность обороны.

В период преследования немцев в марте 1943 г. руководил группами разграбления и за этот период его ротой снято 4800 мин, фугасов и сюрпризов пр-ка, разминировано 87 домов в д. Бол. Шевнино, Лебедево, Пустошки, Красное. Под огнем противника лично произвел инженерную разведку р. Вязьма, Днепр и руководил постройкой переправы через р. Днепр у д. Забелино с 22 по 27.03.43.

Переправа обеспечила пропуск грузов 2-х дивизий и 2¹/₂ артполков на мех. тяге. При обороне на рубеже р. (неразборчиво. — Авт.-сост.)

Отец закончил войну в Вене, в 1945 году, с четырьмя боевыми наградами: орденом Боевого Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды

его ротой при его непосредственном руководстве на месте по переднему краю установлено свыше 4000 шт. мин.

Неоднократно руководил на месте группами разграждения и за период с 7 по 19.08.43 в р-не д. Лустино проделаны 12 проходов в заграждениях противника и разминировано 97 шт. ПП и ПТ мин. Действуя продуманно и осторожно при выполнении боевых заданий, рота всегда имела очень мало потерь.

За свои заслуги перед Родиной капитан Зоберн достоин награждения правительственной наградой — орденом Красная Звезда.

Командир 269-го отд. саперного б-на майор Егоров.

23 августа 1943 г.»

Представление к ордену Красной Звезды

«Командир саперной роты капитан Зоберн М. А., в занимаемой должности с 4.05.42 г. Смелый, инициативный и решительный офицер. В боях на подступах к Смоленску, следуя непосредственно за боевыми порядками пехоты руководил группами разграждения и за период с 19.09 по 25.09.43 его группами и частично им самим снято и обезврежено в р-не д. Корнилово, Бородино, Верещагино, Михейково и непосредственно в городе Смоленск 367 различных мин, 31 фугас и 3 электрохим. взрывателя замедленно го действия.

Находясь в непосредственной близости к противнику, капитан Зоберн М. А. всегда смело и решительно выполнял задания, организуя свою работу так, что остановки нашей артиллерии и транспорта не было, чем обеспечил

безопасность и быстроту продвижения наших частей.

За свои заслуги перед Родиной капитан Зоберн достоин представления к правительственной награде ордена Красная Звезда.

Командир 269-го отд. саперного б-на майор Егоров.

26 сентября 1943 г.»

Представление к ордену Отечественной войны II степени

«Капитан Зоберн М. А. в части с 27.05.42 г. В должности адъютанта старшего б-на⁴ с февраля 1944 г. Смелый и решительный в действиях офицер. Неоднократно под обстрелом противника лично руководил устройством переправ через водные преграды и в полосе наступления дивизии.

25–26.03.44 г. В районе села... Грушевского р-на Винницкой обл. под сильным огнем пр-ка лично на местности руководил устройством переправы через реку Днестр, где благодаря его настойчивости и личной храбрости переправа была построена в срок и наступающие части пехоты и артиллерии дивизии были своевременно переправлены на правый берег Днестра. В боях за Родину был ранен.

За свои заслуги перед Родиной достоин награждения правительствен. наградой орденом Отечественной Войны II степени.

Командир 269-го отд. саперного б-на капитан Березин.

5 апреля 1944 г.»

⁴ Должность соответствует начальнику штаба батальона.

Представление к ордену Красного Знамени. 40-я армия. Второй Украинский фронт

«Капитан Зоберн М. А. в части с мая 1942 г. В должности адъютанта старшего (начальника штаба батальона. — Авт.-сост.) с марта 1944 г. За время пребывания в батальоне проявил себя как смелый, знающий свое дело офицер. Во время прорыва УР (укрепрайона. — Авт.-сост.) противника умело организовал работу по проделыванию проходов в заграждениях пр-ка.

Лично проверял выполнение работы и пропустил по проходам наши части. Во время продвижения наших частей двигался со взводом инж. разведки впереди наступающей пехоты. Перед д. Дермонса капитан Зоберн М. А. со взводом инженерной разведки попал под пулеметный огонь противника, где сумел своевременно развернуть бойцов в боевой порядок и принять на себя бой. Одно отделение napravил в обход пр-ка, отвлекая на себя огонь пулеметов, этим самым дал возможность стрелковым частям обойти противника с другой стороны, а саперам в это время проделать проходы в каменном завале и минных полях пр-ка. Капитан Зоберн своевременно донес о местонахождении пулеметов пр-ка, которые были сразу же подавлены нашей артиллерией, благодаря чему наши части без задержки продвигались вперед.

Перед д. Катринар капитан Зоберн, идя вместе с ротой саперов, обнаружил неизвлекаемое минное поле. Под автоматнo-пулеметным огнем сам взорвал первые 4 мины и организовал разминирование мин при помощи телефонного кабеля, чем предотвратил несчастные случаи.

За свои заслуги перед Родиной капитан Зо-
берн достоин правительственной награды орде-
ном Красного Знамени.

Командир 269-го ОСБ майор Тонкий».

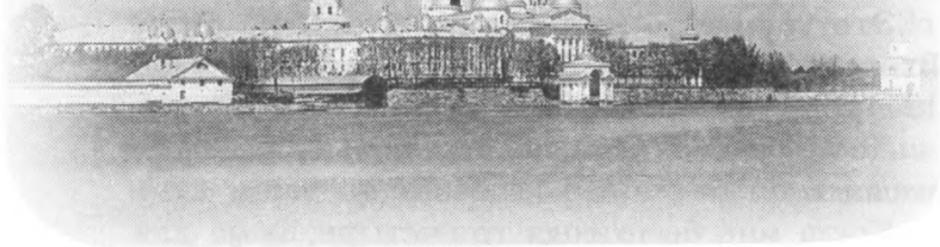
Этот приказ о награждении по 40-й армии
Второго Украинского фронта пришел 31 декабря
1944 года.

До Победы оставалось чуть больше четырех
месяцев.

Когда мне было года три-четыре, мама для
меня сшила из отцовской шинели пальтишко —
купить было негде и не на что, зарплату отцу вы-
давали по большей части облигациями. Мама
стеснялась того, что приходится перекраивать
мне из старой материи, но я был рад настоящей
военной шинели, чувствовал себя в ней воином,
как отец.

Глава 14. Чудесные случаи. Помощь по молитвам

Этого не может быть!

Верующая душа жаждет чуда. Она верит в то, что Творец, создавший все, в том числе физические законы, по которым существует мир, в любой миг может явить человеку Свою власть над этими законами.

Чудесных случаев на войне было много. К сожалению, многие из них, наиболее популярные в народе, ставшие мифами и легендами, не имеют документального подтверждения. Но существует множество рассказов и свидетельств том, как на войне человек соприкасался с чудом.

Офицер запаса Борис Васильевич Папенко с добровольными помощниками решил составить свод чудесных случаев, произошедших на войне. Таким образом собрано почти 1000 свидетельств по разным источникам, которым можно доверять. Борис Васильевич рассказывает, что случаев, «в которых как бы нет церковной атрибутики, но где явно действует промысл Божий», — таких случаев запредельное количество. «Возьмем только письменные источники, — продолжает он. — В Российской библиотеке находит-

ся около 700 000 книг о Великой Отечественной войне. По моим прикидкам, в них описано около 1 000 000 необычных явлений. Это то, что зафиксировано. А ведь большинство испытавших на себе помощь Божию молчали или рассказывали только близким родственникам...

Чаще всего подобные случаи происходили с людьми нецерковными, которые в довоенное время получили атеистическое воспитание и настрой. Многие даже были партийными. Но когда они после войны давали в печать свои воспоминания, то фактически говорили о промысле Божиим, хотя многие и называли это судьбой...

Родственник моей жены был начальником эвакогоспиталя, в 1941 году они попали в окружение и 600 километров выводили санитарный эшелон по тылам врага.

Я ему:

— Борис Николаевич, ну как же у вас получилось? Ведь это ж паровоз, его надо заправлять водой, топливом... 600 километров — не шутейное расстояние. В сегодняшнее время, я слышал, 200 километров пробег — и уже меняются бригады. А там раненых кормить надо было, и не свернешь ни на тропинку, ни на лужайку — это ж рельсы. К тому же немцы двигались на восток как раз вдоль железных дорог, для танков это удобно было.

— Согласен, — отвечал тесть, — но хочешь верь, хочешь не верь, а именно так было, как я говорю.

В армии действительно случаются вещи, в которые не сразу поверишь. Служить мне довелось в авиации, и там такое происходило, что промеж собой мы называли авиацию «страной чудес».

Кстати, из собранных мной военных случаев, а их несколько сотен, многие относятся к авиации.

Каждый случай уникален.

Скажем, самолет взрывается на собственных бомбах и кто-то из членов экипажа остается жив. Сторонний наблюдатель, не служивший в ВВС, скажет: «Повезло». Но какое тут везение?! Человеку везет, когда у него мало шансов, но удача все же выпадает. А тут — вообще никаких шансов. Взрыв — это сотни тысяч атмосфер, перепад давления, это запредельная температура, это осколки, в конце концов. А если посмотреть на схему самолета, в частности, Су-2 — там же экипаж сидел на бомбах. И вот представьте: от попадания зенитного снаряда бомбы взрываются, и летчик оказывается в воздухе в одном комбинезоне, совершенно невредим. Ладно, закроем глаза на поражающую силу взрыва, но как он из самолета-то выбрался? Человеку, далекому от авиации, трудно представить. Во-первых, летчик сидит в кабине, притянутый привязными ремнями к сиденью. Привязная система очень крепкая и надежная, рассчитана удержать пилота в кресле в случае вынужденной посадки. Кроме того, летчик привязан к парашюту. Ноги его стоят под приборной доской, на педалях — и тоже под ремнями... И вдруг он в один миг от всего этого освобождается.

Летчик с высоты без парашюта падает на землю — и снова живой! Это вообще в голове не укладывается. Я-то хорошо знаю: когда человек, у которого не раскрылся парашют, ударяется о землю, он превращается в кожаный мешок, наполненный костной мукой. Страшно смотреть. А ему хоть бы что! Сутки лежит в снегу, пока его не об-

наруживают свои. Отделяется только тем, что отмораживает руки-ноги...

Если проследить всю цепочку событий, про считать вероятность случайностей, то перед нами предстанут величины, совершенно несо-вместимые с нашим естественным миром. Явно, что этого человека хранил Господь. Почему? Это-го мы не знаем. Возможно, он сам молился, воз-можно, за него молился другой. Вот такие случаи я и собираю...

Среди фронтовиков бытовало выражение, что в окопах неверующих нет. А потом, наша во-енная сила ведь состояла из семей — мужики ушли на фронт, но матери, жены за них моли-лись, были с ними со своей молитвой. Я знаю случай, когда в Молдавии люди молились о сво-ем постояльце, который жил в их хате, и прямо ему говорили, что все молятся за него — братья, сестры, сами хозяйева дома. А постояльцем был военный летчик, и с ним просто чудеса проис-ходили.

И сами летчики тоже молились: пилот, несмо-тря ни на какие СМЕРШи и парторганизации, перед взлетом перекрестится, задвинет фонарь кабины — и пошел.

Были православные и просто фаталисты — но неверующих не было. Основная масса Героев Со-ветского Союза состояла из людей, которые счи-тали, что если им суждено погибнуть, они погиб-нут при всех раскладах, а если назначено свыше, то будут жить.

Один маршал авиации в своих военных мемуа-рах рассказал, как он чудесным образом спасся от вражеских бомб. Рассказ он начинает со слов: «Я не набожный, я убежденный атеист, и все-таки

жизнь заставила меня посмотреть на некоторые события...» Заканчивает же так: «Что это — случай или судьба? Дидактические наставления в таких случаях отсылают в сторону познания специалиста и его опыта. Все это так. Но ведь есть что-то и от везения, от судьбы. Согласен заметить слово «судьба» другим равнозначным по смыслу, лишь бы сам смысл не менялся по существу». Маршал мог бы написать «промысл», но в ту пору такое не напечатали бы.

...Я много читал определений чуда — и по поводу мироточивых икон, и благодатного огня, и неожиданной помощи свыше. И четко знаю: это невоспринимаемое, не укладывающееся в со-

Наша военная сила ведь состояла из семей — мужики ушли на фронт, но матери, жены за них молились, были с ними со своей молитвой...

знании совершение. Оно может быть разным, но сознанием понять его невозможно. Его надо принимать таким, какое оно есть.

Ноябрь 44-го. 1229-й гаубичный артиллерийский полк.

Свидетельствует полковник, бывший командир батареи, Герой Советского Союза: «Накануне Октябрьского праздника в батарею принесли подарки. Среди них оказалась посылка с традиционным адресом «Самому храброму бойцу». Пришлось голосовать. Единодушно присудили подарок телефонисту Григорию Турянчику, очень скромному парню, отчаянному и смелому в бою. Учили и то, что Григорий болезненно переживал разлуку с женой. Его ранило под Ораниенбаумом, долго лечился, потом попал в другую часть. А жена в это время эвакуировалась из Ленинграда, так и потеряли друг друга.

Под любопытными взглядами Турянчик вскрыл ящик, сверху лежала записка.

— Читай вслух, — потребовали друзья.

«Дорогой боец, — начал читать Григорий, — прими привет из глубокого тыла. Очень прошу сообщить, не встречал ли ты часом солдата Григория Турянчика. С глубоким уважением, Елена Турянчик».

И адрес. Чудо да и только. А еще говорят, что чудес на свете не бывает.

Действительно, вероятность этого события — первая цифра в шестом знаке после нуля, если говорить по-научному. А по-простому — чудо» (М. Выгин. Божья помощь на войне).

Еще один случай, рассказанный Борисом Васильевичем Папенко. Молодой летчик — совершенно неопытный, попавший за штурвал боевого

самолета после ускоренной подготовки, — выполнял ночной полет. Случилась поломка. Надо садиться. А куда? Землю покрывает мрак, ничего не видно... Не ведомо, что творилось в душе юноши, но самолет благополучно приземлился. Наутро обнаружилось, что посадочной площадкой был... глубокий овраг. Каким-то образом летательный аппарат вписался в его изгибы, даже не поцарапав крылья. Чтобы выкатить самолет обратно, техникам пришлось разобрать его на части — он никак не проходил через горловину оврага. Математическая вероятность такой посадки практически равна нулю, но факт есть факт. (М. Сизов. Правда без прикрас).

А вот о каком случае поведал протоиерей Николай Попович: «Протоиерей Александр Ветелев, профессор Московской духовной академии и мой духовный родитель, который привел меня когда-то в лоно Церкви, был настоятелем храма на Новодевичьем.

Однажды к нему подошел мужчина, по выправке военный. Он сказал:

— Я — полковник авиации и поражен следующим фактом. Мы наступали в Эстонии и получили приказ разбомбить Пюхтицкий монастырь. Нам донесли, что там сидят немцы. Посылаю туда звено бомбардировщиков. Летчики возвращаются и говорят: «Товарищ полковник, мы идем в пике, кидаем бомбы, а они летят в сторону!...» Я им: «Вы что, пьяные?! Этого не может быть! Если самолет пикирует, бомба идет строго по пике самолета, это знает каждый». И тогда я сам сажусь в самолет, берусь за штурвал, пикирую, посылаю бомбу, а она... летит в сторону. Я вижу это собственными глазами.

И только когда пехота уже прошла это место, я доехал на машине до монастыря. Смотрю — а там одни монахини. «Вы что, — говорю, — здесь делали?» — «Молились». — «Кому?» — «Нашей Хозяйке». — «А кто ваша Хозяйка?» — «Царица Небесная, Матерь Божия». — «А кто у вас во главе?» — «Наша матушка старенькая, игуменья. Мы все стояли и молились. Знали, что Матерь Божия нас защитит».

В 60-х годах я был в Пюхтицах и видел воронки от бомб, которые легли за оградой монастыря. Вот вам и чувства этого полковника. Когда он бомбил, то не ощущал, что уничтожает святую обитель. Он просто вышел на задание по приказу. А вот когда он увидел, что бомбы, направленные его же собственной рукой, не поразили цель, а непостижимым образом легли рядом, то вся его душа изменилась и приблизилась к Богу. Поэтому-то он после войны и пришел к бабюшке уже как верующий человек. Он лично убедился в том, что некий суровый и казавшийся совершенно непоколебимым естественный закон был явно нарушен незримой силой молитвы. Тонны смертоносных бомб, как пушинки, изменили траекторию движения» (Протоиерей Михаил Ходанов. Протодиакон Николай Попович. Путь фронтовика).

Он лично убедился: непоколебимый естественный закон был явно нарушен незримой силой молитвы

Молитва в Кенигсберге

Знаменитое чудо в Кенигсберге – явление немцам Божией Матери, Мадонны, после молитвы перед Казанской иконой наших войск – описано в церковной литературе не однажды. Но было оно или нет?

С одной стороны, участники штурма отрицают это чудо. Петр Кириченко, кавалер 6 орденов и 19 медалей, в том числе медали «За взятие Кенигсберга» писал в газете «Аргументы и факты» за сентябрь 2004 года: «В «АиФ» № 18 с. г. была опубликована статья Марии Март «С иконой – к победе», где автор заявляет, что штурм Кенигсберга удался лишь благодаря чудотворной силе Казанской иконы Божией Матери. Как непосредственный участник тех событий утверждаю: это не соответствует действительности. Командующий 3-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза А. М. Василевский сосредоточил там войска четырех общевойсковых армий (свыше 137 000 человек), около 52 000 орудий и минометов, 538 танков и самоходных орудий, а также 2400 самолетов. Превосходство наших войск над противником было многократным, ни о каком ожидании нашего «страшного поражения» не могло быть и речи. Сигнал к началу общего штурма Кенигсберга был дан не после того, как в результате применения иконы “стрельба с немецкой стороны резко прекратилась, словно оборвалась”. Огонь с немецкой стороны прекратился лишь тогда, когда наши войска с немалыми потерями преодолели сопротивление врага и полностью овладели городом».

Тот бой действительно был страшным, и никто не станет отрицать мужества и героизма наших

солдат. Но все-таки помощь Божия была очевидна, и тому сохранились другие свидетельства.

Рассказывает священник Александр Лобан, настоятель храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла в рабочем поселке Лог Волгоградской епархии: «Я служил несколько лет назад в одном из приходов Курской епархии, в поселке Белая Слобода. В нашем райцентре во время войны дислоцировалась одна из дивизий, ветераны которой и сейчас приезжают на места боев, чтобы вспомнить те героические годы. Я был приглашен на очередную их встречу в местном клубе.

Когда хор начал петь панихиду, все встали. После ее окончания начал рассказывать о том, что раньше никогда не писали в газетах — о прозрении и обращении народа к Богу во время войны. Вспомнил и о молебне у стен Кенигсберга...

Как всегда в таких случаях, нашелся человек, который произнес:

— Ну, вот тут уж вы, батюшка, преувеличили...

И тут через толпу окружающих меня людей протискивается один из ветеранов, который явно не слышал реплику моего собеседника, и со слезами начинает горячо меня благодарить:

— Спасибо, батюшка! Вы знаете, я ведь сам был там, под Кенигсбергом. Это у нас служили молебен, я сам все видел...

Он говорил еще что-то, а я уже не видел его из-за слез» (А. Фарберов. Молебен у стен Кенигсберга).

Матушка София (Ошарина) вспоминала: «Помню Кенигсберг. Мы относились ко 2-му Белорусскому фронту, которым командовал маршал

Константин Константинович Рокоссовский. Но наше подразделение – 13-й РАБ (район авиационного базирования) – находилось вместе с войсками Прибалтийского фронта, недалеко от места боев за Кенигсберг. Очень трудно он давался. Мощные укрепления, связанные подземкой, большие силы немцев, каждый дом – крепость. Сколько наших солдат погибло!..

Взяли Кенигсберг с Божией помощью. Я сама видела, хотя наблюдала с некоторого отдаления. Собрались монахи, батюшки, человек сто или больше. Встали в облачения с хоругвями и иконами. Вынесли икону Казанской Божией Матери... А вокруг бой идет, солдаты посмеиваются:

– Ну, батюшки пошли, теперь дело будет!

И только монахи запели – стихло все. Стрельбу как отрезало. Наши опомнились, за какие-то четверть часа прорвались...

Когда у пленного немца спросили, почему они бросили стрелять, он ответил:

– Оружие отказало.

Знакомый офицер сказал мне тогда, что до молебна перед войсками священники молились и постились неделю...» (А. Фарберов. Молебен у стен Кенигсберга).

Помощь Божия в блокадном Ленинграде

В осажденном Ленинграде голодные, ослабевшие люди с великой верой припадали к сохранившимся в храмах чудотворным иконам. Приходили они и к закрытой в 1940 году часовне Ксении Блаженной на Смоленском кладбище. Молились у закрытых дверей и по давней традиции писали записочки с просьбами и мольбами.

*Приходили они и к закрытой в 1940 году часовне Ксении
Блаженной на Столенском кладбище...*

Выжившие вспоминали потом, что детьми они воспринимали святую как реально существующего человека, живущего с ними в осажденном городе, ведь взрослые часто говорили: «Надо сходить к Ксеньюшке» или «Пойдем к Ксеньюшке, она поможет».

Сохранились свидетельства о явлениях и помощи в годы войны преподобной Ксении Петербургской не только жителям Ленинграда, но и воинам Красной армии, даже при освобождении Праги в 1945 году.

Много верующих бывало и у окошечка усыпальницы святого преподобного отца Иоанна Кронштадтского, люди молились великому чудотворцу.

Сохранились многочисленные легенды и предания о чудесных явлениях, знамениях и помощи Божией, явленной в блокадном Ленинграде. Одна из таких легенд повествует об эвакуации людей из города катерами через Ладожское озеро. Накануне рейса три катера спешно загружались, и на одном из них ходила с иконой какая-то старушка.

Капитан подошел в ней:

— Бабуля, не время с иконами ходить!

Та ответила спокойно:

— Сынок, делай свое дело, а я свое делать буду.

Загрузили катера людьми и поплыли. Начался обстрел. Два катера сразу же пошли ко дну, а третий, со старушкой, уцелел. Уцелели и люди на нем.

Некоторые верующие блокадники долгое время вспоминали о дочери священника, ходившей с подругами по Петроградской стороне с иконой Богородицы, обернутой в чистую тряпицу. Они

обходили с молитвой целые кварталы, и ни один «замоленный» дом не был разрушен.

Верующая блокадница Н. М. Федорова поведала такую историю. Поздней осенью 1941 года в их семье не осталось никакой еды, и мать несколько дней варила старые газеты и давала их есть детям. Когда те совсем обессилели, она вышла на улицу и пошла как в забытьи, несмотря на артиллерийский обстрел. Пробегавший мимо матрос, желая спасти, толкнул ее, и мать упала на снег, а когда поднялась, увидела, что под ней лежали три иконы — Святителя Николая, Иоанна Богослова и икона Божией Матери, на которой было написано «Хлебная Пресв. Богородица». Женщина поняла, что находка была не случайной, ведь когда она шла, ничего на земле не видела. Женщина подняла иконы, приложила к груди и побрела дальше. Она шла, пошатываясь. Видимо у нее был такой изнуренный вид, что проезжавшая мимо машина остановилась. Из нее вышел незнакомый военный и дал мешочек с килограммом овса. Хлебная Богоматерь послала хлеб.

Мать с радостью пошла домой и накормила детей. И только этот мешочек спас их от голодной смерти. С тех пор Хлебную икону Божией Матери хранят в семье как святыню и никогда с ней не расстаются.

Другой случай помощи святого старца приведен в литературе о преподобном Серафиме Вырицком: «В годы блокады семья Сошальских жила в Ленинграде. До войны Зоя Сошальская часто бывала в Вырице; во время бомбежек и артобстрелов она взяла за привычку мысленно,

а то и вслух повторять: «Батюшка отец Серафим! Спаси-помоги!»

После снятия блокады при первой же возможности она отправилась к старцу. Придя в его дом

Под ней лежали три иконы — Святителя Николая, Иоанна Богослова и икона Божией Матери, на которой было написано «Хлебная Пресв. Богородица»

на Майском проспекте, Зоя первым делом спросила:

— Батюшка, ты меня, наверное, уже забыл?

Старец с доброй улыбкой откликнулся:

— Где уж тебя забудешь! Надоела мне, кричавши: «Спаси-помоги, отец Серафим!»

Побеседовав с Зоей, старец благословил ее на принятие монашества в Пюхтицком монастыре и прибавил:

— Будешь еще в Иерусалиме игуменьей... — Но потом добавил: — Нет, хватит с тебя, пожалуй, и послушания казначеи!

Слова старца в точности сбылись».

Но самое большое чудо — это то, что в блокадном Ленинграде у людей в нечеловеческих условиях не угасла вера. Несмотря на запрещение в 1930-е годы колокольного звона, в Серафимовской церкви уцелели колокола. В начале войны прихожане разобрали пол и потолок, вырыли глубокие ямы и осторожно, с молитвой, схоронили колокола. А через два с половиной года — утром 27 января 1944 года — радостное известие о снятии блокады собрало у храма обессиленных людей, которые в едином стихийном порыве сняли перекрытия, раздолбили мерзлую землю, достали и подняли колокола. Без всякого разрешения властей в Серафимовской церкви зазвонили в день прорыва блокады ровно в 16 часов. Люди сменяли друг друга, и звон колоколов не умолкал более суток» (Шкаровский М. В. Религиозная жизнь блокадного Ленинграда по новым документальным источникам).

И, конечно же, настоящим чудом была сама Победа, великое чудо любви и силы духа — то,

что русский народ отстоял свою страну в беспримерно тяжелой кровопролитной войне и весь мир освободил от проклятья фашизма. Как сказал Михаил Илларионович Кутузов: «Если россы всегда будут сражаться за веру своих прародителей и честь народную, то слава будет вечным их спутником, и горе злодею, покусившемуся на хранимую Богом Святую Русь».

Глава 15. Благословенная Победа

В минуту смертельной опасности 3 июля 1941 года Сталин обратился к народу: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!»

Но 9 мая 1945 года, когда опасность миновала, вернулся к обычному обращению: «товарищи».

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

**по войскам Красной армии
и Военно-Морскому Флоту**

9 мая 1945 года, № 369

8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских

захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салюрует доблестным войскам Красной армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносные Красная армия и Военно-Морской Флот!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН»

(Текст приводится по изданию «Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза»).

Конечно же, не могла не откликнуться на Победу и Церковь. Патриарх Алексий I (Симанский), преемник Патриарха Сергия, к сожалению, не дожившего до Победы, 9 мая 1945 года обратился к своей пастве с жизнеутверждающим посланием: «Много еще предстоит нам трудного дела, — писал он, — но мы теперь можем дышать свободно и радостно приняться за труд, — тяжелый, но созидательный.

Если во время войны в непоколебимой вере в конечное торжество правого дела мы победоносно преодолели все трудности, все лишения,

Парад Победы прошел 24 июня 1945 года. Этот день, кстати, совпал с великим праздником Троицы

все тяготы на фронте и в тылу, то с какою же удвоенной силой мы примемся за воссоздание наших городов, из которых каждый — герой войны; наших дорогих и священных памятников, — всего того, что создала могучая воля и державная мощь нашего великого народа.

С благоговением вспоминая подвиги нашего доблестного воинства и тех наших близких и родных, кто положил за наше счастье временную жизнь в надежде воспринять вечную, — мы никогда не перестанем молиться о них и в этом будем черпать утешение в скорби о потере дорогих сердцу и укреплять свою веру в бесконечное милосердие Божие к ним, отошедшим в горний мир, и во всеильную помощь Божию нам, оставленным для продолжения земного подвига и для благоустройства жизни во всем мире».

Советская власть признала заслуги Церкви перед Отечеством, об этом свидетельствует решение правительства предоставить места на гостевых трибунах у мавзолея Ленина иерархам Церкви во время Парада Победы 24 июня 1945 года. Этот день, кстати, совпал с великим праздником Троицы.

Многие, пережившие войну, вспоминают День Победы, как самый счастливый день своей жизни. «Когда меня спрашивают о самом счастливом дне моей жизни, я говорю, что это был День Победы 9 мая 1945 года, — вспоминала блокадница Елена Колесникова. — Никогда не видела я потом у людей более счастливых лиц. И тогда, 9 мая 1945 года, верилось, что после таких потерь, страданий, ужасов люди поймут, наконец, бессмысленность войн» (Цит. по материалам интернет-портала «Блокадный Ленинград. 900 дней подвига»).

День Победы пришелся на Пасхальные дни. Этой радостью для верующих усугублялась Пасхальная радость. Летом 1945 года, после Победы, верующие выражали свои чувства на страницах «Журнала Московской Патриархии»: «Ясное солнечное утро 9 мая 1945 года радостью встревожило сердца. Весть об окончании войны облетела столицу. Как-то даже с трудом верилось. После стольких лет испытаний, скорби, тоски о близких вдруг стала возможной радость возвращения и свидания с близкими.

Этот день напоминал тот день Воскресения в Иерусалиме, когда люди, кто в радости, кто в страхе покидали свои дома, выходили на улицы города, передавая друг другу разлетевшуюся весть о воскресении Божественного Учителя. Никто не мог в тот день заниматься своими обыч-

ными делами. Событие, изменившее течение всей жизни, направившее мысли и стремление человека из темного греховного заблудившегося в своих исканиях мира к истинному Богу. Сколько людей с того святого дня переменяло совершенно свою старую жизнь на новую, светлую, сколько людей ушли на подвиг, чтобы всему человечеству разнести радость воскресения и бессмертия!

Исторический день 9 мая тем радостнее, что он пришелся на один из дней Пасхальной недели, когда ликующее «Христос Воскресе!» звучит победой жизни над смертью, когда мы поем: «Пасха — избавление скорби».

Вспоминается 1812 год, когда окончательное изгнание французов также совпало с величайшим христианским праздником Рождества Христа.

И чтобы полнее почувствовать радость сегодняшнего дня, люди стремятся в храм. Но несмотря на общую всюду разлитую радость, многие сегодня острее почувствовали боль невозвратимой утраты при мысли, что их сыновья, мужья, отцы и братья никогда не вернуться в родной дом и не разделят с ними радости. Вполне понятное человеческое чувство! Как бы страшась оказаться бессильными вынести в своем сердце без посторонней помощи чувство пустоты и обостренной тоски, эти люди также поспешили в храм, чтобы почерпнуть там силы, смириться со своей судьбой и в беспредельном Божием милосердии утишить свою скорбь. Перед кем же раскрыть свою душу в радости и скорби, как не перед милосердным Богом, всё знающим, всё предвидящим, всемогущим исцелить всякую рану?

В Николо-Кузнецкой церкви этот день совпал с престольным праздником в честь священномученика Василия. Как бы тройной праздник переживали сегодня молящиеся этого храма. Множество народа переполнило храм и двор храма. Стоявшие во дворе теснились к окнам, чтобы услышать хотя бы только долетавшие отголоски Божественной литургии. Никто не замечал тесноты. Молитвы радости и грусти слились вместе. При высоком религиозном подъеме прошла литургия. По окончании литургии, когда на середине храма встали с иконами, приготовившись идти с крестным ходом, на амвон вышел настоятель храма и поздравил молящихся с радостным окончанием войны. Затем он напомнил о тех, кто ценою своей жизни привели нашу Родину к победе над врагом. Господь допускает скорби и страдания, чтобы очистить мир от греха. Сам Христос прошел крестный путь, и через Голгофский крест воссияла миру радость Воскресения. В дни, когда мы воспеваем бессмертие, нас особенно должна утешать мысль, что со смертью человека не кончается его жизнь, что есть жизнь лучшая, бесконечная. И не является ли утешением сознание, что доблестные воины наши, исполнив величайшую заповедь нашего Бога, — положивши души свои за други своя, — перешли в вечную жизнь. И кажется, когда стоишь в храме, что души их присутствуют здесь и на наши молитвы отвечают молитвами.

Но все же человек не может без скорби и печали расставаться со своими близкими, не может не вспоминать о них. И не могли, конечно, пройти бесследно эти годы страданий. Какие неисчислимые жертвы во имя правого дела при-

несла наша Родина! Сколько теперь скорбящих и страждущих! Очень многие не дождутся своих близких, говорит священник...

Безудержные рыдания всего храма заглушили голос священника, они потрясли своды храма, вырвались из окон его за ограду и унеслись к лазурному весеннему небу. Когда несколько стихли рыдания, священник продолжал говорить. Он сказал, что в скорбях земных нам дано утешение. Это любовь, которой учил нас Христос. Чуткость и сострадание друг к другу согреют сердца и облегчат горе осиротевших. Казалось, в этот момент от святых икон исходит незримо утешение и умиротворение. Одухотворенные образа святых смотрели кротко и участливо, говорили, что не надо забывать о вечной жизни.

Крестный ход двинулся из храма во двор и три раза обошел вокруг храма, из окон которого доносился пасхальный перезвон. Было что-то трогательное и величественное в движущихся хоругвях и иконах. Иконы Божией Матери и особенно чтимых народом святых — Святителя Николая, Целителя Пантелеимона, Иоанна Воина, преподобного Сергия, некогда благословившего на защиту родной земли двух иноков, — двигались в толпе с народом. Они сопровождали крестный ход, присутствовали среди нас, так, как присутствуют в нашей повседневной жизни, ограждают нас молитвами, незримо оказывают нам помощь.

Когда крестный ход опять вошел в храм, внутри его долго еще звучал красный Пасхальный звон колоколов и пелись Пасхальные стихи.

Умиротворенные, обрадованные радостью духовной, готовые продолжать жизненный путь,

Было что-то трогательное и величественное в движущихся хоругвах и иконах...

вышли отсюда люди. Все самые сильные чувства переживаются в храме. И потому храм влечет к себе и радостных и опечаленных.

В этот же день вечером в Патриаршем соборе было совершено благодарственное молебствие. Став историческим, этот храм, с которым связаны незабываемые воспоминания о поместном соборе Русской Православной Церкви, происшедшем 31 января – 4 февраля текущего года, и много других дорогих воспоминаний всегда привлекает множество народа. Так и сегодня за несколько часов до Богослужения собор уже наполнился богомольцами. Молебен совершал Святейший Патриарх Алексей. На молебне присутствовал прибывший из Англии настоятель Кентерберийского собора. Такая же теснота, как в Светлую утреню. Всем хочется особенно в этот день помолиться от души вместе с Патриархом

и услышать от него слово. И Святейший в своем обращении к собравшимся на молебен призывал народ продолжать трудиться на пользу Родины, и делать это так, как делали во время войны. Жизнь наша должна быть подвигом... Скорбь всегда сопровождает нашу жизнь, а теперь вследствие войны ее стало еще больше. Надо употребить свои силы на то, чтобы как можно больше облегчать ближнего.

Глубоко запали в душу слова Святейшего и многие унесли в сердце твердую уверенность в том, что Церковь всегда будет служить источником утешения во всех обстоятельствах жизни. Церковь никогда не оставалась безучастной как к страданиям каждого отдельного человека, так и к бедствиям целого народа. Сколько во время войны получали мы поддержки моральной в Божием храме. И в истории Церкви отмечено много церковных деятелей, принимавших в годину бедствий непосредственное участие в помощи Родине и облегчении народа. Да благословит Господь и наших пастырей в их добром святом деле» (Н. Васильева. Праздник Победы).

А вот еще две публикации в «Журнале Московской Патриархии».

«Исторический год. В этом, 1945 году, в Светлые дни Пасхи христианской получена радостная весть о Победе на фронтах.

Две Победы...

Победа Христа над смертью: «Смертью смерть поправ», и победа оружия миролюбивых народов над врагом мира.

Пасха христианская — как Воскресение. Христос — Истина и Жизнь (Ин. 14, 6) — восстанием из мертвых победил зло и смерть, и победа на

фронтах — как торжество правды и справедливости, торжество жизни, культуры и прогресса человечества над фашистским насилием и злобою, аморализмом и зоологическим национализмом неметчины.

Две Победы...

Победа Царства не от мира сего (Ин. 18, 36) и Победа земных царств мира сего... Но обе Победы — победы жизни и созидания над смертью и разрушением.

Случайны ли они? Только ли одно время сблизило и сроднило их? Только ли внешняя лучезарность конечных благих целей их влечет к себе одновременно сердца христиан и сердца патриотов Родины?

Из евангельских повествований мы знаем, что Воскресению Христа предшествовали Голгофа, величайшие мучения и страдания, крестное распятие и смерть.

А что было, как не Голгофа нашей дорогой Родины, когда враг дошел до Волги и Кавказа, когда родная земля наша обильно полилась кровью замученных отцов наших, жен, матерей и детей, когда сплошной кошмар насилия звериной поступью шагал по городам и весям нашим, все подвергая огню, разрушению и смерти! Это ли было не распятие врагом нашего Отечества!

Но тогда, в Иерусалиме, после позорного креста и смерти Христос воскрес... А теперь, в Берлине, после непомерных мук, страданий и жертв кровавых, водружено знамя воскресения России, знамя нашей славной гражданской Пасхи. Но не случайны и эти совпадения: Голгофы Христа и Голгофы нашей Родины, Воскресения Христа и воскресения России.

Христос утверждал, что Он есть не только Истина и Жизнь, но и Путь. И прежде всего Путь...

«Я есть Путь и Истина и Жизнь» (Ин. 14, 6). Как Всемогущий Бог, Он мог бы одним словом уничтожить своих врагов, не допустить позорной смерти на кресте и чудом спасти человечество.

На этот легкий путь и соблазнял Христа в пустыне сатана перед началом Его общественного служения. «Если Ты Сын Божий», — как бы так говорил Христу искушитель, — то зачем Тебе страдать, подвергать Себя мукам, проливать кровь и умирать на кресте? Поклонись мне, сатане, признай меня, и все будет Твое». Как известно из Евангелия, Христос с негодованием отверг искушения сатаны (Мф. 4, 8–11) и после сего часто и много учил, что Ему должно пострадать... и быть убитому и в третий день воскреснуть (Мф. 16, 21). Таков Путь Христа Бога: сначала подвиг и страдания, а потом уже Победа и радость Воскресения. «Се бо прииде Крестом радость всему миру», — поет Святая Церковь.

Этот же путь Христа есть путь Церкви Православной и путь каждого спасающего себя христианина.

Как известно, Церковь росла и крепла на крови мучеников и подвижников веры, а Своим последователям Христос говорил: «Вы печальны будете, но печаль ваша обратится в радость» (Ин. 16, 20).

Общественная и государственная жизнь есть организация людей для достижения общего блага на земле. Но все земное есть лишь часть целого, вселенского, как временное есть часть вечного; отсюда блага земные — лишь в какой-то степени (положительной или отрицательной) минимум

*Не склонилась Россия и не склонили тиромобивые народы колени
перед звероподобным врагом, а убили зверя...*

Домостроительства и Царства Божия на земле. А если так, то, ставя себе пускай ограниченные и чисто земные цели в достижениях идеалов человеческих и правды в людях, — государства и народы неизбежно (хотят они этого или нет) идут путем Христа: тяжкий труд, муки творчества, страдания и крови, — и только после этого радость достижения, рост в развитии и победы...

Гитлеризм неметчины, поставивший дьявольскую цель подчинения себе всего мира во имя сатанинского эгоцентризма, думал молниеносной войной заставить наше Отечество поклониться ему и насилием принудить народы признать власть его. Но в первый же день разбойничьего нападения на нашу Родину враг получил достойный и грозный ответ советского правительства: «Наше дело правое. Победа будет за нами. Враг будет разбит». С величайшим негодованием народ наш отверг сатанинскую власть насильников, — и началась во имя свободы и правды трудная многолетняя борьба. Тяжелый, подвижнический путь прошел народ наш. Но при самых тяжелых испытаниях он все же верил в правоту своего дела и... победил. «Сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Ин. 5, 4).

Не склонилась Россия и не склонили миролюбивые народы колени перед звероподобным врагом, а убили зверя...

Правда победила!

И еще существенная деталь.

Победитель смерти Христос в деле спасения человечества был в совершенном единении с Отцом Своим. «Я и Отец одно» (Ин. 10, 31). Абсолютное единство Бога христианского — в Троичности Лиц есть идеальный образ и подобие

единения человечества в достижении им благих целей. Христос молился: «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они будут в Нас едино» (Ин. 17, 21). «В единении сила», — говорит и народная мудрость.

И Россия победила, потому что она есть ныне необъятный Союз наших многочисленных народов, выявивших в эту войну полную монолитность единства. Победили миролюбивые народы, потому что были также едины, ибо были в союзе с нами и между собою.

И теперь, когда победа достигнута, благо нашего Отечества и благо всего человечества будут исключительно зависеть от того, сохранят ли миролюбивые народы единство.

Надо помнить, что единство Бога в Троичности есть вечная норма и прототип человеческого единства, если люди искренно стремятся к добру и миру во всем мире. Как известно, в наши дни истина эта осознана большинством и полагаются уже первые камни в основание общечеловеческого союза.

«Да будут все едино» — молил Христос.

И сие буди, буди!»

(Протоиерей Феопемт Комиссаров. Победа! Мысли и чувства христианина. Журнал Московской Патриархии, № 6, июнь 1945 г.)

«В дни Отечественной войны еще раз во всем своем величии самопожертвенного подвига предстал пред изумленными взорами народов Европы и Америки и других стран великий русский народ, отстоявший в ожесточеннейшей борьбе свою национальную независимость и освободивший от вражеского захвата не только свою, обильно политую кровью, родную землю, но и земли других народов...

Когда гитлеровские разбойники злодейски напали на нашу священную землю, когда все народы Советской державы в могучем порыве поднялись на Великую Отечественную войну за свою честь, свободу и независимость, — Православная Русская Церковь приняла самое горячее участие в защите Родины всеми имеющимися в ее распоряжении средствами, начала вести с первых же дней войны большую патриотическую работу, на которую ее вдохновил незабвенный в летописях Русской Церкви Святейший Патриарх Сергий.

Нельзя не изумляться необычайной храбрости, смелости и дисциплинированности русского солдата.

Во всех войнах русский народ проявлял величайший патриотизм.

...Когда враг был под Москвой, когда был осажден Ленинград, когда были заняты Северный Кавказ и Крым, когда происходили исторические битвы под Воронежем и Сталинградом, когда Гитлер с Геббельсом, вероятно, уже готовились праздновать свою победу, — даже в это, казалось бы, отчаянное время простой русский народ ни на минуту не сомневался в том, что жестокий враг будет побежден. Каждое наше отступление он считал только затяжкой войны, так как, говорил народ, чем дальше пройдет враг вглубь нашей страны, тем больше потребуются времени на его изгнание из пределов Советского Союза. Он никогда не допускал мысли о возможности переговоров с немцами о мире. Он твердо верил, он знал, что враг будет изгнан с родной земли и будет побежден.

Неисчислимо количество героев, участников второй Отечественной войны. Где, когда, в какой

армии бывали такие беззаветно преданные своей Родине герои, как Зоя Космодемьянская, как Сосновский и Матросов, загородившие своим телом дуло пулемета, чтобы дать возможность своим подразделениям выполнить задания?!

А капитан Гастелло, а Лиза Чайкина, Шура Чекалина?! Не единицами, не сотнями и даже не тысячами исчислялись такие патриоты-герои в Отечественной войне. И разве можно перечислить все имена их? Мы видим на каждом шагу людей с золотыми звездами на груди. Это — герои Советского Союза, выдающиеся подвиги которых стали известными всему народу. А сколько было военных героических подвигов, не могущих быть замеченными? С глубоким волнением и с невыразимой благодарностью чтит русский народ память безвестно погибших красноармейцев и командиров, павших в боях за свободу и независимость нашей Родины.

«С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!»

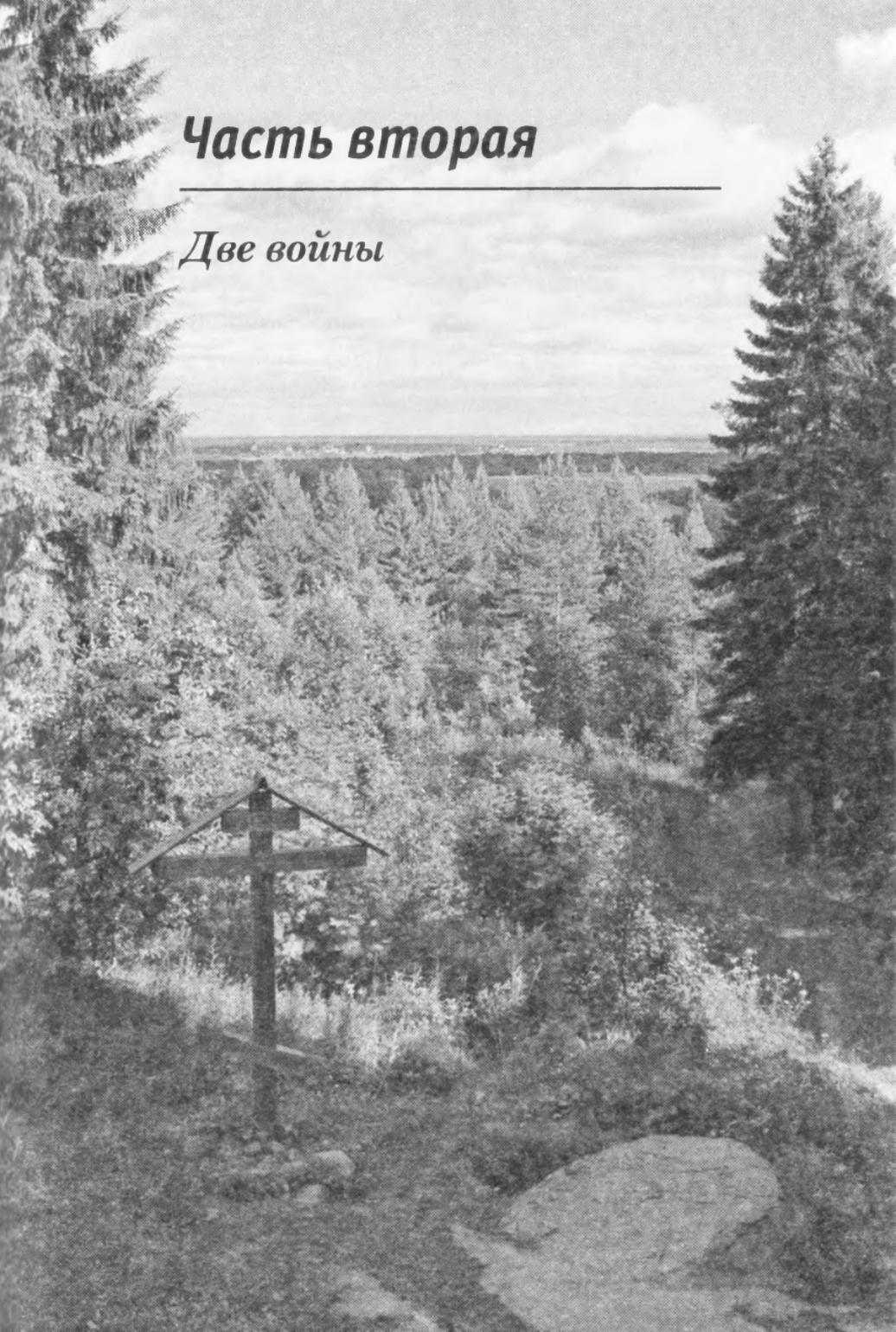
(В. Янов. Великий русский народ).

Определением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви установлено совершать в День Победы — 9 мая — особое ежегодное поминовение усопших воинов, за веру, Отечество и народ жизнь свою положивших, и всех страдальчески погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Часть вторая

Две войны

К. А. Военский

С Крестом в сердце и с оружием в руках

Русское духовенство
и Отечественная война
1812 года

«В тех жутких контратаках среди солдатских гимнастеров мелькали черные фигуры — полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским словом и поведением... Они навсегда остались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой».

А. А. Брусилов, 1915

Глава 1

Нашествие «двадцати язык». — Обращение Александра I к русскому народу и к духовенству. — Рескрипт епископу Смоленскому Иринею. — Народная война. — Александр I в Москве. — Переписка Государя с митрополитом Платоном. — Преосвященный Августин, епископ Дмитровский. — Молитва об избавлении от

В 1812 году Россия подверглась тяжелому бедствию, какого не испытывала с давних времен. Император французов Наполеон, покоривший почти всю Западную Европу, собрал огромные полчища из солдат почти всех западноевропейских государств и во главе этой армии, достигавшей до 600 тысяч человек, двинулся на Россию и перешел ее польско-литовскую границу.

Это событие названо «нашествием двадцати язык», потому что в состав армии Наполеона входили солдаты двадцати различных народностей.

Узнав о вступлении врага в пределы России, император Александр Благословенный обратился ко всему русскому народу с манифестом, в котором были золотые слова:

«Мы взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шагу верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном – Палицына, в каждом гражданине – Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство, вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ русский, ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров.

Соединитесь все с Крестом в сердце и с оружием в руках, и никакие силы человеческие вас не одолеют».

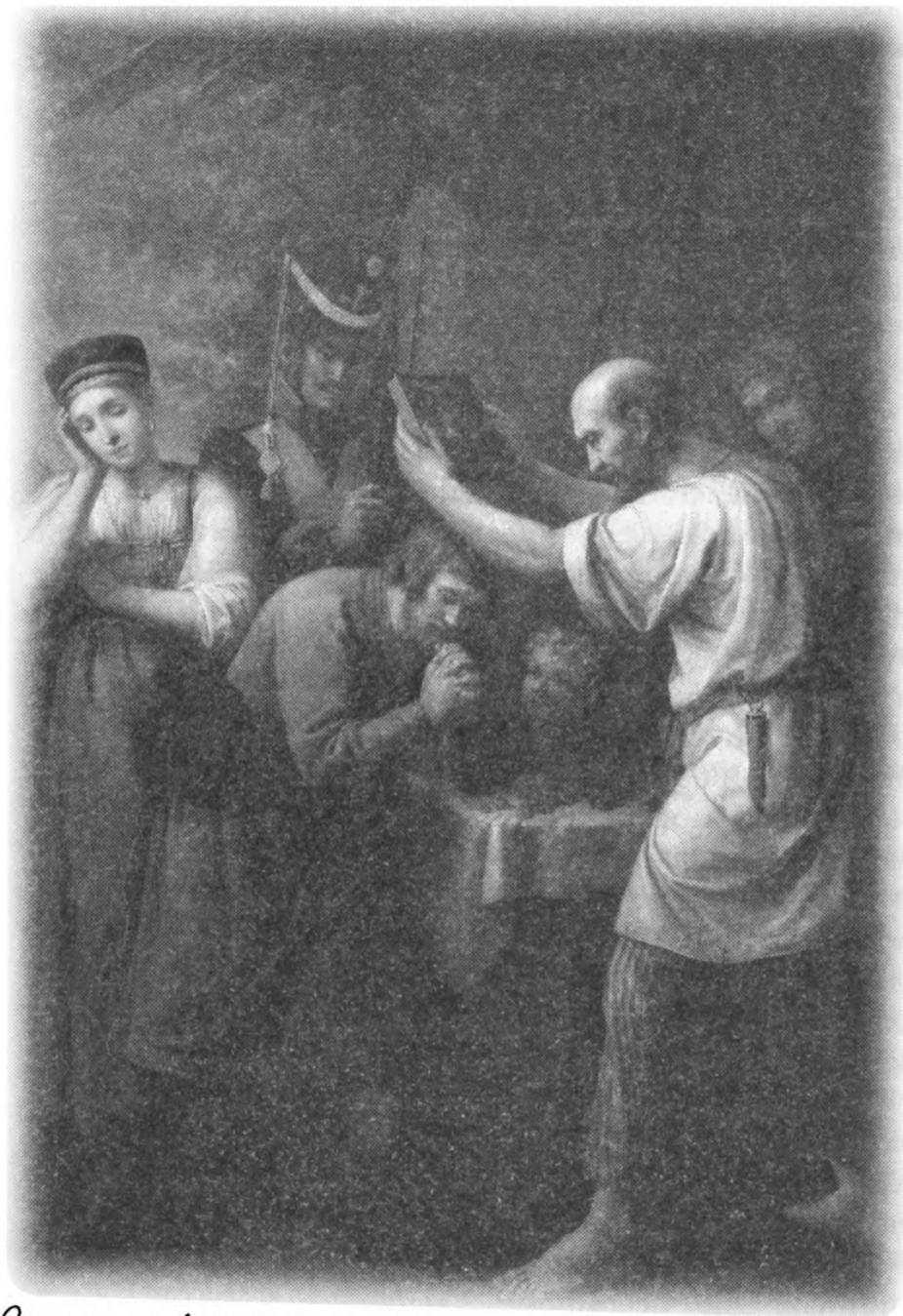
В Смоленске, куда император Александр I прибыл 6 июля, государь впервые обратился непосредственно к православному духовенству и в рескрипте на имя епископа Смоленского Ириней писал:

«Узнав, что некоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы свои, скрываются и бегут от малочисленных неприятельских разъездов, появляющихся в далеком еще расстоянии от Смоленска, возлагаем мы на вас пастырский долг: внушениями и увещаниями своими собирать их и не только отвращать от страха и побега, но, напротив, убеждать, как того требует долг и вера христианская, чтобы они, соединяясь вместе, старались вооружаться, чем только могут, дабы, не давая никакого пристанища врагам, везде и повсюду истребляли их вместо робости наносили им самим великий вред и ужас».

Это обращение читалось по всем смоленским храмам и было разослано по приходам Смоленской губернии через благочинных. Оно, несомненно, принесло большую пользу. Во многих местах

Император французов Наполеон, покоривший почти всю Западную Европу, собрал огромные полчища и двинулся на Россию...

*Соединитесь все с Крестом в сердце и с оружием в руках, и никакие
силы человеческие вас не одолеют*

жители, действительно, вооружались, составляли отряды и преследовали французские разъезды.

Так началась, в 1812 году, народная война, против которой оказалась бессильной «великая армия» Наполеона. Священники неустанно проповедовали непримиримую борьбу с врагом. Многие из духовенства, как мы увидим, сами принимали в ней деятельное участие.

Митрополитом московским тогда был известный архипастырь Платон, правивший митрополией 37 лет. Владыку высоко ценила еще императрица Екатерина за ум и горячее сердце, пылающее святой верой и любовью к Родине. Из-за старческих недугов святитель жил не в столице, а в Вифании (в Троице-Сергиевой Лавре), где и думал на покое окончить свои дни. Но не это было суждено судьбой старцу. Роковая весть о нашествии неприятеля проникла и в тихую обитель. Кровью облилось сердце митрополита Платона.

— Боже мой! Боже мой, до чего я дожил! — зывал он, горько рыдая.

Не один раз приказывал митрополит готовить себе карету для отъезда в Москву, где он хотел видеть последний раз императора Александра I, который прибыл в Первопрестольную в самом начале войны, и благословить царя на великий подвиг. Но с трудом доходя до кареты, архипастырь чувствовал полное истощение сил и вынужден был возвращаться в свои покои.

Наконец, отказавшись от мысли лично благословить государя, маститый иерарх послал ему 14 июля с наместником Троицкой Лавры, Самуилом, образ преподобного Сергия, написанный на гробовой доске угодника и сопутствовавший

Святитель жил не в столице, а в Вышнем, в Троице-Сергиевой Лавре, где и думал на покое окончить свои дни. Но не это было суждено судьбой...

Петру Великому в походах и сражениях. Одновременно владыка писал:

«Первопрестольный град Москва, сильный Иерусалим, приемлет Христа своего, яко мать, во объятия усердных сынов своих и, сквозь возникающую мглу проводя блистательную славу твоей державы, поет в восторге: «Осанна, благословен грядый!» Пусть дерзкий и наглый Голиаф от пределов Франции обносит на краях России смертоносные ужасы; но кроткая вера, сия праща российского Давида, сразит внезапно главу кровожадной его гордыни. Се образ преподобного Сергия, древнего ревнителя о благе нашего Отечества, приносится Вашему Императорскому Величеству. Болезную, что слабеющие мои силы препятствуют мне насладиться любезнейшим Вашим лицезрением. Теплые воссылаю к небесам молитвы, да Всесильный возвеличит род

правых и исполнит во благих желания Вашего Величества».

Государь не замедлил ответить митрополиту:

«Я получил от вас письмо и принял образ преподобного Сергия. Первое принял я с удовольствием, как от знаменитого и мною столь уважаемого пастыря Церкви, второе — с благоговением. Образ святого поборника российских военных сил велел я отдать составляющемуся для защиты Отечества Московскому ополчению, да сохранит он его своим предстательством у Престола Божия и да продлит молитвами своими и украшенные честью и славою дни Ваши».

Владыка вновь писал императору, не скрывая грозящих ужасов войны, но предсказывая конечную победу русских.

Вследствие немощи митрополита, делами церковного правления ведал викарий Августин, епископ Дмитровский. В день прибытия государя в Москву преосвященный Августин встретил монарха в Успенском соборе торжественным приветствием, в конце которого произнес восторженно:

— Царь, Господь с тобою! Он гласом твоим повелевать будет, и станет в тишину, и умолкнут воды потопа... С нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог».

Красноречие Августина обратило на себя внимание Александра, и государь повелел Московскому викарию написать молитву об избавлении от супостатов. Эта молитва в 1812 году читалась повсеместно в храмах, с коленопреклонением.

Впоследствии преосвященный Августин неоднократно своими горячими проповедями поддерживал дух народа и с высоты амвона призывал

москвичей подниматься на великую брань. Когда Правительствующий Сенат возвестил волю государя о составлении народного ополчения, то высшее духовное учреждение, Святейший Синод, тотчас же собрался в полном составе и сделал целый ряд постановлений.

Из прибылей от свечной продажи в церквях было отдано полтора миллиона рублей, на со-

Преосвященный Августин встретил монарха в Успенском соборе торжественным приветствием...

ставление новых сил (половина — на петербургское ополчение и половина — на московское). Все духовенство и миряне приглашались жертвовать деньгами, серебряными и золотыми вещами. Причетники, дети священнослужителей и церковнослужителей, находившиеся при отцах, и семинаристы (не выше риторического класса) увольнялись по желанию в ополчение, получая от Церкви пособие на одежду и продовольствие. Поступавшим в ополчение объявлялось, что если по окончании войны они пожелают, то получают свои прежние места.

В первый воскресный и праздничный день перед началом обедни, по постановлению Святейшего Синода, обнарудовался в церквях манифест; потом совершался молебен о ниспослании побед над врагом, который затем служился ежедневно. После манифеста прочитывалось следующее воззвание Святейшего Синода:

«По благодати, дару и власти, данным нам от Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Его великим и сильным именем взываем ко всем благоверным чадам Российской Церкви.

С того времени, как ослепленный мечтою вольности народ французский ниспровергнул престол единодержавия и алтари христианские, мстящая рука Господня видимым образом тяготела сперва над ним, а потом, через него и вместе с ним, над теми народами, которые наиболее отступлению его последовали. За ужасами безначалия следовали ужасы угнетения. Одна брань рождала другую, и самый мир не приносил покоя. Богом спасаемая Церковь и держава Российская доселе была, по большей части, страдающей зрительницей чуждых бедствий, как бы для

того, чтобы тем более утвердилась во уповании на Промысл и тем с большим единодушием приготовилась встретить годину искушения.

Ныне эта година искушения касается нас, россияне. Властолюбивый, ненасытимый, не хранящий клятв, не уважающий алтарей враг, дыша столь же ядовитую лестию, сколько лютою злобою, покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим и на благолепие храмов Божиих еще издалеча простирает хищную руку.

Сего ради взываем к вам, чада Церкви и Отечества. Примите оружие и щит, да сохраните верность и охраните веру отцов наших. Приносите с благодарением Отечеству те блага, которыми Отечеству обязаны. Не щадите временно го живота вашего для покоя Церкви, пекущейся о вашем вечном животе и покое. Помните дни древнего Израиля и дела предков наших, которые о имени Божием с дерзновением повергались в опасности и выходили из них со славою.

Взываем к вам, мужи именитые, стяжавшие власть или право на особенное внимание своих соотечественников: предшествуйте примером вашего мужества и благородной ревности тем, которых очи обращены на вас. Да воздвигнет из вас Господь новых Навинов, одолевающих наглость Амалика, новых Судей, спасающих Израиля, новых Маккавеев, огорчающих царей многих и возвеселящих Иакова в делах своих.

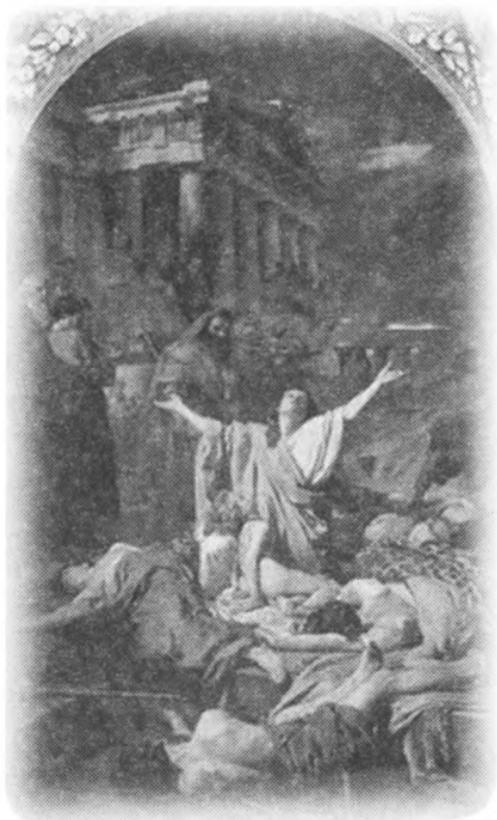
Наипаче же взываем к вам, пастыри и служители алтаря. Якоже Моисей во весь день брани с Амаликом не восхотел опустить рук, воздеянных к Богу, утвердите и вы руки ваши к молитве дотоле, доколе не оскудеют мышцы борющихся с нами. Внушайте сынам силы упования на Госпо-

да сил. Вооружайте словом истины простые души, открытые нападением коварства. Всех научайте словом и делом не дорожить никакою собственностью, кроме веры и Отечества. И если кто из сынов левитских, еще не определившихся к служению, возревнует ревностию брани, благословляется на сей подвиг от самой Церкви.

Всем же и каждому, о имени Господа нашего, заповедуем и всех умоляем блюститися всякого неблагочестия, своеволия и буих шатаний, пред очами нашими привлекших гнев Божий на языки, пребывать в послушании законной, от Бога поставленной власти, соблюдать бескорыстие, братолюбие, единомушие и тем оправдать желания и чаяния взывающего к нам, верноподданным своим, Богом помазанного монарха Александра.

Церковь, уверенная в неправедных и нехристоролюбивых намерениях врага, не престаёт от всея кротости своей вопиять ко Господу о венцах победных для доблестных подвижников и о благах нетленных для тех, которые душу свою положат за братию свою. Да будет, как было всегда, и утверждением,

*Да воздвигнет из вас Господь новых
Макавеев, огорчающих царей
и возвесялящих Иакова в делах
своих!*

и воинственным знаменем россиян сие пророческое слово: о Бозе спасение и слава».

Так, наряду со всем народом, русское духовенство приняло участие в великой народной войне.

Глава 2

Неприятель в коренной России. — Грабежи и неистовства вражеских войск. — Духовенство ободряет народ. — Партизаны-церковнослужители. — Дьячок Савва Крастелев. — Пономарь Смирягин. — Священник отец Никифор Мурзакевич. — Его деятельность во время осады французами Смоленска. — Он напутствует Энгельгардта перед смертью. — Смоленская чудотворная икона Божией Матери.

Главнокомандующий 1-й армией, Барклай-де-Толли, предполагал дать генеральное сражение Наполеону под Витебском, но здесь он узнал, что 2-я наша армия, находившаяся под начальством Багратиона, оттеснена французами и движется к Смоленску. Передовые разъезды французов проникли уже в коренную Русскую землю, в Смоленскую губернию, а следом за ними направлялись и главные силы неприятеля.

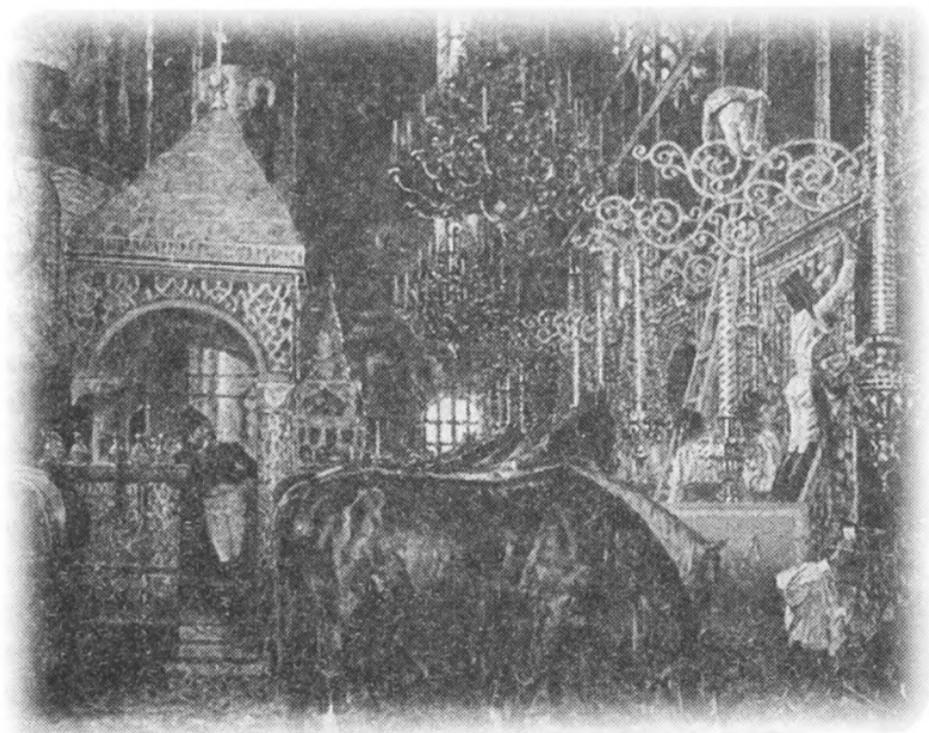
Русские крестьяне встречали врага крайне враждебно. Жители деревень бежали в леса, угоняли скот, сами разрушали, а часто и жгли свои избы. Более смелые собирались в отряды и подстерегали французские разъезды, нападая на них врасплох и истребляя без всякого сожаления.

Неприятель вполне заслужил такое отношение к себе со стороны русского народа. Известный атаман донских казаков, Матвей Иванович Платов, доносил главнокомандующему, что французы грабят крестьян, убивают их в случае защиты ими своего имущества и оскорбляют

женщин. Особенно же глубоко возмутило народ кощунство неприятельских войск. Враги издевались над сельскими священниками, уносили все ценное из церквей, оскверняли алтари. Храмы Божии обращали во временные казармы и даже в конюшни.

В Смоленске и в Москве враги оскверняли также православные святыни, и делалось это нередко с согласия самих командиров. Правда, Наполеон издавал приказы по армии, чтобы наказывали грабителей, но в то же время сам решил из Москвы вывезти золотой крест с колокольни Ивана Великого. Много в тот период появилось на Руси героев из народа, ушедших из

Враги издевались над священниками, оскверняли алтари, храмы Божии обращали во временные казармы и даже в конюшни...

*Правда, Наполеон издавал приказы по армии, чтобы наказывали
забителеей, но в то же время сам решил из Москвы вывезти
золотой крест с колокольни Ивана Великого*

домов от своих семей, и, в исполнение воли государя, причинявших неприятелю всякий вред и вносивших в ряды вражеской армии ужас. К сожалению, немного таких имен сохранила история и лишь о некоторых передала подробные сведения.

Среди этих добровольцев — защитников Родины — были лица и духовного звания. Так, например, в городе Рославле дьячок Пятницкой церкви Савва Крастелев, видя разорение своего Отечества, вспылал гневом к врагу и ушел в леса. Около него собрались бездомные крестьяне и под его предводительством стали нападать на французских мародеров-грабителей. О храбрости дьячка сохранились предания. Французские разъезды боялись его отряда как огня. Он нападал на неприятеля первый и своим примером воодушевлял остальных. Крастелев уничтожил множество мародеров, грабивших деревни и помещичьи усадьбы. Но однажды сильному французскому отряду удалось окружить его. Дьячок-воин не сдался и в неравном бою погиб геройской смертью за Родину. Благодарное потомство да сохранит о его подвиге признательную память!

Позднее, при отступлении французов, прославился пономарь села Савенок Сычевского уезда Смоленской губернии Смирягин. Он тоже стал во главе крестьян и отбил у французов знамя, которое состояло из древка с утвержденным на нем императорским орлом из металла, и карту России. За этот подвиг Смирягин удостоился награды знаком отличия военного ордена, а крестьяне его отряда — похвального листа от государя.

Так боролся русский народ с врагом, с того дня, когда тот переступил границу Смоленской губернии, вплоть до полного изгнания французов из пределов Отечества. И в этой героической борьбе немало было смелых людей из духовенства, не щадивших жизни ради Родины, имена же их Ты, Господи, ведаешь.

Во время осады Смоленска страшным врагом, во дни всеобщего переполоха и бегства большинства жителей, в Смоленске нашелся человек, который претерпел все невзгоды неприятельского нашествия, оставаясь в городе. Это был священник соборной Одигитриевской церкви, отец Никифор Мурзакевич.

Вся жизнь этого достойного пастыря Церкви свидетельствует о необычайной силе и величии духа. Еще будучи дьяконом, он начал писать «Историю города Смоленска» и, несмотря на то, что был беден и обременен большой семьей, покупал необходимые для работы книги и рукописи. Некоторые смеялись над «ученым» трудом «неученого дьякона». К счастью, нашлись истинно образованные люди, которые оказали ему поддержку, и его книга была напечатана.

Епископ смоленский Парфений, видя усердие отца Никифора, также поощрял его труды. Когда впоследствии освободилась вакансия настоятеля Одигитриевской церкви, отец Никифор был рукоположен во священника и определен на это место.

В начале 1812 года отца Никифора посетило тяжелое горе: умерла его жена в злой чахотке. Вдовец остался с семьей детьми и старухой-матерью. На руках была еще сиротка, взятая на воспитание. Ввиду близости неприятеля, отец Ники-

фор сначала совсем растерялся. С одной стороны, нашествие чужеземцев угрожало разорением и другими ужасами, с другой — долг повелевал пастырю остаться хранителем вверенной ему святыни — Православной Церкви. Отец Никифор отправил со свояком в Вязьму, старшего сына и дочь, а сам с малышами и старухой остался в Смоленске.

Во время осады Смоленска нашёлся человек, который претерпел все невзгоды неприятельского нашествия, оставаясь в городе. Это был священник соборной Одыгитриевской церкви...

Когда, в ночь на 4 августа, все смоляне обратились в бегство, и отец Никифор поддался слабости: испугался не за себя, а за детей... И уж лошадь себе приготовил, чтобы вывезти семейство, да ночью кто-то увел ее со двора... Сама судьба указывала ему путь к испытаниям и подвигу!

Кроме отца Никифора, во всем Смоленске остался лишь один священник, отец Яков Соколов.

Отец Никифор понял, что из Смоленска ему не выехать, и стал служить в своей Одигитриевской церкви, словно в мирное время.

Утром 4 августа один из славных защитников Смоленска, генерал Паскевич, потребовал священника к раненым солдатам. Посланные нашли отца Никифора. Взяв Святые Дары и повесив на грудь икону Богоматери, батюшка отправился немедленно на Королевский бастион. Раненых было много. Под огнем неприятеля герой-священник исповедовал их и причащал. На глазах отца Никифора были убиты два солдата и ранен ядром в ногу артиллерийский капитан, но пастырь, невредимый среди пуль и ядер, обошел всех засевших во рву солдат, благословлял их и утешал.

5 августа началась бомбардировка Смоленска. Дом отца Никифора был разгромлен ядрами. Лишенный крова, священник со своим семейством отправился в церковь. Там же укрылось несколько прихожан. Отец Никифор стал служить молебен перед иконой Спасителя.

Едва он закончил, как в окно влетела бомба и разорвалась посреди церкви. Силой взрыва поломало клиросы, а самого священника бросило в алтарь. Думали, что батюшка убит, но он вновь появился у Царских врат, среди клубов дыма.

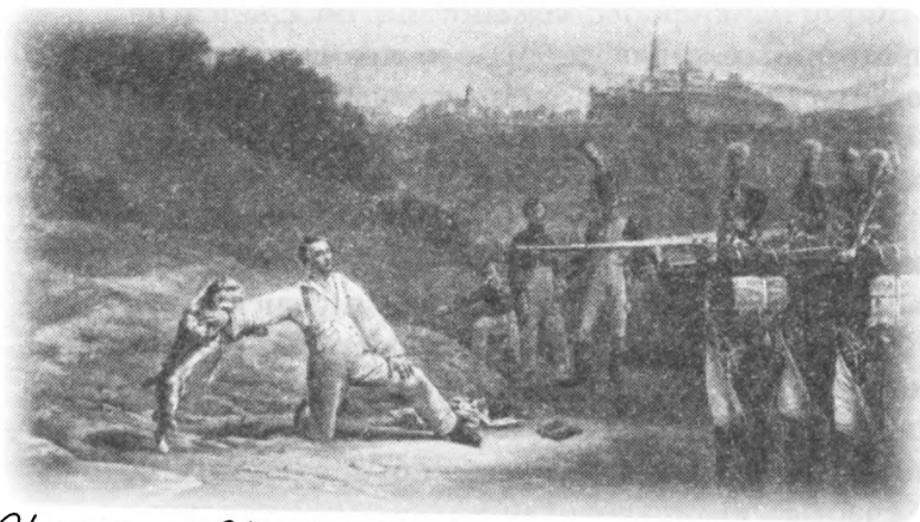

Отец Никифор с семейством поселился на просторных хорах соборного храма до конца штурма Смоленска. Кончилась адская канонада. Пушки замолкли. Только слышался грохот и треск горевших зданий. Небо ярко пылало заревом.

6 августа утром в ужасе бежали почти все жители. Мост был сожжен. Но отец Никифор остался в городе. Французы заняли Смоленск. Зять Наполеона, король Неаполитанский Мюрат, осмотрел собор и занял архиерейские покои. Его слуги первыми начали грабить церкви. Отец Никифор бросился к Мюрату, но не застал его. К счастью, ему удалось увидеться с Понятовским, командующим польской армией, служившей Наполеону. Понятовский послал конвой для охраны соборных церквей. Все ценное, а также семьдесят три мешка медных денег удалось спрятать в кладовой Успенского собора. По особой просьбе отца Никифора Мюрат назначил постоянную

Кончилась адская канонада. Пушки замолкли. Только слышался грохот и треск горевших зданий...

На долю отца Никифора выпало еще одно тяжелое испытание: он присутствовал при казни русского патриота-героя. Это был смоленский помещик Павел Иванович Энгельгардт...

охрану собора от мародеров (отставших от своих полков французских солдат, которые занимались грабежом).

Однако этому конвою скоро надоело стоять у дверей. Солдаты вошли в собор, устроили себе ночлег на архиерейском амвоне, играли там в шашки, а пищу варили в котле, разводя огонь на чугунном полу у западных дверей. Иные взлезали на колокольни и звонили, для потехи, в колокола.

Все время, пока французы занимали Смоленск, отец Никифор продолжал служить в своей церкви и исполнять требы. Всегда был он предстателем и защитником у неприятеля за русских, хотя французского языка и не знал, а изъяснялся, с кем мог, по-латыни.

В это время на долю отца Никифора выпало еще одно тяжелое испытание: он присутствовал

при казни русского патриота-героя, приговоренного французами к расстрелу. Это был смоленский помещик Павел Иванович Энгельгардт, проживавший в своем имении. Как отставной военный, он собрал своих крестьян, вооружил их, обучил и со своим отрядом стал нападать на шайки мародеров, причиняя неприятелю чувствительный вред. Французам удалось захватить отважного помещика. Они привезли его в Смоленск и предали военному суду, причем предварительно всеми мерами старались привлечь его на службу Наполеону, обещая помилование и награды. Но Энгельгардт остался непреклонен и предпочел смерть измене Родине.

15 октября 1812 года, близ Малаховских ворот, состоялась казнь Энгельгардта. Отец Никифор, в полном облачении, с крестом в руках, напутствовал героя, который умер смертью храбрых. Когда ему хотели завязать глаза платком, Энгельгардт воскликнул:

— Прочь! Русский всегда смотрит смерти в глаза!

Так умирали русские люди в 1812 году.

Однажды ночью, при отступлении французской армии, 28 октября, отец Никифор шел к больному, чтобы отслужить молебен. В это время кто-то сказал, что едет Наполеон. Услышав это, отец Никифор крикнул своему сыну: «Давай ризу!» — но успел только надеть епитрахиль, как Наполеон подошел к нему и спросил по-латыни:

— Ты поп?

— Так, — отвечал отец Никифор и протянул французскому императору бывшую у него в руках просфору. Наполеон передал ее тут же какому-то генералу и удалился.

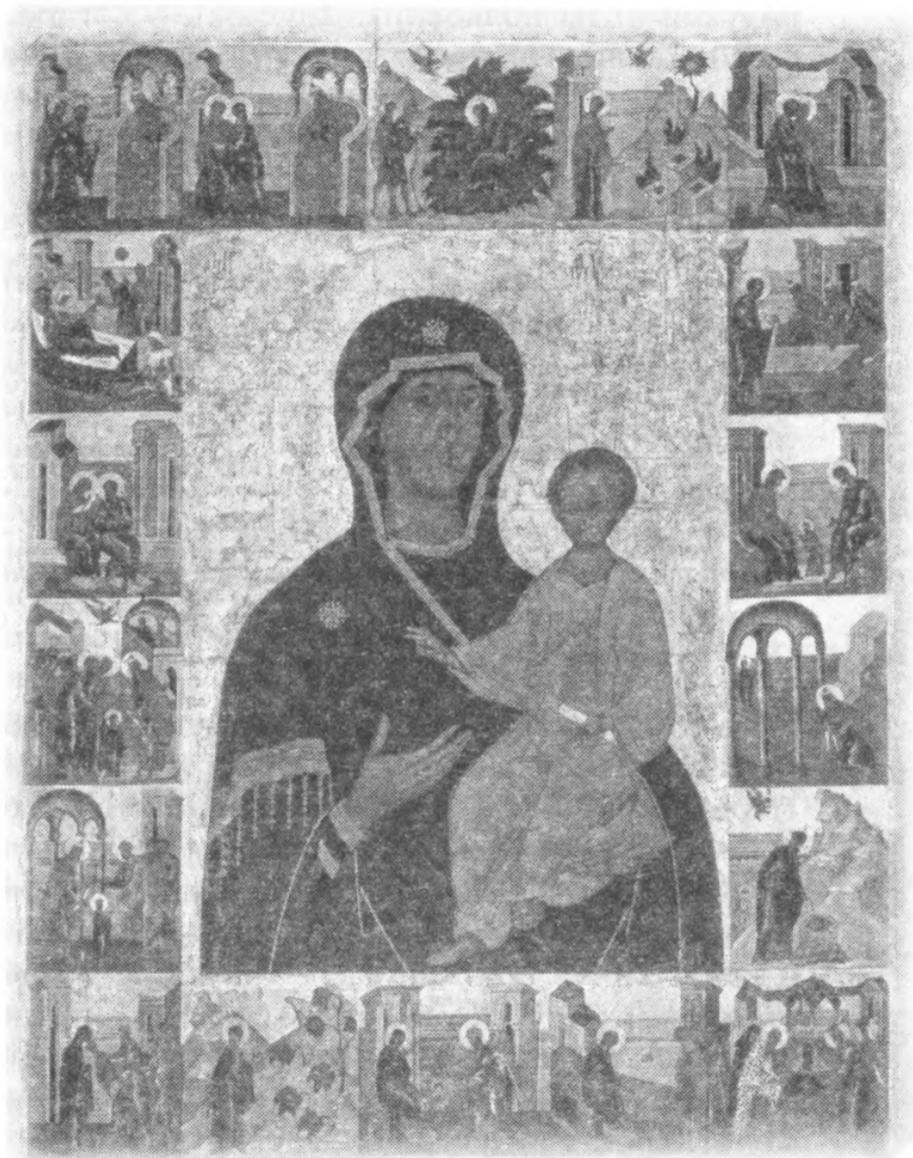
Только всего и было. Но клеветники впоследствии обвинили отца Никифора чуть не в измене, уверяя, будто он торжественно встречал императора французов. К счастью, вскоре правда восторжествовала, и доблестный пастырь был оправдан.

Во время отступления наших армий из Смоленска, в ночь с 5 на 6 августа, по распоряжению главнокомандующего 1-й армией, генерала Барклая-де-Толли, взята была во время пожара чудотворная Смоленская икона Божией Матери, находившаяся в Благовещенской церкви, у Днепровских ворот, и передана войскам 3-й пехотной дивизии, в артиллерийскую роту полковника Глухова. Образ этот, представлявший точный список с древнейшей чудотворной Смоленской иконы Пресвятой Богородицы «Одигитрия», был давно известен чудотворной силой во времена свирепствовавшей в Смоленске моровой язвы и особенно почитался в народе.

С войсками 3-й дивизии, которой в то время командовал доблестный генерал Коновницын, святая икона находилась в рядах нашей армии и сопровождала ее от Смоленска до Бородино. Здесь, 25 августа, накануне великой Бородинской битвы, святую икону торжественно носили среди войск. Убеленный сединами главнокомандующий всеми русскими армиями Кутузов колена преклоненно молился перед Царицей Небесной о даровании победы над врагом. Когда в конце 1812 года Смоленск был очищен от врагов, главнокомандующий велел вернуть городу чудотворный образ, «да водворится оный на прежнем месте и прославится в нем русский Бог, чудесно покаравший врага, нарушившего спокойствие народа».

Ровно через три месяца, 6 ноября 1812 года, святая икона снова вернулась в Смоленск, как бы в подтверждение евангельских слов:

Во время отступления наших армий из Смоленска взята была во время пожара чудотворная Смоленская икона Божией Матери

«Пребыла же Мария с нею около трех месяцев, и возвратилась в дом свой» (Лк. 1, 56).

Список с этой иконы хранился в 1-й батарее 24-й артиллерийской бригады (бывшей артиллерийской роты полковника Глухова), в которой благоговейно чтилась память о событиях Отечественной войны и ежегодно, 6 ноября, перед иконой совершался молебен.

Глава 3

Москва перед вступлением французов. – Грабежи и кощунство неприятельских войск. – Глумление над духовными лицами и истязание их. – Монахи и священник – мученики долга. – Богослужение во время занятия Москвы. – Священник кавалергардского полка отец Михаил Гратинский. – Колокольный звон. – Трогательное богослужение в разоренной Москве. – Светильник веры не погас. – «Не нам, не нам, а имени Твоему». – Великие заслуги русского духовенства в Отечественную войну.

После взятия Смоленска, занятия Вязьмы и Гжатска все сильнее росла опасность для самой Первопрестольной столицы. Главнокомандующий Москвы, граф Е. В. Растопчин, распорядился вывезти из Москвы все драгоценности, принадлежавшие соборам, приходским церквям и монастырям. Епископу Августину было предоставлено триста подвод. Но разве возможно было на них увезти имущество двухсот шестидесяти семи московских церквей и двадцати семи монастырей, считая три пригородных?

Что не удалось вывезти, то причетники, слуги, монахи и монахини старались спрятать так, чтобы неприятель не нашел. Но оставались до-

рогие ризы, серебряные паникадила и прочая церковная утварь, чего скрыть не удалось. Духовенство заботилось не столько о том, чтобы сохранить золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, сколько о том, чтобы сберечь от поругания святые антиминсы. Недаром боялись за них русские: неприятельские солдаты смотрели на антиминсы как на простые куски материи, подвязывались ими в виде поясов или фартуков и, найдя их слишком короткими, бросали в грязь.

После вступления армии Наполеона в Москву начались ужасные дни для православного духовенства, для монахов и монахинь. Вражеские солдаты врываются в храмы, обдирали иконы, грабили все, что имело цену в их глазах. Неприятель тотчас понял, что главное церковное имущество скрыто. Слухи о богатстве московских церквей и монастырей давно уже ходили среди жадных грабителей. Так как церковных богатств оказалось не так много, то солдаты начали мучить и пытать священников, чтобы узнать, где спрятаны церковные драгоценности. В Богоявленском монастыре неприятели таскали за волосы и бороду престарелого казначея, иеромонаха Аарона, приставляли к его груди штыки, допытываясь, где имущество, разломали кладовые и все разграбили. Потом выстроили в ряды казначея и монахов и заставили их нести награбленное добро. Иноки принуждены были тащить сукно и красное церковное вино по Тверской. Кругом пылали и рушились дома. Встретился другой отряд солдат и отнял у этих добычу, а монахов отпустил. Иноки обрадовались свободе, да повстречался третий отряд и заставил их везти на себе

С Крестом в сердце и с оружием в руках

телегу с винами, через какой-то огород, по кочкам и грядкам.

Монахов раздевали догола и заставляли так носить добычу. Кто по слабости или от стыда отказывался повиноваться, того бросали в реку. Иные тонули, иные выплывали.

Священника Сорокасвятой церкви (что напротив Новоспасского монастыря) отца Вельямина замучили до смерти. Его окровавленное тело непогребенным лежало несколько дней.

В Новоспасском монастыре долго мучили наместника отца Никодима, но старец остался тверд и ни словом не обмолвился в ответ на угрозы врагов. Они избили старца, изранили его саблями, притащили в собор, где продолжали свои истязания, наконец, едва живого отпустили.

К священнику Троицкой церкви в глубокую ночь ворвалась шайка польских солдат. Они окружили пастыря, яростно крича:

— Поп, сказывай, где ты спрятал церковное золото и серебро?

Но тот спокойно отвечал, указывая на крест и Евангелие, лежавшие на аналое:

— Все сокровища мира — во Христе Иисусе.

Грабители угрожали ему саблями:

— Смерть или деньги!

Тогда священник указал в угол, на мешок с медными деньгами, предназначенными для нищих. Неприятельские солдаты бросились, как хищные звери, на добычу, и еще более ожесточились, обманувшись в своих надеждах.

— Давай золото, серебро!

Опять над головой священника засверкали польские сабли. Но тут внезапно старинные часы пробили полночь и в то же время окна освети-

лись ярким заревом загоревшегося соседнего дома. Суеверные злодеи разбежались в испуге.

Престарелый пастырь долго молился, благодаря Господа за чудесное спасение.

В Богоявленском монастыре неприятели таскали за волосы и бороду престарелого казначея, игромонаха Аарона, приставляли к его груди штыки...

Сам Наполеон издевался над старым священником отцом Михаилом, приказав насильно одеть его в архиерейскую одежду в Успенском соборе, чтобы познакомиться с облачением русского иерарха.

Иногда солдаты истязали какого-нибудь купца, принимая его за «попа» из-за длинной бороды.

В Донском монастыре жестоко избили наместника, ризничему проломил голову, грозили всех изрубить, если не выдадут денег и церковных сокровищ. Иеромонаха Иринея изранили саблями и штыками. Многих монахов били ружьями и палашами. Некоторые полунагие монахи разбежались и укрылись в башне. До самого выхода неприятелей из Москвы солдаты терзали монахов, требуя от них выдачи церковных сокровищ.

В Заиконоспасском монастыре неприятели ограбили и раздели догола монашествующих. Иеромонаха Виктора бросили в Москву-реку, но он ее переплыл, переночевал в кустах, зарывшись в песок, и на другое утро бежал из города. Другого монаха, престарелого Вонифатия, неприятели спускали несколько раз в воду, потом грозились отрубить ему голову, и, надругавшись досыта, бросили его, наконец, полумертвым.

В Николаевском греческом монастыре грабители раздели догола архимандрита и братию и приказали им тащить награбленную добычу в Новодевичий монастырь. Несчастные исполняли этот приказ, изнемогая под тяжестью, стараясь прикрыть свою наготу рогожами.

Ограбив 4 сентября храмы Покровского монастыря, мародеры вывели из пего пять монахов за заставу, «истязали их, доискиваясь, где имуще-

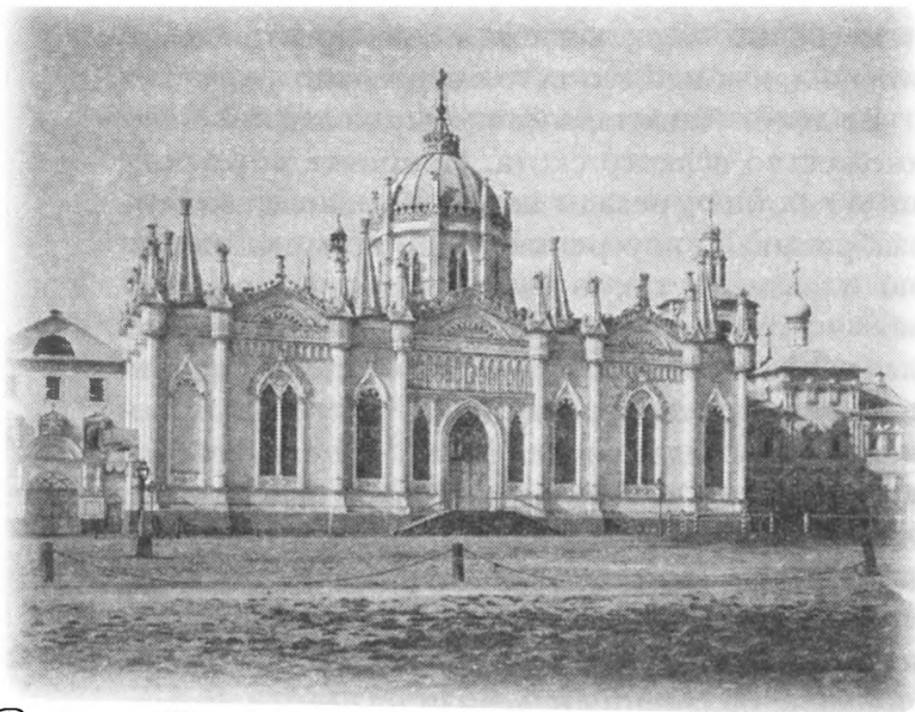
ство». В камилавке одного иеромонаха они нашли несколько зашитых монет, о которых он им не объявил, и «били его за то смертельно».

Во дворе Данилова монастыря нагнано было множество всякого скота. Неприятеля устроили тут бойню, резали коров, баранов, свиней, разбрасывали внутренности по всему монастырю и развели такую грязь, «что по монастырю, — замечает очевидец, — и пройти гнусно было». Грабители содрали с образов серебряные ризы, затем перерыли всю раку святых мощей. Один солдат разбил саблей стекло на большом образе Спасителя и сорвал серебряные ризы, украшенные драгоценными камнями. Монастырская ризница была ограблена дочи́ста. Неприятеля снимали одежды с престолов, опоясывались святыми антими́нсами; одни священнические облачения надевали на себя, с других обдирали позументы, бахромы, кисти золотые и серебряные, разрывали на клочки и разбрасывали по храму.

В Заиконоспасском монастыре, в нижней церкви, поставлены были лошади; вместо попона их покрыли ризами. В алтаре находились кровати для солдат. В Златоустовском и Андреевском монастырях неприятеля кололи образа и употребляли их вместо дров. Они превратили церкви в конюшни и развели повсюду страшную грязь. В Крестовоздвиженском и Покровском монастырях вражеские солдаты тоже учиняли погромы.

Церкви они обратили в конюшни, в иконостасы вбивали гвозди и вешали на них конскую сбрую; алтари сделали своими спальнями. Одевшись в ризы, солдаты прогуливались в них по

В женском Вознесенском монастыре враги не только разграбили все церковное имущество, но обобрали монахинь и выгнали их из монастыря.

монастырю и совершали в них же всевозможные работы.

В женском Вознесенском монастыре враги не только разграбили все церковное имущество, но обобрали монахинь и выгнали их из монастыря. Рождественский монастырь грабили сначала мародеры, а потом в нем поселился какой-то генерал. Грабежи прекратились, но продолжалось кощунство. В трапезной церкви Божией Матери устроена была, например, генеральская конюшня. В Никитском монастыре неприятели не только ограбили все имущество, но и ежедневно приходили к монахиням, требовали хлеба и денег,

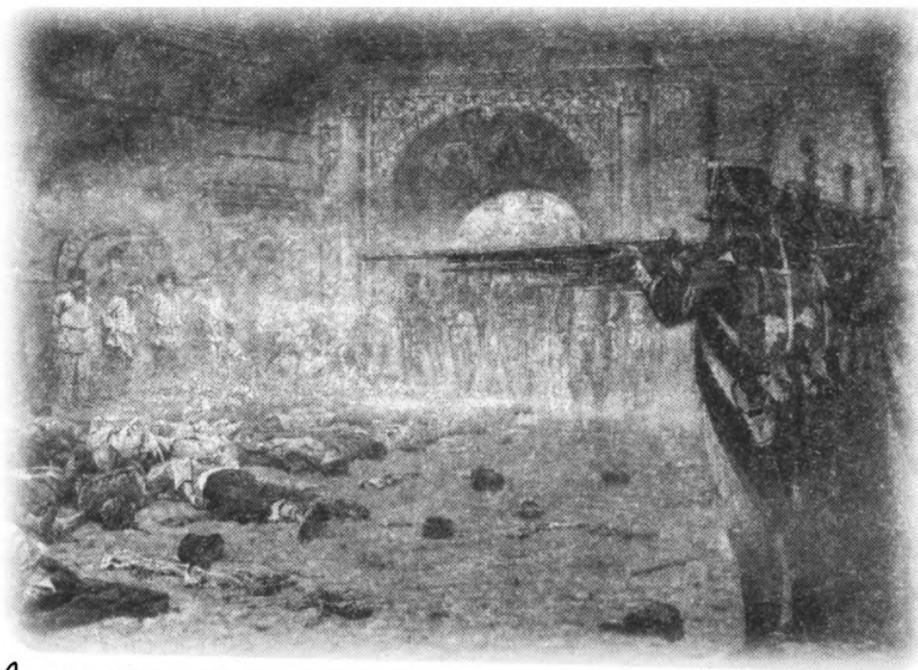
наносили им страшные побои. В церквах устраивали оргии, напивались до бесчувствия и творили страшные непристойности. Безобразники зажгли выстрелами Алексеевский монастырь. Места, которые не загорались, они посыпали порохом и потом зажигали. В Страстном монастыре церкви были ограблены и обращены в магазины, монахини выгнаны на паперть, а в кельях поставлены гвардейские солдаты. Перед воротами монастыря французы устраивали экзекуции, расстреливали поджигателей и оставляли их трупы непогребенными.

Множество церквей и даже кремлевские соборы подверглись не только грабежу, но и поруганию. В них устраивали конюшни, склады сена и овса, бойни, мясные лавки. На паникадилах и на вколоченных в иконостасы гвоздях висели внутренности животных и битая птица. Алтари были обрызганы кровью. В иных церквах плавили в слитки серебро и золото и взвешивали на весах. Жгли иконостасы вместо дров. Некоторые образа употреблялись для стрельбы в цель.

В совершенно ограбленных церквах зачастую поселялись неприятельские офицеры. Приделы превращали в конюшни, алтарь — в спальню и столовую. На клиросах лежали сено и овсяные снопы. На каменном полу разводили костер и готовили обед. Вместо кормушек для лошадей нередко употребляли купели...

В Успенском соборе вместо паникадила привязали весы, на которых взвешивали выплавленное серебро и золото из награбленных церковных сокровищ. Мощи святителя митрополита Филарета выброшены были на помост. Гробница

Алтари были обрызганы кровью...

над бывшими еще под спудом мощами митрополита Петра была совершенно ободрана, крыша сорвана, могила раскопана. Дощатые надгробия могил московских архипастырей были обнажены; одно из них — патриарха Гермогена — изрублено. В этом соборе не осталось ни кусочка металла, все было разграблено, расхищено, кроме раки святителя митрополита Ионы.

В Архангельском соборе валялись разбитые бочки от вина и разная рухлядь, выкинутая из дворцов и Оружейной палаты. В самом алтаре собора устроена была кухня для Наполеона.

В храмах Спаса на Бору и Николы Голстунского находились склады овса, сена и соломы для лошадей Наполеона. В Верхоспасском соборе престол служил столом для обедов; в храме стояли крова-

ти. Маршал Даву, приезжая с докладами и оставаясь иногда подолгу в Кремле, устраивал себе спальню в алтаре главного храма в Чудовом монастыре. В алтаре Казанского собора на месте выброшенного престола валялась мертвая лошадь.

Остальные кремлевские соборы, монастыри и церкви были превращены в гвардейские казармы.

Московские приходские храмы, уцелевшие от пожара, тоже видели в своих стенах много кощунства и безобразий со стороны неприятелей. В церкви Вознесения, у Серпуховских ворот, устроена была французская бойня. В Петропавловскую церковь (в Лефортово) помещали быков. В Троицкой — в Сыромятниках — стояли лошади...

Особой жестокостью, жадностью и зверством отличались не столько французы, сколько их союзники — поляки, баварцы, виртемберцы. Эти не только грабили дотла, но разрушали и истребляли все, что попадало под руку. Французы же, по крайней мере, не производили бесполезных опустошений. Некоторые французские начальники даже запрещали солдатам грабить и охраняли монастыри и церкви.

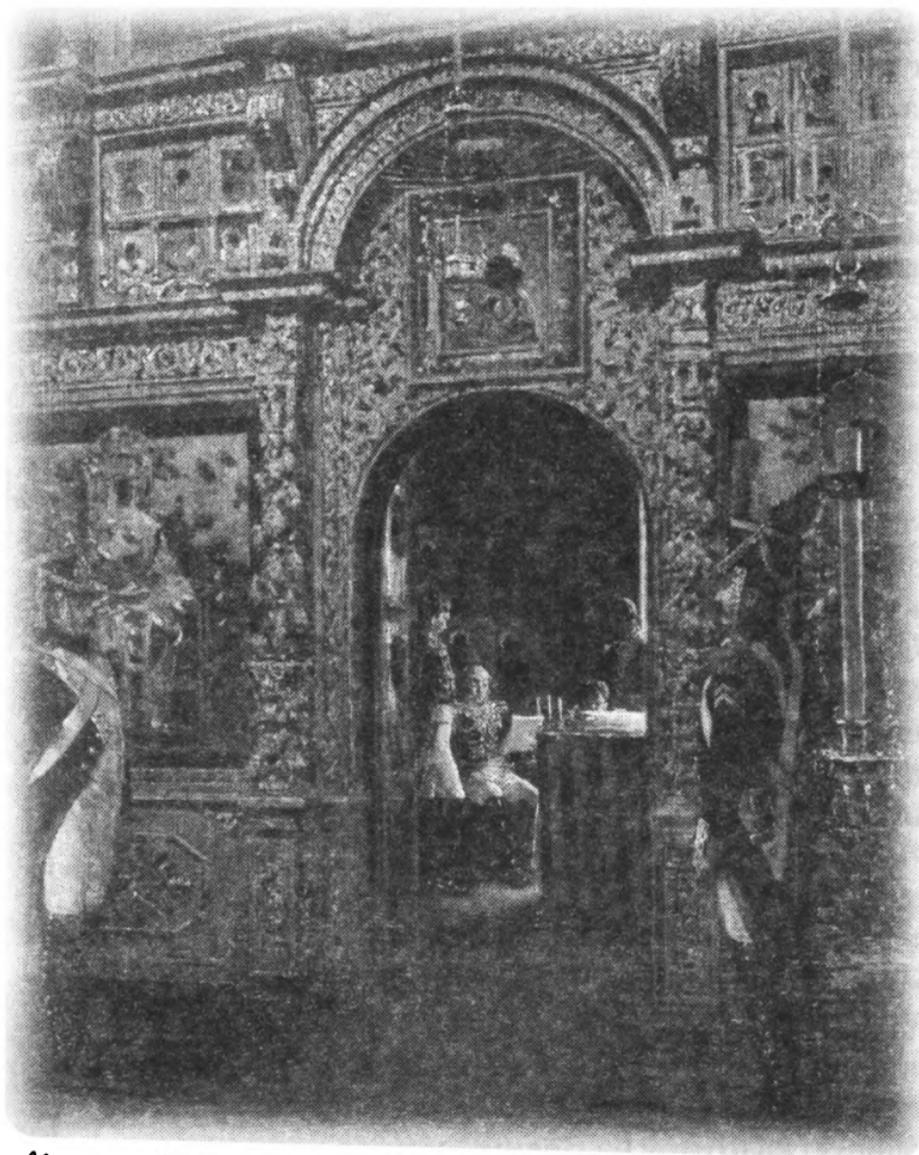
Благодаря этому в иных церквях продолжалась служба и во время занятия Москвы французами. Так, богослужение постоянно совершалось в церкви Голицынской больницы.

В Новодевичьем монастыре стали служить вскоре после пожаров. Монастырь находился под охраной самого маршала Даву, имевшего главную квартиру на Девичьем поле.

Вот что рассказывает по этому поводу одна современница — монахиня: «Что ни воскресенье,

что ни праздник, у нас была обедня в соборной церкви. Церковь мы всегда запирали, и ключ был у нас». Оберегала в то время монастырь старица Сарра. Она внушила врагам такое уважение

Маршал Даву устраивал себе спальню в алтаре главного храма в Чудовом монастыре

к себе, что все просьбы ее немедленно удовлетворялись. После ухода французов из монастыря старица Сарра заметила во дворе зажженные фитили, которые были проведены к наполненным порохом церковным подвалам. Мужественная старица собрала монахинь, потушила фитили и, спустившись в подвал, приняла все меры к безопасности монастыря.

В Рождественском монастыре начальник отряда тоже разрешил священнику совершать службу, но тот опасался внезапного вторжения в храм и кощунства неприятелей.

Наконец Наполеон понял, что оскорбление православной веры еще более озлобляет русских против французов, и приказал не препятствовать совершению богослужений в наших церквах. Тогда священник Рождественского монастыря и велел немедленно ударить в большой колокол. Но через несколько минут прибежал солдат с просьбой от французского начальника:

— Нельзя ли звонить в маленький колокол, потому что генерал не выносит громкого колокольного звона?

— Ну, что же, — ответил батюшка, — мы его беспокоить не станем.

И стали к службам звонить в малый колокол.

Некоторых французов очень интересовала православная служба, и они часто заходили в церковь, смотрели с любопытством, вели себя пристойно. В Зачатьевском монастыре служба прекращалась лишь во время грабежей и пожаров.

Трогательно рассказывает простая женщина о первом благовесте: «Слышим, ударяют к утрене (это было как раз на Покров, 14 октября).

В Захарьевском монастыре служба прекращалась лишь во время грабежей и пожаров

Мы перекрестились и пошли. Заутрени уже служили — и часы, и вечерни, а обедни еще нигде не служили, потому что антиминсов не было: все были увезены, чтобы неприятели не хватали нечистыми руками. Бонапарту хотелось, чтобы в церквах служба была в тех, которые остались чистыми; а то в других стояли лошади, как в конюшнях. Ну, так и велел Бонапарт всех попов ловить, где не попадутся. Поймают дьякона вместо попа, все равно, и тот годится, и велят ему обедню служить: французы все равно ничего не понимают. Так и начали служить в церквах, где заутреню, где часы. Бонапарт был доволен, лишь бы только была служба, а нам как было отрадно, когда стали благовестить!» Но богослужение можно было восстановить лишь в немногих хра-

Две войны

мах. Другие были осквернены, престолы сдвинуты с мест, не было ни утвари, ни других принадлежностей богослужения.

Так, незадолго до отступления французов из Москвы, начались церковные службы в разоренном городе. Но Наполеон приказал, чтобы после сугубой ектеньи во время литургии не читались молитвы об избавлении от нашествия супостатов.

Вначале Наполеон запретил произносить в церковных молитвах имя императора Александра. Он, например, приказал священнику Срегенского монастыря возглашать при богослужении его имя, Наполеона, вместо русского царя. Но бесстрашный пастырь ответил: «Донесите своему государю, что я под рукой палача буду молиться за императора Александра!»

Враги преклонились перед величием духа православного священника и не причинили ему никакого зла.

Наполеон впоследствии не препятствовал возносить молитвы о русском государе: сидя в Москве, он все еще надеялся начать переговоры с Александром о мире. Особенно глубокое впечатление произвел на французов благовест в церкви Петра и Павла на Якиманке. Французы часто тешились колокольным звоном и, когда стали звонить по чину православному, то русские долго не верили, что колокол зовет их к святому богослужению.

Вот как описывает очевидец это богослужение в церкви Петра и Павла: «Смотря на исхудавшие и бледные лица, выразившие совершенное истощение сил, на рубища, на то, как они с трудом передвигали ноги, выходя из своих жилищ,

из нор, из подвалов, их можно было уподобить восставшим из гробов, вызванным трубным гласом, в последний день Страшного Суда.

Служба началась водосвятием. Осенив крестом четыре стороны, священник воскликнул:

— Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его!

Клир запел:

— Кресту Твоему поклоняемся, Владыко!

При погружении креста все богомольцы запели хором:

— Спаси, Господи, люди Твоя!

При пении: «К Богородице прилежно ныне притецем...» весь храм огласился воплями и рыданиями. Матери, стоя на коленях и поднимая на руках грудных младенцев, зывали:

— Пресвятая Богородица, спаси невинных детей!

По окончании водосвятия была отслужена всенощная, и началась литургия, во время которой все приступили к принятию Святых Тайн.

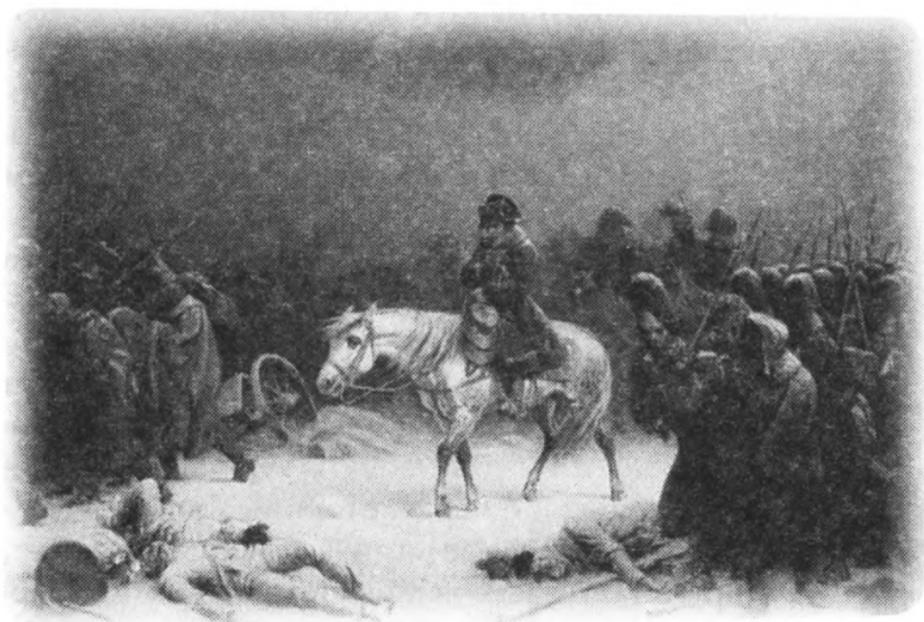
Во время богослужения случилось необычайное происшествие. Когда дьякон возгласил: «Оглашенные, изыдите», среди молящихся оказалось трое неприятельских солдат в синих мундирах. Они стояли на коленях и усердно молились со слезами на глазах. Это были славяне, братья по вере и по крови русским, но враги по воле Наполеона...»

Протоиерей кавалергардского полка отец Михаил Гратинский получил от французов разрешение совершать богослужение в одной из московских церквей. Он выбрал верхнюю церковь Архидиакона Евпла (на Мясницкой), в которой нашлась нетронутая врагами церковная утварь. В день коронации государя Александра I,

15 сентября 1812 года, отец Михаил Гратинский в первый раз совершил литургию с торжественным молебном о здравии императора и всей царской семьи. С 15 сентября и до самого очищения Первопрестольной от французов служения продолжались в этой церкви. Каждый день молились москвичи в церкви Харитония в Огородниках. Вокруг храма они устроили шалаши, чтобы защищаться от изуверов. Враги пытались прекратить богомолье, но русские мужественно сопротивлялись, и неприятель оставлял их в покое.

Кто опишет страдания, духовные и телесные, которые пережило московское духовенство под игом неприятеля, а также подвиги священников, пробирающихся среди буйных пьяных вражеских солдат со Святыми Дарами причащать на

Бог смилоствивился над Россией... В душевных муках, униженный в своей непомерной гордыне, Наполеон позорно бежал...

смертном одре умирающих страдальцев, ютившихся где-нибудь в развалинах, в грязной дыре, более похожей на звериное логовище, чем на человеческое жилище?

В Отечественную войну ярко вспыхнул светильник веры в душах русских людей. И Бог смиловился над Россией, поверженной в бедствие и разорение. В душевных муках, униженный в своей непомерной гордыне, Наполеон позорно бежал из России, бросив на произвол судьбы свое войско. Кроткий и смиренный Александр не приписал себе победы. В память 1812 года была, по его повелению, выбита медаль с надписью: «Не нам, не нам, а Имени Твоему».

Это истинно христианское смирение и трогательная в своей простоте скромность, всегда присущие Александру, особенно ярко обнаружилась, когда, на обратном пути в Россию, вооруженный блеском славы победителя Наполеона и освободителя Европы, государь отклонил просьбу государственных сословий России, желавших соорудить ему при жизни памятник и просить о принятии им почетного имени Благословенного.

«Внимая посланному ко мне от Святейшего Синода, Государственного Совета и Правительствующего Сената прошению о воздвижении мне в престольном граде памятника и о принятии именованья «Благословенный», не могу я в глубине души моей не чувствовать величайшего удовольствия, видя, с одной стороны, действительно совершившееся над нами благословение Боже, а с другой — чувствования российских государственных сословий, подносящих мне имя самое для меня лестнейшее. Ибо все старания и помышления души моей стремятся к тому, чтобы

*Да благоденствует Россия и да будет надотлною и над нею благо-
словение Божие...*

теплыми молитвами призывать на себя и на введенный мне народ Божие благословение и чтобы быть благословляемому от любезных мне верноподданных Моих и вообще от всего рода человеческого. Это есть верх моих желаний и моего благополучия. Но при всем тщании моем достигнуть этого не позволяю Себе, яко человек, дерзновение мыслить, что я уже достиг того и могу смело звание сие принять и носить. Тем паче почитаю я оное с правилами и образом мыслей моих не согласными, что всегда и везде преклоняя верноподданных моих к чувствам скромности и смирения духа, сам первый покажу не соответствующий тому пример. Сего ради, изъявляя совершенную мою признательность, убеждаю государственные сословия оставить оное без всякого исполнения. Да соорудится мне памятник в чувствах ваших, как оный сооружен в чувствах моих к вам; да благословляет меня в чувствах своих народ мой, как я в сердце моем благословляю оный; да благоденствует Россия и да будет надобно мною и над нею благословение Божие».

Глава 4

Духовная мощь пастырей Церкви в 1812 году

Ополчившийся на Россию враг не скрывал своего презрения к нашей религии. Нашествие Наполеона на Россию ознаменовалось унижением народной веры, подчас ее преследованием. Появление неприятеля пробудило всех и обратило их взоры к религии. Все сословия, в братском единении, «слились в одну душу», стремясь всеми силами к тому, чем крепка была Русь во все века: стойко защищать веру отцов и русскую народность.

Страшное бедствие, обрушившееся на Русскую землю, многих могло привести в отчаяние. Слава Наполеона была так велика, его непобедимость так несомненна, что люди суеверные готовы были считать его антихристом, которого Провидение временно допустило овладеть землями и народами за грехи мира. В 1812 году темный народ местами ждал светопреставления и верил в близость Второго пришествия. Наши первые неудачи и отступление армий еще сильнее внушали страх за будущее.

Когда Кутузов, назначенный главнокомандующим, ехал в армию, народ по дороге окружал его карету густой толпой и взывал в отчаянии: «Спаси нас, добей супостата!»

Занятие Москвы французами могло совершенно подавить и без того сильно пошатнувшийся народный дух: древний Кремль со всеми святынями был в руках врага!

И вот в эти дни страха, уныния и скорби русское духовенство, горячей проповедью и личным примером всюду поддерживало в народе веру, утешало страждущих, ободряло упавших духом.

Духовный подвиг не так заметен, как громкие дела на поле брани. Кто назовет теперь имена многочисленных священников, городских и сельских, которые среди ужаса и разорения не давали угаснуть надежде и вере, прятали от врага священные антимины, святое миро, иконы, церковную утварь? А сами, нередко лишенные семьи и крова, болея душой о своих родных, находили в себе силы поддерживать дух народа Словом Божиим.

Скромные сельские пастыри, робкие в обыденной жизни, простые монахи, даже незаметные церковнослужители превращались в пламенных

проповедников, в героев святого долга, готовых радостно принять мученический венец в годину великой скорби народной!

Своей преданностью Родине, своей непоколебимой верой русское духовенство в 1812 году способствовало подъему народного духа, успехам народной войны, бодрому настрою армии.

В истории Русской Церкви Отечественная война 1812 года занимает одну из самых славных страниц, свидетельствующих о том, какая духовная мощь таится подчас под скромной рясой, мощь, которая проявляется, когда наступает время обнажить духовный меч и возвестить правду Божию, о которой сказал поэт Хомяков:

*«Ее оружие – Божье Слово,
А Божье Слово – Божий гром!»*

Своей преданностью Родине, своей непоколебимой верой русское духовенство в 1812 году способствовало подъему народного духа...

Протопресвитер Георгий Шавельский

Деятельность военного духовенства в Великой войне

*Воспоминания последнего Протопресвитера
Русской армии и флота*

В предшествовавшие войны русское военное духовенство работало без плана и системы и даже без нужного контроля. Каждый священник работал сам по себе, по своему собственному разумению. Даже в русско-японскую войну (1904–1905 гг.) можно было наблюдать такие картины: один священник — храбрый и жаждавший подвига — забирался в передовой окоп и ждал момента, когда ему можно будет пойти с крестом впереди; другой пристраивался к отдаленному, недостижимому для пуль и снарядов, перевязочному пункту; третий удалялся в обоз 11-го разряда, обычно отстоявший в 15–30-ти верстах от части. Последний совсем устранял себя от активной роли во время сражения, но и первые два не приносили той пользы, которую они должны были принести.

Русско-японская война. Молебен перед битвой

Деятельность свою священники на театре военных действий сводили к совершению молебнов, панихид и иногда литургий, отпеванию умерших, напутствованию больных и умирающих.

Протопресвитер военного и морского духовенства не показывался на театре военных действий. И да простит мне мой бывший начальник и предшественник, протопресвитер Александр Алексеевич Желобовский, — он не имел никакого представления о возможной для священника работе на поле брани. Когда в половине февраля 1904 года, отправляясь на русско-японскую войну, я явился к нему за указаниями, то получил краткий ответ: «Запаситесь чесучовым нижним бельем, а то, говорят, вошь может заесть».

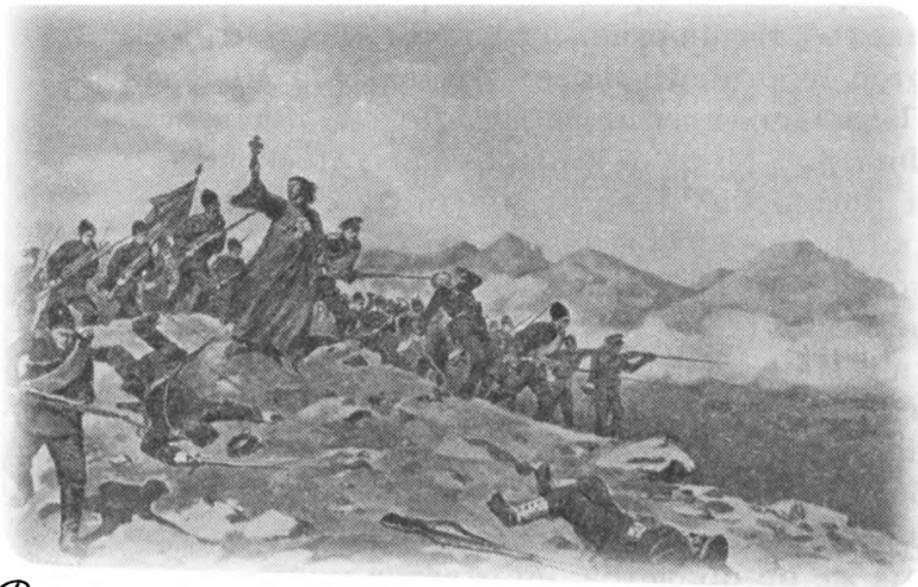
А когда летом 1905 года, уже будучи главным священником 1-й Манчжурской армии, я обратился к нему за разрешением нескольких новых

конкретных и серьезных вопросов, он ответил мне собственноручным письмом: «Досточтимый отец Георгий Иванович. Император Николай Павлович однажды сказал: «Доколе у меня есть Филарет Мудрый (митрополит Московский) и Филарет Милостивый (митрополит Киевский), я за церковь спокоен». Так и я скажу: доколе у меня главные священники о. Георгий Шавельский и о. Александр Журавский (главный священник 2-ой Маньчжурской армии. — Г. Ш.), я за армию спокоен. Ваш доброжелатель протопресвитер Александр Желобовский». Само собою понятно, что такой ответ не разрешил ни одного из поставленных мною вопросов. Других же ни приветов, ни ответов мною от протопресвитера в течение всей войны не было получено.

Единственным руководством для священника на войне служило высочайше утвержденное положение об управлении войск в военное время. Но оно не предусматривало всех обязанностей священника, а тем более возможной для него работы на бранном поле. Иногда же своею краткостью оно сбивало с толку не только рядовых священников, но и начальствующих лиц. Присланный из Иркутской епархии священник Попов явился в госпиталь, согласно положению, с епитрахилью, дароносицей, крестом и кадилом, без антиминса и полного священнического облачения. Когда благочестивый главный врач госпиталя попросил его отслужить литургию, он ответил, что у него нет принадлежностей для этого, да он и не обязан совершать литургии: согласно положению, его дело — напутствовать и хоронить. Когда в 1904 году благочинный 9-ой Сибирской

Русско-японская война. Бой у Тюренчена

дивизии потребовал от подчиненных ему госпитальных священников, чтобы они обзавелись антими́нсами и совершали литургии, его начальник — главный священник Манчжурской армии, протоиерей С. А. Голубев возразил ему: «Госпитальному священнику антими́нса не полагается». А между тем, где же на войне служить литургии, как не в госпиталях?

На Великую войну наши священники выехали со строго разработанной инструкцией.

Инструкция эта не была кабинетным произведением, — она вылилась из опыта и пристальных наблюдений за всеми возможностями, какие представляются для работы священника на поле брани. Мой личный опыт и мои наблюдения во время русско-японской войны — где я проработал два года, в должности сначала полкового священника и благочинного, а потом главного свя-

щенника, и вместе с полком участвовал в десяти боях, был контужен и ранен — были дополнены опытом и наблюдениями множества других моих сослуживцев — участников той же войны.

Значение инструкции было колоссально. Во-первых, она вводила в точный курс работы и круг обязанностей каждого, прибывавшего на театр военных действий, священника. Это в особенности важно было для вновь мобилизованных, совершенно незнакомых с условиями и требованиями военной службы. А их было огромное большинство: в мирное время в ведомстве протопресвитера состояло 730 священников, за время же войны их перебивало в армии свыше 5 000 человек. Инструкция точно разъясняла каждому — полковому, госпитальному, судовому и др. священнику, где он должен находиться, что он должен делать во время боя и в спокойное время, где и как он должен совершать богослужение, о чем и как проповедовать и прочее.

Между прочим, полковому и бригадно-артиллерийскому священникам было указано, что их место во время боя — передовой перевязочный пункт, где обычно скопляются раненые, а ни в коем случае не тыл. Но и к этому пункту священник не должен быть привязан: он должен был пойти и вперед — в окопы и даже за окопы, если того потребует дело.

Помимо общеизвестных обязанностей священника: совершения богослужений, напутствований, погребений, наставлений и ободрений, инструкция возлагала на священника много таких обязанностей, о которых и не помышляли его предшественники. Строевому священнику

*Подвиг русского православного священника. Плакат времен
Первой Мировой войны*

вменялось в обязанность: помогать врачам в перевязке раненых, заведовать уборкою с боевого поля убитых и раненых, заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ, извещать возможно обстоятельнее родственников убитых, организовывать в своих частях общества помощи семьям убитых и увечных воинов, развивать походные библиотеки и т. д.

Госпитальному священнику вменялось в обязанность: возможно чаще совершать богослужения для больных, ежедневно обходить палаты, беседовать, утешать, писать письма от больных на Родину, об умерших извещать их родственников, погребать покойников с возможною торжественностью, заботиться о кладбищах, обязательно устраивать библиотеки и прочее.

Инструкция открывала каждому священнику широкое поле весьма полезной, нередко трудной, но не неисполнимой работы.

По мере выявления новых нужд, выработанная Съездом инструкция пополнялась распоряжениями и указаниями протопресвитера, объявлявшимися в особых приказах. Таким образом, были даны священникам указания: об исполнении богослужений и треб для галицийских униатов, оставшихся без священников; о попечительном отношении к инославным и иноверным воинским чинам, о принятии мер к недопущению распространения в войсках брошюр и листов, оскорбительных для иных исповеданий и вер; о собирании священниками и представлении протопресвитеру сведений о выдающихся подвигах воинов, врачей, священнослужителей. Во время войны Инструкция была дополнена специальными указаниями для гарнизонных благочинных, для благочинных запасных госпиталей, для священников санитарных поездов и этапных пунктов и т. д.

Организацию управления военным и морским духовенством в мирное время нельзя было признать совершенной. Во главе ведомства стоял протопресвитер, облеченный полнотой власти. При нем состояло Духовное правление — то же, что Консистория при епархиальном архиерее. С 1912 года протопресвитеру дан был помощник, в значительной степени облегчивший ему канцелярскую работу. Но ни помощник, ни Духовное правление не могли быть посредниками между протопресвитером и подчиненным ему, разбросанным по всей России, духовенством. Такими посредниками являлись дивизионные

Полковой толебен в русской армии. Снимок начала XX в.

и местных церквей благочинные. Их было не менее ста, и рассеяны они были по разным российским уголкам. Возможностей для частного и личного общения их с протопресвитером не представлялось. Объединять их деятельность, направлять их работу и контролировать их было нелегко. Протопресвитеру нужно было обладать чрезвычайной энергией и необыкновенной подвижностью, чтобы самому лично и на месте проверять работу всех своих подчиненных.

Переработанное после русско-японской войны и высочайше утвержденное Положение открывало возможность лучшей организации управления военным духовенством в военное время. Оно учреждало:

1) главных священников фронта, каждый из которых, находясь в полном подчинении протопресвитеру, должен был объединять деятельность духовенства данного фронта; 2) свя-

щенников при штабах армий, которым, по недоразумению, не отводилось никакой другой работы, кроме совершения богослужений при штабе армии.

Но и такая конструкция управления оказалась несовершенной. Начало дополнению Положения дал сам Государь, при сформировании штаба Верховного Главнокомандующего, повелевший на время войны находиться при этом штабе протопресвитеру. Дальнейшие коррективы были сделаны протопресвитером, за которым практикою закрепилось право самолично, без утверждения высшими инстанциями, учреждать новые должности по своему ведомству, раз они не требовали расходов от казны. Таким образом были учреждены должности: 1) гарнизонных благочинных в пунктах, где имелось несколько священников; 2) благочинных запасных госпиталей, каковые должности были возложены на священников при штабах армий. В 1916 году, с высочайшего утверждения, были учреждены особые должности армейских проповедников, по одному на каждую армию, на которых была возложена обязанность непрерывно объезжать, проповедуя, воинские части своей армии. На должности проповедников были избраны самые выдающиеся духовные ораторы. Состоявший при штабе Северного фронта английский полковник (впоследствии генерал) Нокс считал гениальной идею учреждения должностей армейских проповедников. Наконец, главным священникам фронтов было предоставлено право пользоваться священниками при штабах армий, как своими помощниками по наблюдению за деятельностью духовенства.

*Г. У. Шавельский, последний
Протопресвитер Русской армии
и флота (1911-1917)*

Таким образом, духовенство на театре военных действий представляло собой стройную и совершенную организацию: протопресвитер, его ближайшие помощники; главные священники, их помощники; штабные священники; наконец, дивизионные и госпитальные благочинные и гарнизонные священники. В конце 1916 года высочайшим повелением были учреждены должности главных священников Балтийского и Черноморского флотов.

Для лучшего объединения и направления деятельности духовенства армии и флота регулярно проводились совещания протопресвитера с главными священниками, последних со штабными священниками и благочинными и съезды по фронтам, под председательством протопресвитера или главных священников.

Я в течение почти каждого месяца дней десять проводил среди боевых частей, объезжая полки и бригады, посещая, иногда под огнем, окопы, заглядывая во все госпитали, везде совершая богослужения, проповедуя.

Эти поездки имели большое значение. Я приезжал не только как протопресвитер, но и как

представитель Государя, от имени которого всегда приветствовал войска, раздавая при этом врученные мне Императрицей крестики и иконки. Мои посещения, в особенности опасных мест, поднимали дух, укрепляли воинов.

Не менее важно было мое личное общение с духовенством. Много бесед, во время таких поездок, мною было проведено со священниками в самой разнообразной обстановке: в вагоне, в домах, под открытым небом на лужайке, в лесу, скрывавшем нас от взоров неприятеля и т. д. Из таких бесед я много узнал и многому научился, равно как имел возможность и других поучить и направить.

При посещениях госпиталей, перевязочных пунктов, окопов мне легко было убедиться, часто ли посещаются эти места сопровождающим меня полковым или госпитальным священником, правильно ли он понимает и усердно ли исполняет свои обязанности, как к нему относятся нижние чины и офицеры. Усердный священник прекрасно знал расположение на позиции полковых рот, храбрых и трусливых солдат, встречался в окопах, как частый и желанный гость. Усердный госпитальный священник хорошо знал каждую палату и состояние каждого больного. Как тот, так и другой, хорошо знали все требования, предъявленные им инструкцией и моими циркулярами.

Должен по совести сказать, что почти всегда мне приходилось слышать и от начальников, и от рядовых офицеров самые лестные отзывы о работе военных священников. Но без исключений, конечно, не могло обойтись. Ведь ряды фронтового духовенства непрерывно заполнялись

мобилизованными, т. е. командированными из епархий. В самом начале войны епархиальными начальствами были командированы священники для второочередных полков и госпиталей. Потом, по мере убыли священников и формирования новых частей, протопресвитер просил Синод предписать епархиальным преосвященным избрать то или иное число священников, чтобы они могли без замедления по его вызову явиться на фронт. Так как в японскую войну епархиальное начальство с поразительной небрежностью относилось к выбору командировуемых, отправляя чаще не испытанных, а неудобных, чтобы от них избавиться, то, наученный опытом той войны, протопресвитер ставил определенные требования: чтобы избирались священники, незапятнанные, усердные, с полным семинарским образованием, по доброму желанию, а не по принуждению, и не престарелые. К сожалению, и в Великую войну, несмотря на все принятые протопресвитером предосторожности, епархиальные власти не всегда серьезно относились к выбору.

В 1915 году Полоцкое епархиальное начальство, по требованию Синода, избрало пятерых: четверо из них было в возрасте от 62 до 71 года, а пятый находился под судом. Конечно, ни один из них не был допущен протопресвитером на театр военных действий. При таком положении дела могли проникать в армию и недостойные.

На одного из таких я наткнулся в 1915 году.

Шел отчаянный бой под Варшавой. Объезжая боевую линию, я подъехал к расположенному у большой дороги госпиталю. Работа там кипела.

Всё время прибывали повозки с ранеными. На крыльце сидел упитанный, простоватого вида батюшка, весело беседовавший с сестрой. Он меня не узнал, ибо на мое приветствие ответил небрежным «здравствуйте», не сдвинувшись с места. Я прошел в госпиталь. Там был настоящий ад: стоны, крики, предсмертные хрипы. У дверей лежал фельдфебель с распухшей, посиневшей ногой, не соглашавшийся на ампутацию. Я его убедил. Потом попросили меня причастить нескольких умирающих.

— А что же ваш священник делает? — спросил я.

Врачи в один голос, с нескрываемым озлоблением ответили:

— Ничего он не хочет делать.

Почти всегда мне приходилось слышать самые лестные отзывы о работе военных священников

Я вышел из госпиталя. Священник, оказавшийся иеромонахом какого-то монастыря, продолжал весело беседовать с сестрой.

— Я — протопресвитер, — обратился я к нему. Иеромонах вскочил. — Вы затем сюда приехали, чтобы развлекаться с сестрами? Сегодня же уберите отсюда! Армии такие не нужны.

Никакие просьбы не изменили моего решения.

— Сегодня же, — обратился я к главному врачу, — отправьте его в Варшаву. А к вам сегодня же прибудет другой.

Об этом случае было объявлено в приказе всему духовенству. Две-три таких расправы заставили насторожиться и тех, которые не склонны были напрягать свои силы.

Был и еще случай, что я не был узнан своим подчиненным. Это произошло летом 1916 года. Я с протоиереем Ф. И. Титовым в салон-вагоне возвращался из Буковины. На станции Волочиск, где поезд наш должен был стоять чуть ли не 40 минут, я вышел прогуляться по платформе. Последняя была заполнена народом, преимущественно военными. Многие из них узнавали меня и раскланивались. Вдруг подошел ко мне довольно молодой священник.

— Здравствуйте, батюшка! Вы военный? — обратился он ко мне. Ясно было, что он не узнал меня, и я ответил:

— Да, военный.

— Полковой? Какого полка?

Меня заинтересовал такой разговор, и я назвал один из стоявших на галицийском фронте полков.

— А что? Трудно служить в полку на фронте?

— Старикам трудновато, а молодым — чего же трудного? А вы тоже военный? — спросил я.

— В госпитале здешнем служу. Недавно я прибыл из епархии.

— Как же вам дается служба? Небось в госпитале тяжело служить?

— Тоже нашли «тяжело». На мое счастье тут, кроме моего, еще шесть госпиталей без священников. Я всех их обслуживаю. А в одном нечего было бы делать.

— Чего же вы не попроситесь в полк? Вам, молодому, там бы служить.

— Да знаете, я держусь такого правила: на службу не напрашивайся, от службы не отказывайся. Назначат — с радостью поеду.

— А протопресвитера вы ни разу не видели?

— Один раз видел: он проезжал в поезде с Государем. Молодой еще.

— Говорят, он очень строгий?..

— Да слышал и я. Это ничего: строгость на службе нужна.

— А главного священника своего видели?

— Нет, не видел — он не любит поездок, больше к себе вызывает.

В это время толпа стала обращать на нас большое внимание. И я, чтобы не раскрылось мое инкогнито, поспешил проститься со своим милым собеседником, пожелав ему поскорее получить назначение в полк. Не успел я отойти от него, как он уже был окружен толпою, жаждавшей узнать слышанные им от протопресвитера новости. Я ушел в свой вагон. Минут через пять постучался ко мне отец Титов:

— Что вы сделали со священником? Пришел сюда — весь дрожит. Я, говорит, не узнал протопресвитера и неподходяще беседовал с ним... Просит прощения.

— Я уж не выйду к нему, чтобы еще более не смущать его. Передайте ему, что его откровенная беседа произвела на меня самое лучшее впечатление и что я его сердечно благодарю за службу. А в полк он скоро получит назначение, — ответил я .

Вернувшись в Ставку, я первым делом дал новое назначение своему симпатичному собеседнику. О деятельности военного духовенства на театре военных действий я имел счастье слышать блестящие отзывы от обоих Верховных Главнокомандующих. В конце 1916 года Государь как-то сказал мне:

— От всех, приезжающих ко мне с фронта военных начальников я слышу самые лучшие отзывы о работе военных священников в рядах армии.

Еще решительнее, в присутствии чинов своего штаба, отозвался в 1915 году великий князь Николай Николаевич:

— Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу в армии.

Я дважды слышал от него эти слова.

Такие отзывы были вполне заслужены духовенством. В Великую войну военное духовенство впервые работало дружно, согласно, по самой широкой программе. Священники делили с воинами все тяжести и опасности войны, возбуждали их дух, своим участием согревали уставшие души, будили совесть, предохраняли наших воинов от столь возможного на войне ожесточения и озверения.

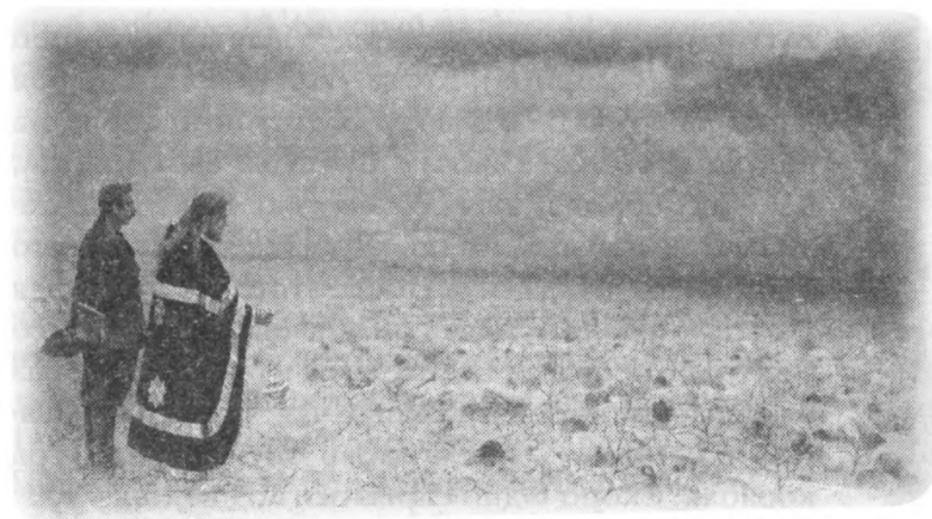
Повествование о подвигах военных и морских священников составило бы большую книгу. Упомяну о некоторых из них.

Протоиерей 7-го Финляндского стрелкового полка Сергей Михайлович Соколовский, прозванный французами (вторую половину войны он провел на французском фронте) за свою храбрость «легендарным священником», дважды раненый — во второй раз с потерей кисти правой руки — совершил такой подвиг: 7-му Финляндскому полку на австрийском фронте нужно было разрушить неприятельское проволочное заграждение. Было сделано несколько попыток, с большими потерями, но успеха не было. Охотников не находилось на новые попытки. Тогда вызвался отец Сергей.

— Ваше ли это дело, батюшка? — ответил ему командир полка.

— Оставим, господин полковник, этот вопрос, — возразил отец Сергей. Полк должен уничтожить заграждения... Почему же я не могу сделать это? Это же не убийство.

В.В. Верещагин. Победенные. Памятник по павшим воинам

Командир полка дал разрешение. Отец Сергей отправился в одну из рот.

— Кто со мной рвать заграждения? — обратился он к солдатам. Вызвалось несколько десятков человек. Он облек их в белые саваны, — дело было зимой, — и, двинувшись под покровом ночи, разрушил заграждения. Георгиевская Дума наградила его за это орденом Св. Георгия 4-й степени.

9-й драгунский Казанский полк должен был двинуться в атаку на австрийцев. Раздалась команда командира полка, но полк не тронулся с места. Жуткая минута! Вдруг вылетел на своей лошаденке скромный и застенчивый полковой священник о. Василий Шпичек и с криком: «За мной, ребята!» понесся вперед. За ним бросилось несколько офицеров, а за ними весь полк. Атака была чрезвычайно стремительной; противник бежал. Полк одержал победу. И отец Василий был награжден Георгием 4-й степени.

16 октября 1914 года героически погиб священник линейного заградителя «Прут», иеромонах Бугульминского монастыря, 70-летний старец Антоний (Смирнов). Когда «Прут» во время боя начал погружаться в воду, о. Антоний стоял на палубе и осенял Святым Крестом свою паству, в волнах боровшуюся со смертью. Ему предлагали сесть в шлюпку, но он, чтобы не отнять место у ближнего, отказался. После этого он спустился внутрь корабля и, надев ризу, вышел на палубу со Святым Крестом и Евангелием в руках и еще раз благословил своих духовных чад, осеняв их Святым Крестом. А затем вновь опустился внутрь корабля. Скоро судно скрылось под водой.

Священник 154-го пехотного Дербентского полка, Павел Иванович Смирнов, своим муже-

ством и спокойствием в трудную минуту так поднял дух полка, что, увлеченный своим пастырем, полк не только преодолел опасность, но и одержал победу. Имя отца Павла после этого стало геройским для всей Кавказской армии. И он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В бою 19 октября 1916 года священник 318-го Черноярского пехотного полка Александр Тарноуцкий, иеромонах (имени его не помню), исполнявший обязанности священника в одном гвардейском стрелковом полку, и несколько других полковых священников были убиты, когда они с крестом в руках шли впереди своих полков.

Другие погибли во время перевязки или уборки раненых с поля сражения.

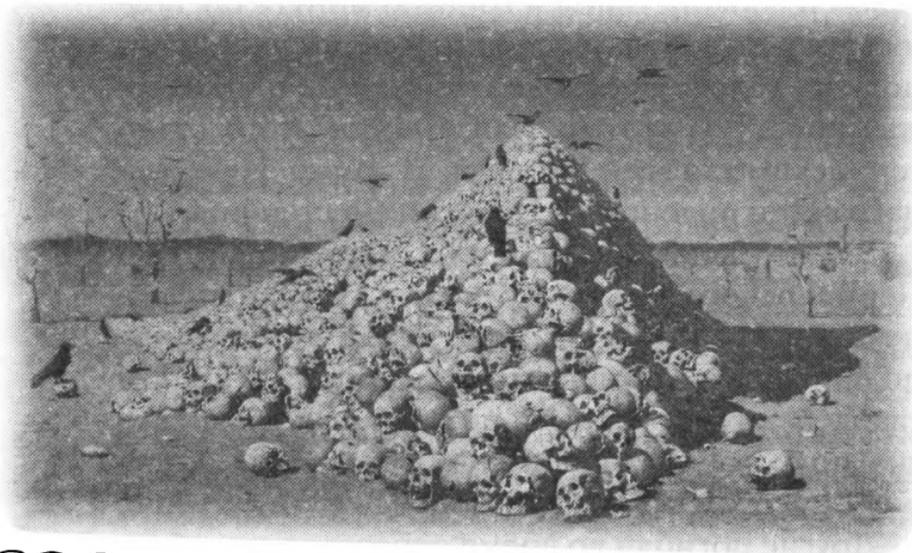
Из оставшихся в живых героев-пастырей 14 были награждены офицерскими георгиевскими крестами 4-й степени. За всё время существования Георгиевского креста, от Императрицы Екатерины II до Великой войны, этой награды было удостоено всего 4 священника. А во время этой войны — 14. Каждый из этих 14-ти совершил какой-либо исключительный подвиг.

Кроме того, более 100 священников были награждены наперсными крестами на георгиевской ленте. Для получения этой награды также требовался подвиг.

Одни из этих награжденных получили такую награду за особо мужественное исполнение своих обязанностей под огнем неприятеля, другие — за вынос раненых из линии огня... Священник 119-го пехотного Коломенского полка Андрей Пашин спас свой полк от неминуемой гибели.

Не разобравшись в обстановке и направлении, командир этого полка при передвижении

В. В. Верещагин. Апофеоз войны

повел свой полк в самое опасное место, где его ожидали расстрел или пленение. Отец Андрей понял ошибку командира и убедил его направить полк в противоположную сторону. Совсем другого рода был подвиг иеромонаха Н., священника одного из второочередных полков. (Не могу вспомнить ни его имени, ни полка, в котором он служил). В один из воскресных дней 1915 г. на Галицийском фронте, вблизи боевой линии, в брошенной униатской церкви он совершал литургию. Церковь была переполнена воинскими чинами. В храме совершалась бескровная жертва, а вблизи шел бой, лилась человеческая кровь. Обычная на войне картина...

Беспрерывно громыхали орудия; снаряды то перелетали через храм, то, не долетая, ложились впереди его. А молящиеся, привыкшие к вздохам пушек и пению снарядов как будто не замечали опасности. Литургия приближалась

к концу — пели «Тебе поем»... Священник читал молитвы. Вдруг снаряд попадает в церковь, пробивает крышу и потолок алтаря и, упал около престола с правой стороны. Иеромонах спокойно прервал чтение тайных молитв. «Будь ты проклята, окаянная!» — громко произнес он и при этом перекрестил бомбу, начав после этого также спокойно читать прерванные молитвы. Снаряд не разорвался, а молящиеся, видя спокойствие священника, остались на местах и продолжали молиться. По окончании литургии снаряд был вынесен из храма. Узнав об этом происшествии, Государь наградил мужественного иеромонаха наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Священник 58-го Прагского полка Парфений Холодный был удостоен этой награды в начале войны за иного рода подвиг. 58-й пехотный Прагский полк действовал тогда в Галиции. Отец Парфений с полковым врачом и одним из младших офицеров в двуколке переезжали по мосту реку. Тут они наткнулись на австрийскую засаду, сидевшую под мостом. Выскочив с ружьями наперевес, австрийские солдаты окружили двуколку. Отец Парфений не растерялся. Осенив крестом своих врагов, он обратился к ним с увещанием, что не стоит братьям проливать кровь и, помимо того, впереди и позади большие русские отряды, засаде не уйти от гибели и поэтому лучше, не проливая крови, сложить оружие. Речь отца Парфения была понята, так как среди напавших большинство были чехи и угроруссы. Пошептавшись между собой, они начали сдавать оружие, которое было сложено в двуколку. И пленники, конвоируемые

офицером и доктором, с отцом Парфением были приведены в находившийся невдалеке штаб полка.

Насколько помню, отец Парфений был первым священником, украшенным в великую войну наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Показательные цифры.

В русско-японскую войну был убит один священник, и то случайно своей же пулей. Погибших на кораблях в Цусимском и других боях иеромонахов не считаю. Там они разделили общую участь. В эту войну убитых и умерших от ран священников было более 30.

В русско-японскую войну раненых и контуженных священников не набралось и десяти, в Великую войну их было более 400. Более ста военных священников попали в плен. Пленение священника свидетельствует, что он находился на своем посту, а не пробавлялся в тылу, где не угрожает опасность.

Заклучение

Не в силе Бог, а в правде

Д. Владимиров в статье «Религия национал-социализма» писал: «Гитлер почитает себя реформатором, обличенным священной миссией и выражающим томление масс и волю Расы. Геббельс называет нацизм верой и настоящей религией, провозглашающей новое Евангелие, за которое стоит умирать. Розенберг носится с идеей пятого Евангелия, Евангелия национальной чести, не допускающей наряду с собой никаких равных ценностей. Роберт Лей молится Гитлеру, как новому Христу, и видит в расизме божественное откровение, а в партии — орден священников и проповедников, призванных блюсти священную доктрину...

Совершенно последовательно противопоставляя себя христианству — как мистической религии, соединяющей человека с Любовью Божией ко всему миру, к каждому человеку, кто бы он ни был, эллин или иудей, — национал-социализм приходит к отрицанию и евангельского утверждения абсолютной ценности человеческой личности. Вся реальность индивидуума определяется только степенью, в какой в нем выражены законы крови и расовые качества.

Геббельс учит — идеализм наци сообщает народу трансцендентную миссию. Он делает из нации

великую реальность. И эта реальность — индивидуум на службе общины. Что листья без дерева? Ничто. В органической жизни считается только дерево. Не государство для индивидуумов, а индивидуумы для государства-расы...

Выступая как реакция против христианства, расизм приходит к отрицанию вырастающего из евангельской справедливости идеала демократии, утверждающего абсолютную ценность личности каждого человека, неприкосновенность ее прав и равенство в этом всех людей, объединяемых мистической любовью в одно всемирное братство. Каждой из сторон этого идеала замысел общественного строя наци противопоставляет идеал прямо обратный: свободе — тотальную авторитарность, равенству — иерархичность, братству — аморфность обезличенной массы, ведомой вождем».

Таким образом, прежде чем выплеснуться на народы, неся горе, разрушения и смерть, войны начинаются в человеческих сердцах, пораженных грехом. Любая война, начатая ради корыстных земных целей, — темное, греховное деяние. Но когда оружие используется, чтобы жертвенно защитить своих близких, свою Родину, — тогда война становится священной, то есть религиозной по сути. Как пелось в песне-гимне Великой Отечественной: «Идет война народная, священная война». И тогда Господь помогает правым. В Великой Отечественной войне победила Россия, и это значит, что Господь был с русскими, а не с нацистами.

В этой книге немало примеров такой Божественной помощи, когда Господь благословлял русский народ на победу. И Наполеон, и Гитлер,

бросившие к своим ногам почти всю Европу, вторгшись в Россию, потерпели поражение. Россия всегда давала отпор захватчикам и спасала вместе с собой и другие страны.

Не в силе Бог, а в правде, как говорил любимый русским народом святой князь-полководец Александр Невский. Русский народ всегда верил в эту истину, веками черпал бесстрашие и силу духа в православной вере, шел в бой с крестом на груди и молитвой на устах. Поэтому так важна была возможность для солдат исповедаться и причаститься перед боем, поэтому незаменимы были полковые священники. Без священников остались солдаты в Великую Отечественную войну, но, как рассказывается на страницах этой книги, Церковь, почти разрушенная в годы богоборчества, не отстранилась от всеобщей битвы с врагом и вложила в Победу все свои силы.

Во время этой жесточайшей войны Русская Православная Церковь, находившаяся в нелегком положении, понесла значительный урон — множество русских храмов и монастырей, а также икон, старинных церковных книг, богослужебной утвари было разграблено и уничтожено и большевистскими богоборцами, и гитлеровцами. Среди потерь Церкви — значимые для всего мира шедевры иконописи и зодчества. Навсегда были потеряны — истреблены или вывезены за границу некоторые глубоко чтимые верующими чудотворные иконы. Про человеческие потери говорить не приходится — множество священников и мирян погибло, немало из них расстреляно за помощь партизанам, за отказ молиться за победу германского оружия. Церковь выстояла;

Не в силе Бог, а в правде

*Церковь, почти разрушенная в годы богоборчества, не отстра-
нилась от всеобщей битвы с врагом...*

она была отделена от государства, но не от народа, что показал духовный подъем во время Великой Отечественной войны. Многие пришли к вере в эти страшные годы и пронесли эту веру через всю жизнь, кто-то стал монахом, священником, храмовым служителем...

Прошли десятилетия, многое изменилось в жизни страны, и сейчас, обращаясь к прошлому, неравнодушные люди извлекают из него достойные уроки.

В начале 90-х годов впервые после долгих лет официально царившего в стране атеизма заговорили о необходимости взаимодействия Церкви и армии. Когда в 1992 году из Кронштадта вышел учебный корабль «Гангут», на борту его находился священник Владислав, настоятель кронштадтского Владимирского собора, — и это было знаменательным событием.

Церковь и государство постепенно сближались. И в октябре 1992 года в Военной академии Генерального штаба прошла научно-практическая конференция при участии Православного Свято-Тихоновского богословского института. А 2 марта 1994 года состоялась личная встреча Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго с министром обороны П. С. Грачевым, на которой они подписали совместное «Заявление о сотрудничестве ВС и РПЦ в научной, культурной, духовно-нравственной и благотворительной областях». В заявлении говорилось о том, что сотрудничество Церкви и Российской армии «послужит укреплению духовно-нравственных начал в жизни российского воинства, расширит возможности для реализации прав верующих военнослужащих, поможет решить

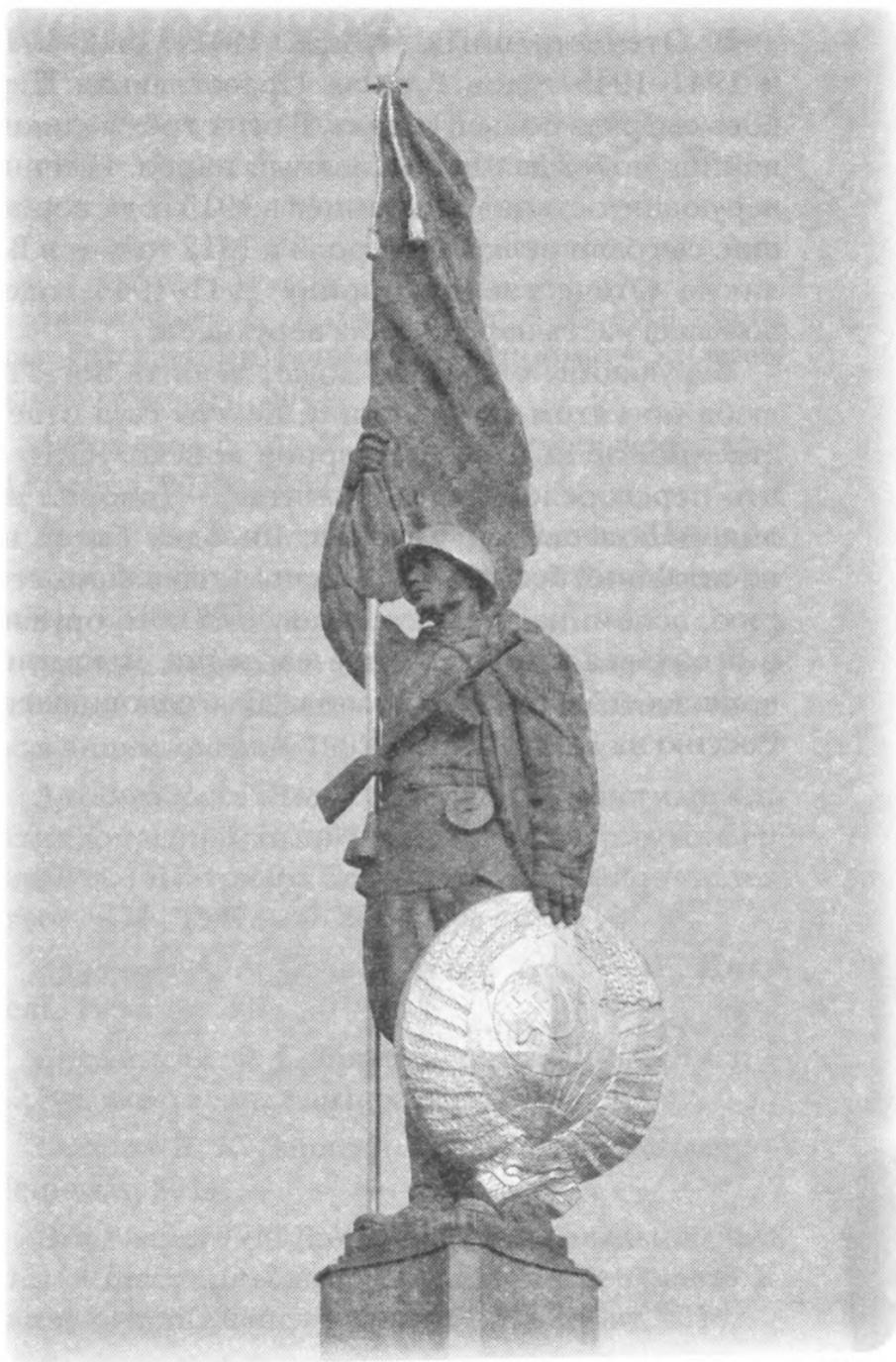
многие насущные проблемы, стоящие перед российскими Вооруженными Силами и Русской Православной Церковью». Откликаясь на это событие, газета «Красная звезда» отмечала: «Соединена прервавшаяся было нить, на протяжении тысячелетия связывавшая российское воинство и Церковь».

В 1994 году прошла Всероссийская конференция «Православие и Российская армия». Был создан Координационный комитет по взаимодействию между Русской Православной Церковью и Вооруженными Силами, а в 1995 году указом Священного синода был сформирован Отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями.

И вновь священнослужители окормляют военных в армии и на флоте, исполняют свой пастырский долг в горячих точках. На территориях воинских частей строятся храмы, солдаты и офицеры участвуют в церковных таинствах. Так, например, военнослужащие и преподаватели Военно-Воздушной академии Ю. А. Гагарина — одной из трех военно-воздушных академий России — постоянно участвуют в богослужениях в храме во имя святого великомученика Георгия Победоносца в поселке Монино и приобщают к церковной жизни своих воспитанников из Кадетского корпуса. И подобных примеров можно привести немало.

Конечно, много еще встречается на этом пути препятствий, трудностей, непонимания. Но главное — начало положено, множество людей работают на ниве воцерковления Русской армии, которая с полным правом может гордиться подвигами своих предшественников.

Памятник советским воинам-освободителям. Вена.

В Отечественных войнах 1812, 1914–1918 и 1941–1945 годов Русская Православная Церковь сыграла большую роль. В этих трёх великих войнах побеждал православный народ. Именно верующие остановили немцев в 1915 году, верующие сыграли решающую роль в 1812 году, и в Великую Отечественную войну 1941–1945 годов большая часть народа была верующей.

Верующий человек не может любить Бога, не любя при этом свою Родину, не чувствуя ответственности за нее. «Безверное войско учить — что перегорелое железо точить», — говорил великий полководец Суворов, ни одну битву не начинавший без молитвы. Вспоминая нашу историю, вспоминая великую славу русского оружия и осознавая наше духовное наследие, мы верим в лучшее и благодарим Господа, благословившего Россию на Победу.

Заключение

Литература

Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В. Русь уходящая: Рассказы митрополита Питирима. — Ульяновский дом печати, 2007.

Алексиевич С. А. У войны не женское лицо. М.: Время, 2013. — 352 с.

Аруева Л. Н. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны: Монография. — СПб., 2010.

Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. — М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. — 600 с.

Архимандрит Иоанн (Разумов). Христианский уклад домашней жизни Святейшего патриарха Сергия. В сб.: «Патриарх Сергий и его духовное наследство». — М., 1947. — С. 232–233

Ахматова А. А. Сочинения: В 2-х т. — М.: Цитадель, 1996.

Берггольц О. Ф. Собрание сочинений. В 3-х т. — Л.: Художественная литература, 1989.

Берхман В. К. Записки оставшейся в живых. — Лениздат, 2014.

Великотная Т. К. Дневник нашей печальной жизни. // Текст приводится по изданию: Берхман В. К. Записки оставшейся в живых. — Лениздат, 2014.

Военский К. А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 г. — М., 1912. — 60 с.

Ивашко М. И., Курьлев В. М., Чугунов А. М. Господь — знамя мое. — М., 2005. — Серия «Духовно-нравственные и исторические традиции Русской Армии», № 1.

Кравченко А. Н. По минному полю скорбей. Архиепископ Херсонский и Одесский Никон (Петин) // Умолкнувшие колокола. Новомученики Российские. Жизнеописание. — М.: Изд-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 2002.

Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А. Война 1941—1945 / Под ред. О. А. Ржешевского. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 479 с.

Лисичкин В. А. Лука, врач возлюбленный. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 2013. — 456 с.

Логинов М. О. Как родилось название «Безбожник» // О Емельяне Ярославском: Воспоминания, очерки, статьи. — М.: Политиздат, 1988. — С. 205.

Никифоров-Волгин В. А. Дорожный посох. — Таллинн: Русская книга, 1938.

Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. — 244 с.

Нуждин Ю. Ф. Армия и Церковь: Уроки войны для настоящего и будущего // Материалы церковно-общественной конференции «За други своя». — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. — 152 с.

Одинцов М. И. Великая Отечественная война (1941—1945) и религиозные организации в СССР // Православная Энциклопедия. — М., 2004. — Т. 7.

Одинцов М. И. Государство и Церковь в России. XX век. — М.: Луч, 1994. — 171 с.

Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. М.: Изд-во РАГС, 1994.

Отец Митрофан Сребрянский. Дневник полкового священника. — М.: Отчий дом, 1996. — 351 с.

Порт-Артур. Воспоминания участников. — Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова. 1955.

Правда о религии в России / Под общ. редакцией Митрополита Киевского и Галицкого Николая (Ярушевича). — М.: Изд-во Московской Патриархии, 1942.

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. — М.: Воениздат, 1975. — С. 511–512.

Протоиерей А. Архангельский. Письмо митрополиту Сергию (Страгородскому). Апрель 1942 года // Текст приводится по изданию «Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов». — М.: Изд-во РАГС, 1999. — С. 281–282.

Протоиерей Валентин Бирюков. На земле мы только учимся жить. Непридуманнные рассказы. — Даниловский благовестник, 2011. — 136 с.

Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви. 1917–1997. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — 831 с.

Протопресвитер Георгий Шавельский. Воспоминания последнего Протопресвитера Русской Армии и Флота: В 2-х т. — Нью-Йорк, 1954.

Рашитова О. А. Деятельность Русской Православной Церкви в годы войны и блокады Ленинграда 1941–1945 гг.: Дис. канд. ист. наук. — Спб., 2006. — 172 с.

Ретунская З. В. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны: Курсовая работа. — Сургутский государственный университет. — Сургут, 2005.

Ровенский Г. В. Храм Святителя Николая Чудотворца и селения его прихода: Оболдино и Супонево. — Фрязино-Оболдино, 2008. — 64 с.

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Васильева О. Ю., Кудрявцев И. И., Лыкова Л. А. — М.: Изд-во Крутицкого подворья «Общество любителей церковной истории», 2009. — 779 с.

Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. [Б. м. и г.]

Русская Православная Церковь. 988–1988 годы. Очерки истории. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 1988

Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. — 792 с.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Я полюбил страдание... Автобиография. — М.: Изд-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 2009. — 190 с.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Праведный суд народа // Журнал Московской Патриархии. — 1944. — № 2.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. — М.: Изд-во «Книга», 1989.

Солоухин В. А. При свете дня. — Собрание сочинений в 5 тт. — М.: Русский миръ, 2006. — Т. 2. Смех за левым плечом.

Сталин И. В. Сочинения. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. — Т. 13.

Филимонов В. П. Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. — Издание исправленное и дополненное. — СПб.: Сатисъ, Держава, 2006. — 336 с.

Фольмер В. П. Силами добрыми хранимые. Немцы Полтавщины. — Журнал «Самиздат», 2009.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Лепта, 2010. — 496 с.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья, 1999. — 400 с.

Шумилов Е. Ф. Православная Удмуртия. — Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1996. — 264 с.

Ямщиков С. Архимандрит Алипий. Человек. Художник. Воин. Игумен. — М., 2004. — 486 с.

Публикации в периодических изданиях

Акимов В. В. Причины гонения на Русскую Православную Церковь в XX веке // Ученые записки. Сборник научных статей факультета теологии. Вып. 2. — Минск, 2004. — С.180-195.

Архангельский М. Ратные подвиги православных священнослужителей в русско-японскую войну 1904–1905 гг. // Журнал Московской Патриархии. — 1945. — № 9.

Беглов А. Л. Церковный патриотизм: позиция иерархов или верующих? К вопросу о масштабах патриотической деятельности Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Материалы церковно-общественной конференции «За други своя». — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. — 152 с.

Васильева Н. Праздник Победы // Журнал Московской Патриархии. — 1945. — № 6.

Владимиров Д. Религия национал-социализма // Новый град. — 1939. — № 14.

Елков И. Монахиня в чине майора // Российская газета: Неделя. — 2009. — 24–29 дек. — С. 26–27.

Емельянов Н. Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь: Доклад на VI ежегодной богословской конференции (Москва, Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, январь 1996 г.).

Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 2 и 3.

Журнал Московской Патриархии. — 1945. — № 3, 4 и 5.

Задушевное слово. Журнал для старшего возраста. Пасхальный номер. — 1916. — № 24 от 10 апреля.

Иерей Александр Шестак. Подвиги русских пастырей в Великой Отечественной войне // Военно-промышленный курьер. — 2005. — № 22 (89) за 22 июня.

Короткова Е. Матушка из разведки // Московский Комсомолец. — 2010. — 23 апр.

Лихачев Д. С. Беседы прежних лет. Из воспоминаний об интеллигенции 1920–1930-х годов // Наше наследие. — М., 1993. — № 26. — С. 33–60.

Мистические корни фашизма, или Новая религия фюрера // Белорусская военная газета. — 2011. — № 206 от 28 окт.

Митрополит Вениамин (Федченков). Мои впечатления о России // Журнал Московской Патриархии. — 1945. — № 3

Митрополит Николай (Ярушевич). Разрушение и смерть. Очерк // Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 2.

Песков В. Житие матушки Адрианы, в миру Натальи Малышевой // Комсомольская правда. — 2009. — 5–12 февраля. — С. 28–29.

Протоиерей Александр Шаргунов. Воспоминания матушки Анны. // Православный журнал «Благодатный огонь». — 1998. — № 1.

Протоиерей Андрей Чесноков. Роль Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне: Доклад на региональной научно-практической конференции «Подвиг народа будет жить вечно!» (Братский Государственный Университет, 28 апр. 2010 г.).

Протоиерей Глеб Каледа. Очерки жизни православного народа в годы гонений. // Альманах «Альфа и Омега», — 1995. — № 6.

Протоиерей Николай Крячко. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. История церковно-государственных отношений в годы войны // Московские епархиальные ведомости. — 2010. — № 5–6.

Протоиерей Феопемт Комиссаров. Победа! Мысли и чувства христианина // Журнал Московской Патриархии. — 1945. — № 6.

Пузин Н. П. Несколько штрихов к биографии профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, архиепископа Луки. // Вестник РХД. — 1994. — № 3 (170).

Пузин Н.П. Несколько писем В.Ф. Войно-Ясенецкого (Л.Н. Толстому, Н.П. Пузину). — М.: Слово, 1991. — № 3.

Решение Поместного Собора Русской Православной Церкви «Осуждение изменников вере и Отечеству» // Журнал Московской Патриархии. — 1943. — № 1.

Священник Александр Колесов. Русская Православная Церковь в период Великой Отечественной войны // Московские епархиальные ведомости, 2005. — № 3, № 4

Силова С. В. Православная церковь в Белоруссии в годы великой отечественной войны (1941–1945 гг.): Монография. — Гродно: ГрГУ, 2003. — 105 с.

Столбов В. П. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной Войны // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. — Иваново: ИГХТУ, 2009. — Вып. 4.

Трухин В. Н. Религиозный подъем в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны: Доклад на международной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2001» (Москва, 20–21 апр. 2001 г.) — МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001.

Фарберов А. Молебен у стен Кенигсберга. // Русь державная. — 2006. — № 5. — 1 мая. — С. 3.

Шкаровский М. В. Вклад Ленинградской епархии в победу над фашизмом по новым документальным источникам // Материалы церковно-общественной конференции «За други своя: Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». — М., 2005. — 24 марта. — С. 47–54.

Шкаровский М. В. Религиозная жизнь блокадного Ленинграда по новым документальным источникам // Битва за Ленинград: проблемы современных исследований. Сборник статей. — СПб., 2007. — С. 171–189.

Якунин В. Н. Велик Бог земли русской // Военно-исторический журнал — 1995. — № 1.

Якунин В. Н. Дело стояния за Родину. Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны // История. Ежедневная газета для учителей истории и обществознания. — 2004. — № 17.

Якунин В. Н. Патриотическая деятельность духовенства и верующих на оккупированных фашистами территориях СССР. // История. Ежедневная газета для учителей истории и обществознания. — 2004. — № 17.

Янов В. Великий русский народ // Журнал Московской Патриархии. — 1945. — № 8.

Азаева Э. Солдат по имени Церковь. // Комсомольская Правда. — 2013. — 7 мая. — <http://kp.ru/daily/26072/2978828>.

Багдасарян В.Э. Сколько отечественных войн было в истории России? // <http://rusrand.ru/analytics/skolko-otechestvennyh-vojn-bylo-v-istorii-rossii>

Белкин А. И. Русская Православная Церковь в Мордовии в годы Великой Отечественной войны. — <http://patriotrm.clan.su/publ/russkaja-pravoslavnaja-cerkov-v-mordovii-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/1-1-0-170>

Вальков В. С Божией помощью все одолели. Воспоминания отца Николая Колосова // Интернет-портал «Непридуманные рассказы о войне». — <http://www.world-war.ru/s-bozhiej-pomoshhyu-vse-odoleli>.

Васильева О. С именем Дмитрия Донского. // Интернет-портал «Православие.ru» — <http://pravoslavie.ru/archiv/dmitrydonskoy.htm>.

Виноградов Л. Протоиерей Николай Попович об атеистах в окопах, несвятом Сталине и красоте христианства // Интернет-портал «Православный мир» — <http://www.pravmir.ru/protodiakon-nikolaj-popovich-ob-ateistax-v-okopax-nesvyatom-staline-i-oslepitelnoj-krasote-xristianstva-video>

Воспоминания жительниц блокадного Ленинграда // Интернет-портал «Блокадный Ленинград. 900 дней подвига». — <http://leningradpobeda.ru/upload/kids/sites/2/vospom.html>.

Выгин М. Божья помощь на войне. // Христианская газета Севера России «Вера». — <http://www.rusvera.mrezha.ru/489/4.htm>.

Григорян В. Разумейте, языцы // Христианская газета Севера России «Вера». — <http://www.rusvera.mrezha.ru/556/5.htm>.

Данилова А. Протоиерей Василий Брылев — под Ржевом и на Курской дуге // Интернет-портал «Православие и мир». — <http://www.pravmir.ru/protoierej-vasilij-brylev-pod-rzhevom-i-na-kurskoj-duge>.

Дегтярева М. С их слов надо успевать писать // Интернет-портал «Православие.ru». — <http://www.pravoslavie.ru/put/57128.htm>.

Дубкова А. Гимн СССР написал верующий. — <http://orthodox.etel.ru/2001/02/gimnsssr.htm>.

Дятлова Е. Война миров: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. Интервью с профессором Московской духовной академии Алексеем Светозарским // Интернет-издание «Татьянин день». — <http://www.taday.ru/text/29208.html>.

И откуда вы такие беретесь? Три рассказа о войне. // Христианская газета Севера России «Вера» — <http://www.rusvera.mrezha.ru/539/6.htm>.

Калинин А. Прихожан — сжечь, священника — расстрелять! — Интернет-газета «Столетие» — 2013. — 29 апр. — http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/prihozhan_szhech_svashhennika-rasstrelat_793.htm.

Киктенко Е. Священники вспоминают блокаду Ленинграда // Интернет-портал «Православие и мир». — <http://www.pravmir.ru/svyashhenniki-vspominayut-blokadu>.

Киселев А. 60 лет Великой Победы. Протоиерей Рафаил Маркелов о войне // Официальный сайт Нижегородской митрополии. — <http://www.nne.ru/events.php?id=90&page=327>.

Лепетухин А. Живой голос матушки Елизаветы // Дальневосточная православная газета «Образ и подобие». — <http://www.pravmir.ru/zhivoj-golos-matushki-elizavety>.

Лушкин А. Страшно ли там было, на войне? // Официальный сайт храма Илии Пророка, подворья

Раифского Богородицкого мужского монастыря. — <http://ilynka.prihod.ru/zhurnal/view/id/1122845>.

М. Нефедова. Патриотизм — это понятие религиозное // Интернет-портал «Православие и мир». — <http://www.pravmir.ru/patriotizm-eto-ponyatie-religioznoe>.

Материалы сайта «Воздвижение» — <http://vozdvizhenie.paskha.ru>.

Материалы сайта Журнала Московской Патриархии. — <http://archive.jmp.ru>.

Наследышева Е. На войне трудно остаться атеистом. Воспоминания Дмитрия Хмеля // Интернет-портал «Непридуманные рассказы о войне». — <http://www.world-war.ru/category/cerkov-v-gody-vojni>.

Одинцов М. И. Патриотическое служение Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны // Сайт Общероссийской общественной организации РОИР («Российское объединение исследователей религии»). — <http://www.rusoir.ru/president/works/185>.

Полонский В. Церковь в годы войны: служение и борьба на оккупированных территориях // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. — <http://www.patriarchia.ru/db/text/4485.html>.

Протоиерей Максим Бойко. Киевский Свято-Покровский женский монастырь: очерк истории. — <http://www.hram-feodosy.kiev.ua/article/4/19/493/1>

Протоиерей Михаил Ходанов. Протодиакон Николай Попович. Путь фронтовика. — <http://pereprava.org/privacy/1083-protodiakon-nikolay-popovich-put-frontovika.html>.

Рогожникова В. Дорога длиною в жизнь // Православная Пермь. Официальный портал Пермской

митрополии. — http://pravperm.ru/publikacii/doroga_dliny_v_zhizn.

Российский государственный архив социально-политической истории. — Ф. 17. — Оп. 125. — Д. 92. — С. 23–25.

Святейший Патриарх Кирилл. Великая Отечественная война была войной со злом. // Обращение от 9 мая 2012 года <http://www.pravoslavie.ru/news/53400.htm>.

Сизов М. Правда без прикрас. // Христианская газета Севера России «Вера». — <http://www.rusvera.mrezha.ru/539/5.htm>.

Троицкий Н. Я. Дорога жизни Ольги Берггольц. — <http://www.liveinternet.ru/users/5326534/post321831492>.

Фомин С. В. Православная вера на фронтах Великой Отечественной. — <http://www.pokaianie.ru/article/stalin/read/15319>.

Ходаковская О. Дыхание великой войны. — <http://www.liveinternet.ru/users/1676372/post39434036>.

Цветова А. С молитвой в бой // Интернет-портал «Православие.ru». — <http://www.pravoslavie.ru/smi/38272.htm>.

Шабунин Е. А. Священнослужители Новосибирской епархии — участники Великой Отечественной войны. Протоиерей Александр Смолкин. — <http://orthedu.ru/hist-nsk-eparh/kraeved/print:page,1,43-65-letiyu-pobedy-v-velikoj-otechestvennoj-vojni.html>.

Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — <http://www.podvignaroda.ru>.

Список иллюстраций

- С. 7. Православная церковь. Зимний пейзаж.
- С. 11. Архангел Михаил поражает диавола. Церковь святого Михаила. Вена. Автор снимка Jebulon.
- С. 12. Святой Георгий Победоносец. Старинная икона.
- С. 15. Освящение Вознесенского войскового собора в Новочеркасске. Фотография. 1905 г. (ГПИБ).
- С. 17. Соборное дворце. Успенский собор. Вид из Дымковской слободы. Автор снимка Е. Кононова.
- С. 19. Башня Выборгской крепости. Автор снимка Maleevsw.
- С. 20. Карл Генрих Блох. Иисус Христос в Эммаусе. Запрестольный образ в городской кирхе. Лодерап, лен Сконе, Швеция.
- С. 22. Раскрашенная (литографическая) открытка с видом Лавры. XIX век.
- С. 24. 23 июня 1941 года в Киеве. Автор снимка К. Лишко. Архив РИА Новости.
- С. 27. Патриарх Московский и всея России Тихон. Снимок сделан не позднее 1925 года.
- С. 28. Священномученик Вениамин (Казанский), митрополит Петроградский. Фотография начала 20-х гг. XX в.
- С. 32. Церковь Рождества Христова. Углич. Разрушена в 1940 году. Автор снимка неизвестен. Снимок взят с сайта www.prouglich.ru.

С. 35. Часовня Иверской Божией Матери в Москве. Фотография сделана не позднее 1915 года. Автор снимка К. А. Фишер.

С. 40. Голодная зима 1948 года. Германия. Автор снимка Carl Stachelscheid. Фотография передана в общественное пользование Федеральным архивом Германии. Номер в архиве 183-R94419.

С. 45. Бутырская тюрьма. Снимок 1890-х гг.

С. 51. А. П. Боголюбов. Заутреня в Кремле. XIX в.

С. 54. Ансамбль Троице-Сергиевой Лавры. Автор снимка A. Savin.

С. 58. Богоявленский собор в Елохове. Снимок сделан в 1882 году. Из архивов Николая Найденова.

С. 66. Первые страницы трех обращений митрополита Сергия в дни войны.

С. 79. Памятник Святому Серафиму Саровскому. Екатеринбург. Автор снимка CorpetKettle.

С. 80. Серпухов. Троицкая церковь и церковь Илии Пророка. Автор снимка Sergej Ashmarin.

С. 85. Площадь Павших Борцов. Автор снимка Георгий Зелма. Фотография передана в общественное пользование Федеральным архивом Германии. Номер в архиве 183-W0506-316.

С. 87. Мобилизация в Ленинграде летом 1941 года. Автор снимка неизвестен.

С. 88. Герард Доу. Старуха в молитве. XVII в.

С. 91. Историко-культурный комплекс Соловецких островов (Соловецкие острова). Автор снимка Linazet.

С. 93. Церковь двенадцати апостолов. Тула. Автор снимка Celest.

С. 99. Епископ Алексей (Симанский), будущий патриарх Московский и всея Руси. Снимок сделан в 1913 году.

С. 102. Памятник «Тысячелетие России». Великий Новгород. Автор снимка Frau-kolyadina.

С. 105. Ярославская свеча. Колокольня церковного комплекса. Слобода Коровники. Автор снимка В. Муратов.

С. 108. Колокольня кафедрального собора Рождества Христова. Кишинев. Автор снимка Nebbius.

С. 117. Александр Геримский. Молитва Ангелу Господню. 1890.

С. 123. Архиерейский Собор 8 сентября 1943 года. Священный Синод.

С. 124. Кафедральный собор Богоявления в Елохове с крестильным храмом Василия Блаженного. Автор снимка Elena527.

С. 126. Советские священнослужители, награжденные медалями «За оборону Ленинграда».

С. 133. Обложка «Журнала Московской Патриархии» № 1. 1943 год.

С. 141. Бобренев монастырь. Коломна. Автор снимка Д. Ометсинский.

С. 144. В.В. Верещагин. Начало христианства на Руси. Гравюра. 1887.

С. 147. Петергоф. Церковь преподобного Серафима Саровского. 1943 год. Из коллекции М. Ю. Мещанинова.

С. 152. Гитлеровская конница. Русский Север. Лето 1943 года. Фотография передана в общественное пользование Федеральным архивом Германии. Номер в архиве 101I-022-2923-16A.

С. 154. Церковь Покрова Богородицы за Тьмакой. Тверь. Восстановлена в 1987 году. Автор снимка Ghirlandajo.

С. 156. Пьета. Микеланджело. 1499. Собор Святого Петра, Ватикан. Автор снимка Route66.

С. 159. Собор Рождества Христова. Главные врата. Верея. Автор снимка NVO.

С. 168. Освобождение Вязьмы. Осень 1943 года. Автор снимка неизвестен.

С. 175. Поль Густав Доре. Святой Павел проповедует фессалоникийцам. Гравюра. XIX в.

С. 183. Фернан Кормон. Проклятие Каина на вечные скитания. XIX в.

С. 186. Л. Л. Каменев. Саввино-Сторожевский монастырь под Звенигородом. 1860-е гг.

С. 189. И. М. Прянишников. Крестный ход. 1893.

С. 192. Освобожденный город. Автор снимка Л. Бать. Архив РИА Новости.

С. 195. Богоматерь Владимирская. Вологодская икона. XVI в.

С. 198. Алексей, архиепископ Куйбышевский и Сызранский. Снимок взят из книги «Правда о религии в России» 1942 года.

С. 205. Подвоз продуктов по Ладожскому озеру. Автор снимка Борис Кудояров. Архив РИА Новости.

С. 211. С. М. Прокудин-Горский. Полоцк. Николаевский собор с левого берега Западной Двины. 1912. Реставрация С. Прохорова.

С. 221. Довоенные танки производства завода № 183. Слева направо БТ-7, А-20, Т-34-76 с пушкой Л-11, Т-34-76 с пушкой Ф-34.

- С. 226. Квитанция времен Великой Отечественной войны. Снимок взят из книги «Правда о религии в России» 1942 года.
- С. 231. В. М. Васнецов. Собор святителей Вселенской церкви. 1885–1896.
- С. 233. С. М. Прокудин-Горский. Кирилло-Белозерский монастырь. 1909. Реставрация В. Ратникова.
- С. 237. Псково-Печерский монастырь. Автор снимка В. Муратов.
- С. 240. Советские партизаны в Белоруссии. 1943 год. Снимок из Госархива РФ.
- С. 250. Крест на месте расстрела православных священников в ноябре 1941 г. Бабий Яр. Автор снимка Dgri.
- С. 253. М. Л. Звягин. Бабий Яр. Картина. 1981–1985.
- С. 254. М. И. Скотти. Иван Сусанин. 1851.
- С. 256. Расстрел партизан на Русском Севере. Фотография передана в общественное пользование Федеральным архивом Германии. Номер в архиве 1011-212-0221-06.
- С. 259. Русская пехота отбивает массированное наступление немецких колонн. Битва на Висле.
- С. 261. С. Д. Милорадович. У исповедника. 1915.
- С. 267. А. П. Боголюбов. Вид на Смольный монастырь с большой Охты. 1853. Фрагмент картины.
- С. 270. Б. М. Кустодиев. Монахиня. 1920.
- С. 281. В. А. Тропинин. Монах со свечой. 1834.
- С. 289. Памятник Святителю Луке. Красноярск. Автор снимка DrDeemon.
- С. 291. С. М. Прокудин-Горский. Общий вид Горницкого монастыря. Российская империя. 1909. Реставрация С. Свердлова.

- С. 294. Центр Сталинграда после освобождения. Автор снимка Георгий Зельма. Архив РИА Новости.
- С. 299. Снос собора Святого Николая в Харькове. Автор снимка неизвестен
- С. 302. Зимний пейзаж с церковью. Автор снимка Еркович.
- С. 305. Советские реактивные установки залпового огня («Катюши») наносят удар по врагу. Автор снимка Георгий Зельма. Архив РИА Новости.
- С. 308. Пюхтицкий монастырь. Успенский собор. Эстония. Автор снимка Скампецкий.
- С. 313. Дорога жизни. Снимок военных лет. Автор неизвестен.
- С. 320. Бойцы 150-й стрелковой Идрицко-Берлинской, ордена Кутузова 2-й степени дивизии у Рейхстага.
- С. 327. Православный священнослужитель во Львове. 1914.
- С. 328. Церковь Воскресения Словущего на Успенском Вражке. Снимок из альбома Н. А. Найденова.
- С. 331. Вечер после битвы при Лейтене. Автор неизвестен.
- С. 334. Новодевичий монастырь. Москва. Автор снимка С. Еремин.
- С. 338. М. В. Нестеров. Монахиня. 1897–1898 гг.
- С. 340. Орел. Сквер танкистов. 1943 год. Автор снимка неизвестен.
- С. 342. Петропавловская церковь. Гари, Зеленодольский район. Автор снимка К АНТОН.
- С. 344. Все, что осталось от родного дома. Автор снимка С. Альперин. Архив РИА Новости.

С. 349. Снайпер Василий Зайцев, герой Советского Союза. Автор снимка неизвестен.

С. 351. Старинная деревянная церковь Иоанна Златоуста (1665) в деревне Саунино около Каргополя.

С. 354. Храм Спаса Нерукотворного на Сетуни. Москва. Автор снимка А. Кулаков.

С. 369. Развалины собора в Новом Иерусалиме. Автор снимка неизвестен.

С. 372. Икона Божьей Матери «Скоропослушница». Мозаика.

С. 376. Высоцкий монастырь. Серпухов.

С. 377. Георгиевский крест с лавровой ветвью.

С. 379. Николай Черкасов в роли Александра Невского. Кадр из фильма С. Эйзенштейна (1938).

С. 382. М. В. Нестеров. Покров Богородицы. 1914.

С. 388. Церковь во имя иконы Божией Матери «Нечаянная радость». Автор снимка А. Savin.

С. 390. Битва за Москву. Автор снимка неизвестен.

С. 396. Оборона Москвы. Советские зенитчики на крыше гостиницы «Москва». Архив РИА Новости.

С. 403. Вид с башни Адмиралтейства на Вознесенский проспект и Исаакиевский собор. Автор снимка ptrsasha.

С. 404. Православный крест и поминальная доска. Московский парк Победы. Санкт-Петербург.

С. 407. Спасо-Преображенский собор. Санкт-Петербург. Автор снимка Hamelin de Guettelet.

С. 408. Церковь Димитрия Солунского. Коломяги. Автор снимка Zonder711.

С. 411. Зенитчики на страже Ленинградского неба». Октябрь 1941. Автор снимка Д. М. Трахтенберг. Архив РИА Новости.

С. 419. Собор Казанской иконы Божией Матери. Санкт-Петербург. Автор снимка В. Муратов.

С. 421. Корпус Александро-Невской Лавры. Автор снимка В. Муратов.

С. 422. Мемориал жертвам блокады Ленинграда на Серафимовском кладбище. Автор снимка Dj-2.

С. 424. Санитарный пост у Нарвских ворот в Ленинграде. Автор снимка А. Гаранин. Архив РИА Новости.

С. 427. Ленинградцы расчищают улицы родного города после первой блокадной зимы. Автор снимка В. Тарасевич. Архив РИА Новости.

С. 429. Эдуард Деба-Понсан. Утро у ворот Лувра. 1880.

С. 431. Церковь Пресвятой Троицы. Всеволожск. Автор снимка Vladimir Ivanov.

С. 432. Ганс Тома. Война. 1907.

С. 436. Две женщины в разрушенной артобстрелом ленинградской квартире. 1941 г. Автор снимка неизвестен.

С. 445. Ольга Берггольц. Снимок 1930 года

С. 450. Временная часовня-мемориал, воздвигнутая на месте бывшего завода-крематория. Московский парк Победы, Санкт-Петербург.

С. 455. «У театральной афиши». Ленинград, октябрь 1941 года. Автор снимка А. Гаранин. Архив РИА Новости.

С. 456. Палата детской больницы с новогодней елкой в блокадном Ленинграде. Зима 1941–1942 годов.

С. 461. Храм Успения Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург. Автор снимка George Shuklin.

С. 464. С. М. Прокудин-Горский. Екатеринбург. Центральная часть с прудом. 1909. Реставрация С. Прохорова.

С. 467. Успенский собор во Владимире. Автор снимка Я. Филимонов.

С. 470. Троице-Сергиева Лавра. Открытка. Между 1890 и 1905 гг.

С. 475. М. В. Нестеров. Апостол Иоанн. 1909.

С. 481. Станислав Дембицкий. Молитва. 1887.

С. 482. Ласло Меднянский. Молитва.

С. 486. В. В. Верещагин. Осада Троице-Сергиевой Лавры. 1891.

С. 488. Осада Плевны. Подвиг майора Горталова. Автор неизвестен.

С. 491. Мария Долина, герой Своецкого Союза, заместитель командира эскадрильи 125-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка.

С. 492. С. М. Прокудин-Горский. Монастырь Федора Стратилата. Переславль-Залесский. 1911. Реставрация Ярославского ЦНИТ.

С. 493. Альфонс Ильдефонсович Зоберн. Снимок предоставлен автором-составителем.

С. 494. Михаил Альфонсович Зоберн. Снимок предоставлен автором-составителем.

С. 497. Представление к ордену Красной Звезды. Наградной лист капитана М. А. Зоберн. Снимок предоставлен автором-составителем.

С. 500. С. М. Прокудин-Горский. Общий вид Ниловой пустыни от деревни Пески. Озеро Селигер. Российская империя. 1910. Реставрация Л. Иванова.

С. 504. В. М. Максимов. Больной муж. 1881.

С. 507. Богоматерь Казанская. Икона работы Симона Ушакова. 1658.

С. 511. Часовня Ксении Петербургской на Смоленском кладбище. Санкт-Петербург. Автор снимка В. Кравченко.

С. 514. Икона Пресвятой Богородицы «Хлебная».

С. 517. Юрьев монастырь. Новгород. Вид с реки Волхов. Автор снимка А. Savin.

С. 519. М. В. Нестеров. Троица Ветхозаветная. 1890.

С. 524. Крестный ход 9 мая 1945 года в станице Ново-Александровская. Автор снимка неизвестен.

С. 528. Демонстранты на площади Астрахани во время празднования Дня Победы. Автор снимка неизвестен.

С. 533. Гора Маура. Следовой камень, поклонный крест. На заднем плане Кирилло-Белозерский монастырь. Автор снимка Daгуона.

С. 535. Вид на храм Спаса на Крови с Марсова поля. Автор снимка Florstein.

С. 537. В. В. Верещагин. В Петровском дворце (В ожидании мира).

С. 538. И. В. Лучанинов. Благословение ополченца 1812 года.

С. 540. А. Д. Кившенко. Оборона Троице-Сергиевой Лавры. 1884.

С. 542. Успенский собор. Москва. Снимок из архивов Николая Найденова. 1883.

С. 545. Антонио Чизери. Мученичество Маккавеев. 1863.

С. 547. В. В. Верещагин. В Успенском соборе. 1887–1895.

С. 548. Колокольня Ивана Великого. Москва. Автор снимка Richard Peter. Авторские права принадлежат Deutsche Fotothek.

С. 551. Одигитриевская церковь. Смоленск. Открытка начала XX в.

С. 553. Христиан Вильгельм Фабер дю Фор. Французская армия у стен Смоленска. Рисунок для литографии.

С. 554. Военная казнь. Расстрел подполковника П. И. Энгельгардта в октябре 1812 года.

С. 557. Икона Божией Матери «Смоленская» с житием Богородицы. XV в.

С. 561. Богоявленский монастырь. Москва.

С. 564. Вознесенский монастырь в Московском Кремле. Екатерининский храм. Справа — церковь Михаила Малейна. Снимок конца XIX в.

С. 566. В. В. Верещагин. «В покоренной Москве» («Поджигатели» или «Расстрел в Кремле»). 1897–1898.

С. 568. В. В. Верещагин. Маршал Даву в Чудовом монастыре. 1887.

С. 570. Зачатьевский монастырь. Москва. Из архивов Николая Найденова. 1882.

С. 573. Адольф Нортен. Уход Наполеона из Москвы.

С. 575. Франц Крюгер. Александр I в 1812 году.

С. 578. Н. С. Самокиш. Молебен накануне Бородинского сражения.

С. 579. Антониев монастырь в Великом Новгороде. Гравюра.

С. 591. Причастие раненого. Рисунок времен русско-японской войны.

С. 601. Церковь Святых Петра и Павла. Петергоф. Автор снимка В. Сазонов.

С. 606. Старая церковь в Ширково. Автор снимка В. Петраков.

С. 609. Памятник советским воинам-освободителям. Вена. Автор снимка Peter Haas.

Духовно-просветительное издание

РЕЛИГИЯ. РАССКАЗЫ О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

БОГ И ПОБЕДА

Верующие в великих войнах за Россию

Директор редакции *Е. Капьев*

Ответственный редактор *А. Богословский*

Младший редактор *М. Нивня*

Художественный редактор *П. Ильин*

Оригинал-макет подготовлен ИП Кулик Т.Н.

Редакторы *И. Булгакова, В. Измайлов*

Корректор *В. Измайлов*

Верстка *И. Басова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша

арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 04.09.2014. Формат 84x108^{1/32}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6.

Тираж 10 000 экз. Заказ 2162.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-69986-5

9 785699 699865 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса
«Канц-Эксмо»:** Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,

Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.

Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д.
29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42.

E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

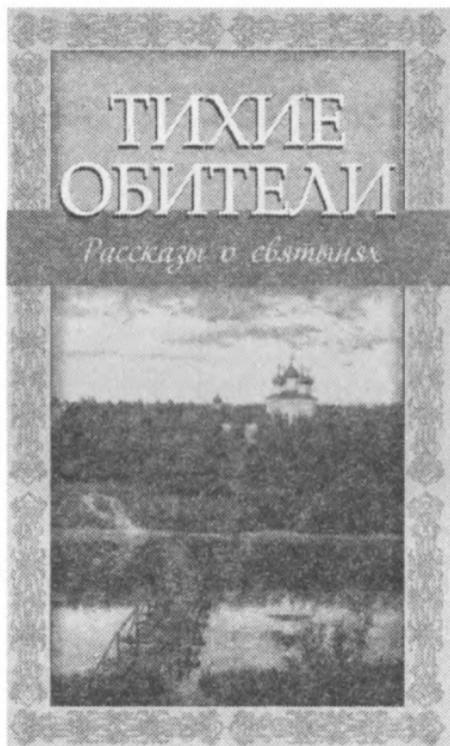
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: lmarket@eksmo-sale.ru

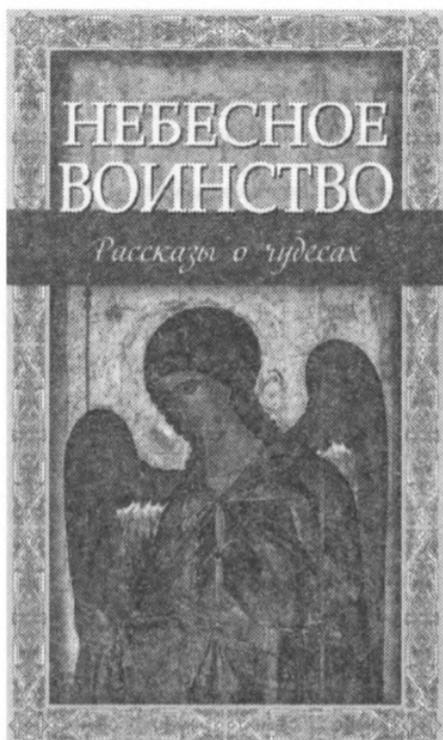
**Если вам понравилась эта книга,
рекомендуем прочитать:**

Тихие обители

Рассказы о святынях

Эта книга посвящена наиболее известным святыням России. Читатель вместе с авторами сборника побывает в Оптиной Пустыни, на Валааме, в Псково-Печерском монастыре, Троице-Сергиевой Лавре. Он познакомится с историей этих древних святынь, поклонится нетленным мощам Божиих угодников, узнает о святых источниках с целебной водой.

Небесное ВОИНСТВО

Рассказы о чудесах

Эта книга рассказывает о чудесных случаях с православными христианами и ярких моментах из житий святых. Здесь собрано множество увлекательных историй, рассказанных священниками и мирянами. Эти истории публиковались в дореволюционных журналах и сборниках и помогут современному читателю лучше узнать мир царской православной России, а также прикоснуться к духовному опыту первых святых, к истории христианства в Римской империи. Среди героев этой книги — благоверный князь Александр Невский, святитель Филарет Московский, святой мученик Неофит, великомученик Георгий Победоносец и многие другие.

Ввысь к небесам

**История России
в рассказах о святых**

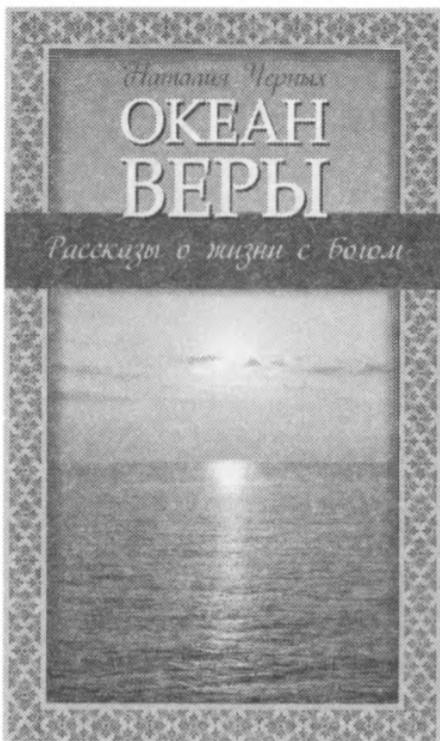
История России неразрывно связана с историей русской святости. Читая эти рассказы о святых, мы невольно прикасаемся и к русской истории и понимаем, что святые живы, они рядом с нами, они наши современники.

В этой книге писатель представил нам наиболее известных русских святых: равноапостольную княгиню Ольгу, блаженную Ксению Петербургскую, праведного Иоанна Кронштадтского, патриарха Тихона (Белавина) и других.

Книга рекомендована Издательским Советом Русской Православной Церкви.

Океан веры

Рассказы о жизни
с Богом

На земле пять океанов. Каждый из них привязан к определенной части света. Но есть шестой океан — океан веры, океан Бога. Его географическое положение — в сердце человека. Книга именно об этом океане. Она, как капля, отражающая океан, распространена во времени и в пространстве. Что думал молодой монах, будущий Патриарх, с нетерпением ожидающий отправки судна в Японию и что он увидел в Японии? Как девочка Вера из простой семьи стала монахиней Ермогеной, о которой отзывались как об истинно духовно одаренной старице многие священники, а прежде всего — ее духовный отец? Как спас священника в страшную годину крест из фанеры? Как встречали Пасху и Рождество в Иерусалиме русские паломники? Что едят православные африканцы в Кении на трапезе после литургии? Книга касается разных времен и разных континентов, здесь образовалось единое пространство-время православного христианства, океан, в котором возвышается таинственный остров Церкви. Книга рекомендована Издательским Советом Русской Православной Церкви.

70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ!

Бог и Победа

Верующие в великих войнах за Россию

Эта книга о трех великих войнах, пережитых Россией, и роли, которую сыграли в них Русская Православная Церковь, священнослужители и простые верующие; о том, чем является для русских людей православная вера, хранимая в страшные годы гонений и помогающая побеждать даже тогда, когда поражение кажется неизбежным.

Охватывая время от Отечественной войны 1812 года до Великой Отечественной 1941–1945 годов, книга напоминает читателю о мужестве и подвигах наших предков, отстаивших родную землю.

Герои книги — полковые священники Отечественной войны 1812 года, Первой мировой войны 1914–1918 годов, батюшки, сменившие рясы на гимнастерки в годы Великой Отечественной 1941–1945 годов, простые верующие, а также «по рождению своему принадлежащие к Церкви православной», защищавшие Родину с оружием в руках и с Богом в сердце, прошедшие фронтовыми дорогами свой путь к храму.

ISBN 978-5-699-69986-5

9 785699 699865 >

ЭКСМО

